

Белорусский национальный технический университет
Факультет технологий управления и гуманитаризации
Кафедра «Экономика и право»

Государственный таможенный комитет Республики Беларусь
Государственный институт повышения квалификации
и переподготовки кадров таможенных органов
Республики Беларусь

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СЕГОДНЯ

Сборник научных статей
Основан в 2013 году

Выпуск 8

Минск
БНТУ
2018

**Редакционная
коллегия**

Солодовников С. Ю., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, председатель редакционной коллегии, Республика Беларусь;

Ананьева В. Н., кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента спорта Белорусского государственного университета физической культуры, Республика Беларусь;

Байнёв В. Ф., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой инновационного менеджмента Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Басалай И. А., кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Экология» Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Богатырёва В. В., доктор экономических наук, профессор, проректор Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Республика Беларусь;

Давыденко Е. Л., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Данильченко А. В., доктор экономических наук, профессор, декан факультета маркетинга, менеджмента и предпринимательства Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Дроздов Г. Д., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры МОБиЖКН факультета сервиса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Российская Федерация;

Кологривко А. А., кандидат технических наук, доцент, начальник управления подготовки научных кадров высшей квалификации Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Курегян С. В., доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета, Республика Беларусь;

Лемещенко П. С., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и институциональной экономики Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Лученок А. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь;

Макаров В. М., доктор экономических наук, профессор, профессор Высшей школы управления и бизнеса Института промышленного менеджмента, экономики и торговли ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого», Российская Федерация;

Медведев В. Ф., доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий сектором мировой экономики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, Республика Беларусь;

Морова А. П., доктор экономических наук, профессор, член Президиума ВАК Республики Беларусь, Республика Беларусь;

Никитенко П. Г., доктор экономических наук, профессор, академик Национальной академии наук Беларуси, советник НАН Беларуси, Республика Беларусь;

Симченко Н. А., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;

Пастухов А. Л., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Северо-Западный институт управления, Российская Федерация;

Фаузер В. В., доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела социально-экономических проблем, заведующий лабораторией демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация;

Хацкевич Г. А., доктор экономических наук, профессор, декан факультета бизнеса Института бизнеса Белорусского государственного университета, Республика Беларусь;

Цёхла С. Ю., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента предпринимательской деятельности Института экономики и управления ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»;

Шебеко К. К., доктор экономических наук, профессор, ректор Полесского государственного университета, Республика Беларусь;

Чижович В., Ph. D., профессор, профессор кафедры административного и финансового права предприятий Варшавской школы экономики, Республика Польша.

**Адрес
редакции:**

Белорусский национальный технический университет, пр. Независимости, 65, корп. 1, каб. 327, 220013, г. Минск, Республика Беларусь

Решением ВАК Республики Беларусь сборник научных статей «Экономическая наука сегодня» включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований» (приказ от 22.04.2015 г. № 100).

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Васюченко, Л. П. Методологические проблемы модернизации в Республике Беларусь (к 50-летию научной школы в области исследования модернизации экономики).....	5
Солодовников, С. Ю. Экономика рисков.....	16
Курегян, С. В. Новое в предмете экономической теории.....	56
Данильченко, А. В., Харитонович, С. А. Экономика знаний как этап развития постиндустриального общества	63
Serhiyevich, T. V. Fashion industry development and sustainable development: different directed vectors	74
Мелешко, Ю. В. Индустрия 4.0 – новая промышленная политика Германии: теоретическая основа и практические результаты	80
Чарина, А. М., Рыбка, Д. П., Бошно, Ю. В. Инновационный менеджмент как социальный феномен: попытка теоретико-методологического осмысления.....	94
Курегян, С. В., Елкина, О. С. Елкин, С. Е. Инновационная экономика и экономика знаний	100

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Ананьева, В. Н. Методическое обеспечение анализа и оценки эффективности таможенной деятельности.....	108
Бахматова, Е. И. Развитие организационно-экономического механизма управления формированием кластерно-сетевой среды в сфере использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь.....	118
Голубова, О. С. Показатели экономической эффективности строительных работ	130
Диковицкая, Д. В. Методы количественной оценки распределительных процессов в цепях поставок	139
Куган, С. Ф. Реализация межрегиональных связей через управление логистической инфраструктурой	148
Лученок, А. И., Моторина, О. И. Реформирование институтов в рамках интеграционного объединения: теория и практика для Беларуси	155
Мелешко, Ю. В. Актуальные тенденции развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь в контексте терциализации промышленности	166

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ананьева, В. Н. Теоретические подходы к определению сущности таможенного регулирования	180
Гусинец, Е. В. Особенности потребительских предпочтений жителей г. Гомеля в выборе физкультурно-оздоровительных услуг.....	194
Пастухов, А. Л., Мелешко, Ю. В. Комплексная безопасность: подходы к методологии индикативного анализа.....	204
Сорвилов, Б. В., Зенькова, Л. П. Становление человекоориентированного и социального государства в Республике Беларусь и странах ЕАЭС: проблемы и перспективы развития	213

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Гурский, В. Л. Сравнительный анализ моделей промышленных политик государств-членов ЕАЭС на основе критериев их целевой результативности	229
Западнюк, Е. А., Мбакпуо Д. О. Проблемы трансформации экономики африканских стран в условиях реформирования и глобализации	245
Солодовников, С. Ю. Особенности реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции и развитие реального сектора экономики: на примере Беларуси и Армении	253

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

Бахматова, Е. И. Сравнительное исследование методического инструментария идентификации кластеров в Республике Беларусь и за рубежом	266
Григорьева, Н. А. Каталог мероприятий как инструмент повышения энергоэффективности жилых зданий	280
Игнатюк, А. С. Сокращение рабочей недели как фактор эффективности использования трудовых ресурсов	287
Карнейчик, В. В. Особенности определения социальной эффективности функционирования объектов спортивной инфраструктуры	298
Повод, И. Н. Использование монопольной ренты в качестве основы для формирования бюджета ЕАЭС	307
Самаль, Н. К. Методика расчета показателей сметной стоимости строительства функциональных групп помещений	315
Тымуль, Е. И. Специфика бизнес-процессов для предприятий энергетики	322
Хмель, Е. В. Особенности расчета себестоимости воды для сельскохозяйственных организаций	329
Памятка авторам статей для подачи в редакцию сборника научных статей «Экономическая наука сегодня»	340

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.1

ББК 65.01

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ
БЕЛАРУСЬ (К 50-ЛЕТИЮ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ
МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ)**

Л. П. ВАСЮЧЕНОК

vlp2010@tut.by

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Методологические основы объединения усилий ученых, деловых кругов и государственных деятелей в интенсификации модернизации в стране нуждаются в широкой дискуссии и творческом развитии. В качестве методологической базы модернизации в республике коллектив ученых, представленный сегодня научной школой в области исследования модернизации экономики, предлагает субъектный подход как платформу разработки преобразований в республике. Интеллектуальный потенциал школы, созданный напряженным трудом многих поколений белорусских ученых, может служить решению насущных и перспективных проблем развития экономики и общества.

Ключевые слова: модернизация, научная школа, субъектный подход, стоимость, жизненность, экономическая система, структура экономической системы, интересы субъектов, социально-классовая организация, социальный капитал, методология преобразований.

**METHODOLOGICAL PROBLEMS OF MODERNIZATION IN THE REPUBLIC
OF BELARUS (TO THE 50TH ANNIVERSARY OF THE SCIENTIFIC SCHOOL
IN THE FIELD OF THE ECONOMY MODERNIZATION RESEARCH)**

L. P. VASIUCHONAK

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics and Law,
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The methodological basis for cooperation of the efforts of scientists, business circles and statesmen in the intensification of modernization in Belarus needs a broad discussion and creative development. As a methodological basis for modernization in the republic, a team of scientists, represented today by the scientific school in the field of the economy modernization research, offers a subject approach as a platform for the development of transformations in the republic. The intellectual potential of the school, created by the hard work of many generations of Belarusian scientists, can serve the solution of vital and perspective problems of economic and social development.

Key words: modernization, scientific school, subject approach, value, vitality, economic system, structure of economic system, interests of subjects, social class organization, social capital, methodology of transformation.

ВВЕДЕНИЕ

Модернизация признана основным приоритетом развития в нашей стране. Как отмечала еще в 2013 году доктор экономических наук, профессор Э. А. Лутохина, «никто уже не спорит о ее необходимости и неизбежности. Более того, модернизация уже идет» [1, с. 41]. Несмотря на все сложности, барьеры и препятствия на пути модернизации, руководители страны подчеркивают верность избранному курсу и отмечают успехи модернизированных отраслей национальной экономики (автомобилестроение, металлургия, нефтехимия, деревообработка и легкая промышленность), считая их основными источниками роста в 2017 году [2]. И действительно, валовая добавленная стоимость промышленности в 2017 году росла темпами, превышающими рост ВВП в экономике в целом, высоки в промышленности темпы роста инвестиций в основной капитал и темпы роста экспорта – 110,3 % и 125,8 % соответственно [3, с. 25]. Выросла годность основных производственных фондов, сократилась численность персонала, на 7,07 % повысилась производительность труда и на 9,2 % – заработная плата [3, с. 26].

Тем не менее активные дискуссии вокруг модернизации продолжаются в научной среде и в сфере государственного управления, о чем свидетельствует, например, количество публикаций, программных документов, совещаний и поручений, посвященных модернизации. На необходимость совершенствования различных аспектов модернизационных мероприятий, проводимых в республике, указывали многие исследователи и управленцы, в том числе и автор данной статьи. Основательный анализ проблемы представлен в работах В. Н. Шимова и Л. М. Крюкова, например, в статье «Модернизация экономики Беларуси: состояние, проблемы, направления развития». Основными недостатками проводимой модернизации авторы статьи совершенно оправданно считают узость целей, технократизм, отсутствие системного подхода, игнорирование программно-целевых методов реализации масштабных преобразований. Подчеркивая, что «модернизация – это системный процесс целевых изменений, приближающих страну, общество, государство и их подсистемы к перспективному облику, отвечающему на все современные базовые ценности, требования и вызовы глобализации – нынешнего этапа развития цивилизации», авторы совершенно правомерно задают вопрос – «какими должны быть перспективная стратегия модернизации экономики Беларуси, ее концепция, основные компоненты, принципы функционирования, стратегические и тактические цели и задачи, основные направления и механизмы их реализации?» И нельзя не согласиться с ними в том, что «полный ответ на этот вопрос дадут разработчики национальной модели (*модернизации* – Л. В.) в составе научных сил НИИ, вузов, предприятий, госструктур» [4, с. 14]. И если о методической базе и организационных принципах разработки национальной модели модернизации в Беларуси сказано достаточно много и содержательно, то методологические основы объединения усилий ученых, деловых кругов и государственных деятелей в интенсификации модернизации в стране нуждаются в широкой дискуссии и творческом развитии. В качестве методологической базы модернизации в республике коллектив ученых, представленный сегодня научной школой в области исследования модернизации экономики, предлагает субъектный подход как платформу разработки методологии преобразований в республике. Интеллектуальный потенциал школы, созданный напряженным трудом многих поколений белорусских ученых, представляет собой производительную силу, достаточную для решения этой сложной задачи.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Основателем школы коллектив исследователей считает Г. Т. Ковалевского, который в 50-70-е годы XX века провел фундаментальный анализ сущности стоимости в условиях социализма. Ковалевский Георгий Тихонович (кандидат экономических наук, профессор, директор Института экономики АН БССР) настойчиво и последовательно отстаивал идею имманентности товарно-денежных отношений социализму. В условиях жестких политических, идеологических, методологических ограничений ему удалось убедительно аргументировать действие закона стоимости при социализме. И главной причиной необходимости эквивалентного обмена продуктами при социализме Г. Т. Ковалевский считал человека. Выстраивая логику исследования от исходного отношения социализма в виде общественной принадлежности средств производства к основному отношению как способу их соединения с непосредственным производителем на основе принципа присвоения по труду, он писал: «В условиях равенства всех членов общества в отношении к средствам производства различия в личном присвоении производимых благ целиком и полностью определяются различиями личного фактора производства – людей. По отношению к общественному производству люди различаются как по способностям и участию в труде, так и по своим потребностям» [5, с. 58]. Из парадигмы, как мы сказали бы сегодня, дифференциации индивидов следует положение об экономической обособленности предприятий. «В современных условиях всестороннего общественного разделения труда, применения сложной техники и технологии производство может осуществляться только усилиями значительных коллективов. Поэтому учет и признание трудовых затрат отдельных членов общества возможны как составной элемент затрат труда коллектива. Вследствие этого коллектив социалистического предприятия обособляется как экономическая ячейка и становится самостоятельным субъектом социалистических производственных отношений» [5, с. 65]. В свою очередь, «необходимым условием правильного определения результатов производственной деятельности предприятий является обеспечение эквивалентности в обмене. Только в обмене, при котором происходит эквивалентное замещение одного продукта известным количеством другого, становится возможным общественное признание и учет трудовых затрат социалистических предприятий» [5, с. 67–68]. И стоимость, по мнению автора, является более эффективной формой общественного признания индивидуальных и коллективных затрат труда, чем рабочее время, так как универсальна и эластична, может отделяться от продукта труда, иметь самостоятельное движение.

Субъектный методологический подход требует мыслить и системно, и прагматически. Анализ экономических отношений социализма как взаимодействия субъектов с разными интересами выводил исследование к понятию абстрактной эквивалентности – стоимости, а стоимость, в свою очередь, как всеобщая и универсальная категория предполагала рассмотрение экономической жизни как системы. Несовпадение жизни (бытия) и системы стимулировали непрерывную разработку практических рекомендаций по обеспечению сбалансированности системы. На первый взгляд представляется, что приведенная выше очень небольшая часть суждений Г. Т. Ковалевского о сущности экономических отношений – только история и теория. Но работы Г. Т. Ковалевского, его единомышленников и учеников были направлены на решение практических задач – например, на поиск единой для всех отраслей народного хозяйства формулы цены, включающей волюнтаризм работников органов ценообразования (Г. Т. Ковалевский); на использование заработной платы для измерения общественно необходимых затрат живого труда на предприятии (Э. А. Лутохина); на определение трудовой основы той

части стоимости, которая направляется на развитие производственных фондов предприятия (В. Ф. Торшин), на методику дифференциации цен в сельском хозяйстве, призванную исключить образование дифференциальной ренты (И. В. Борисевич, П. Г. Лютко). И корреляционные модели для расчета цен, разработанные этой группой исследователей [5, с. 392], удивительно схожи с признанными сегодня методами построения цены как суммы предельных издержек производства и альтернативных издержек использования [6, с. 36].

В 80-е годы XX века сторонники субъектного подхода в белорусской экономической науке под руководством Н. В. Герасимова (доктор экономических наук, зав. отделом закономерностей развития экономических отношений Института экономики АН БССР) совершили подлинный прорыв в познании экономической жизни общества. Основные идеи изложены в двух программных трудах – посмертной монографии Герасимова Николая Васильевича «Экономическая система: генезис, структура, развитие» [7] и в коллективной монографии его последователей и учеников «Характер, структура и факторы формирования экономических отношений» [8]. Н. В. Герасимовым была создана новая, оригинальная, с грандиозным эвристическим потенциалом теория развития экономики и общества. Рассматривая экономическую систему как часть общественно-экономической формации – специфического социального способа жизни людей, Н. В. Герасимов построил логику исследования на человеке, общественном индивиде. В его трактовке человек и общество органически взаимосвязаны, но «будучи субъектом общественных отношений, элементом общества как системы, индивид, однако не тождественен этой системе и его роль не сводится только к тому, чтобы быть средством для общества. Индивид относительно автономен, и его бытие не подлежит полному осоциализованию, оно имеет не только системный, но и специфический индивидуальный характер, не отчуждаемый во вне» [7, с. 7]. Индивид обладает собственной внутренней активностью и выступает не только определяемым элементом общества, но и стороной, оказывающей на общество существенное влияние. Из трактовки индивидов и их ассоциаций в качестве источников развития общества и экономики следовало, что для воспроизводства их жизни только материального производства не достаточно. Люди нуждаются также в духовном производстве, в производстве и воспитании себе подобных (сфере производства общественного человека), в социальном производстве (деятельности по поддержанию человеческой общности).

Субъектный подход в трактовке Н. В. Герасимова предполагал ориентацию всех отношений на обеспечение жизненности общества и субъектов, входящих в него [7, с. 31]. Все отношения в экосистеме рассматривались как модификация этого отношения и группировались в три класса – межпредметные, субъект-предметные и межсубъектные, которые в свою очередь делились на четыре подкласса: на политические и неполитические, внутренние и внешние, нормативные и реально функционирующие, экономико-идеологические и практические [7, с. 37]. С точки зрения общего содержания отношения классифицируются на исходные родовые, к которым в соответствии с субъектным подходом относятся потребности и интересы людей и их общностей, и производные родовые, из которых, следуя естественному кругообороту экономической жизни, были выделены отношения собственности, трудовые, потребительские и отношения по поводу общественно-экономической значимости субъектов в экосистеме [7, с. 45]. Разработанная классификация отношений имеет отнюдь не академическое значение. Она является исключительно острым инструментом анализа экономической жизни и доказала свою методологическую эффективность в исследованиях самого Н. В. Герасимова и его единомышленников.

Основательная проработка содержания широко понимаемых отношений собственности, трудовых, потребительских отношений и отношений экономической власти

позволила сформулировать четкие представления о целях и принципах общественного развития, обеспечивающих повышение жизненности общества не только в конкретно-исторических условиях конца XX века. Н. В. Герасимов видел эти цели в отсутствии классово-организованной эксплуатации человека человеком, в росте благосостояния, гармоничном развитии и применении способностей всех членов общества, в утверждении единства и позитивных отношений между людьми [7, с. 264], как мы сказали бы сегодня, в наращивании материального, человеческого и социального капитала общества. Принципами экономических отношений, повышающих жизненность экосистемы, он считал всеобщность труда, равенство возможностей для развития способностей, распределение условий труда в соответствии со способностями субъектов, труд в полную меру способностей, присвоение по результатам труда и в соответствии с затратами на удовлетворение общественно значимых производственных и личных нужд, равенство гражданских прав и обязанностей, неотчуждаемость исходной власти от каждого члена общества и самостоятельность осуществления ее.

Исключительно злободневно звучат сегодня и практические предложения Н. В. Герасимова по совершенствованию хозяйственной жизни общества. Главным условием успешных преобразований в соответствии с логикой субъектного подхода и разработанной классификацией отношений он считал идеологическое обеспечение реформ. «Без развитого общественного сознания, без ясного понимания того, что, как, почему и для чего делать, реформация хозяйственного механизма невозможна. Новаторские начинания тормозятся, сталкиваясь с непросвещенным общественным сознанием. Поэтому необходима концептуально завершенная научная идеология реформы, которая стала бы достоянием масс» [7, с. 282]. Конкретные мероприятия касаются, прежде всего, очистки экономической системы от деструктивных элементов, состоящей в выявлении и нейтрализации субъектов с криминальными доходами [7, с. 283]. Необходима макроэкономическая стабилизация, реформа отношений собственности – дополнение государственной собственности персонифицированной долевой собственностью широкого круга субъектов экономической деятельности [7, с. 284], реформа предприятий с преобразованием государственных в акционерные, реформа государственного управления с устранением параллелизма и дублирования функций. «Основной организационной формой в народном хозяйстве должны стать различные межотраслевые и отраслевые объединения, создаваемые в меру технологической, коммерческой и финансовой необходимости (тресты, фирмы, комбинаты, корпорации и т. п.), развитие которых в настоящее время сдерживается министерствами, отсутствием достаточных внутренних стимулов и внешней экономической необходимости к прогрессу» [7, с. 285]. Экономические взаимоотношения в цепи инноваций должны строиться на острой заинтересованности производителей в НТП, на высоком статусе ученых, инженеров, квалифицированных рабочих, на собственности ученых на продукты своего труда [7, с. 288]. Преодоление монополизма, развитие конкуренции и товарно-денежных отношений, развитие рынка труда, реформирование системы подготовки рабочей силы с упором на повышение качества, решительные изменения в укладе труда (санкции за недобросовестное отношение к труду, шестидневная рабочая неделя, повышение сменности работы, дифференциация продолжительности рабочего дня) – обязательные условия успешности перемен. Особенно настаивал Николай Васильевич на том, что все преобразования возможны только на базе эффективного труда, «без этого демонтаж административно-командной системы преждевременен, ибо чреват развалом экономики» [7, с. 287].

Очень важную роль в сохранении и развитии школы после безвременной кончины Н. В. Герасимова сыграла А. П. Морова (доктор экономических наук, зав. отделом закономерностей развития экономических отношений Института экономики АН Беларуси,

Министр труда и социальной защиты Республики Беларусь, Член Совета Республики, Член Президиума ВАК Республики Беларусь). Ее усилиями были изданы последние работы Н. В. Герасимова, успешно защитили диссертации и активно публиковались его ученики. Проведенное Антониной Петровной уникальное исследование содержания, структуры и характера трудовых отношений [8, с. 5–51] может и сегодня служить основой для решения острых проблем в трудовой сфере, к которым автор относит не низкую производительность труда или слабую трудовую дисциплину, а весь комплекс явлений, отражающий деградацию трудовых ценностей. Субъектный подход послужил методологической основой для разработки А. П. Моровой стратегии перехода к рыночной модели социальной политики в Республике Беларусь, лейтмотивом которой является повышение экономической эффективности социальной сферы. Действие базовых экономических принципов было распространено ею на деятельность, которую раньше рассматривали как неэкономическую [9].

Основные идеи и методологические подходы Н. В. Герасимова развивались, конкретизировались, дополнялись в работах Л. П. Васюченко, посвященных анализу классовых интересов субъектов как родовых экономических отношений [8; 10; 11], Е. К. Медведева, представившего отношения собственности пучком полномочий, которые должны быть распределены среди широкого круга субъектов [12], В. Н. Усоского, последовательно отстаивавшего предпочтительность спонтанной рыночной координации деятельности субъектов [8; 13], А. Л. Подгайского, исследовавшего взаимообусловленность политических институтов и экономической системы общества, многоукладность как основу ее жизненности [8; 14].

Общность научных интересов современных представителей школы, которая в настоящее время зарегистрирована в Белорусском национальном техническом университете как научная школа в области исследования модернизации экономики, достигается широтой постановки исследуемых проблем при традиционном методологическом единстве, их актуальностью и соответствием мировым тенденциям развития экономической науки, координирующей ролью научного лидера, которая сейчас принадлежит С. Ю. Солодовникову (доктор экономических наук, зав. отделом Института экономики НАН Беларуси, зав. кафедрой «Экономика и право» БНТУ). Сергею Юрьевичу при помощи субъектного подхода и созданной Н. В. Герасимовым классификации отношений удалось расколоть идеологический монолит социально-классовой структуры советского общества, представляемый как союз рабочего класса и колхозного крестьянства с интеллигенцией в виде прослойки [15]. Создав авторскую модель экономической обусловленности социально-классовой организации общества, которая определяет социальный статус человека его местом в системе трудовых отношений во взаимосвязи с системами отношений собственности, власти, потребностей, способностей и интересов, С. Ю. Солодовников доказал несостоятельность идеи о снижении степени социальной дифференциации в современном обществе [16]. Им был введен в научный оборот ряд новых категорий, таких как социально-классовая группа, дистрахо-класс (класс в стадии его распада), маргинальная (пограничная) социально-классовая группа; синкретичный класс (зарождающийся класс), социально-классовая группировка и другие, которые показали реальные социально-классовые отношения и процессы классобразования не только в статике, но и в динамике. Категория «социально-классовая группировка, представляющая собой временное объединение социальных классов и социально-классовых групп с целью совместной борьбы за оптимизацию условий реализации своих социально-экономических интересов» [17, с. 44], позволила идентифицировать непосредственного драйвера социально-экономических преобразований в обществе.

С. Ю. Солодовников разработал теорию социального капитала Республики Беларусь. Под социальным капиталом им понимается сумма выгод субъектов от информационного обмена в рамках определенной социальной группы. Особенность социального капитала состоит в том, что его количество в обществе не равно сумме социальных капиталов субъектов. Существуют проявления социального капитала только на уровне всего общества. Но главное – социальный капитал может использоваться разными группами субъектов не только на благо всего общества, но и с целью повышения своей жизнеспособности за счет других субъектов. В социальных системах с высокой степенью дифференциации и классовыми антагонизмами это ведет к применению социального капитала преимущественно для классовой борьбы, что снижает созидательное действие социального капитала на уровне общества, на уровне групп, тормозит развитие национальной экономической системы [18]. «Экономический рост будет иметь место лишь тогда, когда становятся неотъемлемой частью жизни общества нормы, правила, традиции, социальные сети, складывающиеся на протяжении длительного времени, отношения собственности стабильны, законодательство строго исполняется, происходит пресечение проявлений негативного социального капитала. В связи с этим совершенствование белорусского национального социального капитала должно происходить по трем основным уровням хозяйствования: на микроуровне (семьи и фирмы (предприятия), межфирменного взаимодействия), мезоуровне (между социально-экономическими субъектами, взаимодействующими в рамках различных региональных формирований) и макроуровне (формирование положительного образа страны, укрепление конкурентных позиций на мировых рынках). Таким образом, необходимы целенаправленные усилия фактически всех структур белорусского общества» [19, с. 37.]

Новое поколение белорусских ученых, принявших субъектный подход в качестве основной методологии экономических исследований, применяет его к анализу проблем, находящихся на переднем крае экономической науки. Ю. В. Мелешко (кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и право» БНТУ) исследует проблемы развития услуг промышленного характера. Благодаря отказу от теоретического противопоставления промышленного производства и сферы услуг ей удалось доказать, что для ускоренной технико-технологической модернизации промышленного комплекса необходимо опережающее развитие услуг промышленного характера [20]. Т. В. Сергиевич (доцент кафедры «Экономика и право» БНТУ) анализирует очень перспективную сферу производства и потребления знаковых благ, которой в белорусской, да и в мировой науке уделяется незаслуженно мало внимания [21]. Е. И. Бахматова (ст. преподаватель кафедры «Экономика и право» БНТУ) разрабатывает механизм становления передовой индустрии нового поколения, способной производить сложные индивидуализированные продукты и успешно встраиваться в глобальные цепочки создания стоимости, в виде устойчиво функционирующей сверх динамичной кластерно-сетевой бизнес-среды непрерывных усовершенствований [22]. Т. В. Кузьмицкая (ст. преподаватель кафедры «Экономика и право» БНТУ) продолжает традицию пристального внимания школы к труду и трудовым отношениям [23]. О. М. Мазуренко (аспирант кафедры «Экономика и право» БНТУ) ищет пути развития экономики на основе истинных норм инвестиций, рассматривая экологические издержки как потенциальный источник роста [24]. Много и плодотворно работают в науке, образовании, производстве, государственном управлении другие представители школы, к сожалению, не упомянутые в данной статье.

ВЫВОДЫ

Модернизация по определению есть развитие с заранее планируемым результатом, с сознательно прогнозируемым финалом, с отчетливо артикулируемой конечной целью [25]. Идея модернизации (перехода к современности) возникает в ситуации, вызванной сознанием «несовременности», «отсталости» своей страны по сравнению с другими. Обычно сознание это, как отмечает известный российский философ В. М. Межуев, не массовое: им проникается не народ, живущий в сложившихся условиях, вне деления жизни на современную или несовременную, а образованная и просвещенная элита, обладающая более широким кругозором и способностью сравнивать разные миры. Свою общественную миссию элита видит в том, чтобы внедрить заимствованную извне новую идентичность в сознание и поведение масс. Парадокс белорусской модернизации заключается в том, что субъектом модернизации выступает скорее население, чем элита. Благодаря открытости экономики именно население гораздо более остро ощущает «несовременность» существующего социально-экономического порядка и его издержки. Данное обстоятельство влияет на отчетливость артикуляции конечной цели модернизации, на продуманность и эффективность шагов к планируемому результату, на глубину и интенсивность преобразований. Поэтому положение Н. В. Герасимова о необходимости концептуально завершенной научной идеологии модернизации, которая стала бы достоянием и масс и элиты, – первое обязательное условие повышения эффективности преобразований, вытекающее из субъектного подхода. Вторым обязательным условием является расширение социальной базы модернизации за счет субъектов с продукционными интересами. Для всех, кто готов много и эффективно трудиться в разных сферах общественной жизни – в производстве продуктов, в духовном производстве, в государственном управлении и производстве общественного человека, для кого ценности труда – главные, должна быть разработана процедура участия в определении целей модернизации, механизмов ее осуществления и присвоения результатов. Третьим не менее важным условием успешности модернизации, вытекающим из субъектного подхода согласно исследованиям С. Ю. Солодовникова, является формирование социально-классовой группировки, которая примет на себя роль организатора и координатора совместных усилий, и без которой эффекты модернизации будут значительно меньше ожидаемых. Современные формы горизонтальных связей субъектов и распределенные механизмы координации способствуют выполнению этого условия с минимальными затратами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лутохина, Э. А. Модернизационный потенциал персонала: современная модель и задачи ее формирования / Э. А. Лутохина // Проблемы современной экономики. – 2013. – № 3 (47). – С. 41–44.
2. Белорусский вице-премьер считает, что основными драйверами роста национальной экономики станут модернизированные предприятия. [Электронный ресурс] // Sputnik Беларусь. – Режим доступа: <https://m.sputnik.by/economy/20180530/1035716886/se-mashko-belorusskaya-promyshlennost-vyshla-iz-recessii.html>. – Дата доступа: 10.09.2018
3. Промышленность Республики Беларусь. Статистический сборник. Минск, 2018. – 193 с.
4. Шимов, В. Н. Модернизация экономики Беларуси: состояние, проблемы, направления развития / В. Н. Шимов, Л. М. Крюков // Социология. – 2013. – № 3. – С. 4–21.
5. Стоимость в условиях социализма. – Мн., «Наука и техника», 1971. – 436 с.

6. Эндерс, А. Экономика природных ресурсов, 2-е изд. / А. Эндерс, И. Квернес. – СПб.: Питер, 2004. – 256 с.
7. Герасимов, Н. В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н. В. Герасимов ; Редкол.: Э. А. Лутохина и др.; АН БССР, Ин-т экономики. – Минск : Навука і тэхніка, 1991. – 349 с.
8. Характер, структуры и факторы формирования экономических отношений / Л. П. Васюченко, В. В. Гаврилюк, И. В. Забелова ; под ред. А. П. Моровой ; Академия наук Беларуси, Институт экономики. – Минск : Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.
9. Морова, А. П. Методология перехода к рыночной модели социальной политики в Республике Беларусь : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / А. П. Морова. – Мн., 2001.
10. Васюченко, Л. П. Баланс социально-экономических и социально-политических сил в Республике Беларусь / Л. П. Васюченко. – Минск: Право и экономика, 1995. – 30 с.
11. Васюченко, Л. П. Системная конфигурация белорусской экономической модели / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – 2014. – Вып. 2. – С. 66–79.
12. Медведев, Е. К. Категории теории собственности: (Очерки методологии) / Е. К. Медведев ; науч. ред. П. Г. Никитенко. – Минск : Нац. акад. наук Беларуси. Ин-т экономики, 2000. – 128 с.
13. Усоский, В. Н. Трансформация кредитно-денежных отношений в экономике Беларуси: теория и методология : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / В. Н. Усоский. – Минск, 2004. – 266, [9] л.
14. Подгайский, А. Л. Взаимодействие доминирующих и эксплоярных укладов как составляющая социально-экономической динамики / А. Л. Подгайский // Гуманітарна-эканамічны веснік. – 2008. – № 3. – С. 8–13.
15. Солодовников, С. Ю. Качественные различия в общественном разделении труда как предпосылка социально-классовой дифференциации социалистического общества / С. Ю. Солодовников // Известия АН Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 1989. – № 1.
16. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2014. – 379 с.
17. Солодовников, С. Ю. Категория «социальный класс» в контексте политико-экономического наследия П. А. Сорокина и Л. Н. Гумилева / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – 2014. – Вып. 2. – С. 24–50.
18. Солодовников, С. Ю. Социальный потенциал Республики Беларусь: теория, методология, практика / С. Ю. Солодовников. – Минск : Беларус. навука, 2009. – 303 с.
19. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как фактор экономического роста / С. Ю. Солодовников // Экономика и банки. – 2015. – № 1. – С. 32–41.
20. Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – 2017. – Вып. 7. – С. 64–78.
21. Сергиевич, Т. В. Мода как объект экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. науч. ст. / Ин-т бизнеса и менеджмента технологий Белорус. гос. ун-та. – Минск, 2017. – Вып. 1. – С. 170–179.
22. Бахматова, Е. И. Коммерческий потенциал инноваций на рынке сывороточных ингредиентов / Е. И. Бахматова // Проблемы модернизации экономики сквозь призму

экономических, правовых, социальных и инженерных подходов : сборник статей победителей Международного конкурса молодых ученых и студентов, Минск, 30 марта 2017 г. – Минск : БНТУ, 2017. – С. 4–16.

23. Кузьмицкая, Т. В. Динамика трудовых отношений в Республике Беларусь в условиях модернизации / Т. В. Кузьмицкая // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып.4. – С. 230–238.

24. Мазуренко, О. М. Эволюция географического детерминизма как предпосылка возникновения концепции устойчивого развития / О. М. Мазуренко // Вестник Иннопрома. Серия: Наука. Инновации. Производство – 2017. – № 1. – С. 59–70.

25. Межуев, В. М. Ценности современности в контексте модернизации и глобализации [Электронный ресурс] / В. М. Межуев // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». – 2009. – № 1. – Режим доступа: <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/> [архивировано в WebCite]. – Дата доступа: 14.09.2018.

REFERENCES

1. Lutohina, Eh. A. Modernizacionnyj potencial personala: sovremennaya model' I zadachi ee formirovaniya / Eh. A. Lutohina // Problemy sovremennoj ehkonomiki. – 2013. – № 3 (47). – S. 41–44.

2. Belorusskij vice-prem'er schitaet, chto osnovnymi drajverami rosta nacio-nal'noj ehkonomiki stanut modernizirovannye predpriyatiya. [Ehlektronnyj resurs] // Sputnik Belarus'. – Rezhim dostupa: <https://m.sputnik.by/economy/20180530/1035716886/semashko-belorusskaya-promyshlennost-vyshla-iz-recessii.html>. – Data dostupa: 10.09.2018

3. Promyshlennost' Respubliki Belarus'. Statisticheskij sbornik. Minsk, 2018. – 193 s.

4. Shimov, V. N. Modernizaciya ehkonomiki Belarusi: sostoyanie, problemy, napravleniya razvitiya / V. N. Shimov, L. M. Kryukov // Sociologiya. – 2013. – № 3. – S. 4–21.

5. Stoimost' v usloviyah socializma. – Mn., «Nauka i tekhnika», 1971. – 436 s.

6. Ehnders, A. Ehkonomika prirodnyh resursov, 2-e izd. / A. Ehnders, I. Kvernes. – SPb.: Piter, 2004. – 256 s.

7. Gerasimov, N. V. Ehkonomicheskaya sistema: genezis, struktura, razvitie / N. V. Gerasimov ; Redkol.: Eh. A. Lutohina i dr.; AN BSSR, In-t ehkonomiki. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1991. – 349 s.

8. Karakter, struktury i factory formirovaniya ehkonomicheskikh otnoshenij / L. P. Vasyuchenok, V. V. Gavrilyuk, I. V. Zabelova ; pod red. A. P. Morovoj ; Akademiya nauk Belarusi, Institut ehkonomiki. – Minsk : Navuka i tekhnika, 1992. – 191 s.

9. Morova, A. P. Metodologiya perekhoda k rynochnoj modeli social'noj politiki v Respublike Belarus' : dis. ... d-ra ehkon. nauk : 08.00.01 / A. P. Morova. – Mn., 2001.

10. Vasyuchenok, L. P. Balans social'no-ehkonomicheskikh i social'no-politicheskikh sil v Respublike Belarus' / L. P. Vasyuchenok. – Minsk: Pravo i ehkonomika, 1995. – 30 s.

11. Vasyuchenok, L. P. Sistemnaya konfiguraciya belorusskoj ehkonomicheskoy modeli / L. P. Vasyuchenok // EHkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – 2014. – Вып. 2. – S. 66–79.

12. Medvedev, E. K. Kategorii teorii sobstvennosti: (Ocherki metodologii) / E. K. Medvedev ; nauch. red. P. G. Nikitenko. – Minsk : Nac. akad. nauk Belarusi. In-t ehkonomiki, 2000. – 128 s.

13. Usoskij, V. N. Transformaciya kreditno-denezhnyh otnoshenij v ehkonomike Belarusi: teoriya i metodologiya : dis. ... d-ra ehkon. nauk : 08.00.01 / V. N. Usoskij. – Minsk, 2004. – 266, [9] l.

14. Podgajskij, A. L. Vzaimodejstvie dominiruyushchih i ehkspolyarnyh ukладov kak sostavlyayushchaya social'no-ehkonomicheskoy dinamiki / A. L. Podgajskij // Gumanitar-na-ehkanamichny vesnik. – 2008. – № 3. – S. 8–13.

15. Solodovnikov, S. Yu. Kachestvennye razlichiya v obshchestvennom razdelenii truda kak predposylka social'no-klassovoy differenciacii socialisticheskogo obshchestva / S. Yu. Solodovnikov // Izvestiya AN Belarusi. Seriya gumanitarnyh nauk. – 1989. – № 1.

16. Solodovnikov, S. Yu. Klassy i klassovaya bor'ba v postindustrial'nom obshchestve: metodologicheskie osnovy politiko-ehkonomicheskogo issledovaniya / S. Yu. Solodovnikov. – Minsk : BNTU, 2014. – 379 s.

17. Solodovnikov, S. Yu. Kategoriya «social'nyj klass» v kontekste politiko-ehkonomicheskogo naslediya P. A. Sorokina i L. N. Gumileva / S. Yu. Solodovnikov // Ehko-nomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – 2014. – Vyp. 2. – S. 24–50.

18. Solodovnikov, S. Yu. Social'nyj potencial Respubliki Belarus': teoriya, metodologiya, praktika / S. Yu. Solodovnikov. – Minsk : Belarus. navuka, 2009. – 303 s.

19. Solodovnikov, S. Yu. Social'nyj kapital kak faktor ehkonomicheskogo rosta / S. Yu. Solodovnikov // EHkonomika i banki. – 2015. – № 1. – S. 32–41.

20. Meleshko, Yu. V. Znachenie uslug promyshlennogo haraktera v povyshenii konkurentosposobnosti promyshlennyh predpriyatij (v kontekste chetvertoj promyshlennoj revolyucii) / Yu. V. Meleshko // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – 2017. – Vyp. 7. – S. 64–78.

21. Sergievich, T. V. Moda kak ob"ekt ehkonomicheskogo issledovaniya / T. V. Sergievich // Biznes. Innovacii. Ehkonomika : sb. nauch. st. / In-t biznesa i menedzhmenta tekhnologij Belarus. gos. un-ta. – Minsk, 2017. – Vyp. 1. – S. 170–179.

22. Bahmatova, E. I. Kommercheskij potencial innovacij na rynke syvorotochnyh ingredientov / E. I. Bahmatova // Problemy modernizacii ehkonomiki skvoz' prizmu ehkonomicheskikh, pravovyh, social'nyh i inzhenernyh podhodov : sbornik statej pobedi-telej Mezhdunarodnogo konkursa molodyh uchenyh i studentov, Minsk, 30 marta 2017 g. – Minsk : BNTU, 2017. – S. 4–16.

23. Kuz'mickaya, T. V. Dinamika trudovyh otnoshenij v Respublike Belarus' v usloviyah modernizacii / T. V. Kuz'mickaya // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2016. – Vyp.4. – S. 230–238.

24. Mazurenko, O. M. Ehvolyuciya geograficheskogo determinizma kak predposylka vzniknoveniya koncepcii ustojchivogo razvitiya / O. M. Mazurenko // Vestnik Innopro-ma. Seriya: Nauka. Innovacii. Proizvodstvo – 2017. – № 1. – S. 59–70.

25. Mezhuev, V. M. Cennosti sovremennosti v kontekste modernizacii i globalizacii [Ehlektronnyj resurs] / V. M. Mezhuev // Ehlektronnyj zhurnal «Znanie. Ponimanie. Umenie». – 2009. – № 1. – Rezhim dostupa: <http://zpu-journal.ru/e-zpu/2009/1/Mezhuev/>[arhivirovano v WebCite]. – Data dostupa: 14.09.2018.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2018 года.

УДК 330.342+330.11

ББК 65.011

ЭКОНОМИКА РИСКОВ

С. Ю. СОЛОДОВНИКОВ

solodovnicov_s@tut.by

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена теоретическому обоснованию новой социальной парадигмы – экономике рисков. Современный этап развития общества и экономики характеризуется критическим нарастанием финансовых, технико-технологических, политико-экономических, геоэкономических и других неопределенностей. Понять их онтологическую природу и раскрыть феноменологическую специфику нельзя без содержательного определения нынешней стадии развития экономической системы общества. В статье последовательно раскрыты характеристики современного общества, что позволило автору представить новый политико-экономический концепт, характеризующий современный этап развития общества и экономики, – экономику рисков. Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. Эти риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы и их возможные негативные последствия могут привести Человечество к глобальной катастрофе. Понимание природы экономики рисков критически важно для выработки действенных политико-экономических механизмов противостояния этим рискам.

Ключевые слова: экономическая теория, политическая экономия, постиндустриальное общество, риски, экономическая система общества, экономика рисков, рынок, экономический кризис, интересы, технологические инновации, глобальные финансы, общественно-функциональные технологии.

RISK ECONOMY

S. Yu. SOLODOVNICOV

Doctor in Economics, Professor, Head of the Department «Economics and Law»
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the theoretical substantiation of a new social paradigm – risk economy. The current stage of society development and the economy is characterized by a critical increase in financial, technological and technological, political and economic, geo-economic and other uncertainties. It is impossible to understand their ontological nature and reveal the phenomenological specificity without a meaningful definition of the current stage of development of the economic system of society. The article consistently revealed the characteristics of current society, which allowed the author to present a new political and economic concept that characterizes the current stage of development of society and the economy – the risk economy. The risk economy is an economy of high-tech and knowledge-intensive industries, characterized by the highest degree of political, economic, technological, financial and environmental uncertainties and risks. These risks are becoming comprehensive, many

of them are in principle unpredictable, and their possible negative consequences could lead Humanity to a global catastrophe. Understanding the nature of risk economics is critically important for developing effective political and economic mechanisms to counter these risks.

Keywords: economic theory, political economy, post-industrial society, risks, economic system of society, risk economy, market, economic crisis, interests, technological innovations, global finance, social-functional technologies.

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия в мире произошли радикальные технологические изменения, по своему влиянию на эволюцию человечества сопоставимые только с неолитической революцией. Глобальная социально-технологическая революция, свидетелями и участниками которой мы все являемся, по своему значению и последствиям затмевает те лежащие на поверхности проблемы и вызовы, с которыми столкнулось сегодня человечество, страны и народы.

Действительно, в современном мире нарушено геополитическое и политико-экономическое равновесие, сформировался однополярный мир и усиливается борьба за все виды ресурсов. Человечество быстро входит в новую эпоху, содержательно охарактеризовать которую современная экономическая наука оказалась не в состоянии. Сказать, что последняя находится сегодня в гносеологическом кризисе, – не сказать ничего! Ж. Бодрийяр категорически заявляет: «политическая экономия кончается на наших глазах, превращаясь в трансэкономику спекуляции, которая забавляется своей собственной логикой – закон стоимости, законы рынка, производство, прибавочная стоимость, классическая логика капитала, но которая не несет в себе более ничего экономического или политического. Это – чистая игра с изменчивыми и произвольными правилами, катастрофическая игра» [1, с. 53].

По существу, сегодня правомерно говорить о гносеологической катастрофе Экономической науки, которая оказалась неспособной содержательно ответить на два главных фундаментальных вопроса политической экономии: в какой экономической системе человечество сегодня живет и какие интересы ее детерминируют? Только после ответа на эти вопросы по существу можно объективно (политически не ангажировано) отвечать на такие частные вопросы как, например: Выживет ли человечество в XXI веке? Можно ли в условиях постоянного роста населения реализовать концепцию устойчивого развития? Насколько близка Объединенная Европа к социальной катастрофе? Не правда ли, нам, современным экономистам, странно читать такое, ведь намного привычней исследовать макроэкономическую динамику, хеджирование валютных рисков, венчурное финансирование и т. д. Безусловно, все это можно и надо делать и это приносит (или может принести) сегодня вполне ощутимую пользу. Но если мы, экономисты, занимаемся этим, не ответив на важнейшие фундаментальные вопросы политической экономии, то вполне можем оказаться в анекдотичной ситуации, когда, уподобившись, например, врачу-дерматологу (который всю медицину сводит исключительно к изучению физиологических функций и строения, а также заболеваний, актуальных для кожи, волос, ногтей, сальных и потовых желез), который, оказавшись на месте страшной автомобильной катастрофы, оценивает не травмы пострадавших, а состояние их кожи, волос, сальных и потовых желез. К счастью для всех нас таких врачей в жизни не бывает, но к несчастью для человечества таких экономистов подавляющее большинство. Почему так получилось? У нас есть свой, далеко не самый приятный для заинтересованного читателя ответ на этот вопрос, но начнем по порядку.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Экономическая наука как идеологическая доктрина

Экономическая наука традиционно на протяжении многих десятилетий была и продолжает оставаться идеологической доктриной. При этом экономический текст всегда представляет собой кодированный информационный продукт.

Ум. Эко писал: «Текст – это ленивый механизм, который требует, чтобы читатель выполнил часть работы за него. Иными словами, текст есть приспособление, созданное, чтобы спровоцировать как можно большее количество толкований» [2, с. 51]. Восприятие, а, соответственно, и интерпретация любого текста напрямую зависят от характеристик самого текста и от подготовленности (компетенции) читателя. Это свойство распространяется на любые тексты. Если же речь идет о тексте экономическом – научном, публицистическом или аналитическом, – то в нем обязательно будет несколько уровней кодирования. Казалось бы, это достаточно очевидно: если интеллектуальный и культурный уровень читателя значительно ниже, чем уровень текста, то он его поймет по-своему. Упомянутый выше Ум. Эко, отмечал по этому поводу, что «двойное кодирование – не аристократическая придурь, а способ проявить движение к доброй воле и умственным способностям читателя» [2, с. 57]. В отличие от большинства других (в том числе и научных) текстов в научных и научно-популярных экономических текстах достаточно часто присутствует тройное кодирование. Последнее обстоятельство многократно усложняет определение границ допустимых интерпретаций этих текстов. Остановимся на этом подробнее.

Двойное кодирование присутствует в любом хорошем тексте, в том числе и в художественной литературе. Например, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» есть две системы кодов. Поверхностный (событийный), описывающий последовательность тех или иных действий литературных персонажей, а также те события, при которых они присутствуют. Читая этот роман, подавляющее большинство школьников обращает внимание только на эти события, причем не на все. Несмотря на все старания учителей по русской литературе, безусловно, людей творческих, очень эрудированных и добросовестных большинство школьников по-своему в принципе не могут (да и не хотят) понять второй уровень кодирования этого романа – философию жизни Л. Н. Толстого. Им, девушкам и юношам, не достает не только энциклопедических исторических знаний (эпоха конца XVIII – начала XIX века в школе кажется очень простой и однозначной), но прежде всего жизненного опыта, опыта борьбы и горьких, невосполнимых потерь.

В качестве примера двойного кодирования можно также рассмотреть механику Ис. Ньютона, которая на первом уровне кодирования, раскрывая известные нам всем со школы законы физики, значительно облегчила создание многих машин, механизмов и зданий. На втором уровне кодирования просматривается лапласовский детерминизм, уподобляющий социальные процессы процессам механическим и тем самым упрощая до невероятия, выхолащивая сущность общественных отношений.

Тройное кодирование экономических текстов возникает по множеству причин, перечислять которые в рамках этого текста нет необходимости. Отметим только, что в качестве примера одной такой причины можно привести существование большого количества частных экономических наук, которые отличаются абстрагированием от огромного количества факторов, что является результатом чрезмерного увлечения экономико-математическими моделями. Для того чтобы переложить живой хозяйственный процесс на язык математики, приходится игнорировать неполную рациональность экономического поведения индивидов, неравномерное распределение информации

между участниками рынка, изменчивость их субъективных оценок, что серьезно влияет на неустойчивость рыночных цен. П. Б. Струве писал по этому поводу: «Поскольку математическое направление политической экономии ударило в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения» [3, с. 45].

Выделение частных экономических наук теоретически и практически оправдано, поскольку этот процесс отражает усиление разделения и кооперации научного труда в экономической науке. Но это разделение остается правомерным и приносит очевидную выгоду лишь до тех пор, пока выводы частных экономических наук не пытаются расширить за пределы их предмета и объекта. Вопрос заключается не в том, являются ли эти выводы логически возможными, а в том, до какой степени они соответствуют сущности экономических явлений.

Рассмотрим тройное кодирование экономических текстов на примере книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и порожденной ею науки макроэкономики. Сегодня существует фантастическое обилие мифологизированных экономических явлений, каждое из которых заслуживает если не отдельной книги, то статьи уж точно. Например: рынок и демократия (наиболее близкое по смыслу сочетание – слон и трепетная лань), международный трансферт новейших технологий (ну а это сродни веры в деда мороза) и т. д. Список этих экономических мифов невозможно закончить, т. к. в современной эпохе, эпохе «вселенского обмана» (Ж. Бодрийяр [1] и Ч. С. Кирвель [4]) эти мифы будут плодиться до бесконечности. Итак, мифологизированных экономических явлений и текстов множество. Но нами рассматривается работа Дж. Кейнса. Почему? Да потому, что, во-первых, эта книга являет собой начало нового периода в экономической науке, во-вторых, практически любой экономист о ней слышал, в-третьих, на Дж. Кейнса часто ссылаются для подтверждения своих умозаключений и, в-четвертых, очень немногие читали книгу целиком, и еще меньшее количество ее прочитавших соотносили ее с историческим контекстом, ей предшествующим, и идеологией ее автора. А последнее архи важно для ее понимания.

Сегодня любой студент независимо от того, какую специальность он получает, сталкивается в процессе обучения с макроэкономикой. Если у него экономическая специальность, то минимум дважды – сначала при изучении экономической теории, а затем осваивая собственно курс макроэкономики. Студенты неэкономических специальностей изучают основы макроэкономики в рамках курса экономической теории. Существующая система получения высшего образования порождает дидактическую необходимость упрощения макроэкономики в вузе. В результате чтение такого упрощенного курса, особенно если читающий его преподаватель является жрецом «культы саморегулирующегося рынка», где государство являет себя в обличье «ночного сторожа», приводит к фактическому противоречию тех представлений, которые получает студент о макроэкономике и экономической позиции самого Дж. Кейнса. Прежде чем развивать эту мысль, приведем слова Ум. Эко, полностью соответствующие этому случаю: «Блаженный Августин в труде *De Doctrina Cristiana* ("О христианской доктрине") пишет: любое толкование части текста является верным, если подтверждается остальной частью того же текста и ложным, если вступает с нею в противоречие. В этом смысле внутренняя согласованность текста самостоятельно контролирует без того неуправляемую интерпретационную энергию читателя» [2, с. 62–63]. А значит, правильность или ложность любой трактовки взглядов Дж. Кейнса надо проверять на соответствие всему его вышеназванному тексту.

В уже упомянутой выше работе Дж. Кейнс пишет: «Рикардо (*теория саморегулирующейся рыночной экономики* – С. С.) покорила Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию. Не только его теория была принята Сити, государственными деятелями и Академическим миром, но даже самый спор прекратился. Альтернативная точка зрения совершенно исчезла, и ее просто перестали обсуждать» [5]. Итак, альтернативные саморегулирующемуся рынку точки зрения вообще не рассматривались. Уже интересно. А как же свобода мысли, свобода слова в Великобритании первой трети XX века? Да никак. Кого из сильных мира сего Туманного Альбиона это может волновать, когда речь идет об их экономических интересах? Наблюдательный читатель по-видимому уже и сам догадался, каков будет ответ... Никого! Или почти никого!

Последуем дальше за Дж. Кейнсом, который пишет: «Полнота победы рикардианской теории – явление весьма любопытное и даже загадочное. Связано это с тем, что теория Рикардо (*теория саморегулирующейся рыночной экономики* – С. С.) во многих отношениях весьма подошла той среде, к которой она была обращена» [5]. От себя добавим, что, действительно, концепция саморегулирующегося рынка очень близка к обычаям и традициям древних фризов, англов и саксов. Именно потомки этих племен, проживающие на территории Голландии и Англии, первыми создали рыночную экономику, идеальным воплощением которой и стала модель саморегулирующегося рынка. Это не нами первыми замечено и написано. Да и в данном случае неважно, кто первый. Важно, что каким-то непостижимым образом идеология нескольких народов, модель хозяйствования, основанная на их национальных особенностях, стала навязываться всему человечеству как единственно верная. Представляю, как бы удивились сами фризы (пираты, работоторговцы и земледельцы в одном лице), если бы узнали, что они породили «общечеловеческую ценность» в виде рынка, где все подчинено росту прибыли...

Далее Дж. Кейнс едко замечает: «Она (*теория саморегулирующегося рынка* – С. С.) приводила к заключениям, совершенно неожиданным для неподготовленного человека, что, как я полагаю, только увеличивало ее интеллектуальный престиж» [5]. Дж. Кейнс тут абсолютно прав – ничто так не привлекает людей невежественных и недостаточно образованных, но которые при этом хотят казаться интеллектуально развитыми и сведущими, как очень простые и даже примитивные ответы на очень сложные вопросы. Нами уже писалось про это в статье «Культ карго, или Новый объект экономической науки» [6, с. 56–62]. При желании ее можно прочесть.

«Рикардианское учение (*теория саморегулирующейся рыночной экономики* – С. С.), переложенное на язык практики, – пишет Дж. Кейнс, – вело к суровым и часто неприятным выводам, что придавало ему оттенок добродетели. Способность служить фундаментом для обширной и логически последовательной надстройки придавала ему красоту. Властям импонировало, что это учение объясняло многие проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости как неизбежные издержки прогресса, а попытки изменить такое положение выставляло как действия, которые могут в целом принести больше зла, чем пользы. То, что оно оправдывало в определенной мере свободную деятельность индивидуальных капиталистов, обеспечивало ему поддержку господствующей социальной силы, стоящей за власть предрешающими» [5]. Хочу подчеркнуть, что проявления социальной несправедливости и очевидной жестокости в процессе становления рыночных отношений (первоначального накопления капитала) в Объединенном королевстве наблюдались за несколько столетий до рождения Д. Рикардо, и его учение лишь легализовало «прогрессивность» этого.

Полагаю, что большинство читателей не представляют себе, о чем идет речь, когда говорится о жестокости того периода – издержки сегодняшнего преподавания европейской истории в школе. Поясню это. Голландия была первой в мире, где почти пять

веков назад началась промышленная революция. Быстрому росту производства способствовали новые уникальные технологии и практически безграничные рынки сбыта. Нидерланды тогда находились во владении Испанских Габсбургов, которые, оставаясь Испанскими королями, были еще Императорами Священной Римской империи, а также владели другими очень большими территориями в Европе и Америке. В последней Испания награбила столько золота, что в течение XVI века количество этого металла в Европе удвоилось. Итак, есть платежеспособный спрос и есть производственные мощности. Не хватает только сырья для текстильной промышленности – шерсти. Где ее взять? Ответ нашелся быстро – в Англии. Но для этого необходимо было провести огораживание, т. е. согнать фермеров-арендаторов, превратив их поля в пастбища для овец. В результате, как писали в то время английские газеты, «овцы съели людей». Иначе говоря, бывшие фермеры и их семьи превратились в бродяг, поскольку их рабочие руки никому не были нужны. Но если люди не могут найти работу, но хотят есть (т. е. почему-то не хотят законопослушно умереть от голода), то они воруют. А как же «священное право частной собственности»? И власть имущие находят юридическое решение этой проблемы – за любую кражу вешать. И вешали, да еще как вешали. И за украденную буханку хлеба тоже вешали. Не взирая на возраст. Тут, правда, возникла техническая проблема – под тяжестью маленьких детей петли не хотели затягиваться. Но английская юридическая машина нашла решение этой проблемы. Был оговорен груз, который привязывался к ногам маленьких англичан, чтобы они могли быть повешенными. Повешенных было много, очень много. Так, по приговорам суда при Елизавете Английской (это при ней адмирал Дрейк разбил Великую Армаду) в Англии были повешены десятки тысяч людей.

В это же время моряков адмирала Дрейка, спасших Англию от вторжения огромной испанской армии, после победы над Великой Армадой несколько месяцев не отпускали с кораблей на берег. Плохо знающий английскую историю читатель спросит: зачем? Да для того, чтобы половина из них умерли от болезней, порожденных антисанитарией, плохой водой и пищей. Ведь умершим не надо платить жалованье, а значит, это позволило значительно сэкономить государственный бюджет. Вот еще один пример рыночной целесообразности и английской рачительности того времени.

Следует отметить, что во имя прибыли имущие классы Великобритании делали вещи и пострашнее, и покровачее. Пожалеем читателей, обладающих слишком хорошим воображением, и не будем здесь приводить эти действительно жуткие примеры.

Но хватит об этом, поскольку тема этой работы несколько иная.

Дж. Кейнс прямо указывает, что «однако, хотя сама доктрина (*теория саморегулирующегося рынка* – С. С.) в глазах ортодоксальных экономистов не подвергалась до последнего времени (*до 30-х гг XX века* – С. С.) ни малейшему сомнению, ее явная непригодность для целей научных прогнозов значительно подорвала с течением времени престиж ее адептов. Профессиональные экономисты после Мальтуса оставались явно равнодушными к несоответствию между их теоретическими выводами и наблюдаемыми фактами. Это противоречие не могло ускользнуть от рядового человека; не случайно он стал относиться к экономистам с меньшим уважением, чем к представителям тех научных дисциплин, у которых теоретические выводы согласуются с данными опыта» [5]. Не правда ли, написано в первой половине XX века, а читается, как будто сказано вчера о наших доморощенных «независимых» экономических экспертах.

Итак, как нами уже отмечалось, первый уровень кодирования учения Дж. Кейнса – это уровень ученического, дидактически упрощенного и поэтому поверхностного понимания принципов взаимодействия экономических агентов в национальной экономической системе (на макроуровне). Добросовестный студент вынесет из курса макроэкономики, что существует ряд экономических проблем, решение которых возможно только

на уровне всей страны, общества в целом. При этом в качестве основных макроэкономических проблем выступают проблемы экономического роста, полной занятости, экономической эффективности, стабильности цен, экономической свободы, справедливости распределения доходов, торгового баланса, охраны окружающей среды и т. д. При этом учебный уровень дает навыки оперирования базовыми макроэкономическими моделями без понимания их абстрактного характера. Поясним это на примере. В кейнсианской макроэкономической модели предполагается, что все субъекты располагают одинаковой информацией, отсутствуют транспортные издержки (все продавцы и покупатели «сидят в одной комнате»), все макроэкономические субъекты (домашние хозяйства, предприятия, государства и заграница*) поступают только экономически рационально, отсутствует реклама, нет ограничений и препятствий в доступе на рынки и т. д. и т. п. Очевидно, что такие ограничения не соответствуют реальной хозяйственной жизни в любой стране мира. Если это именно так, а это так, то возникает вопрос: для чего тогда вообще нужна макроэкономика?

Когда нами читается студентам курс макроэкономики, то обязательно подчеркивается, что не так уж сложно объяснить, почему сегодня теория Дж. Кейнса не работает, но необходимо понять, для чего ее надо учить и что из этой теории может пригодиться в практической работе экономиста. На этот вопрос отвечаю так: макроэкономическая теория дает представления об определенных зависимостях между различными макроэкономическими показателями, что облегчает принятие тех или иных решений, поскольку делает возможным сразу же отбросить очевидно неправильные.

Это то же, что хождения девушки на свидания с юношей, который, по ее мнению, мог бы для нее стать хорошим мужем и отцом ее будущих детей. Можно, как многие и делают, не обращать внимание на его «маленькие» слабости: то, что он пьет пиво не реже 2-3 раза в неделю (по медицинским показаниям – это возможно ранняя импотенция), то, что курит, то, что регулярно напивается с «друзьями» до поросычьего визга (верная примета будущего алкоголика), то, что не дарит ей цветы, не открывает перед ней дверь, садится в кафе раньше нее (верная примета сегодняшнего хама), старается поменьше работать и не хочет учиться (лучше поиграть на компьютере) и т. д. Можно не обращать, но если эта девушка по итогу их свиданий не станет очередной «победой» этого юноши на сексуальном фронте, и они пожениются, то вправе ли она будет удивляться через 10 лет, почему у нее муж алкоголик, лодырь и хам? На наш взгляд, нет. Хотя у девушек в нежном возрасте, т. е. до 30-35 лет, могут быть свои ответы на этот вопрос. Но есть другой вариант поведения нашей девушки – увидела что-то из проявлений неуважения к ней, лени, девиантного поведения, отсутствия любви с его стороны и перестала с ним встречаться. Второй вариант поведения логичнее и может значительно поспособствовать счастью в личной жизни. Ну а то, что экономит ей время и нервы – это уж точно. Вот также и макроэкономические модели – они позволяют отбросить заведомо невозможные варианты. А вот для выбора самого лучшего варианта этого уже недостаточно.

Второй уровень кодирования учения Дж. Кейнса проистекает из определения макроэкономики как науки, изучающей совместную, взаимозависимую и взаимосвязанную деятельность всех хозяйственных субъектов в рамках целостного экономического орга-

* Такой макроэкономический субъект как «заграница» лично у меня при первом знакомстве вызвал очень сильное недоумение. Потом недоумение прошло, но поскольку я долго учил философию, то подсознательное восприятие субъекта «заграница» как ежика изо дня в день идущего среди отары овец на пастбище, чтоб вместе пощипать травки, так и осталось. Казалось бы, нелепица, но факт. Это про ежика. Ну а заграница как экономический субъект хотя и противоречит моим представлениям как политэконома об экономическом субъекте, но очень логично вписывается в теорию Дж. Кейнса.

низма – национальной экономики. Иначе он сам с прозорливостью гения признавал ограниченность применения его теоретических взглядов на практике. Это уже совсем другой подход, второй уровень кодирования текста. Почему? Да потому что Дж. Кейнс, не оставившись на замене социальной парадигмы саморегулирующегося рынка теорией активного государственного регулирования экономики через формирование платежеспособного спроса, попытался пойти дальше – показать, насколько тесно в экономике все связано и взаимообусловлено. В пользу такого прочтения Дж. Кейнса говорят приведенные выше цитаты из его книги. И не только цитаты. И главным образом не цитаты, а теоретическое обоснование тех мер, которые, идя не от теории, а от практики, применил президент Фр. Рузвельт для выхода США из кризиса 1929-33 гг.

Этот экономический кризис был самым страшным в истории США. Огромное количество людей потеряли работу. Вчерашние представители средних классов оказались на грани голодной смерти. Многие умерли от голода. Через какое-то время с трудом удалось в крупных городах организовать для голодающих бесплатную похлебку один раз в день. В огромных количествах за ненадобностью уничтожалось зерно и мясо. Вам показалось, что в нашем перечислении нарушена логика? Это потому, что вы не знаете законы рыночной экономики и не знакомы с теоретическими постулатами макроэкономики. В макроэкономике потребности количественно совпадают с совокупным спросом. Совокупный спрос – это то количество товаров, которое население в данный момент хочет и может купить. Соответственно, если кто-то не может купить себе еду – значит и спроса (потребности) на еду нет.

Но вернемся к кризису 1929-33 гг. К 1932 г. в США 12,5 миллионов полностью безработных (население этой страны тогда составляло 125 миллионов человек). В начале 1933 года число безработных выросло до 17 миллионов человек [7]. «В период наибольшего обострения экономического кризиса, – отмечает Б. Борисов, – каждый третий работающий был лишен занятости. Настоящим бедствием стала частичная безработица. По данным АФТ (Американская Федерация Труда, American Federation of Labor), в 1932 г. полностью занятыми остались всего 10 % рабочих» [7]. Это притом, что страхования по старости и безработице в США в то время не было! В США начинается голод, унесший по разным оценкам около 5 миллионов человеческих жизней [7]. В это время на фоне гибели экономически «излишнего» населения продолжается государственная политика по уничтожению запасов продовольствия: «зерно и просто сжигали, и топили в океане. Так, например, было уничтожено 6,5 млн голов свиней и запахано 10 млн га земель с урожаем» [7]. Это позволило увеличить в США цены на продовольствие более чем в два раза.

По времени это совпадает со сгоном с земли за долги банками 5 миллионов американских фермеров. При этом фермеры не были обеспечены ни работой, ни социальной помощью, ни пенсиями. Примерно каждый шестой из них умер от голода [7].

Да. Вот она историческая иллюстрация действия «невидимой руки рынка». И как же без идеологической поддержки, априори заявляющей о том, что только рыночная экономика является наилучшей формой организации хозяйственной жизни, можно, по существу, оправдать такой «рыночный каннибализм» своего же собственного народа, живущего в «демократическом» американском обществе? Да никак.

Вот и получается, что при выборе модели хозяйствования приоритетной является господствующая идеологическая. Выбор между *гуманистической идеологией*, в основе которой лежит такой критерий общественного прогресса как снижение социального каннибализма, и *идеологией рыночного либерализма*, в основе которой лежит социальный каннибализм, – именно это формирует принципы хозяйственной жизни любого государства. Конечно же, нельзя этот принцип абсолютизировать и доводить до логического аб-

сурда. В любой экономической деятельности всегда сосуществуют две стороны: материально-вещественная и собственно-общественная (социальная). Материально-вещественная сторона представляет собой специализированные средства производства, которыми человек осуществляет свое активное воздействие на природу. Социальная сторона представляет собой персонификацию его материально-вещественной стороны (т. е. социально-субъектное отражение процесса соединения со специализированными средствами производства индивида, обладающего соответствующими способностями и интересами, для их производственного потребления). Взаимосвязь и неразрывность этих сторон очевидна, так как хозяйственная деятельность всегда имеет какое-то материально-вещественное выражение, и оно, как и любое социальное явление, всегда персонифицировано. Даже на основе идентичной технико-технологической базы производства возможно существование различных моделей хозяйствования. Таким образом, проявляется относительная самостоятельность организации и управления производством по отношению к его технологической основе, так как последняя определяет механизм хозяйствования опосредованно.

Отметим также, что неправомерно в любом обществе с относительно высоким уровнем развития хозяйства представлять эту связь как предельно простую и безвариационную. По нашему мнению, следует согласиться с исследователями, которые, в отличие от К. Маркса и его последователей, не признают «жесткую детерминированную связь между развитием производительных сил и социально-экономическими процессами» [7, с. 11].

Но вернемся к американскому кризису 1929-1933 гг. Итак, при полном развале народного хозяйства США президент Фр. Рузвельт, видимо, не рассчитывал получить от экономической науки практические рекомендации по выходу из этого кризиса. И действительно, далеко не все из того, что позднее стало прописными макроэкономическими истинами, можно было использовать на практике даже при всем желании. Очевидно, что никакие снижения ставок по процентам или налоговые льготы в сложившейся ситуации помочь не могут. Почти никто не работает, платежеспособной спрос населения катастрофически низок и некому покупать товары, а значит, и нет смысла инвестировать в экономику. А если некуда инвестировать, то какая разница, сколько стоит ненужный инвестиционный кредит. А нет инвестиций – нет и роста занятости. А без занятости нет роста доходов населения. Получается заколдованный круг, но решительность Фр. Рузвельта его разрывает. Предлагается производить за счет государства то, что не надо продавать – например, оружие. И его начинают производить, и в огромных количествах. Производство оружия требует все новые и новые рабочие руки, оборудование и сырье. Для изготовления станков нужны заводы. Для добычи сырья необходимо еще оборудование. И все это также требует новые и новые рабочие руки. Растет занятость. Люди начинают работать, получать зарплату, на которую покупают одежду и еду для себя и членов своей семьи. Экономика начинает работать! Почти по теории Дж. Кейнса.

Почему почти?

Да потому что в стране по-прежнему миллионы безработных, бродяг и бандитов. С ними надо что-то делать. И решение находится – «общественные работы» Фр. Рузвельта. На «общественных работах под эгидой Администрации общественных работ (РWA) и администрации гражданских работ Civil Works Administration – CWA (это строительство каналов, дорог, мостов зачастую в необжитых и болотистых малярийных районах), с единовременным числом занятых до 3,3 миллиона» [8], а всего через них прошло 8,5 млн человек [7] – это не считая собственно заключенных. Ряд исследователей с высокой степенью достоверности отмечает схожесть режима на этих работах с режимом ГУЛАГА. Проверить это сегодня нельзя, так как данные об этом до сих пор относятся к государственной тайне США. Но то, что утекает в открытый доступ, способно вызвать

ужас. Так, например, возглавляющий Администрацию общественных работ, министр внутренних дел Г. Икес, «с 1932 года заключил в лагеря для безработной молодёжи около двух миллионов человек (!), причем из 30 \$ номинальной заработной платы обязательные вычеты составляли 25 \$. Пять долларов за месяц каторжного труда в малярийном болоте. Достойная плата свободным гражданам свободной страны» [7].

Выход из кризиса был найден, но найден не в рамках методологии книги «Общая теория занятости, процента и денег» [5], не на основе некоторых ее идей и моделей (некоторые исследователи считают, что Фр. Рузвельт самостоятельно пришел к выводам, звучным теоретическим взглядам Дж. Кейнса), но исходя из жизни, исходя из совпадения взглядов Ф. Рузвельта и Дж. Кейнса на национальную экономику как на живой организм.

Нам бы не хотелось, чтобы читатель, не очень хорошо знающий историю США, сделал вывод, что после всех этих усилий американская экономика стала быстро развиваться. Это не так. Экономика США находилась в застое до начала Второй мировой войны. И только после ее начала американский военно-промышленный комплекс дал толчок бурному росту экономики страны.

Прежде чем перейти к третьему уровню кодирования учения Дж. Кейнса, приведем соответствующую этому случаю цитату Ум. Эко: «когда текст создается не для одного конкретного адресата, а обращен к сообществу читателей, автор наперед знает, что его слова будут истолкованы не согласно его замыслу, но в соответствии со сложной стратегией взаимоотношений в которую вовлечены эти самые читатели, обладающие социальным достоянием в виде языковой компетенции, т. е. знания родного языка. Под "социальным достоянием" я (Ум. Эко – С. С.) подразумеваю не только некий состоящий из набора грамматических правил язык, но всю энциклопедию, то есть сумму тех знаний, что накоплены в процессе использования этого языка: порожденные им культурные традиции и набор всех существующих и существовавших ранее интерпретаций множества написанных на этом языке текстов, включая текст, читаемый в данный момент» [2, с. 67–68]. Из этой цитаты, по нашему мнению, следует неоднозначность, вариативность взаимоотношений внутри триады: автор – текст – читатель.

Считаем, что в духе Ум. Эко можно рассматривать текст Дж. Кейнса не как застывший (мертвый) объект, а как живое, постоянно трансформирующееся и до конца не познаваемое явление. Причем эта живость может порождаться и сохраняться только сегодняшним читателем, поскольку Дж. Кейнса уже давно нет, а без него его текст переписывать недопустимо. Приведем в подтверждение правильности нашего умозаключения еще одно высказывание Ум. Эко: «Акт чтения обязан принимать во внимание все упомянутые элементы, пусть даже отдельный конкретный читатель вряд ли способен совместить их в себе. Таким образом, каждый акт чтения представляет собой сложную транзакцию между компетенцией читателя (читательским знанием о мире) и тем типом компетенции, которую данный текст постулирует, чтобы быть истолкованным самым "экономичным" образом – так, чтобы интерпретация строилась на максимальном понимании написанного и поддерживалась контекстом» [2, с. 68–69]. Итак, поскольку за примерно 70 лет после первого опубликования книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» мир радикально изменился, а, соответственно, наше (как читателей) знание о мире иное, то опираясь на контекст этой книги, можно позволить себе ее постмодернистскую интерпретацию.

Считаем, что поскольку достаточно пояснили методологию своих интерпретаций, то можно перейти к изложению нашего видения третьего уровня кодирования в тексте Дж. Кейнса. Как нами было написано выше, Дж. Кейнс прямо указывал на то, что рикардская теория использовалась для оправдания имущими классами проявлений соци-

альной несправедливости и очевидной жестокости сложившейся рыночной системы хозяйствования, т. е. социальная парадигма саморегулирующего рынка направлена на апологику преимущественной реализации вполне конкретных классовых интересов. Он также рассматривал национальную экономику как живой организм. Казалось бы, надо сложить эти два тезиса и получится очевидный вывод, что роль государства в экономике не ограничивается макроэкономическими целями и задачами, но и направлена на реализацию интересов определенных классов и иных социальных групп.

Мы не следуем слепо за К. Марксом в его трактовке взаимоотношений классов как непрерывной классовой борьбы. История дает нам множество примеров классового сотрудничества и мира. Речь идет о другом. О том, что даже в социальном государстве существует необходимость перераспределения экономических благ от одних групп к другим, но это перераспределение направлено на усиление социальной справедливости (а не на рост социального каннибализма) и накопления социального капитала на уровне общества в целом и в отдельных локальных сообществах, а значит, способствует усилению жизнеспособности общества в целом, а также увеличивает внутренний спрос за счет роста потребления домашних хозяйств.

Но вернемся к Дж. Кейнсу. С прозорливостью гения он подошел к этой проблеме, почти обозначил ее и даже дал часть инструментария для ее решения. Это и есть третий уровень кодирования текстов Дж. Кейнса. Но дальше он пойти не смог, не смог последовательно развить эту свою идею. Помешала та культурная среда, в которой он рос и жил, классовая принадлежность и, возможно, то, что в тот период на Западе нельзя было писать о социально-классовой дифференциации общества и не быть при этом обвиненным в марксизме. А это обвинение еще длительное время до и после смерти Дж. Кейнса приводило к превращению в изгой в западной академической и университетской среде. Например, ведущий французский социолог П. Ансар в своей книге «Современная социология» так описывает взаимоотношения западной обществоведческой мысли и марксизма: «В целом с 1945 г. до 70-х г. во Франции, Италии, как и в ФРГ и США, многие исследователи в области общественных наук, не связывая себя догматически с отдельными деталями марксовых положений, извлекли из них самое существенное с намерением преодолеть границы узкого экономизма (Ж.-П. Сартр, 1960) либо в целях подорвать авторитет функционалистских консервативных моделей (Ч. Миллс, 1959; Ю. Хабермас, 1968)» [9, с. 136]. Далее П. Ансар отмечает, что «1970-1980-е гг. отмечены отходом от этой содержательной стороны марксизма в общественных науках, что было связано с различными причинами, в которых исторические события сыграли не последнюю роль» [9, с. 136]. Таким образом, и Дж. Кейнс не смог полностью преодолеть рыночную идеологию (которую подверг очень убедительной критике в своих работах) и это существенно повлияло на его теоретические воззрения. А экономическая наука сегодня по-прежнему остается преимущественно идеологической доктриной, выражая политико-экономические интересы определенных общественных групп и социальных классов.

Рынок как политико-экономический феномен

На сегодняшний день, несмотря на многовековую историю исследования рыночных отношений общественные науки в целом и экономическая теория в частности так и не смогли выработать единого понимания рынка. «Подходы к его определению сильно различаются, – отмечает В. В. Радаев, – и в результате практически каждому из нас в зависимости от контекста случается называть "рынком" принципиально разные явления» [10, с. 19]. Сегодня «наряду с трактовкой рынка как "территории обмена", – поясняет

названный автор, – используется его понятие как *формы хозяйства*, уже не столь привязанное к определенному месту. А рядом с ними располагается неоклассическая экономическая концепция "идеального рынка", в которой обмен осуществляется автоматически, без каких-либо сил трения. В последнем случае рынок предстает как механизм спроса и предложения, который действует в любых территориальных или отраслевых контурах. Причем речь идет не просто об агрегированной совокупности индивидуальных актов обмена, но об относительно автономной от остальной части общества и самодостаточной системе со встроенным механизмом саморегуляции» [10, с. 20–21]. За счет такого методологического приема происходит превращение рынка «из эмпирического объекта в аналитическую модель с достаточно абстрактными основаниями» [10, с. 21]. Причем в этой модели «социальным условиям отводится незавидная роль внешних факторов или, того хуже, тех самых сил трения, которые снижают эффективность саморегулирования» [10, с. 21]. Таким образом, живые люди, индивиды выбрасываются из предмета экономической теории. Им на смену приходит некий абстрактный «экономический человек» с достаточно примитивными потребностями и мотивами, которые легко могут быть переложены на математический язык.

Было бы несправедливо утверждать, что ученым-экономистам удалось рассмотреть методологическую ограниченность парадигмы «саморегулирующегося рынка», а значит и ее теоретическую, историческую (достаточно вспомнить хотя бы, как в эпоху колониальных империй экономические проблемы метрополий решались за счет колоний, когда «невидимая рука рынка» приобретала форму дредноутов и кавалерийских полков) и практическую несостоятельность лишь в начале XXI века. Уже в начале прошлого века набирающее силу институциональное направление (тогда еще достаточно синкретичное в своих теоретико-методологических подходах) по существу явилось гносеологической рефлексией на господствовавшее тогда на Западе направление «чистой экономики» в форме маржинализма. Оппозицию маржинализму с его чрезмерно абстрактным, рационалистским, количественным подходом к анализу экономических систем на Западе в это время составили так называемые «периферийные» школы в экономической науке – германские новейшая («юная») историческая и социальная школы и ранний институционализм (заметим, не только американский, ибо сюда также можно отнести и англичанина Дж. Гобсона, и француза Ф. Симианда с его учениками Г. Пиру и Б. Ногаро) [11, с. 44]. Данные направления экономической мысли объединяются сегодня «понятием "институциональное направление в экономической науке" (или институционализм в широком смысле, дабы не путать его с собственно институционализмом, или институционализмом в узком смысле, родоначальником которого был Т. Веблен)» [11, с. 44].

В России идеи и принципы институционального направления были представлены в трудах бывших «критических марксистов» С. Н. Булгакова («Философия хозяйства», 1912) [12], М. И. Туган-Барановского («Социальная теория распределения», 1913) [13] и П. Б. Струве («Хозяйство и цена», 1913-1916) [14]. Развитие в России параллельно с институционализмом маржиналистского направления «сдерживалось, – как подмечает Л. Ипполитов, – как в силу объективных причин (недостаточная степень развития товарного хозяйства и капитализма, засилье феодальных пережитков, обострение комплекса социально-экономических, политических и культурных противоречий накануне революции), так и особенностями психологии русского образованного общества, большей части которого были чужды принципы индивидуализма, эгоизма, теодонизма и т. д.» [11, с. 45]. А. Г. Худоркомов прямо заявляет по этому поводу, что «в сложившейся ситуации удивительно не то, что маржинализм в России не превратился в доминирующее направление, а то, что он вообще сформировался как отдельное течение, сопряженное с самого начала с передовыми экономико-математическими исследованиями» [15, с. 840].

На основании проведенного анализа П. Б. Струве сумел показать, что концепция равновесия и анализ равновесных состояний в экономике (один из главных принципов маржиналистской теории) была порождена философией XVII–XVIII вв. (Бэкон, Декарт, Гоббс, Ньютон) и утвердившимся в экономической науке механистическим мышлением и учением о «естественном законе» [11]. По П. Б. Струве, идея равновесия может быть представлена в экономическом мышлении двояким образом: «Во-первых, как идея онтологическая, идея о присущем с необходимостью экономическому процессу свойстве, которое господствует над его феноменами и ими управляет. И, во-вторых, как идея чисто феноменологическая, как идея особого явления, равноправного со всеми другими экономическими феноменами, явления, представляющего не общий закон экономической жизни, а некое возможное и вероятное ее "состояние"» [16, с. 6]. Таким образом, маржинализм и классическая политическая экономия приписывают равновесию значение некой сущности стоящей над экономическими явлениями и управляющими ими. Отрицая механистический подход к анализу экономических феноменов, П. Б. Струве подчеркивал, что «хозяйственная жизнь складывается из множества отдельных действий хозяйствующих субъектов, которые, будучи в общем и формально мотивами так называемого хозяйственного расчета, в своей индивидуальности, "микроскопической" конкретности случайны в точном смысле этого слова. "Микроскопически" действия продавцов и покупателей определяются расчетом, ориентированным с разной, бесконечно дифференцированной, осведомленностью о положении рынка, столь же дифференцированной разумностью; и с неопределенной подвижностью во времени субъективных оценок (проектов, или заявок цен) и их окончательных денежных выражений, или значений, каковыми являются реализованные, "сделанные" цены. Эти неопределенно многообразные цены имеют тенденцию к единству, или "равновесию", это единство и эти состояния "равновесия" неустойчивы, подвержены постоянным и непрерывным колебаниям» [16, с. 12–13]. П. Б. Струве выделил те черты, которые игнорировались маржиналистской теорией экономического равновесия – «...неполная рациональность экономического поведения, асимметричное распределение информации среди участников рынка, изменчивость их субъективных оценок и, как следствие, рыночных цен» [11, с. 49]. В результате проведенного анализа П. Б. Струве сумел доказать теоретико-методологическую несостоятельность маржинализма как механистической и статической концепции, устраняющей факторы времени и изменения из экономического анализа [11, с. 49–50].

П. Б. Струве также сумел убедительно показать ограниченность экономико-математических методов. «Поскольку математическое направление политической экономии, – указывает этот автор, – ударило в математическую обработку психологических основ экономических явлений, оно применило к многообразному и разнородному миру душевных переживаний совершенно противоречащий его природе прием обезличения» [3, с. 45]. Высказываясь по данному вопросу, Л. Ипполитов, в частности, подчеркивает, что «вопрос заключается не в том, является ли "механический" (включая сюда и "математическое рассуждение") подход к экономическим процессам логически возможным, а в том, соответствует ли он существованию экономических явлений, текучей и прерывистой природе "экономической материи"? На этот вопрос Струве отвечает решительно отрицательно» [16, с. 16].

П. Б. Струве пишет: «В экономике какие-то подлежащие определению в каждом отдельном случае "индивиды" должны быть сосчитаны, сведены в разряды и категории, т. е. именно трактуемы как индивидуально весьма различные единицы, объединяемые лишь по "признакам" в некие статистически обозримые совокупности» [16, с. 16]. Это может быть осуществлено только с помощью статистических методов. «Эта всесторонняя взаимозависимость непреодолима для "механического" или "динамического", в про-

тивоположность статистическому рассмотрению. Если мы к этому прибавим, что экономические «индивиды», с точки зрения экономического познания, не являются абсолютно детерминированными какими-нибудь известными нам силами, а «"контингенты" <...> "самочинны" или "бесчинны", то эти два условия необходимы и достаточны для выставления методического постулата о том, что точное познание в экономике возможно только либо в форме статистической разработки, либо в форме фактического описания неисчислимых статистически феноменов и сторон» [16, с. 16]. Порок маржиналистской теории, по справедливому замечанию П. Г. Струве, коренится в том, что в ней, как и во всех концепциях механически-математической политической экономии, не усматривается логическая природа эмпирического знания, к области которого относится и политэкономия. Они рассуждают *more geometrico* в области, где плодотворна либо чистая индукция, либо статистический подход [3, с. 49].

Далее названный автор поясняет, что несоответствие метода исследования у маржиналистов (добавим, как сегодня у неолибералов и прочих «чистых экономистов»), связано «со смешением наук о реальном бытии во времени, или знания апостериорного, к которому относится и политическая экономия, с науками об идеальном и безвременном бытии, каковыми являются математика и логика, представляющие знание априорное» [11, с. 56]. П. Г. Струве также подчеркивает: «Эмпирическая наука может строить общие понятия, но она не может вовсе отвлекаться от "действительности", в отличие от математики. Самая природа предмета ставит поэтому и "абстракции", и "дедукции" во всякой эмпирической науке <...> совершенно другие границы, чем в математике» [3, с. 36].

Если исходить из критериев логичности и аргументированности участников дискуссии о коренных методологических пороках маржинализма, неоклассики и т. д., то доказательств этому предостаточно. Вместе с тем, неправомерно сводить все дискуссии о природе рыночных отношений лишь к поиску научной истины. Ученые-экономисты тоже люди. Они родились и воспитывались в определенной социально-культурной среде, обладают мотивацией, различными потребностями и интересами, наконец, их исследования финансируются из различных источников (а у субъектов, которые их контролируют, есть вполне реальные экономические потребности и интересы) и т. д. Все это также позволяет говорить о том, что экономическая теория не может не быть идеологической доктриной. При этом главный вопрос заключается не в том, в какой степени то или иное экономическое учение пропитано идеологией (от последней все равно никуда не денешься), а в том, чья это идеология и насколько она соответствует объективности методов и результатов исследования хозяйственной жизнедеятельности. Таким образом, по нашему мнению, научное сообщество фаталистически обречено не только на постоянный поиск объективных закономерностей развития общества и его экономической системы, но и на выделение «ложных» концепций и преднамеренных концептуальных упрощений, обслуживающих глобальные экономические интересы вполне конкретных государств, классов, социально-экономических групп, а иногда и конкретных индивидов.

С точки зрения объективности экономической науки (а это по существу синонимично тому, насколько эффективно она может выполнять такие свои функции как критическая и прагматическая) не важно, случайно или целенаправленно возникли и развиваются социальные парадигмы, относимые сегодня к «экономическому империализму» [17]. Для нас важнее то, что эти теоретико-методологические подходы, например, сводящие экономические функции государства к роли «ночного сторожа», деформируют сознание части научного и научно-педагогического сообщества, понижают доверие к белорусской модели развития, снижают социальный потенциал белорусского общества, т. е. понижают продукционный эффект от социального капитала, накопленного на уровне социума, а значит, угрожают экономической безопасности страны.

В 1960–1970-е гг. идеальной рыночной модели, очищенной от каких-либо социальных факторов, был придан фактически универсальный характер. «С ее помощью, – отмечает В. В. Радаев, – стали объяснять самые разные типы существующих рынков вне зависимости от исторической и культурной специфики хозяйства и общества» [18, с. 28-37]. Г. Беккер и его последователи в рамках «экономического империализма» начинают активно использовать данную модель за пределами анализа собственно экономических отношений в их былом понимании [17; 19, р. 395–396; 20; 21]. Так, например, Г. Беккер, заявляет: «Когда мужчины и женщины решают вступить в брак, завести детей или развестись, они пытаются повысить свое благосостояние путем взвешивания сравнительных выгод и издержек. Таким образом, они заключают брачный союз, если ожидают, что это повысит степень их благополучия по сравнению с тем, если бы они оставались в одиночестве, и разводятся, если это должно привести к росту их благосостояния» [19, р. 395–396]. Теоретиками общественного выбора начинает трактоваться политика как рыночный обмен [22, с. 22]. Принципы, используемые при анализе рыночного обмена, распространяются на все сферы общественной жизни. Это формирование своего рода рыночной идеологии, как справедливо замечает В. В. Радаев, «...подпитываемой духом экономического либерализма. Жизнь начала уподобляться рынку, представленному в виде достаточно абстрактной конструкции» [10, с. 22]. Как результат – возникновение серьезной методологической альтернативы, разделившей по существу всех современных обществоведов на два типа. Суть данного разграничения заключается в следующем: «рассматриваем ли мы рынок, прежде всего, как универсальную аналитическую модель с весьма ограниченным числом переменных, предназначенную для объяснения неких существенных экономических связей, или нашим объектом выступают "реальные" рынки... для описания которых мы используем разные аналитические модели с большим общим числом переменных» [10, с. 22].

Поскольку принцип универсализма не отвечает ни принципам современных системных исследований социальных объектов, ни историческим реалиям, то мы в своих дальнейших исследованиях будем исходить из взгляда на системы хозяйствования как на многоукладные, сочетающие в себе универсальные и национальные особенности. Современное рыночное хозяйство характеризуется сверхиндустриальным (индустрия 4.0) или постиндустриальным технологическим укладом, множеством форм (в том числе и смешанной) собственности, экономической обоснованностью, декларируемой свободой предпринимательства и обязательным вмешательством государства в экономику. Названная форма хозяйствования выступает как результат государственного и социального регулирования, порождающего огромное разнообразие исторических форм рыночных институтов. Современный рыночный механизм функционирует в условиях установления относительных равновесия и стабильности посредством экономических средств государственного регулирования, связанных как с особенностями функционирования экономики на макроуровне (циклические колебания, экономический рост и др.), так и несовершенством рыночного механизма.

Рынок представляет собой специфический уклад хозяйствования, существующий наряду с другими его формами. Государство выступает как конфигуратор рынка. Степень его воздействия вариативна, но в любом случае речь идет не просто о весомом, но о конституирующем влиянии государства на совокупность рынков – посредством установления формальных правил и способов их поддержания, осуществления перераспределительных функций и прямого участия в хозяйственных процессах [23, р. 23]. Государство не просто вмешивается в рыночные отношения. Оно создает условия для возникновения и развития рынков, являясь во многом внутренним элементом процесса их формирования и трансформации, действуя на началах встроенной автономии (*embedded autonomy*) [24; 25; 26; 18, с. 39]. Современное рыночное хозяйство, а точнее современное

преимущественно рыночное многоукладное хозяйство, представляет собой сложную систему социально-экономических, политических и иных институтов, персонифицированных в социально-экономических субъектах (индивидах, группах, классах). Хозяйственная эффективность взаимодействия названных субъектов во многом предопределяется накопленным в обществе социальным потенциалом и институциональными формами его капитализации. Социальный капитал, способы и формы его присвоения, оптимальность распределения и прочее выступают основой для сокращения (или увеличения) транзакционных издержек в народном хозяйстве.

Онтологические и феноменологические характеристики современного общества

Сегодня для обозначения контуров качественно нового состояния современного нам общества наиболее распространенным является социальная парадигма «постиндустриального общества». Поэтому остановимся на этой теории подробно. Согласно взглядам родоначальника постиндустриального подхода Д. Белла [27], переход к постиндустриальной экономике не означает исчезновения аграрного и индустриального укладов, а сохранение последних, но уже не как доминирующих, а как периферийных. При этом постиндустриальный уклад становится доминирующим. В итоге усиливается сложность социально-экономических процессов.

В научной литературе отмечается, что методологические принципы концепции постиндустриализма были заложены К. Кларком и Ж. Фурастье в конце 1930-х – середине 1940-х годов. Согласно их взглядам, «...в общественном производстве выделяется триада секторов (*первичный* – сельское хозяйство; *вторичный* – промышленность и *третичный* – сфера услуг). Переход от одного сектора к другому, по их мнению, осуществим благодаря, во-первых, экономическому развитию, приводящему к относительным изменениям в спросе на продукцию секторов, во-вторых, росту производительности, отражающемуся на относительном изменении спроса на трудовой ресурс в разных секторах. Со временем доминантным становится третичный сектор – как с точки зрения доли занятых в совокупной занятости, так и с позиции удельного веса продукции данного сектора в ВВП» [28, с. 36].

В работах более поздних авторов акцент делается на качественной характеристике постиндустриального общества, что привело к возникновению таких понятий, как «информационное общество» (Ф. Махлуп) [29]; «общество знаний» (Н. Штер) [30]; «технотронное общество» (З. Бжезинский) [31]; «сетевое общество» (М. Кастелльс) [32]; «экологический постиндустриализм» (Т. Росзак) [33] и др. Поскольку концепция постиндустриального общества отличается глобальностью методологических принципов и масштабом охватываемых проблем, то она не может быть однозначно отнесена ни к экономической, ни к социологической, ни к политической науке [34].

В работах последователей Д. Белла отмечается, что становление и развитие постиндустриального общества сопровождается, во-первых, изменением характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации, во-вторых, переходом роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг и, в-третьих, значительным увеличением значения знаний для развития экономики.

Большое внимание современными учеными, сторонниками постиндустриального направления, начинает уделяться механизмам достижения постиндустриального общества. Как отмечает по этому поводу О. В. Вередюк, «в исследованиях постиндустриальных тенденций в целом можно обнаружить вектор на дробление и детализацию постиндустриальной проблематики. К ведущим отечественным (*российским* – С. С.) научным

экспертам постиндустриализма можно отнести В. Л. Иноземцева, А. В. Бузгалина, А. И. Колганова, В. А. Медведева, Р. М. Нуреева. В их работах не только рассматриваются методология исследования постиндустриального общества, проблемы адаптации экономики России к новым условиям в целом, но и уделяется внимание проблематике отношений занятости. Среди отечественных (*российских* – С. С.) ученых, чьи исследования непосредственно касаются вопросов занятости и рынка труда, – Р. Л. Агабекян, В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников» [28, с. 37].

Как известно, причиной постиндустриальных изменений в производстве являются изменения в технологиях: преобладание наукоемких технологий над трудоемкими и капиталоемкими. Активное развитие наукоемких технологий ведет к росту спроса на высококвалифицированных работников и снижению – на низкоквалифицированных работников. Вместе с тем при оценке перспектив развития занятости необходимо учитывать, как справедливо отметил М. Кастельс, что распространение информационных технологий не снижает общий уровень занятости [35], хотя и значительно изменяет структуру занятости (рабочая сила все активнее перемещается в сферу услуг).

Сторонниками постиндустриальной социальной парадигмы, а также «производными» от нее теоретическими построениями («информационное общество», «экономика знаний», «посткапиталистическая экономика» и т. д.), отмечается, что быстрое развитие технологий требует соответствующих изменений специализации профессиональных навыков, т. е. возникает проблема подготовки и переподготовки кадров. Рост уровня специализации навыков в условиях быстрых изменений квалификационных требований приводит к снижению взаимозаменяемости труда. Соответственно, возрастают издержки замены интеллектуального труда, которые более высоки по сравнению с издержками замены физического труда. Изменения в производстве, вызванные технологическими новациями, оказывают множественное и не всегда однозначное влияние на занятость, которое проявляется, прежде всего, в изменении структуры спроса на труд, а также в характере производственных отношений [36, с. 39].

Последователи этой парадигмы отмечают, что при переходе к постиндустриальному обществу повышается роль знаний, что выражается в изменении соотношения факторов производства (ведущее место занимают знания и информация) и имеет место трансформация структуры добавленной стоимости (в ней возрастает доля стоимости, созданная интеллектом).

Разберем последний тезис на предмет его методологической обоснованности. Прежде всего, важнейший посыл Д. Белла о том, что при переходе к постиндустриальному обществу повышается роль знаний представляется безусловно правильным. Но именно в этой безусловной правильности и заключается его методологическая погрешность. Поясним это подробнее. Принцип возрастания роли знаний по мере технического прогресса человеческого общества неизменно действует, начиная с каменного века, порождая при этом все более сложные формы разделения и кооперации труда. Нами уже отмечалось, что «по мере ускорения НТП, приведшего к НТР, смена доминирующих технологических укладов происходит все быстрее [37, с. 302]». При этом, как известно, «научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых вещества и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе. По мере усложнения общества разделенного труда названная зависимость усиливается [38, с. 2]». Повышение роли знаний о природе, человеке и обществе не являются феноменологической особенностью современного (в терминологии Д. Белла – постиндустриального) общества, а напротив,

сопровождает Человечество на протяжении всей его истории [39]. Таким образом, в данном случае у Д. Белла обнаруживается методологическая ошибка, а именно общее (возрастание роли знаний) приравнивается к частному (главному феноменологическому признаку современного общества).

Критически рассмотрим тезис последователей Д. Белла о переходе в постиндустриальном (современном) обществе роли локомотива развития экономики от промышленности к сектору услуг. По нашему мнению, все экономически развитые страны в этом контексте сегодня могут быть условно разделены на два типа:

во-первых, это страны, которые исходя из стратегии приоритетного развития промышленности развивают сверхиндустриальную экономику (в ФРГ – это индустрия 4.0 [40]), при этом опережающими темпами развиваются услуги промышленного характера. «Исходя из понимания экономической природы услуг промышленного характера как хозяйственного блага в форме действия, обеспечивающего создание, развитие и функционирование технологий, связанных с разработкой, производством, реализацией и сервисным обслуживанием промышленной продукции, – справедливо отмечает Ю. В. Мелешко, – развитие организационно-экономического механизма оказания этих услуг осуществляется в тесной взаимосвязи с национальным промышленным комплексом. Вместе с тем услуги промышленного характера являются межотраслевой деятельностью, поскольку в зависимости от организационной формы их оказания и особенностей статистического учета могут относиться и к промышленному производству, и к сфере услуг» [41, с. 84–85]. Названный автор также подчеркивает, что эти услуги сегодня «...формируются ключевые факторы конкурентоспособности промышленности, в частности, новые производственные и организационно-управленческие технологии (информационные, консалтинговые, инжиниринговые, логистические, маркетинговые и т. д.), направленные на качественное развитие товара и/или сокращение затрат. Эти услуги, присутствуя на каждой стадии создания добавленной стоимости промышленной продукции (разработка и внедрение продукции в производство, её изготовление, сбыт и послепродажное обслуживание), являются неотъемлемой частью промышленного производства» [42, с. 39].

Итак, в странах, проводящих промышленную политику, направленную на создание и развитие сверхиндустрии, сфера услуг настолько тесно переплетается со сферой промышленного производства, дополняя и развивая друг друга, что статистически они не всегда могут быть разграничены. В научной литературе по этому поводу отмечается, что «в зависимости от организационной формы оказания услуг промышленного характера один и тот же вид деятельности может быть статистически учтен и в промышленном производстве (в случае оказания этих услуг собственными структурными подразделениями предприятия), и в строительстве или в сфере услуг (в случае инсорсинга и аутсорсинга услуг промышленного характера)» [43, с. 127–128]. Таким образом, на практике наблюдается статистический учет одних и тех же услуг промышленного характера как в сфере промышленного производства, так и в сфере услуг. Более того «внутренние изменения характера производства, а именно возрастание значения услуг промышленного характера, также приводят к росту сектора услуг, не связанному, однако, с деиндустриализацией экономики. Сегодня рост сферы услуг обеспечивается не столько за счет спроса домашних хозяйств на услуги как конечные потребительские товары, что было характерно для сервисизации экономики, начавшейся в середине XX века, или за счет финансово-спекулятивного сектора, а во многом за счет спроса на услуги промышленного характера, представляющие собой промежуточное потребление промышленного производства» [44, с. 72]. На сегодняшний день трактовка постиндустриальной социальной парадигмы Д. Белла как создание сервисной экономики вместо экономики индустриаль-

ной подвергается справедливой критике многими экономистами. В частности, Т. В. Сергиевич отмечает: «Наиболее перспективным направлением развития экономики с точки зрения устойчивого развития является возрождение промышленности на новых технологических основах, а именно не отказ от индустрии, а переход к неоиндустриальной парадигме, основанной на внедрении в производство высоких технологий, экологичности» [45, с. 52]. Нами также отмечалось, что «говоря о новой роли сектора услуг в постиндустриальном обществе, в том числе и о росте создаваемого в этом секторе ВВП, увеличения количества занятых и т. д., необходимо принимать во внимание то, что более половины позиций, связанных с услугами (это инженеры, техники, программисты и прочие, работающие в промышленности), по сути, относятся к вторичному сектору экономики» [46, с. 6];

во-вторых, это страны, которые исходят из стратегии построения «классической постиндустриальной экономики», сопровождаемой относительной деградацией национального промышленного комплекса (например, Великобритания) и опережающим развитием услуг «не промышленного характера»: финансово-спекулятивные, социальные, традиционные и т. д. Критикуя такую модель социально-экономического развития, Ю. В. Мелешко справедливо отмечает, что «абсолютизация значения сферы услуг в экономическом развитии общества, имевшая место в середине XX века, показала свою несостоятельность, что положило начало тенденции реиндустриализации в экономически развитых странах. При этом наметившаяся реиндустриализация характеризуется не просто увеличением доли промышленного производства в структуре ВВП и занятости, а установлением приоритета в развитии наукоемких и высокотехнологичных производств (таких как ракетно-космическая промышленность), неотъемлемым элементом которых являются услуги, в частности, услуги промышленного характера» [47, с. 38]. Названный автор поясняет, что «переход доминирующего положения к третичному сектору экономики наблюдается сегодня в большинстве экономически развитых и развивающихся странах. Вместе с тем мировой опыт показал, что увеличение доли сферы услуг в ВВП и структуре занятости населения автоматически не обеспечивает стабильное социально-экономическое развитие и не является само по себе фактором экономического роста. В этом контексте представляется более перспективной модель хозяйствования Германии, экономика которой относится на сегодняшний день к сверхиндустриальной, поскольку ее ядром являются высокотехнологичный индустриальный комплекс, а сфера услуг нацелена, прежде всего, на обслуживание потребностей промышленности» [48, с. 51]. Немецкие авторы отмечают по этому поводу: «Благодаря Индустрии 4.0 возникают новые формы создания добавленной стоимости и новые бизнес-модели. Старт-апы и мелкие предприятия получают здесь шансы, развивать и предлагать смежные услуги» [40].

Соотнесение вышеприведенной типологии стран и теории постиндустриального общества позволяют сделать вывод, что Д. Белл и его последователи в своих обобщениях игнорировали опыт стран первого типа (со сверхиндустриальной экономикой), возводя особенности развития страны второго типа (с сервисной экономикой) в разряд общего. При этом у апологетов постиндустриальной социальной парадигмы обнаруживаются следующие методологические просчеты: игнорирование исторического опыта, а именно опыта развития стран со сверхиндустриальной экономикой, и отождествление частного и общего, т. е. феноменологические особенности стран с сервисной экономикой возводятся в разряд всеобщих онтологических закономерностей. Последнее, по нашему мнению, стало возможным, по причине преобладания в теоретических построениях Д. Белла либерально-рыночной идеологии, перерастающей у некоторых его последователей в беккеровский рыночный фундаментализм. В свое время нами уже писалось по этому поводу: «Постиндустриальное общество является качественно новым состоянием в развитии человеческого общества, поэтому при исследовании его социально-экономической

составляющей возникают дополнительные сложности (по сравнению с индустриальной и доиндустриальной стадиями), обусловленные, во-первых, коротким историческим периодом его существования и, во-вторых, высокой степенью идеологической заданности (в том числе апологетики "протестантского фундаментализма") в работах зарубежных исследователей, описывающих страны золотого миллиарда» [49, с. 86].

Названные методологические погрешности достаточно часто встречаются в общественных науках, на что обратил внимание Ум. Эко: «В действительности мы редко даем определение сущности; гораздо чаще мы определяем вещи по их свойствам» [2, с. 254]. Такая ситуация способствует усилению гносеологического кризиса современной экономической науки. «В результате терминологической путаницы, отсутствия категориальной определенности, в последние десятилетия в мире наблюдается увеличение отрыва экономических практик от их теоретического осмысления» [50, с. 14].

Вместе с тем теоретические разработки постиндустриального общества Д. Белла обладают значительным гносеологическим потенциалом при описании и исследовании экономик стран второго типа. В настоящее время рядом ученых и политиков уже применяются понятия «сверхиндустриальная экономика» и «постиндустриальная экономика», как дополняющие друг друга как при описании разных моделей развития (онтологический подход), так и при описании различий национальных экономик (феноменологический подход). По нашему мнению, такое использование этих понятий будет способствовать дальнейшему прогрессу экономической науки.

Обособленно от социальной парадигмы постиндустриального общества и теоретических построений, выросших на ее основе (т. е. теоретических построений, основанных на технико-технологическом детерминизме), стоит политическая экономика знака Ж. Бодрийяра. Длительное время серьезной методологической ошибкой экономической науки являлось недостаточное внимание символическому потреблению и символическим потребностям, а это, применительно к теме нашего исследования, понятия ключевые, поэтому остановимся на этом подробно.

Ж. Бодрийяр справедливо замечал, что для дальнейшего прогресса современной политэкономии в частности и экономической науки в целом необходимо, чтобы «анализ различающей социальной функции предметов и анализ политической функции идеологии, которая с ней связана» [51, с. 12] исходил «из одной абсолютной предпосылки: из отмены само собой разумеющегося рассмотрения предметов в терминах потребностей, отмены гипотезы первичности потребительной стоимости» [51, с. 12]. Поясняя свою теоретическую позицию, вышеназванный автор справедливо отмечает, что эмпирическая гипотеза, господствующая сегодня как в экономическом мейнстриме, так и в ортодоксальном марксизме, «поддерживаемая очевидностью обыденной жизни, приписывает предметам функциональный статус, статус утвари, связанный с техническими операциями, относящимися к миру, и даже – тем самым – статус опосредования антропологических "природных" потребностей индивида. В такой перспективе предметы в первую очередь зависят от потребностей, приобретая смысл в экономическом отношении человека к окружающей среде. Эта эмпирическая гипотеза неверна. Дело обстоит совсем не так, словно бы первичным статусом предмета был прагматический статус, на который лишь затем накладывалась бы социальная знаковая стоимость – наоборот, фундаментальным является знаковая меновая стоимость, так что потребительная стоимость подчас оказывается просто ее практическим приложением (или даже простой рационализацией): только в такой парадоксальной форме социологическая гипотеза оказывается верной» [51, с. 12]. В рамках такого подхода важнейшей функцией обмена благ и предметов становится институционализация социальной иерархии.

Еще Т. Веблен показал, что даже если первоначальной функцией подчиненных классов являлось производство, то все равно одновременно они выполняют функцию утверждения *статуса* Хозяина. Более того, в ситуации, когда подчиненные классы содержатся в праздности, эта функция становится единственной [52]. В контексте нашего исследования наиболее важным является не сама социально-классовая дифференциация, хотя это тоже важно, а «рассогласование между подразумеваемой мобильностью (стремлениями) и реальной мобильностью (объективными шансами социального продвижения)» [51, с. 28]. Как отмечал по этому поводу Ж. Бодрийяр, «эти стремления (*подразумеваемая мобильность* – С. С.) не являются свободными <...> они зависят от социальной наследственности и от уже достигнутого положения. Дойдя до определенного порога мобильности, они вообще исчезают – такова абсолютная покорность. В общем, они относительно нереалистичны: мы надеемся на большее, чем объективно в состоянии достичь, и в то же самое время относительно реалистичны: мы не даем разыграться нашему излишне честолюбивому воображению» [51, с. 28].

Рассогласование между подразумеваемой и реальной мобильностями основывается на «неявной интерпретации социальными актантами объективных социологических данных: индустриальные общества предоставляют средним категориям населения определенные шансы на продвижение, но шансы сравнительно небольшие; социальная траектория за исключением отдельных случаев оказывается достаточно короткой, социальная инертность весьма ощутима, всегда остается возможность для регресса» [51, с. 29]. Ж. Бодрийяр писал, что в этом случае «создается впечатление, что: мотивация к восхождению по социальной лестнице выражает интериоризацию общих норм и схем общества постоянного роста; избыток стремлений по отношению к реальным возможностям выдает разбалансировку, глубокое противоречие общества, в котором "демократическая" идеология социального прогресса при случае вмешивается для того, чтобы компенсировать и переопределить относительную инертность социальных механизмов. Скажем иначе: индивиды надеются, потому что "знают", что могут надеяться, – они не надеются слишком, поскольку "знают", что это общество накладывает непроходимые препятствия на свободное восхождение, – и при этом они все-таки надеются чересчур, поскольку сами живут размытой идеологией мобильности и роста. Уровень их стремлений вытекает, следовательно, из компромисса между реализмом, питаемом фактами, и ирреализмом, поддерживаемым окружающей их идеологией – то есть из компромисса, который, в свою очередь, отражает внутреннее противоречие всего общества» [51, с. 29]. В результате возникает «противоречие между рациональной экономической логикой и культурной классовой логикой» [51, с. 44]. В данном случае Ж. Бодрийяр гениально раскрывает сущность современных развитых экономик, основанных на либерально-рыночной доктрине, подчеркивая, что по сравнению с индустриальными обществами роль идеологии начинает играть все большее и большее значение в хозяйственной жизни, именно экономическая идеология позволяет избегать серьезных социально-экономических конфликтов, делает латентными классовые противоречия, препятствует росту самосознания низших и средних классов, переводит политэкономическое противостояние на основе совпадения и противоречия классовых интересов в симуляцию политики.

Т. В. Сергиевич отмечает по этому поводу: «Современное общество <...> особенно подвластно иллюзии социальной мобильности. Индикатором подразумеваемой социальной мобильности является уровень потребления благ» [53, с. 172]. Названный автор также отмечает, что «качественные преобразования в структуре производства в современной экономике во многом обусловлены ростом доли потребления знаковых благ. Классической сферой производства знаковых меновых стоимостей является производство товаров интенсивного обновления, где добавленная стоимость создается за счет

управления механизмами социальной демонстрации» [54, с. 1]. Экономика знака проявляется и в том, что в современном обществе «мода используется индивидом в той степени и с той целью, насколько она способна отразить его принадлежность к определенному социальному классу или общественной группе, т. е. подчеркнуть его социальный статус <...> Такой переход (*переход в более высший социальный класс – С. С.*) может быть как реальным, так и иллюзорным. Под последним имеется в виду симуляция повышения социального статуса путем подражания индивидом представителям других классов, в первую очередь, в принципах поведения и потребления, представлениях (например, об искусстве, литературе и т. д.), предметном окружении (в первую очередь, формах одежды) и др., требующем минимум издержек. Реальная социальная мобильность особенно сложно достижима в современном обществе, разрыв между реальной и иллюзорной мобильностью увеличивается» [53, с. 171–172].

Очень откровенное и важное с точки зрения нашего исследования заявление по поводу европейских ценностей и проекта «Объединенная Европа» сделал Ж. Бодрийяр: «главной целью этой схемы интернациональной стратификации, проходящей под символом "Европы", является политическое осуществление национальной интеграции, свойственной каждой из рассматриваемых стран, причем осуществляется она не только со стороны потребления, но и со стороны стратификации» [51, с. 62]. При помощи этого проекта, позволяющего снизить степень накопления социального капитала и уровня самосознания низших классов «в статистической дихотомии, – отмечает Ж. Бодрийяр, – снимается старое разнообразие противоборствующих классов: их по-прежнему два, но между ними больше нет конфликта – два термина меняются на два полюса "социальной динамики". Следствием (и целью) такого тактического разделения оказывается нейтрализация крайних элементов и, следовательно, всякого противоречия, которое могло бы возникнуть из них в социальном плане: существует один-единственный модельный уровень (направляющая схема) и – все остальные. Перемешанные статистикой, они представляются в качестве просто населения, огромного среднего класса или тех, кто им может стать, класса, культурно уже подготовленного к роскошествам привилегированных классов. Нет больше никакого радикального неравенства между главой предприятия и служащим низового звена, поскольку последний, смешавшись в статистике со средними классами, видит, что ему уже доверен "средний" *standing* и обещан *standing* высших классов. На всем протяжении социальной лестницы никто не подвергается окончательному исключению» [51, с. 62]. В Старой Европе, как отмечает Ж. Бодрийяр, «вокруг обладания культурными и материальными благами организуется целая новая концепция классовой стратегии. Ценности и критерии потребления подвергаются мнимой универсализации лишь затем, чтобы еще успешнее привязать "безответственные" классы (то есть не обладающие властью решения) к потреблению и, тем самым, сохранить для руководящих классов исключительность их власти» [51, с. 64]. Этот прием создает иллюзию объединения всех слоев «демократической» Европой.

Для этого нового общества характерно, помимо вышеназванных характеристик (изменение характера промышленного производства от массового изготовления до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации; развитие сервисной экономики), формирование принципиально новых глобальных финансов, которые выйдут за рамки своей традиционной функциональной роли в экономической системе общества и существуют достаточно изолированно от процессов, происходящих в реальном секторе экономики. Иллюстрируя этот разрыв, Ж. Бодрийяр в свое время писал: «Весьма любопытной чертой, связанной с крахом на Уолт-стрит в 1987 году, является неуверенность в том, имела ли на самом деле место настоящая катастрофа и ожидается ли таковая в будущем. Правильный ответ – нет, реальной катастрофы не будет, поскольку мы живем

под знаком катастрофы виртуальной. В этом контексте красноречиво проявляется несоответствие между фиктивной экономикой и экономикой реальной. Именно этот диссонанс и защищает нас от реальной катастрофы производительной экономики» [1, с. 40]. Далее он добавляет, что «деньги вращаются в недоступном пространстве, которое оставляет мир таким, какой он есть. В конечном итоге, экономика продолжает производить, в то время как малейшего логического следствия из колебаний фиктивной экономики было бы достаточно, чтобы ее уничтожить (не забудем, что сегодня объем товарооборота в 45 раз уступает объему перелива капитала)» [1, с. 42]. Для современного общества также характерно возрастание роли общественно-функциональных инноваций. С расширением применения общественно-функциональных технологий для принуждения акторов к желательному для Манипулятора поведению посредством целенаправленной подачи информации в интернете и традиционных СМИ значительно искажается восприятие субъектами своих потребностей и интересов. «Любая коммуникация (в информационном обществе – С. С.), – пишет по этому поводу Ж. Бодрийяр, – по сути есть лишь принудительный сценарий, непрерывная фикция, избавляющая нас от пустоты нашего умственного экрана, на котором мы с не меньшим вожделием ждем изображения» [1, с. 22]. Кроме этого для общества, пришедшего на смену индустриальному, характерно изменение роли и функций информации в хозяйственной жизни в увеличении значения знаний для развития экономики. В современную эпоху информация, постоянно воспроизводящаяся и катастрофически разрастающаяся в интернете, приходит в свою противоположность. «Избыток знаний безразлично рассеивается по поверхности во всех направлениях, при этом происходит лишь замена одного слова другим» [1, с. 21]. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что «написано и распространено столько знаков и сообщений, что они никогда не будут прочитаны. К счастью для нас! Ибо даже с той малой частью, которую мы абсорбируем, с нами происходит нечто, подобно казни на электрическом стуле» [1, с. 49]. В последнем случае речь идет по существу об использовании невероятно большого объема информационных сообщений не для получения или трансляции новых знаний, а как важного инструмента современных информационных войн. Причем последние сегодня ведутся не только между государствами и политическими партиями, но и между многочисленными классами и даже отдельными коммерческими организациями. Вместе с тем эта лавина интернет-информации слабо пересекается с теми знаниями, технологическими решениями, в которых сегодня как никогда нуждаются реальный сектор экономики и сфера услуг.

Но вернемся к гносеологической сути проблем современной экономики, раскрытых Ж. Бодрийяром. Названный автор писал о существовании трилогии развития ценностей: «начальная стадия, когда существовали повседневные, бытовые ценности; рыночная стадия, когда ценность выступает как средство обмена; структурная стадия, когда появляется ценность-символ. Закон естественного развития – закон рынка – структурный закон ценностей» [1, с. 10]. «После начальной, рыночной и структурной стадий ценности возникает стадия дробления, – поясняет Ж. Бодрийяр, – начальной стадии соответствует естественное природное состояние мира, и ценность развивалась согласно существовавшим естественным обычаям. Второй стадии соответствовала эквивалентность ценности, и ценность развивалась согласно логике торговли. На третьей стадии появился некий свод правил, и ценность развивается в соответствии с существующей совокупностью образцов. На четвертой же стадии – стадии фрактальной, которую мы могли бы назвать также вирусной или стадией диффузии ценностей, уже не существует соответствия чему бы то ни было. Ценность распространяется во всех направлениях, без какой-либо логики, присутствуя в каждой скважине и щели. На этой стадии не существует более равноценности, присущей другим стадиям, нет больше самого закона ценности; есть лишь нечто,

похожее на эпидемию ценности, на разрастание метастазов ценности, на ее распространение и рассеяние, зависящее лишь от воли случая. Строго говоря, здесь уже не следовало бы прибегать к самому понятию ценности, поскольку такое дробление, такая цепная реакция делает невозможным какое-либо исчисление и оценку» [1, с. 10–11]. После чего Ж. Бодрийяр констатирует: «Экономика, ставшая трансэкономикой, эстетика, ставшая трансэстетикой, сексуальность, ставшая трансэкссуальностью, – все это сливается в универсальном поперечном процессе, где никакая речь не сможет более быть метафорой другой речи, потому что для существования метафоры необходимо существование дифференцированного поля и различных предметов. Но заражение всех дисциплин кладет конец такой возможности. Полная вирусная метонимия по определению (или, скорее по отсутствию определения)» [1, с. 14]. Очень гносеологически красивое определение, отражающее суть современного Западного общества, в этих условиях породившего социальную парадигму постиндустриальной экономики. Будь это философский текст, то на этом возможно можно было бы остановиться, но политико-экономическое определение современного общества, общества рисков, требует рассмотреть его экономическую онтологию.

Современная экономика – экономика рисков

Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. В отличие от традиционных экономических рисков как возможности потерь хозяйствующими субъектами вследствие рыночной неопределенности или вмешательства государства в экономическую деятельность, являющихся атрибутивными признаками рыночной экономики, в современной экономике риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы – «черные лебеди», «эффект сверхуверенности» и т. д.

Нами уже неоднократно отмечалось, что «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [55, с. 23]. Радикальное изменение механизмов организации обмена между производителями и потребителями. Рыночный сегмент, длительное время господствующий в экономически развитых странах, становится периферийным. Для пострыночной экономики характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы. Последние уже давно стали предметом изучения не только ученых экономистов, но и других обществоведов и гуманитариев. Так, например, Т. В. Солодовникова соглашается с тем, что «происходящая сегодня радикальная трансформация национальных экономик и мировой экономики в целом, сопровождающаяся формированием посткапиталистического общества, была вызвана технологической и информационной революциями. Активно развиваются принципиально новые формы конкуренции, в том числе направленные на нелетальное разрушение конкурентов (подрыв его имиджа, доверия к нему и т. д.)» [56, с. 44].

Собственно говоря, важным отличием рыночной экономики от пострыночной экономики и выступают новые общественно-функциональные технологии, применяемые в конкурентной борьбе. Прежде всего, это общественно-функциональные технологии (информационное оружие), направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов и ориентированные на противодействие этому разрушению.

В настоящее время общественно-функциональные технологии, направленные на нелетальное разрушение социальных субъектов, из сферы военно-политического про-

тивостояния естественным образом пришли в сферу политико-экономической конкуренции. В литературе все чаще и чаще стали встречаться новые понятия – «информационное оружие» и «информационная война», которые, в сущности, означают революцию не только в военном искусстве, но и в сфере компьютерно-информационных технологий. Часто за этим скрываются принципиально новые формы противоборства, в которых победа, «подавление противника» будет достигаться не с помощью классического (даже ядерного) оружия и традиционных способов ведения войны, а путем массированного использования информационного оружия. Многие аналитики технологических развитых стран считают этот вид оружия «решающим фактором владения современным миром». Национальные информационные ресурсы сегодня составляют все большую долю национального богатства в развитых странах. «Информационное оружие», сейчас называют «Троянским конем XXI века».

Появление информационного пространства привело к появлению желающих не только поделить это пространство, но и контролировать и управлять процессами, в нем происходящими. Для этого используется так называемое технико-ориентированное информационное оружие, которое подразделяется на то, которое направлено против компьютерных систем и способствует всяческой трансформации информации в пользу информационного агрессора. Оно выступает в таком случае в качестве средства уничтожения, искажения или хищения информации; средства преодоления систем защиты; средства ограничения допуска законных пользователей; средства дезорганизации работы технических средств, компьютерных систем. В отличие от технико-ориентированного информационного оружия, информационное оружие как общественно-функциональная инновация представляет собой такой вид информационного оружия, который подвергает воздействию определенные группы социальных субъектов с целью навязывания им нужного манипулятору социально-экономического поведения.

Возникновение кибернетического пространства ознаменовало собой начало эпохи информационных войн. Это можно объяснить тем, что с появлением все более и более усовершенствованных компьютерно-информационных технологий ведение информационной войны становится в разы быстрее и является более эффективным воздействием на социум. Так как хозяйствующий субъект уничтожается нелетально, а значит, победа в информационной войне является «алгоритмически неразрешимой проблемой». Самая главная задача применения информационного оружия состоит в том, чтобы заставить противника направить имеющиеся у него средства, в том числе технические, против самого себя. Информационное оружие второго типа направлено против социальных субъектов и включает в себя «не силовые» методы борьбы – такие, например, как сборку, так и разборку социального субъекта.

Для сборки и разборки социального (квази-социального) субъекта сегодня используется информационное оружие, под которым понимается средство ведения современной нелетальной войны. Оно обеспечивает идентификацию и поражение противника с помощью информационных концентраторов различных конструкций (традиционное СМИ, сетевые гипертекстовые концентраторы и т. п.). Позволяет оказать влияние на социальный субъект, приводящее к блокированию его социальных действий (социальной активности). Позволяет эффективно перераспределять (переделить) материальные ресурсы (изменить отношения собственности) без нанесения повреждений самой собственности. В результате чего «современная экономика становится критически зависимой от возможности определенными социально-экономическими субъектами (социальными группами) манипулировать поведением больших масс людей в своих эгоистических (эгональных – С. С.) интересах» [57, с. 126].

Если посмотреть на процессы сборки и разборки социального субъекта через призму категории экономика рисков, то становится очевидным, что в данном случае идет речь не только о нарушении рыночных принципов ценообразования, т. е. о значительном сокращении сферы применения закона спроса и предложения в хозяйственной практике, но и о нарушении законов образования и эволюции социальных классов, когда высшие классы могут навязывать средним и низшим классам свою идеологию, свою мораль, свои интересы. Иначе говоря, «класс в себе» не может стать «классом для себя» (К. Маркс), или в терминологии М. Вебера «класс» не может стать «социальным классом». А это значит, что классовая борьба, а ее никто не отменял, становится латентной и непредсказуемой [58]. В результате серьезно трансформируются социально-трудовые отношения и механизмы согласования экономических интересов, частично они становятся симулякрами, тем самым повышая непредсказуемость хозяйственной деятельности, порождают серьезные политико-экономические и технологические риски. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «Традиционно инфляция и безработица составляют переменные, входящие в уравнение роста: на этом уровне кризиса нет – есть лишь неупорядоченные процессы, а сама неупорядоченность является тенью органической целостности. Ныне аномалия приобретает весьма тревожный характер. Она – не явный симптом, а странный знак упадка, нарушения правил какой-то тайной игры или, по меньшей мере, чего-либо, нам неизвестного [1, с. 50]». Далее он приводит еще один пример: «И безработица тоже изменила смысл. Это уже не стратегия капитала (резервная армия), не критический фактор в игре социальных отношений. Иначе, при том, что напряженность уже превзошла все пределы, безработица привела бы к неслыханным потрясениям [1, с. 51]». Отсутствие четких правил игры в социально-классовых отношениях, поскольку у подавляющего большинства социально-классовых образований современного общества отсутствует «классовое» сознание, привело сегодня к росту популистских партий. Эти партии ориентируются не на объективные политико-экономические интересы, а на потребностные ожидания, что само по себе усиливает неопределенность и риски в экономической политике.

Значительный вклад в превращение традиционной капиталистической экономики в экономику рисков принадлежит глобальным спекулятивным финансам. То, что в последние двадцать лет значительно повысилась неустойчивость мировой экономики, прежде всего, связано с изменением в ней роли и функций финансов, а также значительным усилением глобальной финансовой неустойчивости. Причем в основе последней лежит «изменение природы и роли финансов: из обеспечивающих и обслуживающих экономику они стали доминирующими над экономикой, – отмечает М. А. Сажина. – Более того, работая преимущественно на себя, они действуют глобально. Оторванные от своего материального носителя, глобальные виртуальные финансы постоянно движутся, причем с очень высокой скоростью: за секунду миллиарды долларов, а за день триллионы долларов могут сменить своих собственников. В результате для виртуальных денег характерна постоянная смена субъекта собственности и размытость диффузия прав собственности. В следствие этого они потеряли такую характерную черту, как управляемость, выключились из процесса рыночного саморегулирования, усилили риски и придали экономике черты нестабильности» [59, с. 32]. Современные глобальные финансы значительно нарушают действие рыночных законов в планетарном масштабе. Причем это нарушение намного больше, чем то нарушение, которое наблюдалось в период после Второй мировой войны от хозяйственной деятельности всех социалистических стран. Ж. Бодрийяр писал по этому поводу: «есть нечто другое, гораздо более ошеломляющее чем инфляция. Это – оборот денежной массы, охватывающий Землю своей круговой орбитой» [1, с. 50]. Гносеологическое осмысление новой роли финансов во многом затруднено (помимо того, что современные глобальные финансы – это принципиально новое явления в экономической истории) еще

и тем, что на региональном и страновом уровне финансы в ряде случаев продолжают выполнять свои традиционные функции.

Результатом деятельности глобальных финансов в условиях отсутствия действенных межстрановых институционально-финансовых фильтров (барьеров), защищающих национальные экономики от спекулятивных атак глобальной финансовой системы могут очень быстро разрушить национальный промышленный комплекс, сельское хозяйство и в целом сложившийся в данной стране уклад хозяйственной жизни. При этом «нарушаются не только сложившиеся макроэкономические пропорции, но и возникают новые диспропорции. Среди них: разрыв между инвестициями и сбережениями, появились страны с хроническим дефицитом и хроническим профицитом текущих статей платежного баланса, растет задолженность, учащаются и усиливаются финансовые кризисы» [59, с. 32]. При этом основой глобальной финансовой неустойчивости является долларизация мировой экономики. В период золотого обеспечения доллара как основной резервной валюты это во много отражало политико-экономические реалии второй половины сороковых – начала семидесятых годов прошлого века, когда сразу после Второй мировой войны США производили 56 % мирового промышленного и сельскохозяйственного производства и обладали примерно 70 % мирового запаса золота.

После отказа от золотого обеспечения доллара США получили возможность «проводить фактически ничем не ограниченную эмиссию доллара, стимулировать внутренний спрос в стране, не обеспечивая его реальным ростом экономики. В конечном счете это привело к чрезмерному увеличению денежной массы резервной валюты и к снижению ее эффективности. В результате США сняли с себя и со своих банков всякие обязательства за эмитируемые ими доллары» [59, с. 32]. Как результат, чтобы уменьшить свои финансовые риски все страны – владельцы долларовых валютных резервов, помещали их на счета американских банков, а у последних возникла проблема как размещать эти лишние доллары, которые изначально не были востребованы американским рынком. «Банки пустились финансировать "пузыри" на фондовом рынке, раздавать дешевые ипотечные кредиты практически без всякого контроля за заемщиками, осуществлять льготное кредитование диктаторских режимов в мире. Но самое негативное следствие этих действий состоит в том, – справедливо отмечает М. А. Сажина, – что американские финансовые институты стали формировать международные "горячие деньги", которые начали кочевать по фондовым и валютным рынкам разных стран, усиливая их цикличность, ввергая в постоянные подъемы и кризисы» [59, с. 32]. Эти «горячие деньги» в основе относятся к фиктивному капиталу, который работает на воспроизводство самого себя, опровергая самим своим существованием и теорию стоимости, и закон спроса и предложения и многое другое. Ж. Бодрийяр в свое время справедливо утверждал, что «надежда примирить фиктивную экономику с реальной утопична: эта свободно обращающиеся миллиарды долларов невозможно переместить в реальную экономику, что, впрочем, является большой удачей, ибо если бы каким-то чудом они оказались вложены в производство, это стало бы настоящей катастрофой» [1, с. 43]. Проблема глобальных финансов не может быть раскрыта в рамках одной статьи, да это и не является нашей задачей. Исходя из цели нашего исследования, нам в данном случае важно, что эти глобальные спекулятивные финансы вносят свой значительный «вклад» в возникновение и эволюцию экономики рисков.

Еще одной важной причиной возникновения и сохранения экономики рисков выступает очень высокая неопределенность технико-технологических прогнозов. В результате возникает множество дополнительных рисков на уровне государства и коммерческих организаций, вызванных этой неопределенностью. Рассмотрим это подробнее.

Современная структурная политика в контексте технологической модернизации экономики должна исходить, как справедливо подчеркивают С. Губанов [60], Д. Фролов, И. Полынцев [61, с. 27], из реалистичного системного анализа тенденций развития современных индустрий. «Особенно это касается наиболее динамично развивающихся высокотехнологичных индустрий, обладающих потенциалом утверждения в качестве "ядра" неоиндустриального хозяйства» [61, с. 27]. Для успешной реализации современной структурной политики необходимо наличие и оптимальное сочетание таких важнейших экономических ресурсов как: человеческий капитал; социальный капитал; финансовый капитал и материально-вещественный капитал. Все названные формы капитала одинаково важны для проведения новой индустриализации, но в различные периоды может наблюдаться нехватка (дефицит) какого-либо из них. Соответственно, и экономическая эффективность добавления этого фактора будет возрастать. При этом в ряде случаев несколько из названных видов капитала могут одновременно существовать в рамках одной бытийной формы (одного социально-экономического явления). Например, социально-экономическое сообщество является одновременно формой расширенного воспроизводства человеческого и социального капиталов.

Современная структурная политика формируется в условиях глубокого кризиса наноиндустрии [61]. Д. Фролов и И. Полынцев подчеркивают, что «осмысление причин и последствий кризиса наноиндустрии позволит конструктивно скорректировать стратегию ее развития и политику регулирования» [61, с. 27], что позволит скорректировать структурную политику и оптимизировать использование бюджетных ресурсов, направляемых на НИОКР.

Напомним, что «импульсом глобального развития наноиндустрии стало утверждение и начале 2000 г. президентом США Б. Клинтоном первой в мире государственной стратегии в области нанотехнологий – национальной нанотехнологической инициативы» [61, с. 27]. США направили колоссальные ресурсы на финансирование этой стратегии, которые к 2017 г. составили более 24 млрд долл. США [62, р. 25]. В национальной нанотехнологической инициативе «был озвучен прогноз объема мирового рынка продукции наноиндустрии – 1 трлн. долл. к 2015 г. Главным эффектом перспективы «триллионного рынка» для нанотехнологий стала боязнь правительств во всем мире пропустить новую технологическую революцию и дать США возможность глобального доминирования в сфере инноваций. Этого было достаточно, чтобы породить сначала в развитых, а затем и развивающихся странах множество стратегических действий по развитию нанотехнологий» [61, с. 27]. В результате «в мире начинается научное соревнование за достижение передовых позиций в нанотехнологиях. Остроту ситуации характеризует стремление США не просто лидировать, а доминировать на этом направлении науки» [63, с. 2]. Д. Фролов и И. Полынцев отмечают, что в результате этого «в большинстве стран были приняты стратегии и программы развития нанотехнологий по аналогии с ННИ (*национальной нанотехнологической инициативой* – С.С.). В результате совокупный объем государственных и частных инвестиций в связанные с нанотехнологиями и наноматериалами исследования и разработки неуклонно увеличивался. Так, в период 1997–2004 гг. данный показатель вырос в 20 раз – с 0,4 до 8,6 млрд долл.» [61, с. 27]. Названные авторы для характеристики этой ситуации приводят в своей работе высказывание американских ученых [64; 65], о том, что «к середине 2000-х гг. конкуренцию стран в сфере наноиндустрии с полным основанием можно было охарактеризовать как "наногонку", сравнимую с "лунной гонкой" 1960-х гг. и представляющую собой превращенную форму "гонки вооружений" в мирное время» [61, с. 27]. За десять лет после принятия национальной нанотехнологической инициативы правительства во всем мире инвестировали в нанотехнологии свыше 65 млрд долл. [61, с. 28]. «В 2010 г. инвестиции частных компаний впервые превысили

вложения со стороны государств: если в 2009 г. корпорации и правительства во всем мире инвестировали в наноиндустрию по 8,4 млрд долл., то в 2010 г. частный бизнес вложил уже 9 млрд долл., а государственные расходы составили 8,2 млрд долл. По состоянию на 2010 г. лидерами корпоративных инвестиций в сферу нанотехнологий выступали США, Япония и Германия, при этом Россия заняла последнее место в данном рейтинге» [61, с. 28].

На этом фоне возникают *сверхоптимистичные* прогнозы объемов рынка наноиндустрии «в триллионном измерении, от 1 до 4,4 трлн. долл. (Lux Research, National Scientific Foundation, Cientifica, RNCOS)» [61, с. 28], *умеренно-оптимистичные* прогнозы исчисляют объем рассматриваемого рынка в сотнях миллиардов долларов, от 148 до 750 млрд долл. (European Commission, Wintergreen, MRI, Evolution Capital) и *пессимистичные* (или реалистичные по определению BCC Research) прогнозы измеряют объем данного рынка десятками миллиардов долларов, от 64,2 до 75,8 млрд долл. (BCC Research, Research and Markets)» [61, с. 28–29].

Д. Фролов и И. Полынцев объясняют такой широкий разброс оценок тем, что: во-первых, «речь идет о рынке быстро развивающейся технологии широкого применения, потенциал которой фактически еще не раскрыт окончательно даже на уровне фундаментальных исследований» [61, с. 29], во-вторых, «в оптимистичных прогнозах учитывается совокупная стоимость продукции, произведенной с применением нанотехнологий и наноматериалов, а не стоимость самих нанотехнологий и наноматериалов, что приводит к завышенным оценкам рынка» [61, с. 29], в-третьих, увлечением многих ученых «построением описательных моделей будущей экономики, основанной на нанотехнологическом укладе, тяготеющих к утопическим или апокалиптическим сценариям. Например, по мнению некоторых исследователей, развитие VI технологического уклада, базирующегося на нанотехнологиях (по классификации С. Глазьева), приведет к возникновению эффекта экономической сингулярности, вследствие которой нанотехнологии проникнут во все виды технологий и фактически поглотят их, а наноиндустрия включит в себя все ранее известные индустрии» [61, с. 30].

М. Кастельс в свое время предупреждал об опасности субъективных завышенных оценок развития новейших комплексных технологий, подчеркивая при этом: «Существенно, таким образом, сохранять дистанцию между оценкой возникновения новых социальных форм и процессов, индуцированных и допускаемых новыми технологиями, и экстраполяцией потенциальных последствий таких событий для общества и людей: только конкретный анализ и эмпирические наблюдения смогут определить исход взаимодействия между новыми технологиями и возникающими социальными формами» [66, с. 78]. Используя эту идею М. Кастельса применительно к развитию наноиндустрии, Д. Фролов и И. Полынцев отмечают: «Как утопические, так и алармистские сценарии развития наноиндустрии достаточно быстро оказались опровергнуты объективной реальностью» [61, с. 30]. Сегодня «сверхоптимистичные ожидания инвесторов (*по поводу развития наноиндустрии* – С. С.) по большому счету не оправдались: индексы нанотехнологических компаний отстают от обычных фондовых индексов, ушла в прошлое мода на добавление приставки "нано" в названия стартапов, интерес общества к нанотехнологиям резко упал, а результатами исследований и разработок в области нанонауки и наноинженерии активно пользуются корпорации, не позиционирующиеся в качестве представителей наноиндустрии <...> По сути, нанотехнологии как радикальная инновация выразились в многочисленных улучшающих изменениях в уже сложившихся отраслях экономики» [61, с. 30–31]. «Снижение инвестиционной привлекательности наноиндустрии, – подчеркивают Д. Фролов и И. Полынцев, – видно по динамике специализированных бир-

жевых индексов» [61, с. 31]. Эти авторы также добавляют, что «многие предприятия наноиндустрии, вышедшие на фондовый рынок в начале и середине 2000-х гг., снизили свою капитализацию в десятки раз» [61, с. 32].

Все это требует в структурной политике отказаться от адресной специализированной модели наноиндустрии и перейти к «зонтичным стратегиям развития наноиндустрии в составе комплексных технологических направлений, например развивающихся (emerging) технологий или STI (наука, технологии и инновации; от англ. *Science, Technology and Innovation*), а также к секторно и проблемно ориентированным стратегиям развития нанотехнологий в рамках более широких стратегий устойчивого роста или развития промышленности» [61, с. 33]. По нашему мнению, следует согласиться с Д. Фроловым и И. Польшинцевым о том, что предположение о том, что ядром нового технологического уклада станут нанотехнологии не оправдалось [67; 68; 69]. «Вопреки подавляющему большинству прогнозов, нанотехнологии не поглотили все остальные быстро развивающиеся технологии, а, по сути, "растворились" в них. Наноиндустрия не стала "ядром" нового уклада и де-факто не сложилась как отдельная индустрия. Хотя наноиндустрия не относится к так называемым быстро развивающимся индустриям (emerging industries), таким как большие данные (big data), биофармацевтика, мобильные технологии и др., анализ показывает, что нанотехнологии тесно связаны с этими индустриями и выступают для них обеспечивающей, инфраструктурной технологией» [70, с. 35–36].

Во многом в результате идеологического влияния социальной парадигмы постиндустриального общества в экономической науке до настоящего времени отсутствуют четкие фундаментальные теоретические представления о том, что же следует понимать под технологической эволюцией. В российской научной литературе эта гносеологическая проблема описывается так: «Известна идея – представить, технологическую эволюцию как смену неких технико-экономических парадигм (К. Перес), в российской более поздней версии – так называемых технологических укладов. Эти вещи ретроспективные, классификационные, это абстрактные схемы, ничего не проясняющие в технологическом развитии, поскольку никто ничего не может сказать о шестом (иногда и о пятом!), не говоря уже о седьмом или восьмом укладе (парадигме). Следовательно, пока точно не установлено, что составляет его основу (уклада), правдоподобно сказать о нем затруднительно, по крайней мере, на коротком отрезке времени. Только обернувшись назад, можно сказать о прошлых этапах, условно подразделяя их на некоторые периоды времени» [71, с. 12–13]. Иначе говоря, достаточно популярная сегодня концепция смены технологических укладов представляет собой ретроспективную концепт-схему.

Однако этой идее придается вес не только как ретроспективной концепции-схеме [71, с. 12–13], а как основе для текущей экономической политики. Так, например, в работе «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» [67], вышедшей в 2009 г., отмечается, что «всплеск и падение цен на энергоносители, мировой финансовый кризис – верные признаки завершающей фазы жизненного цикла доминирующего технологического уклада и начало структурной перестройки экономики на основе следующего уклада» [67, с. 17]. Оставляю в стороне вопрос, почему во время множества других мировых экономических кризисов, регулярно повторяющихся во второй половине XX, начале XXI веков и не редко сопровождаемых всплеском и падением цен на энергоносители (например, мировой кризис 1974-75 гг.) – это не свидетельствовало о смене доминирующих технологических укладов, отметим только, что социальная парадигма смены технологических укладов категориально не описана. О. А. Наумович отмечает по этому поводу: «Однако, отсутствие стройных (внутренне непротиворечивых) понятийных рядов негативно сказывается в том плане, что любое,

даже самое точное и совершенное определение (если оно не вписано адекватным образом в понятийный ряд, т. е. систему других взаимосвязанных понятий и категорий) не позволяет содержательно решить сложную многоуровневую задачу, не только раскрыть сущность того или иного технологического уклада как социально-экономического феномена, но и как определенной стадии развития человеческого общества, определенного этапа в развитии экономики, определенного этапа в развитии самого общества, жизни людей, политэкономически как феномена, но и одновременно раскрыть те факторы или сущность, почему оно возникло, т. е. его генезис» [72, с. 35]. Сложившаяся в экономической науке постсоветских стран после 1991 г. ситуация отказа многими учеными-экономистами, работающими в конкретно-экономических направлениях, характеризующаяся отказом от теоретико-методологической проработки принципов своих исследований, создала условия для слепого копирования технологической политики западных стран. Например, если западные страны активно развивают наноиндустрию, то и мы будем поступать так же. Ошибочность такого подхода нами была описана выше.

При этом в структурном и технологическом планировании «нужно учитывать текущее состояние базовых технологий» [71, с. 13], поскольку в ситуации резкого отставания от сверхиндустриальных стран базисных машиностроительных технологий, инженерной работы и оказания услуг промышленного характера [44], «никакие рецепты вложений в нанотехнологии не только нельзя назвать обоснованными, но они порождают дополнительные структурные перекосы и не являются отражением той системности действий и развития общих технологий, которые могут потребовать на следующем этапе и нанотехнологий, как неотъемлемого элемента в некотором объеме, который будет задан масштабом и потребностями экономики, ее общей технологичностью» [71, с. 13]. Соглашаясь с этими высказываниями, вместе с тем следует подчеркнуть, что вышеназванные проблемы не могут быть преодолены без теоретического осмысления взаимозависимости экономики рисков технологической неопределенности.

ВЫВОДЫ

В 1960–90-х годах прошлого века в странах золотого миллиарда сформировался новый тип обывателя, обывателя сытого и самодовольного, который в период этих благодатных пятидесяти лет (европейского «золотого века»), когда финансовые и политические элиты капиталистических стран были вынуждены, борясь с социалистической идеей, делиться частью своих сверхприбылей со своими согражданами. В результате новый европейский обыватель, вооруженный идеями протестантского фундаментализма и «общечеловеческими» ценностями, не заметил, что социальные лифты в ЕС давно перестали работать, а децильные коэффициенты достигли заоблачных высот, по сравнению с которыми имущественная дифференциация в Римской империи кажется образцом социальной справедливости. Децильный коэффициент в Великобритании сегодня равняется 100! Золотой век в Западной Европе закончился, закончился в ней и период латентных экономических конфликтов. Общественные науки и, в том числе, теоретическая экономика, занятые выполнением социального заказа высших социальных классов (всеми способами поддерживать и совершенствовать либерально-рыночную идеологию, основанную на идеях протестантского фундаментализма), не заметили радикальных политико-экономических изменений – возникновение и быстрое развитие экономики рисков. Повторилась ситуация 1929 г., когда большинство западных ученых экономистов «просмотрели» качественные изменения в капиталистической экономике, приведшие к страшному мировому экономическому кризису. И тогда, и сейчас причиной этому стала их идеологическая зашоренность.

Экономика рисков – это экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков. Эти риски принимают всеобъемлющий характер, многие из них в принципе не предсказуемы и их возможные негативные последствия могут привести Человечество к глобальной катастрофе.

Понять природу экономики рисков – значит научиться им противостоять. Без обновления методологии политической экономии это будет невозможно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр ; Пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – 5-е изд. – М.: «Добросвет», «Издательство "КДУ"», 2014. – 260 с.
2. Эко, Ум. Откровения молодого романиста / Ум. Эко. – М.: АСТ; Corpus. – 2013. – 320 с.
3. Струве, П. Б. Первичность и своеобразие обмена и проблема «равновесия». Ответ А. Д. Билимовичу / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1924. – Кн. 3 (1) – С. 33–50.
4. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов: моногр. / Ч. С. Кирвель [и др.]; под науч. ред. Ч. С. Кирвеля. – 2-е изд., перераб. и доп. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 547 с.
5. Кейнс, Дж. Общая теория занятости, процента и денег [Электронный ресурс] / Дж. Кейнс // Учебники, монографии по социологии. – Режим доступа: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Дата доступа: 23.08.2016.
6. Солодовников, С. Ю. Культ карго, или Новый объект экономической науки / С. Ю. Солодовников // Белорусская думка. – 2016. – № 1. – С. 56–62.
7. Борисов, Б. Голодомор по-американски / Б. Борисов [Электронный ресурс] // Око планеты. Новости, аналитика, информация. – Режим доступа: <http://oko-planet.su/first/4702-boris-borisov-golodomor-po-amerikanski.html>. – Дата доступа: 14.09.2016.
8. Чуньков, Ю. И. Взаимодействие объективного и субъективного в социалистической экономике : (Политэкономический аспект исследования) / Ю. И. Чуньков. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. – 193 с.
9. Ансар, П. Современная социология / П. Ансар // Социологические исследования. – 1996. – № 1. – С. 134–150.
10. Радаев, В. В. Социология рынков: к формированию нового направления / В. В. Радаев. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с.
11. Ипполитов, Л. Зарождение институционалистской экономической теории в России (об одной методологической дискуссии 1920-х годов / Л. Ипполитов // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – С. 43–57.
12. Булгаков, С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
13. Туган-Барановский, М. И. Социальная теория распределения / М. И. Туган-Барановский // Известия С.-Петербургского политического института, отдел наук экономических и исторических. – 1913. – Т. 20. – С. 1–20
14. Струве, П. Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч. 1 / П. Струве. – СПб.; М., 1913. – 358 с.
15. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. – Т. III. Эпоха социальных переломов / Отв. ред. А. Г. Худокормов. – М., 2005. – 893 с.
16. Струве, П. Б. Научная картина экономического мира и понятие «равновесия» / П. Б. Струве // Экономический Вестник. – 1923. – Кн. 1. – С. 5–26.

17. Радаев, В. В. К обоснованию модели поведения человека в социологии (основы «экономического империализма») / В. В. Радаев // Социологические чтения. Вып. 2. – М.: Институт «Открытое общество»: Институт социологии РАН, 1997. – С. 177–189.
18. Радаев, В. В. Рынок как объект социологического исследования / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 1999. – № 3. – С. 28–37.
19. Becker, G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101. – P. 385–409.
20. Беккер, Г. Выбор партнера на брачных рынках / Г. Беккер // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 12–36.
21. Шульц, Т. Ценность детей / Т. Шульц // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 37–49.
22. Бьюкенен, Дж. М. Сочинения / Дж. М. Бьюкенен. – Т. 1. – М.: Таурус-Альфа, 1997. – 556 с.
23. Block, F. The Role of the State in the Economy / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). // The Handbook of Economic Sociology. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 206–232.
24. Evans, P. B. Embedded Autonomy / P. B. Evans. – Berkeley: University of California Press, 1995.
25. Frye, T. The Invisible Hand and the Grabbing Hand / T. Frye, A. Schleifer // American Economic Review. Papers and Proceedings. – 1997. – Vol. 87. – № 2. – P. 354–358.
26. Shleifer, A. The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures / A. Schleifer, R. Vishny. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – 278 p.
27. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – New York: Basic Books, 1973. – 507 p.
28. Вередюк, О. В. Детерминанты занятости в концепции постиндустриального общества / О. В. Вередюк // Вестник СПбГУ. Сер 5. – 2010. – Вып. 4. – С. 35–41.
29. Machlup, F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. – Princeton University Press, 1962. – 523 p.
30. The Knowledge Society / Ed. by G. Bohme & N. Stehr. D. – Reidel Publishing Company, Holland, 1984. – 209 p.
31. Brzezinski, Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era / Z. Brzezinski. – New York: The Viking Press, 1970. – 355 p.
32. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells // The Rise of the Network Society. – London and Oxford: Blackwell Publisher, 1996. – Vol. I. – P. 151–200.
33. Roszak, T. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society / T. Roszak. – Garden City; New York: Doubleday & Company, 1972. – 492 p.
34. Иноземцев, В. Л. За пределами экономического общества / В. Л. Иноземцев. – М.: Academia. – Наука, 1998. – 640 с
35. Castells, M. The Rise of the Network Society: 2nd ed. / M. Castells. – Wiley-Blackwell, 2010. – 597 p.
36. Toffler, A. Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave / A. Toffler, H. Toffler. – Turner Publishing, Atlanta, 1993. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.archipelag.ru/authors/toffler>. – Date of access : 17.10.2010.
37. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические факторы, определяющие изменение системы трудовой мотивации в новых социально-экономических и технологических условиях в Беларуси / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 296–308.
38. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2015. – № 5. – С. 2–9.

39. Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, институциональные матрицы и экономическая система общества: феноменологическая природа, взаимообусловленность, социальный генезис / С. Ю. Солодовников // Вопросы сервиса и экономики. – 2012. – № 4. – С. 5–22.

40. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

41. Мелешко, Ю. В. Системообразующие принципы развития услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов XI международной научно-практической конференции. – 2017. – С. 84–86.

42. Мелешко, Ю. В. Оценка эффективности развития услуг промышленного характера в контексте модернизации национального промышленного комплекса / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 39–47.

43. Мелешко, Ю. В. Эволюция услуг промышленного характера в Республике Беларусь в 1995-2015 гг. / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – № 5. – С. 127–144.

44. Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – № 6. – С. 64–78.

45. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» Сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50–55.

46. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.

47. Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – Минск, 2016. – № 14. – С. 51–60.

48. Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.

49. Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012 – № 3. – С. 74–91.

50. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16.

51. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр / пер. с фр. Д. Кралечкин. – М. : Академический Проект, 2007. – 335 с.

52. Veblen, Th. The Theory of the Leisure Class / Th. Veblen. – 1899, фр. пер.: La Theorie de la classe de loisir; Paris, Gallimard, 1969.
53. Сергиевич, Т. В. Мода как объект экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Бизнес. Инновации. Экономика : сб. научн. ст. / Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ; редкол.: В. В. Апанасович (председатель). – Минск: Печатный Дом «Вишневка», 2017. – Вып. 1. – С. 170–179.
54. Сергиевич, Т. В. Совершенствование организационно-экономического механизма производства товаров интенсивного обновления : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Т. В. Сергиевич ; БГУ. – Минск, 2018. – 30 с.
55. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.
56. Солодовникова, Т. В. Инструменты подмены оснований в современном экономическом дискурсе / Т. В. Солодовникова // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 43–48.
57. Солодовникова, Т. В. Ложная аргументация как инструмент экономического дискурса / Т. В. Солодовникова // Экономические исследования и разработки: научно-исследовательский журнал. – Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука». – 2017. – № 2. – С. 125–143.
58. Солодовников, С. Ю. Классы и классовая борьба в постиндустриальном обществе: методологические основы политико-экономического исследования / С. Ю. Солодовников. – Минск : БНТУ, 2014. – 378 с.
59. Сажина, М. А. Природа современных финансов / М. А. Сажина // Экономические науки. – 2014. – № 9. – С. 25–33.
60. Губанов, С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России / С. Губанов // Экономист. – 2016. – № 2 – С. 3–10.
61. Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полынцев // Экономист. – 2017. – № 5 – С. 27–37.
62. The National Nanotechnology Initiative Supplement to the President's 2017 Budget // National Science and Technology Council. – 2016. – 104 p.
63. Арский, Ю. М. От редакционной коллегии / Ю. М. Арский // Индустрия наносистем и наноматериалов. – 2007. – № 1.
64. Hullman, A. Who is winning the global nanorace? / A. Hullman // Nature Nanotechnology. – 2006. – № 1. – P. 81–83.
65. Nanomanufacturing: Emergence and Implications for U. S. Competitiveness, the Environment, and Human Health. Report to Congressional Requesters // United States Government Accountability Office. – 2014. – P. 22.
66. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ. – 2000. – 608 с.
67. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике» / С. Ю. Глазьев [и др] ; под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитоновна. – М.: Тривант, 2009. – 304 с.
68. Глазьев, С. Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике / С. Ю. Глазьев // Международная экономика. – 2010. – № 5. – С. 5–27.
69. Иншаков, О. В. Индустрия как форма утверждения, распространения и господства хозяйственного уклада в экономике / О. В. Иншаков, А. В. Фесюн // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 3: Экономика, экология. – 2014. – № 2. – С. 44–53.

70. Фролов, Д. Кризис nanoиндустрии и ее будущее / Д. Фролов, И. Полынцев // Экономист. – 2016. – № 2.
71. Сухарев, О. С. Индустриальная политика и развитие промышленных систем: Эволюция, институты и управление / О. С. Сухарев, Е. Н. Стрижакова. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 160 с.
72. Наумович, О. А. Смена технологических укладов как социально-экономический феномен / О. А. Наумович // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – 2016. – Вып. 4. – С. 34–38.

REFERENCES

1. Bodriyyar, Zh. Prozrachnost' zla / Zh. Bodriyyar ; Per. s fr. L. Lyubarskoj, E. Markovskoj. . – 5-e izd. – M.: «Dobrosvet», «Izdatel'stvo "KDU"», 2014. – 260 s.
2. Ehko, Um. Otkroveniya molodogo romanista / Um. Ehko. – M.: AST; Corpus. – 2013. – 320 с.
3. Struve, P. B. Pervichnost' i svoeobrazie obmena i problema «ravnovesiya». Otvet A. D. Bilimovichu / P. B. Struve // Ehkonomicheskij Vestnik. – 1924. – Kn. 3 (1) – S. 33–50
4. Sovremennye global'nye transformacii i problema istoricheskogo samo-opredeleniya vostochnoslavyanskikh narodov: monogr. / Ch. S. Kirvel' [i dr.]; pod nauch. red. Ch. S. Kirvelya. – 2-e izd., pererab. i dop. – Grodno: GrGU, 2009. – 547 s.
5. Kejns, Dzh. Obshchaya teoriya zanyatosti, procenta i deneg [Ehlektronnyj resurs] / Dzh. Kejns // Uchebniki, monografii po sociologii. – Rezhim dostupa: <http://socioline.ru/files/5/316/keyns.pdf>. – Data dostupa: 23.08.2016.
6. Solodovnikov, S. Yu. Kul't kargo, ili Novyj ob"ekt ehkonomicheskoy nauki / S. Yu. Solodovnikov // Belorusskaya dumka. – 2016. – № 1. – S. 56–62.
7. Borisov, B. Golodomor po-amerikanski / B. Borisov [EHlektronnyj resurs] // Oko planety. Novosti, analitika, informaciya. – Rezhim dostupa: <http://oko-planet.su/first/4702-boris-borisov-golodomor-po-amerikanski.html>. – Data dostupa: 14.09.2016.
8. Chun'kov, Yu. I. Vzaimodejstvie ob"ektivnogo i sub"ektivnogo v sociali-sticheskoj ehkonomike : (Politehkonomicheskij aspekt issledovaniya) / Yu. I. Chun'kov. – Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1984. – 193 s.
9. Ansar, P. Sovremennaya sociologiya / P. Ansar // Sociologicheskie issledovaniya. – 1996. – № 1. – S. 134–150.
10. Radaev, V. V. Sociologiya ryнков: k formirovaniyu novogo napravleniya / V. V. Radaev. – M.: GU VSHEH, 2003. – 328 s.
11. Ippolitov, L. Zarozhdenie institucionalistskoj ehkonomicheskoy teorii v Rossii (ob odnoj metodologicheskoy diskussii 1920-h godov / L. Ippolitov // Vest-nik Instituta ehkonomiki Rossijskoj akademii nauk. – 2008. – № 4. – S. 43-57.
12. Bulgakov, S. N. Filosofiya hozyajstva / S. N. Bulgakov / Otv. red. O. Platonov. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. – 464 s.
13. Tugan-Baranovskij, M. I. Social'naya teoriya raspredeleniya / M. I. Tugan-Baranovskij // Izvestiya S.-Peterburgskogo politicheskogo instituta, otdel nauk ehko-nomicheskikh i istoricheskikh. – 1913. – T. 20. – S. 1–20
14. Struve, P. Hozyajstvo i cena. Kriticheskie issledovaniya po teorii i isto-rii hozyajstvennoj zhizni. Ch. 1 / P. Struve. – SPb.; M., 1913. – 358 s.
15. Mirovaya ehkonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. V 5 t. – T. III. Ehpoha social'nyh perelomov / Otv. red. A. G. Hudokormov. – M., 2005. – 893 s.
16. Struve, P. B. Nauchnaya kartina ehkonomicheskogo mira i ponyatie «ravnovesiya» / P. B. Struve // EHkonomicheskij Vestnik. – 1923. – Kn. 1. – S. 5–26.

17. Radaev, V. V. K obosnovaniyu modeli povedeniya cheloveka v sociologii (os-novy «ehkonomicheskogo imperializma») / V. V. Radaev // Sociologicheskie chteniya. Vyp. 2. – M.: Institut «Otkrytoe obshchestvo»: Institut sociologii RAN, 1997. – S. 177–189.
18. Radaev, V. V. Rynok kak ob"ekt sociologicheskogo issledovaniya / V. V. Radaev // Sociologicheskie issledovaniya. – 1999. – № 3. – S. 28–37.
19. Becker, G. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior / G. Becker // Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101. – P. 385–409.
20. Bekker, G. Vybor partnera na brachnyh rynkah / G. Bekker // THESIS. – 1994. – Vyp. 6. – S. 12–36.
21. Shul'c, T. Cennost' detej / T. SHul'c // THESIS. – 1994. – Vyp. 6. – S. 37–49.
22. B'yukenen, Dzh. M. Sochineniya / Dzh. M. B'yukenen. – T. 1. – M.: Taurus-Al'fa, 1997. – 556 s.
23. Block, F. The Role of the State in the Economy / N. Smelser, R. Swedberg (eds.). // The Handbook of Economic Sociology. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – P. 206–232.
24. Evans, P. B. Embedded Autonomy / P. B. Evans. – Berkeley: University of California Press, 1995.
25. Frye, T. The Invisible Hand and the Grabbing Hand / T. Frye, A. Schleifer // American Economic Review. Papers and Proceedings. – 1997. – Vol. 87. – № 2. – P. 354–358.
26. Shleifer, A. The Grabbing Hand: Government Pathologies and Their Cures / A. Schleifer, R. Vishny. – Cambridge: Harvard University Press, 1998. – 278 p.
27. Bell, D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting / D. Bell. – New York: Basic Books, 1973. – 507 p.
28. Veredyuk, O. V. Determinanty zanyatosti v koncepcii postindustrial'nogo obshchestva / O. V. Veredyuk // Vestnik SPbGU. Ser 5. – 2010. – Vyp. 4. – S. 35–41.
29. Machlup, F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States / F. Machlup. – Princeton University Press, 1962. – 523 p.
30. The Knowledge Society / Ed. by G. Bohme & N. Stehr. D. – Reidel Publishing Company, Holland, 1984. – 209 p.
31. Brzezinski, Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era / Z. Brzezinski. – New York: The Viking Press, 1970. – 355 p.
32. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells // The Rise of the Network Society. – London and Oxford: Blackwell Publisher, 1996. – Vol. I. – P. 151–200.
33. Roszak, T. Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society / T. Roszak. – Garden City; New York: Doubleday & Company, 1972. – 492 p.
34. Inozemcev, V. L. Za predelami ehkonomicheskogo obshchestva / V. L. Inozemcev. – M.: Academia. – Nauka, 1998. – 640 s
35. Castells, M. The Rise of the Network Society: 2nd ed. / M. Castells. – Wiley-Blackwell, 2010. – 597 p.
36. Toffler, A. Creating a New Civilization. The Politics of the Third Wave / A. Toffler, H. Toffler. – Turner Publishing, Atlanta, 1993. [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.archipelag.ru/authors/toffler>. – Date of access : 17.10.2010.
37. Solodovnikov, S. Yu. Social'no-ehkonomicheskie faktory, opredelyayushchie izmenenie sistemy trudovoj motivacii v novykh social'no-ehkonomicheskikh i tekhnologicheskikh usloviyah v Belarusi / S. Yu. Solodovnikov // EHkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 5. – S. 296–308.

38. Solodovnikov, S. Yu. Social'nyj kapital kak ehkonomicheskij resurs / S. Yu. Solodovnikov // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D, Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2015. – № 5. – S. 2–9.

39. Solodovnikov, S. Yu. Civilizaciya, kul'tura, institucional'nye matricy i ehkonomicheskaya sistema obshchestva: fenomenologicheskaya priroda, vzaimoobuslovlennost', social'nyj genезis / S. Yu. Solodovnikov // Voprosy servisa i ehkonomiki. – 2012. – № 4. – S. 5–22.

40. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

41. Meleshko, Yu. V. Sistemoobrazuyushchie principy razvitiya uslug promyshlennogo haraktera / Yu. V. Meleshko // Ustojchivoe razvitie ehkonomiki: sostoyaniye, problemy, perspektivy: sbornik trudov XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – 2017. – S. 84–86.

42. Meleshko, Yu. V. Ocenka ehffektivnosti razvitiya uslug promyshlennogo haraktera v kontekste modernizacii nacional'nogo promyshlennogo kompleksa / Yu. V. Meleshko // Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Seriya: Teoriya i praktika upravleniya. – 2017. – № 18 (23). – S. 39–47.

43. Meleshko, Yu. V. Ehvoljuciya uslug promyshlennogo haraktera v Respublike Belarus' v 1995-2015 gg. / Yu. V. Meleshko // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – № 5. – S. 127–144.

44. Meleshko, Yu. V. Znachenie uslug promyshlennogo haraktera v povyshenii konkurentosposobnosti promyshlennyh predpriyatij (v kontekste chetvertoj promyshlennoj revolyucii) / Yu. V. Meleshko // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – № 6. – S. 64–78.

45. Sergievich, T. V. Trud v neindustriial'nom obshchestve / T. V. Sergievich // Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Tekhnologii tovarovedcheskoj, tamozhennoj i kriminalisticheskoy ehkspertizy» Sbornik nauchnyh rabot № 6. Pod redakciej G. D. Drozdova. – SPb.: Izdvo SPbGEHU, 2015. – S. 50–55.

46. Solodovnikov, S. Yu. Tendencii i perspektivy razvitiya zanyatosti i sozdaniya social'no-nauchnogo soobshchestva v usloviyah modernizacii tranzitivnoj ehkonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Yu. Solodovnikov // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D, Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2015. – № 6. – S. 2–9.

47. Meleshko, Yu. V. Metodicheskoe obespechenie sovershenstvovaniya ehkonomie-skogo mekhanizma okazaniya uslug promyshlennogo haraktera / Yu. V. Meleshko // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D: Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki. – Minsk, 2016. – № 14. – S. 51–60.

48. Meleshko, Yu. V. Osnovnye formy sotrudnichestva predpriyatij real'nogo sektora ehkonomiki Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii v sfere proizvodstva kosmicheskoy tekhniki / Yu. V. Meleshko // Pravo. Ehkonomika. Psihologiya. – 2018. – № 1 (9). – S. 37–42.

49. Solodovnikov, S. Yu. Gnoseologicheskie trudnosti pri izuchenii klassov v postindustrial'nom obshchestve / S. Yu. Solodovnikov // Sociologicheskij al'manah. – 2012 – № 3. – S. 74–91.

50. Solodovnikov, S. Yu. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya vzaimosvyazi teorii trudovoj motivacii i dinamiki trudovyh otnoshenij / S. Yu. Solodovnikov, T. V. Sergievich // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D, Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2016. – № 5. – S. 12–16.

51. Bodriyyar, Zh. K kritike politicheskoy ehkonomii znaka / Zh. Bodriyyar / per. s fr. D. Kralechkin. – M. : Akademicheskij Proekt, 2007. – 335 s.
52. Veblen, Th. The Theory of the Leisure Class / Th. Veblen. – 1899, fr. per.: La Theorie de la classe de loisir; Paris, Gallimard, 1969.
53. Sergievich, T. V. Moda kak ob"ekt ehkonomicheskogo issledovaniya / T. V. Sergievich // Biznes. Innovacii. Ehkonomika : sb. nauchn. st. / Institut biznesa i menedzhmenta tekhnologij BGU; redkol.: V. V. Apanasovich (predsedatel'). – Minsk: Pechatnyj Dom «Vishnevka», 2017. – Vyp. 1. – S. 170–179.
54. Sergievich, T. V. Sovershenstvovanie organizacionno-ehkonomicheskogo mehanizma proizvodstva tovarov intensivnogo obnovleniya : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.05 / T. V. Sergievich ; BGU. – Minsk, 2018. – 30 s.
55. Solodovnikov, S. Yu. Fenomenologicheskaya priroda vzaimoobuslovlennosti ehkonomicheskoy konkurentosposobnosti i social'nogo kapitala Belarusi i Ukrainy / S. Yu. Solodovnikov // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2015 – Vyp. 3. – S. 23–34.
56. Solodovnikova, T. V. Instrumenty podmeny osnovanij v sovremennom ehkonomicheskom diskurse / T. V. Solodovnikova // Pravo. Ehkonomika. Psihologiya. – 2018. – № 1 (9). – S. 43–48.
57. Solodovnikova, T. V. Lozhnaya argumentaciya kak instrument ehkonomicheskogo diskursa / T. V. Solodovnikova // EHkonomicheskie issledovaniya i razrabotki: nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – Nizhnij Novgorod: NOO «Professional'naya nauka». – 2017. – № 2. – S. 125–143.
58. Solodovnikov, S. Yu. Klassy i klassovaya bor'ba v postindustrial'nom obshchestve: metodologicheskie osnovy politiko-ehkonomicheskogo issledovaniya / S. Yu. Solodovnikov. – Minsk : BNTU, 2014. – 378 s.
59. Sazhina, M. A. Priroda sovremennyh finansov / M. A. Sazhina // EHkonomicheskie nauki. – 2014. – № 9. – S. 25–33.
60. Gubanov, S. Ob ehkonomicheskoy modeli i dolgosrochnoj strategii novoj industrializacii Rossii / S. Gubanov // Ehkonomist. – 2016. – № 2 – S. 3–10.
61. Frolov, D. Krizis nanoindustrii i ee budushchee / D. Frolov, I. Polynceev // Ehkonomist. – 2017. – № 5 – S. 27–37.
62. The National Nanotechnology Initiative Supplement to the President's 2017 Budget // National Science and Technology Council. – 2016. – 104 p.
63. Arskij, Yu. M. Ot redakcionnoj kollegii / Yu. M. Arskij // Industriya nanosistem I nanomaterialov. – 2007. – № 1.
64. Hullman, A. Who is winning the global nanorace? / A. Hullman // Nature Nanotechnology. – 2006. – № 1. – P. 81–83.
65. Nanomanufacturing: Emergence and Implications for U. S. Competitiveness, the Environment, and Human Health. Report to Congressional Requesters // United States Government Accountability Office. – 2014. – P. 22.
66. Kastel's, M. Informacionnaya ehpoza: ehkonomika, obshchestvo i kul'tura / M. Kastel's. – M.: GU VSHEH. – 2000. – 608 s.
67. Nanotekhnologii kak klyuchevoj faktor novogo tekhnologicheskogo uklada v ehkonomike» / S. Yu. Glaz'ev [i dr] ; pod red. S. Yu. Glaz'eva, V. V. Haritonova. – M.: Trovant, 2009. – 304 s.
68. Glaz'ev, S. Yu. Novyj tekhnologicheskij ukklad v sovremennoj mirovoj ehkonomike / S. Yu. Glaz'ev // Mezhdunarodnaya ehkonomika. – 2010. – № 5. – S. 5–27.

69. Inshakov, O. V. Industriya kak forma utverzhdeniya, rasprostraneniya i gos-podstva hozyajstvennogo uklada v ehkonomie / O. V. Inshakov, A. V. Fesyun // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 3: Ehkonomika, ehkologiya. – 2014. – № 2. – S. 44–53.

70. Frolov, D. Krizis nanoindustrii i ee budushchee / D. Frolov, I. Polynceev // Ehkonomist. – 2016. – № 2.

71. Suharev, O. S. Industrial'naya politika i razvitie promyshlennyh sistem: Ehvoluciya, instituty i upravlenie / O. S. Suharev, E. N. Strizhakova. – M.: LENAND, 2015. – 160 s.

72. Naumovich, O. A. Smena tekhnologicheskikh ukладov kak social'no-ehkono-micheskij fenomen / O. A. Naumovich // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – 2016. – Vyp. № 4. – S. 34–38.

Статья поступила в редакцию 24 августа 2018 года.

УДК 330.101

ББК 65.011

НОВОЕ В ПРЕДМЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

С. В. КУРЕГЯН

kuregjian@gmail.com

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Современное понимание предмета экономической теории требует изучения экономических проблем, возникающих в нематериальном производстве. Нематериальное производство неоднородно: одна часть его связана с производством духовных благ и их распределением, обменом и потреблением, другая – с оказанием услуг нематериального характера. Это сказывается на экономической теории как методологической основе конкретных экономических дисциплин.

Ключевые слова: нематериальное производство, духовное производство, теоретическая экономика, человек, духовное богатство.

THE NEW IN THE SUBJECT OF ECONOMIC THEORY

S. V. KUREGYAN

Doctor in Economics, Associate Professor, Professor of the department "Economics and Law"

Belarusian Natopnal Technical University

Minsk, Republic of Belarus

Modern understanding of the subject of economic theory requires the study of economic problems arising in intangible production. Non-material production is heterogeneous: one part of it is associated with the production of spiritual goods and their distribution, exchange and consumption, the other with the provision of services of a non-material nature. This affects economic theory as the methodological basis of specific economic disciplines.

Key words: non-material production, spiritual production, theoretical economy, man, spiritual wealth.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы определения предмета экономической теории всегда являются актуальными. В зависимости от предмета науки очерчивается круг тех проблем, которые ею изучаются. Вопрос о предмете экономической теории сложен, поскольку каждая экономическая эпоха выдвигает на передний план те или иные стороны общественного развития, на которых акцентирует свое внимание экономическая теория. Во многом это определяется местом и ролью, которую они играют в общественном производстве.

П. С. Лемещенко, стоя на позициях институционального подхода, по поводу предмета экономической науки отмечает следующее: «если признать, что тенденцией эволюции экономической науки является обобщающая разные проблемы теоретическая экономика или новая политэкономия, предметом данной дисциплины является формулировка общих законов институционального устройства и развития мирохозяйственной системы и ее конкретных хозяйственных порядков, определение принципов их функционирования и управления, а также форм отношения поведения людей, реализующих в своей деятельности присущие им интересы» [1, с. 290]. С. Ю. Солодовников в качестве традиционного

предмета изучения политэкономии справедливо называет «отношения между социально-экономическими субъектами, <...> включенными в единый, относительно устойчивый, организационно оформленный материально-общественный комплекс, в пределах которого осуществляется внутренне взаимосвязанное производство, присвоение и социально значимое потребление материальных средств и благ для обеспечения физической жизни общества, а также для создания материальной базы всех сфер общественной жизни. Политэкономия исследует законы, управляющие развитием социально-экономических систем, а также рассматривает названные системы в различные исторические периоды и эпохи через призму субъектных (межклассовых) отношений» [2, с. 74–75]. Подобного подхода придерживается и О. В. Фирсанова: «предметная область экономической науки расширяется, углубляется, поиск решения проблемы эффективности "смещает" фокус методологических исследований эффективности деятельности экономических субъектов в сторону их коммуникативных взаимодействий со своими партнерами» [3, с. 5]. Сегодня «белорусская экономическая наука, – отмечается в литературе, – быстро продвигается к выработке своей философии хозяйствования, но это движение зачастую затрудняется потерей частью экономистов навыков научного ремесла, отказа ими от общепринятых правил цитирования, попытками упрощения предмета и объекта экономической теории» [4, с. 13]. Таким образом, ответ на вопрос о предмете экономической теории не столь прост и однозначен. При определении предмета экономической науки основным становится историко-логический подход, позволяющий раскрывать предмет экономической теории в изменении и развитии.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В современных условиях все более очевидной становится актуальность изучения проблем, связанных с нематериальными формами богатства общества, а также субъективно-психологическими факторами общественного развития.

Экономическая теория изучает как экономические категории, так и законы и закономерности развития общества на различных ступенях его эволюции. Но экономические категории, законы и закономерности – это только первый, абстрактный уровень изучения экономической теории. Второй уровень – это уже реальное практическое их использование, т. е. уровень конкретной деятельности юридических и физических лиц на основе принятых правовых законов, норм и нормативов. И, безусловно, экономическая теория должна способствовать эффективному использованию ресурсов с целью достижения максимального социально-экономического результата. Но если мы рассматриваем четыре ресурса (земля, труд, капитал и предпринимательские способности), то остаемся на уровне XIX века. В современных условиях используемых ресурсов значительно больше, и эти ресурсы используются не только в процессе производства материальных благ, но и духовных благ и услуг, причем в специфической форме.

Экономическая теория – это не только наука о рациональном использовании имеющихся ограниченных материальных ресурсов, но и нематериальных ресурсов. Интеллектуальные и творческие способности должны быть обнаружены (открыты), развиты и эффективно использованы с целью развития общественного и необщественного производства.

Талант так же редко встречается в человеческой природе, как и алмаз в земной коре. И для его обнаружения необходимы колоссальные затраты труда не только родителей, но и педагогов, различных творческих организаций. Талант, как и алмаз, требует своей обработки, прежде чем засверкает всеми своими гранями. Духовный элемент общественного производства – это его «душа», если можно так выразиться, поскольку чув-

ства, эмоции, переживания и т. п. являются сутью духовного начала производства. И, конечно, политическая экономия и экономическая теория не могут обойтись без изучения духовной деятельности, которая пронизывает все сферы общественного производства. Это духовное начало, духовный элемент и, наконец, духовная сфера не могут существовать без человека, поскольку именно человек своим талантом и чувствами создает не только окружающий его материальный мир, но и создает самого себя и определяет свое место в этом материальном мире. Вместе с тем человек создает духовную действительность как часть экономической действительности. Поэтому ограничивая предмет политической экономии и экономической теории лишь материальными отношениями, мы тем самым обедняем изучение реальных экономических отношений между людьми. Дж. Рёскин очень образно выразился по этому поводу: «Признавая, что человек не лишен скелета, она исходит из обратного предположения, что он состоит исключительно из костей и выводит соответствующую окостеневшую теорию прогресса из отрицания в человеке души; показав, где предел того, что может быть получено из костей, и построив ряд геометрических фигур из черепов и плечевых костей, она успешно доказывает неудобство появления души. Повторяю, что я не отрицаю привлекательности выводов этой теории, а утверждаю, что она неприложима к человеку и обществу в их действительном виде» [5, с. 34].

После этих слов Дж. Рёскина прошло более полутора веков, но, к сожалению, сказанное имеет отношение и к современной экономической теории. Экономическая теория в своей основе ограничивается этим «скелетом», не заботясь о значении души. Но следует заметить, что специалист, будучи хорошим экономистом, но не зная законов искусства, не может написать хороший учебник по искусствоведению, как и искусствовед, хорошо зная законы искусства, но не зная законов экономики, не напишет хорошего учебника по экономике. Дж. Рёскин показывает нам пример, как важно знать и то, и другое. Если в своей книге «Радость навеки и ее рыночная цена, или политическая экономия искусства» Дж. Рёскин предстал перед нами как искусствовед, занимающийся экономикой, то в последней книге мы видим Дж. Рёскина и как экономиста, который обладает глубокими экономическими познаниями и методами анализа, что позволяет ему полемизировать с такими великими экономистами как А. Смит, Д. Рикардо, Дж. Милль по поводу раскрытия фундаментальных экономических категорий – стоимости труда, ценности, капитала, полезности, спроса и т. п. Безусловно, если бы Дж. Рёскин воспользовался теорией К. Маркса, который значительно продвинулся вперед по сравнению с этими экономистами, то его аргументации были бы более весомыми и обоснованными. Но главный итог этого труда Дж. Рёскина позволяет нам заключить, что он остается непревзойденным исследователем искусства с экономической точки зрения.

Особое место изучение человека должно занимать в разделе общих проблем экономической теории, которую мы назвали «теоретической экономикой» [6, с. 9]. В связи с этим на передний план выдвигается проблема потребностей и потребителей, причем как личных, так и производственных. Последние во многом определяют развитие общественного производства как целостной системы. Это связано с тем, что материальные потребности в основном удовлетворяются материальным производством, а духовные – духовным производством. Такая логика лежит в основе традиционного деления общественного производства на производственную сферу и сферу услуг. Как отмечают экономисты: «Сфера услуг включает в себе значительный потенциал общественного развития, так как дает возможность повышения квалификации, самообразования, свободное время для занятия спортом, для отдыха и туризма, что в свою очередь стимулирует развитие индустрии досуга и изменение в структуре и качестве услуг, предоставляемых домашним хозяйствам» [7, с. 246]. В целом же «для постиндустриального общества характерен переход от "производства вещей" к "производству людей" с повышением

доли сферы услуг в общественном производстве» [7, с. 254], – пишет Ю. В. Мелешко. Однако данный автор, подчеркивая единство двух названных сфер, указывает на то, что «мировой опыт показал, что увеличение доли сферы услуг в ВВП и структуре занятости населения автоматически не обеспечивает стабильное социально-экономическое развитие и не является само по себе фактором экономического роста» [8, с. 61]. Результат же целостного общественного производства служит развитию целостной личности.

Вместе с тем нельзя абсолютизировать роль процесса потребления в воспроизводственном процессе. В конечном итоге можно потреблять то, что произведено. В связи с этим следует согласиться с В. Ю. Катасоновым в том, что «экономика – прежде всего не потребление, а создание, творчество, созидание» [9, с. 100]. Особенно импонирует в этом положении креативный подход.

Отдельного внимания заслуживают искусство и культура как объекты экономического исследования, причем как экономической теории, так и конкретных, прикладных экономических дисциплин. Изучение теоретических проблем развития искусства и культуры позволяет лучше понять экономические процессы, имеющие место в этих отраслях экономики. Но прежде всего, исходя из специфики экономических элементов и продукта, необходимо определить их место в системе общественного производства. Мы считаем, что искусство и культура относятся к духовному производству, конкретнее, к художественному производству. Ранее нами уже отмечалось, что художественному производству в экономической науке уделяется незаслуженно мало внимания [10, с. 35], в то время как в современной экономике рынки искусства и культуры возрастают. Искусство относится к производящим отраслям, а культура – к реализующим. Последнее касается деятельности театров, музеев, галерей, концертных залов и т. д., которые оказывают интеллектуальные (культурные) услуги населению. Что же касается самого искусства – то это труд писателей, художников, скульпторов, музыкантов и т. д., создающих художественные произведения, духовные продукты.

Искусство и культура создают духовные блага, которые при обмене превращаются в интеллектуальные товары и услуги, формирующие интеллектуальный рынок. Интеллектуальный рынок, в свою очередь, подразделяется на первичный и вторичный рынки. Первичный рынок включает в себя непосредственную продажу произведений искусства и культуры их создателем, вторичный рынок – их перепродажу. Именно на вторичном рынке происходит основная деятельность по обмену этих произведений. Последние представлены аукционами, музеями, частными коллекционерами, галереями, агентами и т. д., которые на этом рынке имеют свои функции и нишу. Вместе с тем развивается международный рынок произведений искусства, который можно определить как третичный рынок. Роль третичного рынка возрастает в условиях трансформации экономики, создания открытого общества и экономики, а также появления класса капиталистов (предпринимателей), способных легально участвовать в этих процессах. Эти рынки взаимодействуют между собой.

Трудовая деятельность не ограничивается только материальным производством, она распространяется и на другие сферы общественного производства, причем в последних роль человека значительно выше, поскольку труд носит преимущественно интеллектуальный или творческий характер. «Современный этап общественного развития характеризуется сложностью взаимозаменяемости интеллектуального и творческого труда в условиях интенсификации изменения профессиональных навыков» [11, с. 98], – отмечает Т. В. Сергиевич в контексте исследования возрастания интеллектуальной и творческой составляющих в труде. «При переходе к постиндустриальному обществу, – подчеркивает С. Ю. Солодовников, – повышается роль знаний, что выражается в изменении соотношения факторов производства (ведущее место занимают знания и информация)

и имеет место трансформация структуры добавленной стоимости (в ней возрастает доля стоимости, созданная интеллектом)» [12, с. 5].

Таким образом, экономическая теория не может не изучать человека. Причем человека не в абстрактной форме, а в конкретно-исторической форме с его целями, чертами характера, устремлениями, нематериальными интересами и т. д. Попытка включить человека в предмет экономической теории предпринята И. М. Лемешевским, который в предмет экономической теории включает и экономическое поведение людей [13, с. 13].

Такой подход нам представляется правильным, но следовало бы шире трактовать роль и значение человека в социально-экономических процессах. В конечном итоге все сферы, секторы и отрасли экономики направлены на удовлетворение всевозможных потребностей человека, на его развитие.

В связи с этим следует затронуть еще один важный вопрос. Если экономическая теория будет ограничиваться только изучением материального производства, то она не сможет быть методологической основой для многих конкретных экономических дисциплин, таких как экономика здравоохранения, экономика спорта, экономика искусства, экономика культуры и т. д. Например, в книге И. И. Ленькова правильно подчеркнута связь между экономической теорией и эконометрикой: и первая, и вторая изучают производительные силы и производственные отношения, но эконометрика количественно измеряет их связи и взаимосвязи. К сожалению, И. И. Леньков рассматривает эти отношения с традиционной точки зрения, поэтому его заключение о том, что доминирующей основой производительных сил и совершенствование производственных отношений остается, как и прежде, материальное производство [14, с. 7] представляется несколько устаревшим. В современных условиях ведущую роль играет духовное производство, особенно наука, инновации, интеллектуальная собственность, искусство, сфера услуг в целом (материальные и нематериальные услуги). Очевидно, что материальное производство больше поддается моделированию и количественной оценке, чем духовная сфера. Но это отнюдь не говорит о том, что экономическая роль последней невелика. Возрастающая роль человеческого фактора материального производства недостаточна для понимания современных процессов производства в общественном производстве. Для последнего важное значение имеет теоретическое экономическое изучение нематериального производства и нематериальных форм развития экономики.

ВЫВОДЫ

В современном общественном развитии важную роль играют нематериальные факторы производства и его результаты. По поводу последних возникают экономические отношения, которые должны быть включены в предмет экономической теории. Любые трактовки экономической теории не могут обойтись без рассмотрения человека, так как человек является субъектом и объектом общественных, в том числе и экономических отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лемешенко, П. С. Метаморфозы экономической науки и практики или, вперед к политической экономии / П. С. Лемешенко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 276–292.
2. Солодовников, С. Ю. Гносеологические трудности при изучении классов в постиндустриальном обществе / С. Ю. Солодовников // Социологический альманах. – 2012 – № 3. – С. 74–91.

3. Фирсанова, О. В. О методологических границах предмета современной экономической науки / О. В. Фирсанова // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. – № 9. – С. 4–7.
4. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16.
5. Рёскин, Дж. Последнему, что и первому. Четыре очерка основных принципов политической экономии / Дж. Рёскин. – М., РИПОЛ классик, 2018. – 154 с.
6. Курегян, С. В. Экономическая теория: методическая парадигма / С. В. Курегян. – Минск : «Право и экономика», 2014. – 248 с.
7. Мелешко, Ю. В. Трансформация определения понятия «услуг» в контексте концепции постиндустриального общества / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – Вып. 4. – С. 245–256.
8. Мелешко, Ю. В. Методическое обеспечение совершенствования экономического механизма оказания услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д: Экономические и юридические науки. – 2016. – № 14. – С. 51–60.
9. Катасонов, В. Ю. Метафизика истории / В. Ю. Катасонов. – М. : Библиотека РЭО им. С. Ф. Шарапова, 2018. – 272 с.
10. Курегян, С. В. Экономические характеристики интеллектуального производства / С. В. Курегян // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 34–42.
11. Сергиевич, Т. В. Методическое обеспечение повышения экономической эффективности воспроизводственного цикла предприятия по производству товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 91–107.
12. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
13. Лемешевский, И. М. Экономическая теория. Основы. Вводный курс : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по эконом. специальностям / И. М. Лемешевский – Минск : ФУАинформ, 2012. – 496 с.
14. Леньков, И. И. Эконометрика и экономико-математические методы и модели принятия решений : пособие; в 2 ч. Ч.1. Эконометрика / И. И. Леньков – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 95 с.

REFERENCES

1. Lemeshchenko, P. S. Metamorfozy ehkonomicheskoy nauki i praktiki ili, vpered k politicheskoy ehkonomii / P. S. Lemeshchenko // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 6. – S. 276–292.
2. Solodovnikov, S. Yu. Gnoseologicheskie trudnosti pri izuchenii klassov v postindustrial'nom obshchestve / S. Yu. Solodovnikov // Sociologicheskij al'manah. – 2012 – № 3. – S. 74–91.
3. Firsanova, O. V. O metodologicheskikh granicach predmeta sovremennoj ehkonomicheskoy nauki / O. V. Firsanova // Intellekt. Innovacii. Investicii. – 2016. – № 9. – S. 4–7.
4. Solodovnikov, S. Yu. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya vzaimosvyazi teorii trudovoj motivacii i dinamiki trudovyh otnoshenij / S. Yu. Solodovnikov, T. V. Sergievich // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. EHkon. i yurid. nauki. – 2016. – № 5. – S. 12–16.

5. Ryoskin, Dzh. Poslednemu, chto i pervomu. CHetyre ocherka osnovnyh principov politicheskoy ehkonomii / Dzh. Ryoskin. – M., RIPOL klassik, 2018. – 154 s.
6. Kuregyan, S. V. Ehkonomicheskaya teoriya: metodicheskaya paradigma / S. V. Kuregyan. – Minsk : «Pravo i ehkonomika», 2014. – 248 s.
8. Meleshko, Yu. V. Transformaciya opredeleniya ponyatiya «uslug» v kontekste koncepcii postindustrial'nogo obshchestva / Yu. V. Meleshko // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2016. – Vyp. 4. – S. 245–256.
9. Meleshko, Yu. V. Metodicheskoe obespechenie sovershenstvovaniya ehkonomicheskogo mekhanizma okazaniya uslug promyshlennogo haraktera / Yu. V. Meleshko // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D: Ehkonomicheskie i yuridicheskie nauki. – 2016. – № 14. – S. 51–60.
10. Katasonov, V. Yu. Metafizika istorii / V. Yu. Katasonov. – M. : Biblioteka REHO im. S. F. Sharanova, 2018. – 272 s.
11. Kuregyan, S. V. Ehkonomicheskie harakteristiki intellektual'nogo proizvodstva / S. V. Kuregyan // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2018. – Vyp. 7. – S. 34–42.
12. Sergievich, T. V. Metodicheskoe obespechenie povysheniya ehkonomicheskoy ehfektivnosti vosproizvodstvennogo cikla predpriyatiya po proizvodstvu tovarov intensivnogo obnovleniya / T. V. Sergievich // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 6. – S. 91–107.
13. Solodovnikov, S. Yu. Tendencii i perspektivy razvitiya zanyatosti i sozdaniya social'no-nauchnogo soobshchestva v usloviyah modernizacii tranzitivnoj ehkonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Yu. Solodovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Ehkon. I yurid. nauki. – 2015. – № 6. – S. 2–9.
14. Lemeshevskij, I. M. Ehkonomicheskaya teoriya. Osnovy. Vvodnyj kurs : uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchih'sya po ehkonom. special'nostyam / I. M. Lemeshevskij – Minsk : FUAinform, 2012. – 496 s.
15. Len'kov, I. I. Ehkonometrika i ehkonomiko-matematicheskie metody i modeli prinyatiya reshenij : posobie; v 2 ch. Ch.1. Ehkonometrika / I. I. Len'kov – Minsk : Akademiya upravleniya pri Prezidente Respubliki Belarus'. – 95 s.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2018 года.

УДК 339.9

ББК 65.5

ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ
КАК ЭТАП РАЗВИТИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

А. В. ДАНИЛЬЧЕНКО

adanilchenko@bntu.by

доктор экономических наук, профессор,
декан факультета маркетинга, менеджмента и предпринимательства
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

С. А. ХАРИТОНОВИЧ

sak78@rambler.ru

старший преподаватель кафедры «Маркетинг»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена изучению теоретических и прикладных аспектов экономики знаний. Рассматривается институциональное развитие экономики знаний как системного процесса функционального, структурного оформления интеллектуализации хозяйственной деятельности общества. Выявляются особенности экономики знаний в трансформационном периоде Республики Беларусь.

Ключевые слова: экономика знаний, информационная экономика, креативная экономика, постиндустриальное общество, информационно-коммуникационные технологии, технологический уклад, трансформационный период.

ECONOMICS OF KNOWLEDGE
AS A STAGE OF DEVELOPMENT OF THE POSTINDUSTRIAL SOCIETY

A. V. DANILCHENKO

Doctor in Economics, Professor,

Dean of the Faculty of Marketing, Management and Entrepreneurship
Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

S. A. KHARITONOVICH

Senior lecturer of the department "Marketing"

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of theoretical and applied aspects of the knowledge economy. The institutional development of the knowledge economy as a system process of functional, structural design of intellectualization of the economic activity of society is considered. The peculiarities of the knowledge economy in the transformation period of the Republic of Belarus are revealed.

Key words: knowledge economy, information economy, creative economy, post-industrial society, information and communication technologies, technological structure, transformation period.

ВВЕДЕНИЕ

Республика Беларусь – одно из немногих государств на постсоветском пространстве, которое не только сохранило, но и последовательно наращивает образовательный, интеллектуальный и научно-технический потенциал общества в условиях затянувшегося трансформационного периода. Осуществляется перестройка хозяйственной системы страны и ищется собственная институциональную модель, которая должна отвечать интересам белорусского общества в условиях углубления экономической интеграции. Отсутствие значительной природно-ресурсной базы не позволяет Республике Беларусь конкурировать на мировом ресурсном рынке. Но страна обладает значительным производственным и трудовым потенциалом, о чем свидетельствуют данные (табл. 1) [1].

Таблица 1 – Экономические показатели Республики Беларусь

Показатель	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
1	2	3	4	5
Численность населения (на конец года), тыс. человек	9480,9	9498,4	9504,7	9 491,8
ВВП (всего, млрд. руб. (2014-2015 гг. – трлн. руб.)	805,8	899,1	94,9	105,2
Годовой рост ВВП (в %)	1,7	-3,8	-2,6	2,4
1	3	4	5	6
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	73,2	73,9	74,1	74,4
Удельный вес сферы производства и сферы услуг в ВВП (в %)	42,7/45,6	39,0/47,7	37,9/48,5	39,9/46,9

Источник: рассчитано по данным [1]

Подавляющее большинство исследователей связывают характеристику современного мира и экономического развития с точки зрения информационного развития общества, где как считает профессор С.Ю. Солодовников «... уровень образования является основной переменной, определяющей накопление социального капитала и, следовательно, набор институциональных альтернатив, доступных каждому обществу, что и определяет необходимость выявления механизма этого влияния» [2, с. 14]. Отсутствием четких границ между социально-экономическими системами характеризуется каждый эпохальный переход, что относилось и к индустриальному и постиндустриальному (информационному) обществам.

В настоящее время понятие «экономика знаний» наиболее часто применяется для определения нового типа экономики, в которой знания становятся основным конкурентным преимуществом и играют решающую роль. Внедрение передовых знаний в производство служит источником роста экономики. Следует согласиться с точкой зрения, что ни одна экономика в мире не производит только знания и информацию, но и ни один продукт не может быть произведен без этих эндогенных факторов хозяйственной деятельности [3].

Авторство «экономика знаний» закреплено за австроамериканским ученым Ф. Махлупом и впервые понятие приведено в монографии «Производство и распространение знаний в США», вышедшей в 1962 г. Идею экономики знаний развивал известный американский ученый австрийского происхождения П. Друкер. В своей книге «The Age of Discontinuity» (в переводе на русский язык «Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества» в 2007 г.) он описал тип экономики, в котором знания играют решающую роль и являются неотъемлемым условием для производства экономических благ [4].

С середины 70-х гг. прошлого века шло формирование понятия «экономика знаний». Исследования ученых по постиндустриальной экономике, инновационной экономике и экономике знаний отражают условия развития технологий, методов и форм управления организацией, обладающие взаимообусловленными признаками. Справедливо отмечает Ю.А. Ермолов, что знания являются симбиотическим проявлением количественной и качественной составляющей и сложно определить первичность одной из характеристик [5, с. 74-78].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В англоязычной научной литературе многие исследователи рассматривают понятия инновационная экономика, информационная экономика, постиндустриальная экономика как синонимы экономики знаний. Используя google books ngram viewer, можно определить дату возникновения и тренды использования данных понятий в мировой практике.

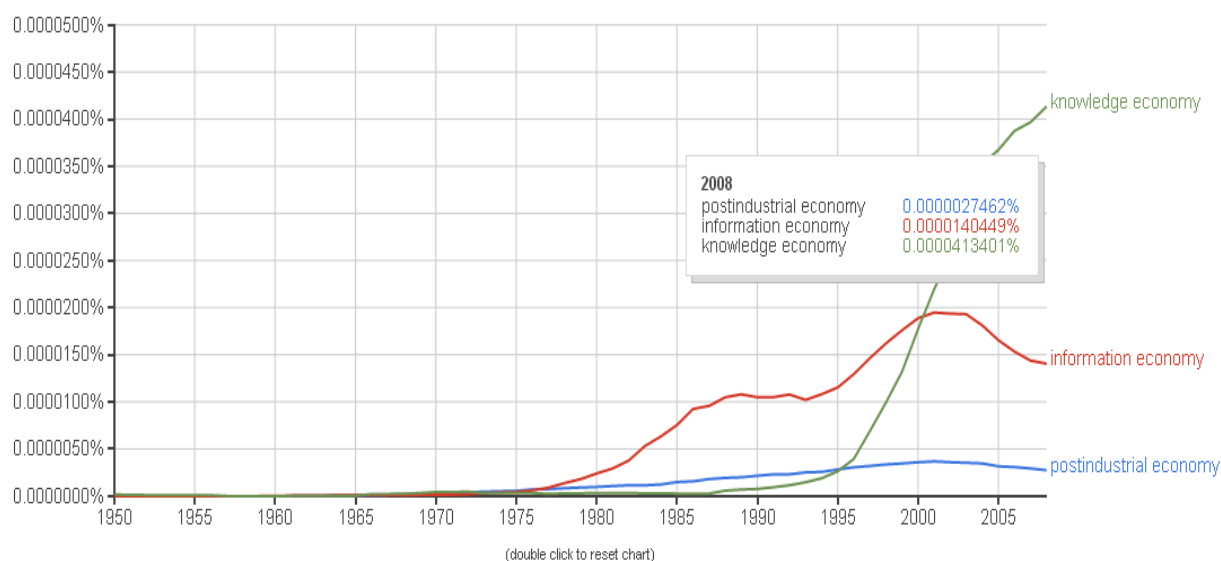

Рисунок 1 – Частота упоминания понятий экономики знаний, информационной и постиндустриальной экономик в англоязычной среде

Источник: разработка автора на основе данных полученных с использованием on-line сервиса Books Ngram Viewer

Все три понятия приобрели популярность на рубеже 70-х годов XX века, причем понятие «информационная экономика» и «постиндустриальная экономика» получили более широкое распространение в научных работах и чаще употребляли до 1995 г. С 1995 г. наблюдался рост упоминаний понятия «экономика знаний», а использование

информационной и постиндустриальной экономики у авторов и исследователей снижается. С 2000 г. абсолютным лидером становится экономика знаний, основой для экономики знаний стало развитие постиндустриального и информационного общества. Понятие «экономика знаний» эволюционирует на технологиях и социально-экономических институтах, предшествующих укладов.

В русскоязычной научной среде понятия «экономика знаний», «информационная экономика» и «постиндустриальная экономика» появились в середине 80-х гг. на 10 лет позже, чем в англоязычном сегменте, а стали активно обсуждаться лишь в начале 2000-х гг. С 2002 г. понятие «экономика знаний» стало употребляться значительно чаще по сравнению с информационной и постиндустриальной экономикой. Следует обратить внимание на аналогичное падение интереса и зарубежных исследователей к понятиям «информационная экономика» и «постиндустриальная экономика».

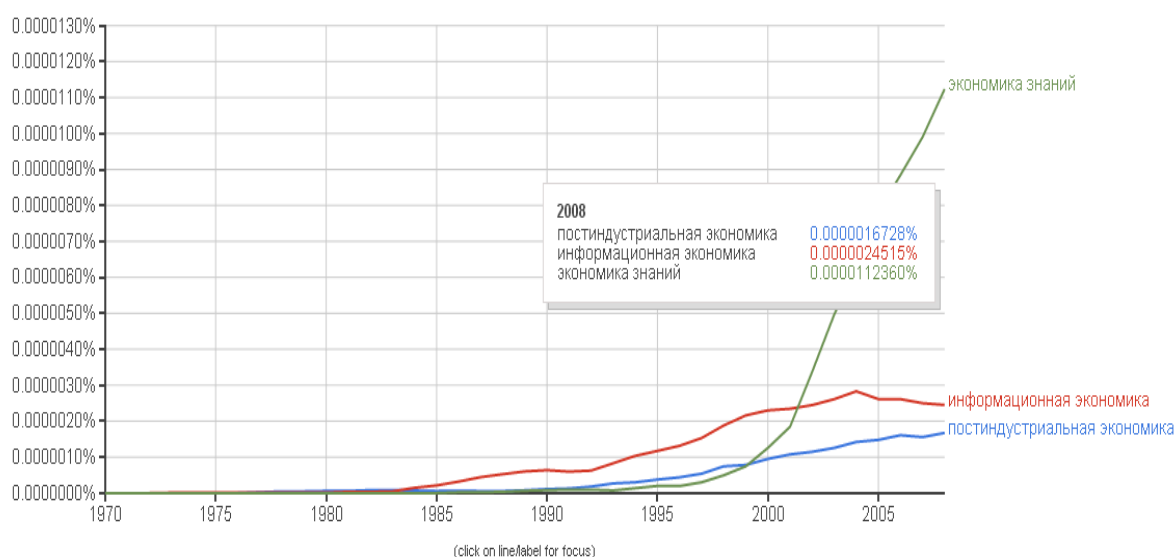

Рисунок 2 – Упоминание понятий экономика знаний, информационной и постиндустриальной экономики в русскоязычных источниках информации

Источник: разработка автора на основе данных полученных с использованием on-line сервиса Books Ngram Viewer

На наш взгляд, в постиндустриальном обществе и в рамках общей теории экономического развития можно выделить ряд современных моделей, таких как информационная экономика, экономики знаний и креативная экономика, которые обладают разными качественными и количественными характеристиками.

В таблице 2 представлена сравнительная характеристика передовых моделей экономического развития с использованием хронологически-эволюционного подхода к экономическому развитию, что может составить основу для прогнозирования их дальнейшего развития.

Таблица 2 – Сравнение хронологически-эволюционного развития передовых экономических моделей

Название	Направление деятельности	Характерные черты
Информационная экономика (information economy)	Информатизация	Движущая сила – широкое развитие и использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Основание для развития – распространение 5-го технологического уклада (ИКТ и интернет-технологий). Основополагающий ресурс – генерируемая новая информация и технологии (проводные, беспроводные, мобильная передача данных) распространения информации. Особенности экономической деятельности – отсутствие границ, глобализация и интерактивность бизнес-процессов, электронная банковская деятельность. Развитие цифровых направлений в различных сферах экономики.
Экономика знаний (knowledge economy)	Интеллектуализация человека	Движущая сила – внедрение передовых фундаментальных научных знаний в экономическую деятельность, создание непрерывных инновации в различных сферах (медицина, производство, сельское хозяйство и т.д). Распространение и повсеместное внедрение ИКТ и поэтапным формированием 6-го технологического уклада. Знания являются основным производственным капиталом, необходимым для создания новых конкурентных продуктов. Развитие производств и индустрий, основанных на наукоемких технологиях; виртуализация производств и широкое использование робототехники с применением искусственного интеллекта. Повсеместное использование универсальных баз данных и нулевые предельные издержки в сфере потребления
Креативная экономика (creative economy)	Искусственный интеллект	Движущая сила – креативная свобода творчества и постоянное образование. Внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности человека, сформировавшийся 6 технологический уклад и зарождение элементов последующих укладов. Ключевой ресурс – знания (симбиоз машины и человека) и творчество человеческого и искусственного интеллекта. Формы проявления: экономическая свобода для человека (безусловный базовый доход), информационная и психологическая свобода

Источник: разработка автора

Взаимосвязанные процессы развития постиндустриального общества и всеобщей глобализации привели к массовому переносу производств в новые индустриальные, развивающиеся и транзитивные страны, что привело к формированию новой системы международного разделения труда. В результате развитые страны получили возможность концентрировать ресурсы на развитии науки и образования, венчурных

инвестиций и трансфера технологий, маркетинга и рекламы, банковского и страхового дела, биржевых операций, индустрии туризма и развлечений и т. д. [6, с.45-47]. Превышение доли услуг в ВВП страны более 50% указывает на постиндустриальный тип экономики. В настоящее время постиндустриальная стадия развития характерна для экономик большинства развитых стран. Можно утверждать, что информационная экономика, экономика знаний и креативная экономика, являются взаимосвязанными и последующими этапами постиндустриального общества.

В свою очередь результатом реализации информационной экономики, основанной на современных ИКТ и повсеместном использовании сети Интернет, стало широкое распространение и ускорение дистанционных транзакций, доступ к большим массивам информации и интерактивные коммуникации.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В 2017 ГОДУ

(в процентах от численности населения в возрасте 6-72 лет)

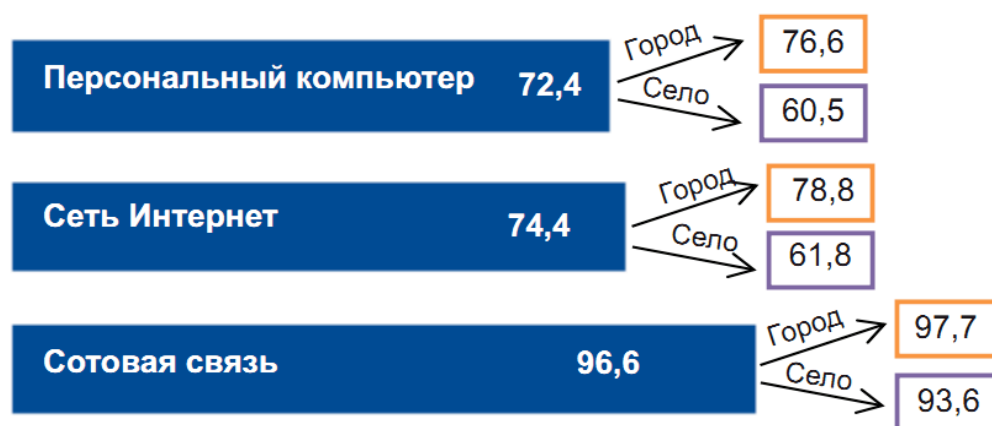

Рисунок 3 – Использование населением Республики Беларусь информационно-коммуникационных технологий (в процентах)

Источник: разработка авторов

В настоящее время IT-индустрия, наравне с аддитивными, медицинскими и космическими технологиями, является «точкой роста» пятого технологического уклада. Рынок труда в сфере ИКТ недостаточно насыщен высококвалифицированными специалистами, что приводит к интернационализации и глобализации данной отрасли. Широкое использование Интернета в повседневных операциях привело к минимизации транзакционных издержек в различных сферах деятельности. Расширение глобального информационного пространства происходит лавинообразно, что приводит к терабайтам невостребованной, а зачастую и не нужной информации. Такой объем информации приводит к необходимости новых программ, фильтрующих потоки информации, а также ведет к повышению роли экспертного сообщества. В менеджменте и маркетинге особого внимания заслуживают эффективные когнитивные стратегии, связанные с экстракцией необходимых данных и их конвертацией в знания [7, с. 62]. Тезис «кто владеет информацией, тот владеет миром» претерпел кардинальные изменения. Информация в экономике

– это, прежде всего, процесс прямого и обратного преобразования знаний, обеспечивающий изменение неопределенности в определенность и при этом уменьшающее удельные транзакционные издержки человеческой деятельности.

Глобализация мировой экономики послужила выведению экономики знаний на лидирующие позиции, при этом отмечается историческое присутствие элементов экономики знаний во всех общественно-экономических формациях и цивилизациях. Благодаря накоплению и применению знаний произошло радикальное уменьшение роли физического труда в общественном производстве, произошла смена производственных укладов, сменились энергетические парадигмы развития общества, произошла массовая информатизация и интеллектуализации общественной жизни, что характерно для современной стадии развития общества.

Следует признать недопустимой абсолютизацию роли знаний, хотя все экономические системы основаны на знаниях, трудно думать, что любая из них базируется исключительно на знаниях, если это означает производство и распространение преимущественно интеллектуальных и информационных продуктов [8, с. 7]. Механизм развития экономики знаний обусловлен тем, что постиндустриальная экономика, основывающаяся на преобладании сферы услуг и транснациональной переориентации производств, в результате развития ИКТ, эволюционно сменилась моделью информационной экономики; в свою очередь, широкая экспансия и снижение стратегической значимости ИКТ ведет к их интеграции в качестве инфраструктуры нового технологического уклада, определяя критическую роль человеческого капитала (интеллекта и креативных компетенций) и переход к экономике, базирующейся преимущественно на креативных (знаниемных) видах деятельности. Интернет-технологии позволили создать принципиально новую технологическую среду, обеспечивающую возможности расширения сферы креативного труда, гибкости и непрерывности обучения, трансформации интеллектуальной собственности, приоритетности нематериальных активов, укрепления статуса науки и образования, закрепления ключевых позиций высокотехнологичного бизнеса и наукоемкого сектора. В этом смысле экономика знаний нами характеризуется как конкретно-историческая форма развития постиндустриального общества, выражающаяся в структурном сдвиге к повышению доли наукоемких и креативных индустрий в структуре ВВП постиндустриальных стран.

В качестве современной модели экономического развития может выступать не только «экономика знаний», но и «креативная экономика». Данные понятия во многом взаимодополняют друг друга. Так, по мнению А.В. Данильченко ... «формирование креативной экономика базируется на современных информационно-коммуникационных технологиях и инновационных идеях ... а творчество, как высшая форма универсально понимаемой креативности человека, расценивается основной движущей силой экономического развития» [9, с. 16, 17].

В докладе ЮНЕСКО креативная экономика названа как «... один из наиболее быстро растущих секторов мирового хозяйства не только с точки зрения получения дохода, но и создания новых рабочих мест и увеличения объемов экспортных поступлений» [10].

Формирующиеся институты экономики знаний представляют собой систему устойчивых экономических и партнёрских отношений между субъектами интеллектуальной деятельности:

- институты (виды и способы креативного умственного труда, в том числе профессии высокой квалификации, а также наукоемкие отрасли и виды деятельности);
- организации, реализующие функции генерации, коммерциализации и внедрения знаний (университеты, научно-исследовательские организации, инновационные и венчурные компании, кластеры и технопарки и т. д.);

– органы и институциональные механизмы государственного регулирования (включая правила и нормы, процедуры и стандарты);

– механизмы саморегулирования и добровольные институциональные инициативы (неформальные нормы, ценности, лучшие практики бизнеса, отраслевые и корпоративные стандарты и др.).

Экономика знаний является системным процессом, получившим институциональное развитие в интеллектуализации деятельности общества. Расширение наукоемкости в различных сферах деятельности приводит к формированию новой институциональной хозяйственной модели, включающей в себя:

– непрерывную цепочку реализации НИР в промышленных товарах и услугах в кратчайшие сроки для завоевания лидирующей позиции на рынке;

– интеллектуализация процессов производства, распространение и применение различных типов знаний включая и искусственный интеллект.

Исходя из вышеизложенного, сформулируем собственный подход к понятию «экономика знаний» как новейшей стадии институциональной эволюции постиндустриального общества, основанной на растущей глобализации экономических и производственных процессов; информатизации общества и бизнеса; доступности к современным ИКТ и информации; неуклонном возрастании знаний и интеллектуального капитала как ключевого ресурса (когнитивизация), где основная роль будет отводиться интеллектуальной собственности, креативному труду, непрерывному образованию и самореализации.

Формирование экономики знаний связано с режимом догоняющего развития и модернизации промышленности по отношению к ведущим экономикам мира. Белорусская экономика проходит постиндустриальный и информационный этапы ускоренными темпами, что затрудняет адаптацию институтов экономики знаний.

После распада СССР и проведения рыночных реформ, были разорваны многие технологические цепочки подавляющего большинства производств; научно-образовательный комплекс функционировал в режиме постоянных неплатежей и низкого уровня заработной платы, произошло кардинальное снижение социального статуса ученого и работника высшей школы, материально-техническая база НИР практически не модернизировалась; затраты на НИОКР сократились и эта негативная тенденция не преодолена и в настоящее время.

Рост мировых цен на энергоносители на протяжении 2000-х гг. и соответственно доходов от реализации нефтепродуктов привел к расширению инвестиционных возможностей белорусской экономики и бизнеса, что привело к внедрению корпоративных информационных систем; росту платежеспособности, создало импульс к применению ИКТ, развитию интернет-торговли; массовая доступность интернета и концентрация аудитории в крупных городах привел к внедрению информационно-платежных баз данных доступных населению.

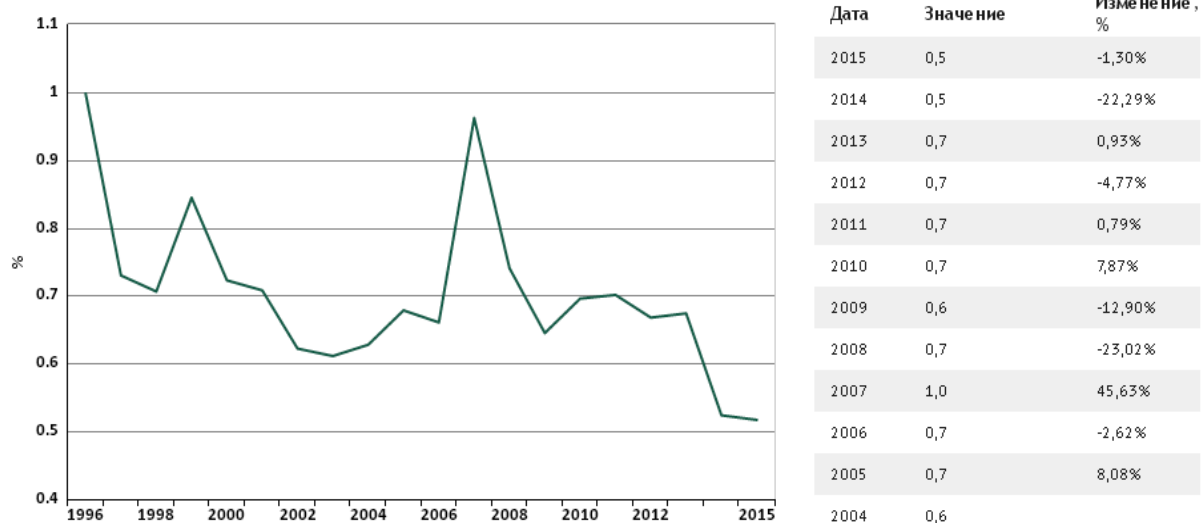

Рисунок 4 – Затраты на НИОКР в процентах ВВП

Источник: разработка автора на основе [1]

Основной целью развития международных экономических отношений для Беларуси как страны с малой открытой экономикой является снижение до минимума внешнеэкономических угроз за счет более эффективного участия в международном разделении труда, включения в технологические цепочки создания добавленной стоимости транснациональных корпораций. Это позволит не только использовать имеющиеся конкурентные преимущества страны, но и дополнить их новым компетенциями. Необходимо задействовать весь потенциал от участия в международных интеграционных объединениях, снизить зависимость от традиционных экспортных позиций и рынков за счет диверсификации товарной номенклатуры.

Все эти направления реализуются в рамках Национальной программы поддержки и развития экспорта на 2016–2020 гг. На государственном уровне приоритетные направления развития экономики знаний закреплены в ряде программ: «Научеёмкие технологии и техника», «Развитие цифровой экономики и информационного общества», «Энергосбережение» на 2016–2020 гг. На основе статистических данных можно увидеть положительные тенденции по ряду услуг в структуре экспорта и импорта в Республике Беларусь (табл. 3).

Таблица 3 – Внешняя торговля Республики Беларусь по отдельным видам услуг (млн. долл. США)

	2014	2015	2016	2017
Экспорт услуг/Импорт услуг				
Транспортные услуги	3726/1521	2928/1244	2931/1303	3455/1542
Компьютерные услуги	690/92	814/87	958/113	1 203/119
Услуги по ремонту и техническому обслуживанию	132/135	161/122	218/116	325/120
Услуги в области рекламы и маркетинга	136/54	123/44	117/58	165/51
Плата за использование интеллектуальной собственности	39/237	22/132	27/125	32/156

Источник: разработка автора

Республика Беларусь в последние годы наращивает темпы роста по таким высокотехнологичным направлениям услуг, как компьютерные услуги (рост за 3 года составил почти 100 %), услуги по ремонту и техническому обслуживанию (рост за 3 года составил более 200 %), при этом имея отрицательное сальдо по оплате за использование интеллектуальной собственности. Эти данные свидетельствуют, что Беларусь находится на постиндустриальной стадии развития, осваивая информационную экономику и тем самым приближаясь к экономике знаний.

ВЫВОДЫ

Из сказанного очевидно, что современное общество в своем развитии опирается на модель экономики знаний, реализованную во многих передовых странах. Она характеризуется высокой технологичностью в реальном секторе экономики, в котором доминируют производства 5-6-го технологического укладов и основными направлениями, которых для Республики Беларусь могут стать: ИКТ по направлениям программирование, информатизация производства и общества, аддитивные технологии (3D), применение робототехники в различных отраслях, нано и биотехнологии (медицина, материаловедение, сельское хозяйство). Использование новейших технологий позволит достичь качественно нового технологического уклада во всех отраслях экономики на основе использования новейших достижений науки и роста экспорта наукоемкой продукции, за счет творческой (креативной) деятельности в научной и образовательной сфере, путем использования алгоритмов персонализации данных и т. д. В результате основным фактором производства наравне с природными ресурсами, трудом и капиталом станет в Беларуси знание как интеллектуальный капитал.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Better Life Index [Electronic resource] // Knoema – Mode of access: <https://knoema.ru/atlas/topics/Мировые-рейтинги/Мировые-рейтинги/Легкость-ведения-бизнеса?baseRegion=by>. – Date of access: 07.08.2018.
2. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.
3. Фролов, Д. П. Экономика знаний и когнитивная реиндустриализация России: институционально-эволюционный анализ / Д. П. Фролов, Д. А. Шелестова, А. В. Лаврентьева // Приоритеты России. – 2013 – № 13. – С. 14–23.
4. Друкер, П. Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего меняющегося общества : пер. с англ. Б. Л. Глушакова / П. Ф. Друкер. – М.; СПб.; Киев : Вильямс, 2007. – 322 с.
5. Ермолов, Ю. А. Современные факторы трансформации процесса труда в условиях формирования экономики знаний / Ю. А. Ермолов // Социально-экономические процессы и явления. – 2011. – № 8 (30). – С. 74–78.
6. Данильченко, А. В. Теоретические основы транснационализации страны и предприятия / А. В. Данильченко, Д. С. Калинин // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст. / БГУ; ред-кол. : А. В. Данильченко (пред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – Вып. 8 – 195 с.
7. Boisot, M. Data, information and knowledge: have we got it right? / M. Boisot, A. Canals // Journal of Evolutionary Economics. – 2004. – Vol. 14. – P. 43–67.

8. Smith, K. What is the knowledge economy? Knowledge intensity and distributed knowledge bases / K. Smith. – INTECH Discussion Paper Series. – Maastricht: United Nations University, 2002. – № 6.
9. Данильченко, А. В. Креативная экономика как высшая форма развития пост-индустриального общества / А. В. Данильченко, Е. В. Бертош, Док Хи О // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 16–25.
10. CreativeEconomyReport 2013 by UNESCO [Электронный ресурс] // UNESCO. – Режим доступа – Режим: <http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf>. – Дата доступа: 28.09.2017.

REFERENCES

1. Better Life Index [Electronic resource]. – Mode of access: <https://knoema.ru/atlas/topics/Mirovye-rejtingi/Mirovye-rejtingi/Legkost'-vedeniya-biznesa?baseRegion=by>. – Date of access: 07.08.2018.
2. Solodovnikov, S. Yu. Perspektivy i mekhanizmy razvitiya i kapitalizacii social'nogo potenciala Respubliki Belarus' / S. Yu. Solodovnikov // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – 2013. – Vyp. 1. – S. 5–33.
3. Frolov, D. P. EHkonomika znanij i kognitivnaya reindustrializaciya Rossii: institucional'no-ehvolucionnyj analiz / D. P. Frolov, D. A. Shelestova, A. V. Lav-rent'eva // Prioritety Rossii. – 2013 – № 13. – S. 14–23.
4. Druker, P. F. EHpoha razryva: orientiry dlya nashego menyayushchegosya obshchestva : per. s angl. B. L. Glushakova / P. F. Druker. – M.; SPb.; Kiev : Vil'yams, 2007. – 322 s.
5. Ermolov, Yu. A. Sovremennye faktory transformacii processa truda v usloviyah formirovaniya ehkonomiki znanij / Yu. A. Ermolov // Social'no-ehkonomicheskie processy i yavleniya. – 2011. – № 8 (30). – S. 74–78.
6. Danil'chenko, A. V. Teoreticheskie osnovy transnacionalizacii strany i predpriyatiya / A. V. Danil'chenko, D. S. Kalinin // Belarus' i mirovye ehkonomicheskie processy: sb. nauch. st. / BGU; red-kol. : A. V. Danil'chenko (pred.) [i dr.]. – Minsk: BGU, 2011. – Vyp. 8 – 195 s.
7. Boisot, M. Data, information and knowledge: have we got it right? / M. Boisot, A. Canals // Journal of Evolutionary Economics. – 2004. – Vol. 14. – R. 43–67.
8. Smith, K. What is the knowledge economy? Knowledge intensity and distributed knowledge bases / K. Smith. – INTECH Discussion Paper Series. – Maastricht: United Nations University, 2002. – № 6.
9. Danil'chenko, A. V. Kreativnaya ehkonomika kak vysshaya forma razvitiya post-industrial'nogo obshchestva / A. V. Danil'chenko, E. V. Bertosh, Dok Hi O // EHkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Минск, 2017. – Vyp. 6. – S. 16–25.
10. CreativeEconomyReport 2013 by UNESCO [Электронный ресурс] // UNESCO. – Режим доступа – Режим: <http://www.unesco.org/culture/pdf/creative-economy-report-2013.pdf>. – Дата доступа: 28.09.2017.

Статья поступила в редакцию 29 сентября 2018 года.

UDC 338.45+330.35.01

BBC 65.01

FASHION INDUSTRY DEVELOPMENT AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT:
DIFFERENT DIRECTED VECTORS*

T. V. SERHIYEVICH

serhiyevich@gmail.com

PhD in Economics, Associate Professor of the Department «Economics and Law»
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

In a modern society, characterized as a “consumer society” (J. Baudrillard), the tasks of reducing the environmental consequences of economic growth are actualized. According to experts, the second largest industrial polluter today is the fashion industry, which is second only to the oil industry. The article examines the mechanisms of influence of fashion as a factor in stimulating consumption in modern society. In the context of the growth of the fashion industry, the threats to sustainable development arising at the stages of production, consumption and utilization of fashion industry products are investigated. The conclusion is made about the need for self-determination of the place of belarusian producers in the global fashion industry, taking into account increasing environmental threats.

Keywords: fashion industry, consumer society, significant consumption, J. Baudrillard, sustainable development, structural policy, light industry, natural rent, fashion, national economy.

РАЗВИТИЕ ИНДУСТРИИ МОДЫ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ:
РАЗНОНАПРАВЛЕННЫЕ ВЕКТОРЫ

Т. В. СЕРГИЕВИЧ

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В современном обществе, характеризуемом как «общество потребления» (Ж. Бодрийяр), актуализируются задачи по снижению экологических последствий экономического роста. По оценкам экспертов, вторым по величине промышленным загрязнителем в мире сегодня является индустрия моды, которая уступает лишь нефтяной промышленности. В статье исследована мода как фактор стимулирования потребления в современном обществе. В контексте роста индустрии моды исследуются угрозы устойчивому развитию, возникающие на этапах производства, потребления и утилизации продукции. Делается вывод о необходимости самоопределения места отечественных производителей в мировой индустрии моды с учетом нарастающих экологических угроз.

Ключевые слова: индустрия моды, общество потребления, знаковое потребление, Ж. Бодрийяр, устойчивое развитие, структурная политика, легкая промышленность, природная рента, мода, национальная экономика.

* This work was supported by the BRFFR (contract No. G18M – 033 of May 30, 2018).

INTRODUCTION

Modern society or the society of abundance (J. Baudrillard [1, p. 25]) is characterized by a change of «an order of consumption, which is an order of the manipulation of signs» [1, p. 33]. An increasing number of items, along with their objective functions, are endowed with sign functions, which often become primary, which predetermines the choice of the modern buyer. Consumption is mediated by the processes of choice and constant renewal of things, in which every consumer seeks to participate, since he «experiences his distinctive behaviours as freedom, as aspiration, as choice. His experience is not one of being forced to be different, of obeying a code, – says J. Baudrillard. – To differentiate oneself is always, by the same token, to bring into play the total order of differences, which is, from the first, the product of the total society and inevitably exceeds the scope of the individual» [1, p. 61].

The institute establishing the general order of differences in modern society is fashion, which symbolizes social differentiation. Despite the fact that the fashion industry has emerged into a full-fledged sphere relatively recently (the second half of the 20th century), today it is one of the fastest growing industries. At the same time, the general ideology of economic growth and the justification of consumption play a significant role. Quantitative assessment of the development of the fashion industry is difficult, because it affects all spheres of human activity. This makes it difficult to assess its environmental externalities, which, however, is a pressing issue in the context of sustainable development.

RESULTS AND ITS DISCUSSION

Although under the fashion influence the principles of behavior and the way of life of people are formed, traditionally in economic research the fashion industry primarily includes the production and consumption of textiles, clothing, shoes, accessories, and perfumery. According to some authors (V. P. Ivanitsky [2], N. A. Kryukova [3], E. A. Lisova [3], M. S. Shcheglov [2]), the clothing industry forms the core of the fashion industry, according to the others (T. A. Bozina [4], V. M. Osipov [5], V. A. Titov [5], V. V. Khokhlov [4]) are rightly attributed to the fashion industry in the services sector. In the context of the study of the relationship between the development of the fashion industry and sustainable development, it is advisable to consider the fashion industry as a system of production, distribution, appropriation and consumption of fashionable goods with significant exchange value, the operation of which is aimed at the production, intellectual, creative and informational activities of subjects of various sectors of the economy that ensure constant renewal of these goods.

The development of the fashion industry is usually evaluated on the basis of indicators of light industry, wholesale and retail trade, design services for clothes and shoes [6]. Often in the literature, the clothing industry is characterized as «environmentally friendly production» [7, p. 34]. Such a thesis is fair in the context of a comparative analysis of the direct impact of production processes in various industries on the environment. Indeed, garment production is characterized by a low level of environmental pollution in comparison with other economic activities attributable to industry. While the share of production of textiles, clothing, leather and fur products in the total volume of manufacturing industry production in the Republic of Belarus in 2017 was 4.43 %, this type of economic activity accounts for only 2.05 % of pollutant emissions into the air from stationary sources. In terms of the «water use» indicator, the share of production of textiles, clothing, leather and fur products is comparable to its share in the volume of production of the manufacturing industry – the share of this type of activity in the total water use of the manufacturing industry reaches 4.9 %. In terms of water discharge, the share of the studied type of activity is only 0.5 %.

At the same time, in the structure of environmental protection costs in the manufacturing industry, the costs of Belarusian enterprises for the production of textiles, clothing, leather and fur products are 3.43 % or 16.4 million rubles. Most of these funds (13.4 million rubles) are spent on the protection and rational use of water resources, then follow the costs of protecting the environment from pollution by industrial waste (1.8 million rubles) and the cost of protecting the atmospheric air, preservation of the ozone layer and climate (1.9 million rubles). The indicators of the production of textiles, clothes, leather goods and fur by the production of industrial waste look very «eco-friendly» – only 126.6 thousand tons per year (according to 2017) or 0.26 % of manufacturing industry waste [8]. Thus, light industry in the Republic of Belarus is characterized by a relatively low level of negative impact on the environment, comparable to the value of the costs of enterprises of this type of economic activity for its protection. The main source of pollution is the textile and leather industries, which have a negative impact primarily on water resources.

Using a systematic approach to assessing the impact of light industry on the environment leads to the expansion of the object of study – the production of textiles, clothing, leather and fur – to the fashion industry, the production base of which it is. In the face of increasing environmental threats, increasing negative anthropogenic impact on nature, updating the search for mechanisms to solve environmental problems, consider the environmental costs of material production in isolation from other parts of the value chain and consumption chains becomes insufficient. «Today, – notes S. Yu. Solodovnikov, – the essence of the concept of sustainable development is the development of socio-economic mechanisms for managing social and natural systems at the regional, national and global levels in order to ensure sustainable growth of the population's well-being with minimal damage to the environment and human health» [9, p. 58]. Therefore, the environmental impact of the fashion industry should be subject to a comprehensive assessment.

As soon as the scopes of the studied area expand from raw material suppliers to the consumption and utilization of consumer products, the assessment of the environmental impact of the fashion industry becomes the opposite. Today «the apparel industry accounts for 10 % of global carbon emissions and remains the second largest industrial polluter, second only to oil» [10]. Soil contamination by pesticides when growing cotton, high water consumption (for example, «2 billion pairs of jeans are produced every year, and a typical pair takes 7,000 litres of water to produce. For a t-shirt, it takes 2,700 litres of water to make just one – that's the amount of water an average person drinks over the course of 900 days» [11]), the use of petroleum for the production of synthetic materials, chemicals for the production and dyeing of textile materials are just some of the negative effects of the fashion industry on nature. Low environmental standards and their non-observance in countries where the global production of textiles, footwear and clothing is concentrated today, allows the leaders of the fashion industry to get excess profit by appropriating natural rent, almost without reimbursing environmental costs.

In addition to non-observance of environmental imperatives of sustainable development, such countries maintain extremely low social standards – child labor is actively used, wages remain extremely low, there are virtually no social guarantees, labor safety requirements are violated, which leads to irreversible destructive social and environmental consequences. The largest industrial disaster in recent years in the fashion industry was the collapse of the building where the clothing factories were located, which happened in 2013 in Bangladesh. In order to avoid violating the tight deadlines for the work of the owners of the garment industry, the requirements for evacuating workers from a building in disrepair were ignored. His collapse caused the death of 1,129 people and injured about 2,500 people [12]. At the same time, global corporations that receive excess profit at the expense of third countries are practically not responsible for human and environmental damage, since they only place orders for outsourcing work.

The following statistics testifies to the scale of consumption in modern society: for example, Americans today consume three times more than fifty years ago, they buy twice more clothing than twenty years ago. «In 1991, the average American bought 34 items of clothing each year. By 2007, they were buying 67 items every year. That's a new piece of clothing every four to five days» [11]. Estimates of consumption are astounding: «Nearly 70 million barrels of oil are used each year to make the world's polyester fiber, which is now the most commonly used fiber in our clothing. But it takes more than 200 years to decompose. More than 150 billion garments are produced annually, enough to provide 20 new garments to every person on the planet, every year. Americans throw away about 70 lbs of clothing per person every year» [10]. The sharp increase in the pace and volume of clothing consumption in recent years is due to the acceleration of fashion cycles and the spread of the «fast fashion» phenomenon, as well as the growth of population on the planet. Today «the average person buys 60 percent more items of clothing and keeps them for about half as long as 15 years ago» [13, p. 12]. On the one hand, the rapid growth of effective demand for fashion goods provides the possibility of creating and saving millions of jobs, as well as the growth of entire national economies. On the other hand, the consequences of increasing effective demand and changes in the structure of consumption leads to a sharp increase in the negative impact on the environment.

Along with the negative impact on the ecology of the processes of production and distribution of textiles, footwear and clothing (from agricultural organizations to retail chains with finished products), there is the problem of recycling, processing and recycling these products. Changes in the structure and culture of consumption, its intensification cause a rapid increase in the scale of this problem in modern society, in which the level of consumption of goods becomes an indicator of implied social mobility. J. Baudrillard writes about this: «By their number, redundancy, superfluity and formal extravagance, by the play of fashion and all that exceeds pure and simple function in them, objects merely *simulate the social essence* – **status** – that grace of predestination which is only ever bestowed by birth to a few and which the majority, having opposite destinies, can never attain. This hereditary legitimacy (whether of blood or of culture) is at the very heart of the concept of status, the key concept in the whole dynamics of social mobility. Underlying all aspirations, there is this ideal end of a status by birth, a status of grace and excellence. And status also haunts the environment of objects. It is status which arouses this frenzy, this berserk world of knick-knacks, gadgets, fetishes, all of which seek to mark out a value for all eternity and prove salvation by works, since salvation by grace is unattainable. Hence the very particular prestige of the ancient object, which is a sign of heredity, of innate value, of irreversible grace» [1, p. 60]. While the ideology of fashion and consumer society functions under the sign of universal social mobility, there are practically no sociologically justified chances for a cardinal increase in status.

J. Baudrillard categorically declares: «The consumer society needs its objects in order to be. More precisely, it needs to destroy them. The use of objects leads only to their dwindling disappearance. The value created is much more intense in violent loss. This is why destruction remains the fundamental alternative to production: consumption is merely an intermediate term between the two» [1, p. 47]. And also: «the order of production only survives by paying the price of this extermination, this perpetual calculated 'suicide' of the mass of objects, and that this operation is based on technological 'sabotage' or organized obsolescence under cover of fashion. Advertising achieves the marvellous feat of consuming a substantial budget with the sole aim not of adding to the use-value of objects, but of subtracting value from them, of detracting from their time-value by subordinating them to their fashion-value and to ever earlier replacement» [1, p. 46]. Today «it has become normal for clothes to be bought, worn a few times, if at all – and thrown away at an ever increasing rate. Reports suggest that almost all of the clothes thrown out with domestic waste could be used again, with estimates that as much

as 95 percent could be re-worn, reused or recycled – depending on the state of the textile wastes. Instead, in countries with dominant consumer cultures, the vast majority of old clothes are thrown out with our household waste and end up in landfills or incinerators, amounting to millions of tonnes of textiles waste worldwide. Reports show that this is the fate for over 80 % of clothes thrown out in the EU» [13, p. 13]. The value of a thing as such is reduced, which is expressed both in its consumer and symbolic functions; the value of being able to quickly update things is increasing, which in itself is a sign.

As S. Yu. Solodovnikov rightly emphasizes, «any society is not something monolithic, but is divided into many social classes that have specific socio-economic interests, and the interests of a number of these classes will always not correspond to the direction of sustainable development» [9, p. 58]. Therefore, there is a need for a strong «state», which, being a representative of public interests, would create conditions for the implementation of the concept of sustainable development at the national and regional levels, and would also defend these interests in the international arena. Especially important is the role of the state in transitional economies, to which the economy of the Republic of Belarus can still be attributed: «in transformational economic systems it is necessary for the state to play a leading role in configuring the socio-economic interests of social actors» [14, p. 17] to ensure economic growth in compliance with environmental imperatives.

CONCLUSIONS

Although at first sight light industry is a fairly eco-friendly sector of the economy. But when considering the fashion industry and its impact on the environment, an extremely low degree of environmental friendliness of the latter is found. The scale of technological threats arising from the rapid development of the fashion industry, necessitates the adoption of measures to prevent these threats on a planetary scale. Compliance with environmental imperatives should be developed in two directions, both in terms of strengthening the state's role in protecting public interests through the development of environmental protection technologies and improving the mechanisms for regulating the appropriation of natural rent, and through secondary use and subsequent processing of goods, as well as the transition to a type of consumption called «sustainable consumption».

Strengthening environmental threats due to the global growth of the fashion industry does not mean that domestic producers should reject claims for a place in this system, since such a refusal would in no way affect consumption volumes, but would provide even greater competitive opportunities for foreign producers of goods and services in the fashion industry. The presence on the Belarusian market of a large number of imports of goods classified as fashionable opens up opportunities for realizing the potential of the studied industry on the new technological basis, taking into account the assessment of the level of environmental costs and distribution of responsibility, as well as the development of mechanisms to reduce them.

REFERENCES

1. Baudrillard, J. The Consumer Society. Myths & Structures / J. Baudrillard. – London : SAGE Publications, 1998. – 208 p.
2. Иваницкий, В. П. Промышленное производство швейных товаров интенсивного обновления: сущность, границы и структура / В. П. Иваницкий, М. С. Щеглов // Известия Уральского государственного экономического университета. – 2012. – № 6 (44). – С. 73–78.

3. Крюкова, Н. А. Анализ тенденций развития российской индустрии моды / Н. А. Крюкова, Е. А. Лисова // Вестник Поволжского государственного университета сервиса. Серия: Экономика. – 2015. – № 1 (39). – С. 171–178.
4. Бозина, Т. А. Подготовка кадров для индустрии моды: проблемы и перспективы // Т. А. Бозина, В. В. Хохлова // Швейная промышленность. – 2014. – № 3. – С. 16–19.
5. Осипов, В. М. Улучшающие инновации и развитие сектора услуг индустрии моды / В. М. Осипов, В. А. Титов // Инновации. – 2012. – № 10 (168). – С. 48–51.
6. Global fashion industry statistics – International apparel [Electronic resource] / FASHIONUNITED. – Mode of access: <https://fashionunited.com/global-fashion-industry-statistics>. – Date of access: 24.09.2018.
7. Петрова, И. В. Эффективный аутсорсинг: Механизм принятия управленческих решений / И. В. Петрова. – Москва : РИОР : Инфра-М, 2017. – 108 с.
8. Охрана окружающей среды в Республике Беларусь, 2018 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016. – 227 с.
9. Солодовников, С. Ю. Экономический рост и истинные инвестиции: сущность и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 56–63.
10. Conca, J. Making Climate Change Fashionable – The Garment Industry Takes On Global Warming [Electronic resource] / J. Conca // Forbes. – Publ. date 03.12.2015. – Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/jamesconca/2015/12/03/making-climate-change-fashionable-the-garment-industry-takes-on-global-warming/#1d57b4e079e4>. – Date of access: 24.07.2018.
11. Chung, Sh.-W. Fast fashion is «drowning» the world. We need a Fashion Revolution! [Electronic resource] / Sh.-W Chung // Greenpeace. – Publ. date 21.04.2016. – Mode of access: <https://www.greenpeace.org/international/story/7539/fast-fashion-is-drowning-the-world-we-need-a-fashion-revolution>. – Date of access: 24.07.2018.
12. 2013 Savar building collapse [Electronic resource] / Wikipedia – The Free Encyclopedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/2013_Savar_building_collapse. – Date of access: 24.09.2018.
13. Cobbing, M. Fashion at the Crossroads: a review of initiatives to slow and close the loop in the fashion industry / M. Cobbing, Y. Vicaire // Hamburg, Greenpeace e.V. Germany 2017. – 107 p.
14. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2018 года

УДК 338.45

ББК 65.30

ИНДУСТРИЯ 4.0 – НОВАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Ю. В. МЕЛЕШКО

meleshkojv@gmail.com

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье анализируется промышленная политика Германии, получившая название Индустрия 4.0, в основе которой лежит создание нового типа промышленного производства благодаря внедрению кибер-физических систем. Рассмотрены теоретические основы Индустрии 4.0, показана трансформация целей и методов реализации проекта Индустрии 4.0, произошедшая за пять лет, дана характеристика полученным практическим результатам. Это позволило выявить теоретико-методологические особенности Индустрии 4.0 как промышленной политики Германии, обусловленные специфическими политическими и социально-экономическими факторами, сложившимися в стране, а также показать последствия невозможности согласования интересов конкурирующих хозяйствующих субъектов без политической воли.

Ключевые слова: Индустрия 4.0, кибер-физические системы, промышленная политика.

INDUSTRY 4.0 – NEW INDUSTRIAL POLICY OF GERMANY: THEORETICAL BASIS
AND PRACTICAL RESULTS

Yu. V. MELESHKO

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Law
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the industrial policy of Germany, called Industry 4.0, which is based on the creation of a new type of industrial production thanks to cyber-physical systems. The theoretical foundations of Industry 4.0 are reviewed, the transformation of the goals and methods of implementation of the project Industry 4.0 over five years is shown, and the practical results obtained are characterized. This made it possible to identify the theoretical and methodological properties of Industry 4.0 as the industrial policy of Germany, due to the specific political and socio-economic factors prevailing in the country, and also to show the consequences of the impossibility of reconciling the interests of competing economic entities without political will.

Keywords: Industry 4.0, cyber-physical systems, industrial policy.

ВВЕДЕНИЕ

Термин «Индустрия 4.0» был введен в научный оборот в 2011 г., когда на Ганноверской выставке был озвучен доклад «Индустрия 4.0: с Интернетом вещей на пути к 4-й промышленной революции» [1]. Авторами доклада являются Х. Кагерман (экономист),

В.-Д. Лукас (политик), В. Вальстер (информатик). К этому времени Научно-исследовательским союзом «Экономика-наука» федерального правительства уже был представлен проект стратегии «Индустрия 4.0», в разработке которого участвовали в том числе и названные авторы. Констатируя происходящие в сфере производства изменения, авторы доклада делают выводы о том, что в ближайшем будущем на основе кибер-физических систем сформируются новые бизнес-модели. «Сегодня сохранить у себя производство означает готовиться к 4-й промышленной революции, основанной на Интернете» [1], – утверждают Х. Кагерман, В.-Д. Лукас и В. Вальстер.

С 2011 г. в рамках рабочего плана реализации Стратегии развития высоких технологий до 2020 г. был принят проект «Индустрия 4.0», совместно с еще 9 «будущими проектами», среди которых «Не содержащий углекислого газа, энергоэффективный и экологически чистый город»; «Возобновляемые ресурсы в качестве альтернативы нефти»; «Умное энергоснабжение»; «Лечить болезни лучше с помощью индивидуализированной медицины»; «Больше здоровья посредством целенаправленной профилактики и питания»; «Даже в старости вести самостоятельную жизнь»; «Устойчивая мобильность»; «Интернет-услуги для экономики»; «Гарантированная идентификация личности» [2]. Важность Индустрии 4.0 подчеркивалась на высшем политическом уровне: «В коалиционном соглашении правительства ХДС-ХСС-СПД на законодательный период 2013 года I40 (*Индустрия 4.0 – примечание Ю.М.*) считалось жизненно важным в обеспечении технологического лидерства» [3].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Исследования рабочей группы Индустрии 4.0 Научно-исследовательского союза «Экономика-наука» федерального правительства ФРГ выполнялись под руководством Немецкой академии наук и инженерии (Acatech) и финансировались Федеральным министерством образования и научных исследований. В 2013 г. был опубликован заключительный отчет о стратегии развития Индустрии 4.0, получивший название: «Обеспечить будущее Германии как места производства. Рекомендации по внедрению проекта Индустрия 4.0». В подготовке отчета приняли участие специалисты из различных областей: представители университетов (Технологический университет Дармштадта, Институт инженерии и автоматизации Фраунгофера, Технологический институт Карлсруэ, Мюнхенский технический университет, Университет Пассау и др.); представители исследовательских организаций и объединений (Центральное объединение электронной промышленности, Ассоциация немецкой машиностроительной и заводской инженерии, БИТКОМ - Цифровая ассоциация Германии и др.); представители крупнейших предприятий промышленности (Robert Bosch GmbH, Siemens AG, SAP AG, ThyssenKrupp AG, Deutsche Telekom AG, BMW AG, Deutsche Post DHL AG, TRUMPF GmbH & Co. KG и др.). Такой состав участников обеспечил широту подхода с точки зрения согласованности научного и технического потенциалов при разработке проекта Индустрия 4.0. Участие в исследованиях представителей бизнеса позволило довольно подробно описать практический опыт использования технологий Индустрии 4.0 и указать на возникающие при этом проблемы, в том числе юридические, что позволило выявить препятствия развития Индустрии 4.0 в Германии.

Яром Индустрии 4.0 определены кибер-физические системы. «В Индустрии 4.0 благодаря кибер-физическим системам обеспечивается модельное, архитектурное, коммуникационное и интеракционное сквозное сопровождение продукции, средств производства и производственных систем с учетом меняющихся и изменившихся процессов.

Таким образом, кибер-физические системы становятся кибер-физическими производственными системами (CPPS) и находят применение в интеллектуальных производственных системах» [4, S.89]. Основной функцией кибер-физических производственных систем является согласование разрозненных производственных процессов. Так, рабочей группой отмечается: «В прошлом из-за отсутствия в производстве возможности сетевого объединения и подходящей базовой информационно-коммуникационной технологии концепция компьютерно-интегрированного производства технически не могла быть индустриализована. Более короткие жизненные циклы продукции и сети, зачастую имеющиеся у отдельных предприятий, во всей цепочке поставок приводят все же снова к несбалансированным получением заказов, запасам или к производству, которое не синхронизируется. В результате попытка достичь общего оптимума за пределами границ компании сегодня связана со многими неопределенностями из-за отсутствия технологических решений и стандартизации. Кроме того, такие производственные требования как межфирменные сетевые взаимодействия, маневренность и гибкость из-за отсутствия совместимости информации и процессов разных уровней производства могут быть выполнены только в дорогостоящих проектах, управляемых вручную. Это приводит к длительным простоям в производстве и высоким затратам при перестройке производства для выпуска другой продукции. Именно здесь появляется потенциал CPPS в контексте Индустрии 4.0» [4, P.101]. В этом контексте преимущества Индустрии 4.0 описываются следующим образом: «Промышленность 4.0 позволяет повысить гибкость и надежность на самом высоком уровне качества в области проектирования, планирования, производства, эксплуатации и логистики. Результатом является прослеживаемая в реальном времени и самоорганизующаяся динамическая цепочка создания добавленной стоимости, которая может быть оптимизирована в соответствии с различными критериями, такими как затраты, доступность и потребление ресурсов» [4, P. 24].

Концепция кибер-физических производственных систем реализуется с помощью множества информационно-коммуникационных технологий, которые, следует отметить, могут и наверняка будут постоянно меняться, что, однако, не влечет распад самой системы. «Компьютерные науки предлагают множество базовых технологий, которые должны быть концептуально пересмотрены и усовершенствованы для непосредственного использования в технологиях автоматизации или производства. Однако особое значение для индустрии 4.0 имеет общая интеграция и синтез этих технологий, обеспечивающих, например, организацию многокомпонентных ИТ- и производственных систем с помощью интеллектуальной сенсорики и информационных технологий» [4, P.101]. Для Индустрии 4.0 центральной технологией стал Интернет, позволяющий объединить компьютеризированные еще в результате третьей промышленной революции производства, в том числе на межотраслевом, межрегиональном или международном уровнях. «... Интернет вещей, межмашинное взаимодействие и производство, которое становится все умнее, ознаменовали новую эпоху – четвертую индустриальную революцию, Индустрия 4.0» [5]. Однако для полноценного функционирования интернета вещей требуется также и соответствующее развитие сопутствующих услуг (услуг связи, услуг по сбору и обработке данных и т. д.). Так, в докладе отмечается: «Внедрению будущих сценариев Индустрии 4.0 способствует дальнейшее развитие соответствующей сетевой инфраструктуры и дифференциация сетевых услуг посредством соглашений об обслуживании» [4, P. 26]. Подчеркивая взаимозависимость развития сетевой инфраструктуры и услуг, в докладе широко используется термин «интернет вещей и услуг».

Кибер-физические производственные системы становятся основой для создания умных заводов, которые «в сочетании с умной мобильностью, умной логистикой и ум-

ной сетью энергоснабжения» являются «важнейшей составляющей будущей умной инфраструктуры» [4, Р. 23]. Сама промышленная продукция также становится «умной», что означает возможность отследить ее в любой момент времени, автоматизированный контроль и автоматизированное управление. Авторы доклада отмечают, что «возрастающая интеллектуальность продукции и систем с их вертикальными сетевыми взаимодействиями, соединёнными сквозным инжинирингом, и горизонтальной интеграцией в рамках цепочки создания добавленной стоимости приводят к четвертому этапу индустриализации – Индустрии 4.0» [4, Р. 23]. Создаваемая система умного производства, в рамках которой устанавливается постоянное взаимодействие человека, машин и ресурсов, что позволяет обеспечить максимальную эффективность производства, обладает тремя основными отличительными чертами: 1) горизонтальная интеграция в рамках цепочки создания добавленной стоимости, 2) цифровая интеграция инжиниринга по всей цепочке создания добавленной стоимости, 3) вертикальная интеграция и сетевые производственные системы [4, Р. 6]. Таким образом, основной содержательной характеристикой Индустрии 4.0 выступает цифровая интеграция всех производственных процессов на горизонтальном и вертикальном уровнях, достигающаяся за счет внедрения киберфизических производственных систем. При этом Индустрия 4.0 предполагает интеграцию, а значит и оптимизацию производственных процессов, на глобальном уровне, то есть по всей цепочке создания добавленной стоимости вне зависимости от разнообразия участников, их масштабов и национальной принадлежности. В частности, авторы отчета пишут: «Индустрия 4.0 означает не только оптимизацию существующих процессов, поддерживаемых информационными технологиями, но и раскрытие потенциала еще более дифференцированного сопровождения детализированных процессов и совместных эффектов на глобальном уровне, недоступном ранее» [4, Р. 18].

Особый интерес представляет трактовка вертикальной и горизонтальной интеграции в Индустрии 4.0, которой придерживаются участники рабочей группы. В частности, «под горизонтальной интеграцией в сфере технологий производства и автоматизации, а также информационных технологий понимается интеграция различных информационных систем для различных этапов процесса производства и корпоративного планирования, между которыми осуществляется поток материала, энергии и информации как внутри одной компании (например, входящая логистика, производство, исходящая логистика, маркетинг), так и между несколькими компаниями (в рамках сети создания добавленной стоимости), в общее решение» [4, Р. 24]. Под вертикальной интеграцией в сфере технологий производства и автоматизации, а также информационных технологий понимается «интеграция различных информационных систем разных уровней иерархии (например, уровень исполнительного механизма и датчиков, уровень управления, уровень управления производством, уровень производства и исполнения, уровень корпоративного планирования) в общее решение» [4, Р. 24]. При этом в качестве «рамок действия» вертикальной интеграции определена фабрика [4, Р. 36], то есть одно предприятие.

Данные определения изначально ограничиваются авторами доклада областью применения – «сферой производства и автоматизации, а также информационных технологий» [4, Р. 36]. Интеграция, как горизонтальная, так и вертикальная, рассматривается исключительно как процесс взаимодействия информационных систем с целью обмена информацией и выработки общего (согласованного) решения. Однако характер производства Индустрии 4.0 предполагает гораздо более глубокий уровень взаимодействия всех участников цепочки создания добавленной стоимости, а также и конечных потребителей промышленной продукции, нежели в рамках информационных систем. При этом необходимость взаимодействия между участниками хозяйственной деятельности не раз

отмечается в отчете: «Индустрия 4.0 означает в то же время еще более интенсивную кооперацию между контрагентами (например, поставщиками и потребителями), а также между сотрудниками, в результате чего появляются новые возможности для получения взаимной выгоды» [4, Р. 18]. Такая ограничительная трактовка вертикальной и горизонтальной интеграции может быть объяснена специфическим характером рассматриваемого документа, который направлен на выявления и поиск решений технических препятствий распространения Индустрии 4.0 в Германии, однако, на наш взгляд, недостаточна для содержательной характеристики Индустрии 4.0.

Нельзя согласиться и с рассмотрением взаимодействия между участниками цепочки создания добавленной стоимости исключительно на горизонтальном уровне. По мнению авторов доклада, вертикальная интеграция, предполагающая субординационные отношения, возможна только в рамках одного предприятия. В то же время сами авторы выделяют в качестве особенности Индустрии 4.0 множественность участников в рамках одной цепочки создания добавленной стоимости: «Сценарии Индустрии 4.0, как например, "сетевое производство", "самоорганизующаяся адаптивная логистика" и "интегрированный с заказчиком инжиниринг" <...>, требуют бизнес-моделей, которые, как правило, могут быть реализованы не одной фирмой, а в рамках (возможно) высоко динамичной бизнес-сети» [4, Р. 26]. Игнорирование вертикальной интеграции между контрагентами является отражением теоретического подхода о равенстве в рыночной экономике всех хозяйствующих субъектов, господствующего в ФРГ. В то же время, крупные промышленные предприятия имеют возможность контролировать мелкие и средние предприятия практически во всех сферах, в том числе регулировать их доходность, поскольку в случае прекращения сотрудничества первые найдут новых партнеров в кратчайшие сроки, в отличие от мелких и средних предприятий, которые критически зависимы от их заказов. В результате, будучи формально (с юридической точки зрения) независимыми, крупный и средний и малый бизнес выстраиваются в вертикально и горизонтально интегрированную цепочку создания добавленной стоимости. Таким образом, узкая трактовка вертикальной интеграции как интеграции производственных процессов в рамках одного предприятия является результатом методологической ошибки – идеологизации объекта.

Благодаря организации производства на основе кибер-физических производственных систем становится возможным:

- индивидуализация продукции и переход к мелкосерийному производству при сохранении (или повышении) рентабельности. «Благодаря Индустрии 4.0 производство единичной продукции и небольших партий становится рентабельным» [4, Р. 19];

- флексибилизация производства. «Основанная на CPS сеть позволяет динамически разрабатывать бизнес-процессы в зависимости от: объема, времени, риска, надежности, цены, экологичности и т. д.» [4, Р. 20];

- оптимизированное принятие решений. «Имеющая в Индустрии 4.0 всеохватывающая прозрачность в режиме реального времени позволяет обеспечить заблаговременную гарантию проектного решения в рамках инжиниринга, более гибкие реакции на сбои в производстве, глобальную оптимизацию, выходящую за рамки места производства» [4, Р. 20];

- производительность и эффективность ресурсов. «... система может быть оптимизирована относительно использования ресурсов и энергии или снижения выпуска не только после, но и во время производства» [4, Р. 20];

- создание добавленной стоимости с помощью новых услуг. «В Индустрии 4.0 создаются новые формы добавленной стоимости и новые формы занятости, например, бла-

годаря последующим услугам. Полученные от интеллектуальных устройств разнообразные и обширные данные (Big Data) могут быть использованы с помощью интеллектуальных алгоритмов для инновационных услуг» [4, Р. 20];

- организация занятости с учетом демографических особенностей. «В условиях нехватки квалифицированной рабочей силы и возрастающего многообразия занятых (по возрасту, полу, культурному фону) Индустрия 4.0 обеспечивает многообразные и гибкие модели карьеры и тем самым сохраняет продуктивность работы» [4, Р. 20];

- сбалансированность трудовой жизни. «CPS-предприятия, обладающие большей гибкостью в организации работы, способны лучше всего удовлетворить растущие потребности работников в комбинировании работы и личной жизни, а также личного и профессионального развития» [4, Р. 20];

- высокий уровень добавленной стоимости. «В контексте двойной стратегии Германия с помощью Индустрии 4.0 сможет развить свои позиции ведущего поставщика и одновременно стать передовым рынком для решений Индустрии 4.0» [4, Р. 20].

Именно благодаря использованию кибер-физических систем Индустрия 4.0 приобретает свои отличительные характеристики (сетевое взаимодействие, гибкость, транспарентность, клиентоориентированность) и становится частью « сетевого интеллектуального мира » [4, Р. 22]. По мнению авторов доклада, Индустрию 4.0 следует рассматривать шире, нежели производственные системы нового типа (умная фабрика, умная логистика и т. д.): «Индустрию 4.0 не следует рассматривать изолированно <...>. Создание Индустрии 4.0 должно осуществлять междисциплинарно и при тесном взаимодействии с иными сферами (*исследовательской группой выделены 5 основных сфер – климат/энергия, мобильность, здравоохранение, безопасность и коммуникация – примечание Ю.М.*)» [4, Р. 23].

Большое значение уделяется также и социальной сфере: «...технологические инновации не должны быть оторваны от их социокультурного фона; в то же время сами культурные и общественные изменения являются сильным инновационным драйвером. Это относится, например, к демографическим изменениям, которые могут привести к изменениям во всех основных общественных сферах: в организации обучения, работы и здравоохранения в условиях увеличивающейся продолжительности жизни, а также в муниципальной инфраструктуре, что, в свою очередь, оказывает непосредственное влияние на производительность в Германии. Оптимизация взаимного обмена между техническими и социальными инновационными процессами внесет важный вклад в конкурентоспособность и производительность Германии» [4, Р. 18]. Специалистами рабочей группы отмечается изменения социальной инфраструктуры в сфере занятости, обусловленные активной «интеракцией человека и техники». «В центре будущей системы умного производства стоит человек и техника должна способствовать его когнитивной и физической работоспособности путем установления баланса между помощью и требованиями, в особенности в отношении индустриальных систем управления, кооперации человека и техники, а также в отношении аспекта квалификации» [4, Р. 99]. Производство становится более занятоориентированным, что выражается, в том числе, в изменении внешнего вида рабочего места и трудового режима, организация которых все в большей степени обуславливается индивидуальными потребностями работников (здравоохранение, комфорт, возможность дальнейшего обучения и т. д.).

Однако на наш взгляд, такие изменения связаны, в первую очередь, с изменениями потребностей производства. В условиях гибкого и все более зависящего от ситуации производства возрастает спрос на квалифицированных работников, обладающих междисциплинарными компетенциями. «Работа в постоянно меняющейся среде со все более усложняющимися инструментами и системами управления ведет к чрезвычайно высоким требованиям к способностям, знаниям задействованных производственных ресурсов,

а также к трудоспособности работников» [4, Р. 100]. А углубляющаяся автоматизация способствует тому, что «работник может сфокусироваться на креативной, создающей добавленную стоимость деятельности» [4, Р. 25]. Это обуславливает и возрастание значения образования (как с точки зрения подготовки кадров, так и получения последующего образования на протяжении всей жизни) и взаимодействия с университетами. Таким образом, в рассматриваемом отчете авторы акцентируют внимание на формировании «новой социальной инфраструктуры» и изменении характера труда в Индустрии 4.0 от рутинного к творческому, однако оговариваются, что «внедрение и расширение современных систем взаимодействия человека с технологией, по всей вероятности, приведет к значительным изменениям в будущей промышленной работе, которые пока не могут быть спрогнозированы с точки зрения их масштабов и последствий для производственной деятельности и деятельности в сфере услуг промышленного характера» [4, Р. 25].

Для решения проблемы взаимодействия различных участников производственной цепочки рабочей группой было предложено создание сервисной Интернет-платформы для инженерных систем, с помощью которой будут разрабатываться «стандартизированные, динамичные и самоуправляющиеся приложения, которые совместно с менеджментом обеспечат все функции, необходимые для организации умной производственной системы» [4, Р. 102]. В 2013 г. о создании такой платформы под названием «Индустрия 4.0» было объявлено на Ганноверской выставке. Инициаторами создания Платформы «Индустрия 4.0» выступили Центральное объединение электронной промышленности, Ассоциация немецкой машиностроительной и заводской инженерии и Цифровая ассоциация Германии, представляющие более 6 000 компаний [6].

Платформа играет роль интегратора для представителей политики, бизнеса, науки, профсоюзов, ассоциаций и «мультипликатора в социально-политической дискуссии о влиянии Индустрии 4.0» [7], организуя самостоятельно и принимая участие в диалоговых мероприятиях национального и международного уровня, посвященных Индустрии 4.0. Одной из основных функций Платформы Индустрия 4.0 является информационная: «Она (*Платформа Индустрия 4.0 – примечание Ю.М.*) также направлена на разработку согласованного общего понимания Индустрии 4.0 посредством диалога с заинтересованными сторонами, выработке рекомендации и демонстрации, как промышленное производство может быть оцифровано» [3]. В рамках Платформы Индустрия 4.0 созданы рабочие группы, к которым от рабочей группы Индустрия 4.0, закончившей свою деятельность в 2013 г., перешли функции разработки основных концепций решения проблем на пути Германии к Индустрии 4.0. Функционируют 6 рабочих групп по следующим тематическим направлениям: эталонные архитектуры, стандартизация и нормирование; технологии и сценарии применения; безопасность сетевых систем; правовые основы; занятость, образование и дальнейшее обучение; цифровые бизнес-модели в промышленности 4.0.

Также перед платформой ставится задача выработки практических рекомендаций для всех заинтересованных: «Благодаря онлайн-библиотеке, карте и компасу платформа создала службы ориентации и поддержки, которые помогают компаниям, особенно малым и средним предприятиям, осуществить цифровую трансформацию их производства» [8]. Для апробирования новых технологий на практике создана сеть испытательных центров, в которую входит более 70 вузов и исследовательских учреждений. На Интернет-сайте Платформы представлена информация о более чем 350 примерах внедрения технологий Индустрии 4.0 в практическую деятельность предприятий на территории Германии (для сравнения: более 150 примеров – на территории Франции, и более 150 примеров – на территории Японии).

Почти половина внедренных проектов Индустрии 4.0 приходится на долю малых и средних предприятий (до 250 сотрудников) – 64 %; 29 % составляют предприятия с численностью работников от 250 до 5 000, 23 % – предприятия с численностью работников от 5 000 до 15 000, 25 % – предприятия с численностью работников более 15 000. Основной областью внедрения технологий Индустрии 4.0 стало непосредственно производство (67 %). Около 10 % внедрений Индустрии 4.0 приходится на логистические предприятия, по 7 % – на предприятия образования и инфраструктурные предприятия. Только 8 предприятий сельского хозяйства, что составляет около 3 % представленных примеров, стали участниками Платформы Индустрия 4.0. Что касается технологий, относящихся к Индустрии 4.0, внедренных на практике, то в большинстве случаев это программное обеспечение (49%) и автоматизированные компоненты (33 %). Более сложные технологии, фактически отличающие Индустрию 4.0 от Индустрии 3.0, не нашли такого широкого применения: 33 предприятия (12%) начали использовать услуги промышленного характера, 30 предприятий (11%) – мехатронные устройства (*устройства, основанные на синергетическом объединении узлов точной механики с электронными, электротехническими и компьютерными компонентами – примечание Ю.М.*), 21 предприятие – консультационные услуги [9].

Оценка деятельности Платформы 4.0 была представлена в 2017 г. на Ганноверской выставке. В качестве основных достижений Платформы 4.0 было названо, во-первых, содействие малому и среднему бизнесу. Во-вторых, рабочими группами выработаны рекомендации для политики и бизнеса по тематическим направлениям. В частности, рабочая группа «Эталонные архитектуры, стандартизация и нормирование» разработала «модель, которая составляет основу для взаимодействия компонентов Индустрии 4.0». Группой «Исследования и инновации» были «определены и выстроены по приоритетам тематические области, которые в будущем должны исследоваться более интенсивно в исследовательских подразделениях предприятий и, при необходимости, через целевое финансирование». Рабочая группа «Безопасность сетевых систем» «со своим "Руководством по безопасности ИТ" помогает осуществлять безопасное цифровое производство, в особенности малым и средним предприятиям». Группа «Правовые рамочные условия» «адресуют законодателю необходимые правовые действия». В рабочей группе «Занятость, образование и дальнейшее обучение» рассматривается «вопрос о том, какие новые требования к компетенциям порождают диджитализация и Индустрия 4.0 и какую форму в Индустрии 4.0 примут квалификация и образование» [10].

В-третьих, результатами деятельности платформы в сфере стандартизации стала разработка модели эталонной архитектуры «RAMI 4.0», представляющей «систему координат, в которой сложные отношения промышленности 4.0 делятся на три измерения: ИТ, жизненный цикл и иерархия автоматизации» [10]. Обсуждение данной модели проходит на международном уровне, а именно в Международная организация по стандартизации (ИСО) и в Международной электротехнической комиссии. И наконец, в четвертых, Платформа 4.0 «проводит интенсивные диалоги с национальными и международными альянсами в целях содействия обмену и стандартизации и позиционирования Германии как ведущего рынка для индустрии 4.0» [10].

В целом, результаты реализации Индустрия 4.0 как проекта в рамках Стратегии развития высоких технологий до 2020 г. в Германии оценивают положительно. В 2017 г. в отчете Европейской комиссии «Мониторинг цифровой трансформации. Германия: Индустрия 4.0» отмечается: «Индустрии 4.0 удалось ограничить сегрегацию среди отраслевых секторов, быстро перевести исследования в основную практику за довольно короткий период и расширить масштабы на национальном уровне, чтобы стать одной из крупнейших промышленных сетей такого рода. <...> Хотя прошло еще мало времени,

инициатива стала успешной трансформацией исследований в практику, например, при поддержке тестовых стендов и эталонной архитектуры (RAMI 4.0)» [3]. Вместе с тем наблюдаются и некоторые отклонения от первоначально определенных направлений, что видно из анализа результатов деятельности Платформы Индустрия 4.0 как основного национального (и международного) координатора по вопросам, касающимся Индустрии 4.0. Рабочая группа Индустрии 4.0 Научно-исследовательского союза «Экономика-наука» федерального правительства ФРГ, в рамках реализации рекомендаций которой и была создана Платформа Индустрия 4.0, видела в этой платформе основной инструмент межотраслевого взаимодействия и, следовательно, ключевой фактор становления Индустрии 4.0. «У Германии есть потенциал стать ведущим рынком и главными производителями Индустрии 4.0. Главная предпосылка для этого, наряду с выполнением технических требований, – объединение отраслей и рабочей силы. Платформа Индустрия 4.0 является решающим шагом на пути использования инновационной силы Индустрии 4.0 во всех отраслях» [4, Р. 79]. Для достижения этих результатов было затрачено 200 миллионов евро, предоставленных Федеральным министерством экономики и энергетики и Федеральным министерством образования и научных исследований, «которые дополняются финансовыми и натуральными взносами от промышленности» [3].

Однако сегодня акцент в развитии Индустрии 4.0 сместился с проблем установления межотраслевого взаимодействия в сторону поддержки инновационности малого и среднего предпринимательства. «Первоначально ключевая задача заключалась в объединении всех заинтересованных сторон. Различные цели между компаниями и профсоюзами и среди конкурирующих немецких промышленных групп вначале ограничивали влияние платформы в более широком производственном ландшафте. <...> Подчеркнув особое значение продвижению идей и стандартов, с точки зрения успешной интеграции новых цифровых и промышленных процессов и адаптации организации работы Индустрия 4.0 необходимо в большей степени ориентироваться на малое и среднее предпринимательство и уровень цеха, где происходит значительная часть фактической трансформации» [3]. На сегодняшний день в качестве своего главного достижения руководство платформы называет содействие малому и среднему бизнесу во внедрении технологий Индустрии 4.0, потом уже говорится о конкретных успехах рабочих групп, о разработке эталонной архитектуры и международном сотрудничестве. Вместе с тем, значение Индустрии 4.0 оценивается как помощь малым и средним предприятиям «стать *временными* (выделено Ю.М.) производственными сетями с точными оценками их вкладов» [3].

На наш взгляд, такая трансформация приоритетов при условии признания крупных промышленных предприятий основной промышленности свидетельствует о неуспехе в решении одной из ключевых проблем внедрения Индустрии 4.0 – стандартизации. Причиной этому, помимо сложности решения самой задачи, является конкуренция между ведущими игроками в области информационно-коммуникационных технологий. Как отмечает С. Ю. Солодовников «... социум не является чем-то монолитным и далее не дифференцируемым, а напротив, распадается на огромное количество социальных субъектов, различающихся различной степенью агрегированности. Все эти социальные группы и индивиды стремятся к реализации своих социально-экономических интересов, посредством оптимизации которых они могут упрочить свою жизненность» [11, с. 47]. Это порождает дискуссии о функциях государства. «Дж. Кейнс прямо указывал на то, что рикардиянская теория использовалась для оправдания имущими классами проявлений социальной несправедливости и очевидной жестокости сложившейся рыночной системы хозяйствования, т. е. социальная парадигма саморегулирующего рынка направлена на апологетику преимущественной реализации вполне конкретных классовых интересов, – пишет С. Ю. Солодовников. – Он также рассматривал национальную экономику

как живой организм. Казалось бы, надо сложить эти два тезисы и получится очевидный вывод, что роль государства в экономике не ограничивается макроэкономическими целями и задачами, но и направлена на реализацию интересов определенных классов и иных социальных групп» [12, с. 301]. Логическими выводами таких рассуждений стали следующие: «Для эффективного функционирования национальной экономики необходимы агрегированные субъекты, выступающие носителями государственных, уравнивающих, эгональных, экологических (природосберегающих) и других интересов» [13, с. 61].

Платформа Индустрия 4.0 изначально создавалась тремя промышленными ассоциациями Германии, однако позже в состав руководства вошли представители Федерального министерства экономики и энергетики Германии, Федерального министерства образования и научных исследований, Канцелярии федерального канцлера, федеральных земель. «Один из основных извлеченных уроков касается необходимости расширения модели платформы Индустрия 4.0 с большим количеством участников и обеспечения ее более сильной политической поддержкой для преодоления конкуренции между промышленными группами путем коллаборации по вопросам общих норм, стандартов, а также интеграции промышленных доменов» [3]. Кроме того, на практике основная часть проектов внедрения Индустрии 4.0 основывается на использовании информационных технологий и автоматизированных компонентов, то есть технологий, относящихся к Индустрии 3.0. Существующие примеры внедрения мехатронных устройств или услуг промышленного характера все же не позволяют говорить о создании кибер-физических производственных систем, являющихся основным признаком Индустрии 4.0. Таким образом, можно заключить, что становление Индустрии 4.0 в Германии находится на своих начальных этапах и потребует еще много усилий как со стороны бизнеса, науки, так и со стороны политики.

ВЫВОДЫ

Несмотря на широкое распространение термина в научной литературе, Индустрия 4.0, как новый тип промышленного производства не является четко сформулированной и логически завершенной концепцией, а находится в разработке. Зародившись как подпрограмма Стратегии развития высоких технологий до 2010 г. в Германии, понятие Индустрия 4.0 изначально применялось для описания новой промышленности, формирующейся на основе информационных технологий (в первую очередь, Интернет). В результате проведенных исследований специально созданной рабочей группой была дана общая характеристика Индустрии 4.0, а также описаны предпосылки и условия ее становления в Германии и выработаны рекомендации по дальнейшему развитию Индустрии 4.0 в Германии. Основной же задачей рабочей группы, исходя из содержания рекомендаций, была разработка рекомендаций устранения препятствий (технических, юридических, кадровых и др.) распространения Индустрии 4.0 на всей территории Германии с целью обеспечения конкурентоспособности предприятий промышленности. В целом Индустрия 4.0 рассматривается как инструмент сохранения за Германией лидирующих позиций на мировом рынке промышленности: «... С Индустрией 4.0 Германия сможет усилить свою международную конкурентоспособность и сохранить на своей территории объем производства» [4, Р. 7].

Теоретическая основа становления Индустрии 4.0 разработана лишь частично. В качестве основной содержательной характеристики Индустрии 4.0 была выделена цифровая интеграция всех производственных процессов на горизонтальном и вертикальном уровнях, достигающаяся за счет внедрения кибер-физических производственных систем. Результатом формирования Индустрии 4.0 должна стать прослеживаемая в реальном

времени и самоорганизующаяся динамическая цепочка создания добавленной стоимости, которая может быть оптимизирована в соответствии с различными критериями, такими как затраты, доступность и потребление ресурсов. Ожидается, что это позволит повысить гибкость и надежность на самом высоком уровне качества в области проектирования, планирования, производства, эксплуатации и логистики. Благодаря организации производства на основе кибер-физических производственных систем становится возможным: – индивидуализация продукции и переход к мелкосерийному производству при сохранении (или повышении) рентабельности; – флексибилизация производства; – оптимизированное принятие решений; – производительность и эффективность ресурсов; – создание добавленной стоимости с помощью новых услуг; – организация занятости с учетом демографических особенностей; – сбалансированность трудовой жизни; – высокий уровень добавленной стоимости.

Были рассмотрены некоторые социально-экономические проблемы, связанные с внедрением Индустрии 4.0 – необходимость развития разноплановых компетенций у персонала, внедрения системы образования на протяжении всей жизни, создания благоприятной рабочей среды в условиях повышения творческой составляющей рабочего процесса и т. д. Однако социально-экономические последствия становления Индустрии 4.0 в Германии, как, например, перестройка цепочек создания добавленной стоимости, изменение взаимодействия ее участников, в том числе малых и средних предприятий с крупными промышленными корпорациями, изменение производственного процесса в виду кастомизации продукции, переход к рентабельному производству единичной продукции, возникновение новых форм создания добавленной стоимости и новых бизнес-моделей, описаны лишь в самых общих чертах.

Основное внимание рабочей группы Индустрии 4.0. было уделено именно технической стороне взаимодействия человека, машин и ресурсов в рамках умного производства (в частности проблемам стандартизации, безопасности, созданию эталонной архитектуры, внедрению комплексных систем, оснащению рабочих мест). Выработанные рекомендации определяют основные направления приложения усилий (как со стороны правительства, например, в области правового регулирования или масштабной поддержки научных исследований и разработок, так и со стороны предприятий промышленности, университетов, отраслевых исследовательских организаций), что должно позволить преодолеть возникающие препятствия на пути становления в Германии Индустрии 4.0. В частности, в отчете отмечается: «С будущим проектом Индустрия 4.0 исследовательский союз взял на себя инициативу в межотраслевом масштабе. Платформа Индустрия 4.0 (*запуск которой был объявлен на Ганноверской выставке в 2013 г. – примечание Ю.М.*) совместно с объединенным офисом промышленных ассоциаций ВITKOM (Цифровая ассоциация Германии – *примечание Ю.М.*), VDMA (Ассоциация немецкой машиностроительной и заводской инженерии – *примечание Ю.М.*) и ZVEI (Центральное объединение электронной промышленности – *примечание Ю.М.*) является последовательным шагом по реализации. В настоящее время необходимо разработать дорожные карты исследований и развития в центральных областях деятельности» [4, Р. 21]. В докладе неоднократно подчеркивается важность междисциплинарного взаимодействия в рамках Индустрии 4.0, в особенности с социокультурной и демографической сферами («взаимодействия технических и социальных инноваций»). Вместе с тем рекомендации не затрагивают проблематику занятости, образования и дальнейшего обучения, отмечается лишь сложность прогнозов влияния Индустрии 4.0 на социальную сферу и необходимость формирования новой социальной инфраструктуры, способной обеспечить согласованность человека и техники.

К успехам развития проекта Индустрии 4.0 относят запуск Интернет-платформы Индустрия 4.0, выполняющей информационную, консультационную и координирующую функции, предложенные рекомендации для политики и бизнеса по тематическим направлениям, модель эталонной архитектуры «RAMI 4.0». В целом же практические результаты проведения мероприятий по внедрению Индустрии 4.0 оказались несколько ниже ожидаемых. Анализ опубликованных примеров показал, что почти половина внедренных проектов Индустрии 4.0 приходится на долю малых и средних предприятий (до 250 сотрудников). Основная часть проектов внедрения Индустрии 4.0 основывается на использовании информационных технологий и автоматизированных компонентов, то есть технологий, относящихся к Индустрии 3.0. Более сложные технологии, фактически отличающие Индустрию 4.0 от Индустрии 3.0 (услуги промышленного характера, мехатронные устройства, консультационные услуги) не нашли такого широкого применения. Существующие примеры внедрения мехатронных устройств или услуг промышленного характера все же не позволяют говорить о создании кибер-физических производственных систем, являющихся основным признаком Индустрии 4.0.

На наш взгляд, такое положение вещей обусловлено явно выраженной лоббирующей позицией крупнейших промышленных предприятий, имеющей место в политике и экономике Германии. Это отразилось как на уровне теоретических исследований Индустрии 4.0 (узкая трактовка горизонтальной и вертикальной интеграции исключительно как процесса взаимодействия информационных систем с целью обмена информацией и выработки согласованного решения), так и на практике. Интернет-платформа Индустрия 4.0 как основной инструмент межотраслевого взаимодействия, создаваемый с целью преодоления отраслевой изолированности, в том числе, объединения производства и рабочей силы, а также содействия трансформации исследований в практику, не оправдала себя. Акцент в развитии Индустрии 4.0 сместился с проблем установления межотраслевого взаимодействия в сторону поддержки инновационности малого и среднего предпринимательство. Такая трансформация приоритетов при условии признания крупных предприятий основной промышленности свидетельствует о неуспехе в решении одной из ключевых проблем внедрения Индустрии 4.0 – стандартизации. Причиной этому, помимо сложности решения самой задачи, является конкуренция между ведущими игроками в области информационно-коммуникационных технологий. Решение этой проблемы видится в сильной политической поддержке, направленной на преодоление конкуренции между промышленными группами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.
2. Zukunftsprojekte der Bundesregierung [Elektronische Quelle] // Die neue Hightech Stratedie Innovationen fuer Deutschland. – Zugriffsmodus: <https://www.hightech-strategie.de/de/Zukunftsprojekte-der-Bundesregierung-972.php>. – Zugriffsdatum: 15.08.2018.
3. Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 3. – Access mode: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. - Access date: 15.08.2018.
4. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektro-

nische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 89. – Zugriffsmodus: https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

5. Was ist Industrie 4.0? [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Industrie40/WasIndustrie40/was-ist-industrie-40.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

6. Die Geschichte der Plattform Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html/>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

7. Hintergrund zur Plattform Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

8. In der Praxis [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/In-der-Praxis/in-der-praxis.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

9. Landkarte Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/Karte/SiteGlobals/Forms/Formulare/karte-anwendungsbeispiele-formular.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

10. Konsequente Fokussierung auf Bedarf des Mittelstandes [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Ergebnisse/ergebnisse.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

11. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования социального капитала как политико-экономического феномена / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 5. – С. 6–56.

12. Солодовников, С. Ю. Код Джона Кейнса или о допустимых интерпретациях экономических текстов / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 293–303.

13. Солодовников, С. Ю. Экономический рост и истинные инвестиции: сущность и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // Вестник КРАГСиУ. Серия «Теория и практика управления». – 2017. – № 18 (23). – С. 56–63.

REFERENCES

1. Kagermann, H. Industrie 4.0: Mit dem Internet der Dinge auf dem Weg zur 4. industriellen Revolution [Elektronische Quelle] / H. Kagermann, W.-D. Lukas, W. Wahlster // VDI Nachrichten. – Zugriffsmodus: <https://www.vdi-nachrichten.com/Technik-Gesellschaft/Industrie-40-Mit-Internet-Dinge-Weg-4-industriellen-Revolution>. – Zugriffsdatum: 25.07.2018.

2. Zukunftsprojekte der Bundesregierung [Elektronische Quelle] // Die neue Hightech Strategie Innovationen fuer Deutschland. – Zugriffsmodus: <https://www.hightech-strategie.de/de/Zukunftsprojekte-der-Bundesregierung-972.php>. – Zugriffsdatum: 15.08.2018.

3. Digital transformation monitor. Germany: Industrie 4.0 // Europäische Kommission. – P. 3. – Access mode: https://ec.europa.eu/growth/tools-databases/dem/monitor/sites/default/files/DTM_Industrie%204.0.pdf. – Access date: 15.08.2018.

4. Deutschlands Zukunft als Produktionsstandort sichern. Umsetzungsempfehlungen für das Zukunftsprojekt Industrie 4.0. Abschlussbericht des Arbeitskreises Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] / Promotorengruppe Kommunikation der Forschungsunion Wirtschaft – Wissenschaft // Bundesministerium für Bildung und Forschung. – 116 s. – S. 89. – Zugriffsmodus:

https://www.bmbf.de/files/Umsetzungsempfehlungen_Industrie4_0.pdf. – Zugriffsdatum: 08.08.2018.

5. Was ist Industrie 4.0? [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Industrie40/WasIndustrie40/was-ist-industrie-40.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

6. Die Geschichte der Plattform Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html/>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

7. Hintergrund zur Plattform Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Plattform-Industrie-40/plattform-industrie-40.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

8. In der Praxis [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/In-der-Praxis/in-der-praxis.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

9. Landkarte Industrie 4.0 [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/Karte/SiteGlobals/Forms/Formulare/karte-anwendungsbeispiele-formular.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

10. Konsequente Fokussierung auf Bedarf des Mittelstandes [Elektronische Quelle] // Plattform Industrie 4.0. – Zugriffsmodus: <https://www.plattform-i40.de/I40/Navigation/DE/Plattform/Ergebnisse/ergebnisse.html>. – Zugriffsdatum: 17.08.2018.

11. Solodovnikov, S. Ju. Teoretiko-metodologičeskie osnovy issledovanija social'nogo kapitala kak politiko-jekonomičeskogo fenomena / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomičeskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 5. – S. 6–56.

12. Solodovnikov, S. Ju. Kod Dzhona Kejnса ili o dopustimyh interpretacijah jekonomičeskikh tekstov / S. Ju. Solodovnikov // Jekonomičeskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 6. – S. 293–303.

13. Solodovnikov, S. Ju. Jekonomičeskij rost i istinnye investicii: sushh-nost' i vzaimoobuslovlennost' / S. Ju. Solodovnikov // Vestnik KRAGSiU. Serija «Teorija i praktika upravlenija». – 2017. – № 18 (23). – S. 56–63.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2018 года.

УДК 316.334.2:005.591.6

ББК 65.291.551 - 21

ИННОВАЦИОННЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН:
ПОПЫТКА ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

А. М. ЧАРИНА

charina_am@mail.ru

кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой управления
информационно-документационными и социально-политическими процессами
ГОУ ВО «Коми Республиканская академия государственной службы и управления»
г. Сыктывкар, Российская Федерация

Д. П. РЫБКА

кандидат философских наук, доцент, консультант
Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований
г. Минск, Республика Беларусь

Ю.В. БОХНО

yulya.bokhno@mail.ru

студент

Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье представлен системный анализ подходов к определению понятия «инновационный менеджмент», рассмотрены социальные инновации и социальное предпринимательство. Выделены общие цели инновационного менеджмента и цели управления социальными инновациями. Это позволило уточнить теоретико-методологические подходы к инновационному менеджменту как антологическому и феноменологическому объекту исследования.

Ключевые слова: инновационный менеджмент, инновации, управление, социальные инновации, социальная политика, социальное предпринимательство.

INNOVATIVE MANAGEMENT AS A SOCIAL PHENOMENON:
THE ATTEMPT OF THEORETICAL METHODOLOGICAL INSECTION

A. M. CHARINA

PhD in Politics, Associate Professor, Head of the Chair of management
of informative-documentary and socio-political processes
Komi Republican Academy of Public Administration and Management
Syktyvkar, Russian Federation

D.P. RYBKA

PhD in Philosophy, Associate Professor, Consultant
Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research
Minsk, Republic of Belarus

Yu.V. BOKHNO

student

Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article presents a systematic analysis of approaches to the definition of the concept of "innovation management", social innovations and social entrepreneurship are considered.

The general objectives of innovation management and the goals of managing social innovations are singled out. This allowed us to refine the theoretical and methodological approaches to innovative management as an anthological and phenomenological object of research.

Keywords: innovative management, innovation, management, social innovation, social policy, social entrepreneurship.

ВВЕДЕНИЕ

Республика Беларусь является социально ориентированным государством, что предполагает обеспечение достойного уровня жизни и перераспределение благ в соответствии с принципами социальной справедливости. В условиях все большей ограниченности ресурсов возникает проблема, связанная с критерием справедливости их распределения, поскольку уязвимые слои населения становятся еще более уязвимыми. Решением данной проблемы является создание социальных инноваций. Как справедливо замечает С. Ю. Солодовников: «в современном глобализирующемся мире ни одно государство не может обеспечить свое устойчивое социально-эколого-экономическое развитие без непрерывного роста социального потенциала общества в целом, групп и классов в него входящих, отдельных индивидов. Увеличение социального потенциала на всех уровнях – важнейшая предпосылка усиления социально-экономической жизнестойкости» [1, с. 3].

Государственная поддержка социальной сферы проявляется в социальной защите населения, эффективной реализации программ и концепций социального развития, поддержке социальных предприятий и других структур – управлении социальной политикой Республики Беларусь. Цели социальной политики Республики Беларусь включают в себя: развитие человеческого капитала («посредством решения задач по повышению эффективности использования рабочей силы, включая улучшение условий и повышение безопасности труда, развитию социальной инфраструктуры и созданию комфортных условий жизнедеятельности населения» [2], создание благоприятной обстановки для трудовой и предпринимательской деятельности), поддержание равновесия социальной сферы, обеспечение социальной защищенности граждан (в частности, уязвимых групп населения: ветеранов, пожилых людей, инвалидов, многодетных семей и др.). Важнейшими нормативными правовыми актами, регулирующими социальную сферу Республики Беларусь являются: Конституция Республики Беларусь, Указ Президента Республики Беларусь от 16.01.2009 № 40 «О фонде социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 02.01.2015 № 14 «О проекте Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016-2020 годы», Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.01.2016 № 73 «Об утверждении Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016-2020 годы» и др. Социальная политика может реализовываться на микро, макро и интеруровне разными субъектами: государством (государственными учреждениями и ведомствами), органами местного самоуправления, разнообразными фондами, коммерческими структурами, отдельными гражданами. Однако ввиду высокой финансовой нагрузки на государство, связанной с финансированием социальной сфере, существует необходимость передачи некоторых функций по реализации социальной политики, такую инициативу принимают на себе социальные предприниматели.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Определение понятия «инновационный менеджмент» широко проработано в экономической литературе и имеет множество трактовок. Нередко терминологическая путаница связана с тем, что некоторые авторы под инновационным менеджментом понимают процесс управления инновациями, иные определяют его как новый способ управления (в таком случае объектом управления может стать не только инновация), третьи рассматривают его в качестве аппарата управления инновациями. Мы в своей работе будем исходить из того, что инновационный менеджмент – это, прежде всего, управление инновациями как процесс принятия управленческих решений, и рассмотрим имеющиеся подходы.

Анализ публикаций, содержащих результаты исследований по заявленной теме, позволяет выделить пять подходов к определению понятия «инновационный менеджмент»: системный, познавательный, деятельностный, инструментальный и процессный, представленные в таблице 1.

Таблица 1 – Подходы к определению понятия «инновационный менеджмент»

Системный	Познавательный	Деятельностный	Инструментальный	Процессный
Представители подхода				
А. А.Пилюттик, Ю. И. Енин, А. Н. Куриленко, О. Н. Соколова, Л. Л. Лавская	В. Г. Гавриленко, В. Я. Горфинкеля, Т. Г. Попадюк	Г. Н. Соколова, О. В. Кобяк	Е. П. Голубкова, А. А.Пилюттик, Ю. И. Енин	В. В. Гришин, Л. А. Канды- бович
Содержательная характеристика подхода				
- инновационный менеджмент как система, состоящая из двух подсистем; - комплекс принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы инновационной деятельности	- систематизированные знания по современному менеджменту; - совокупность знаний по теории инноватики	- инновационный менеджмент как взаимосвязанный комплекс действий	- инновационный менеджмент рассматривается как совокупность принципов, методов и инструментов управления инновационными процессами	- в основе положено представление об инновационном менеджменте как о функциональном процессе

Источник: собственная разработка авторов

На наш взгляд, познавательный и деятельностный подход сужают рассматриваемое понятие. Преимущества процессного подхода над остальными заключается в выделении процессов, соответственно в более эффективном управлении ими за счет организованности деятельности.

Поскольку проблемным полем нашей работы является социальный феномен инновационного менеджмента, следовательно, определим социальные инновации: «...новая комбинация или конфигурация социальных практик в определенных областях деятельности или социальных контекстах, целенаправленно и адресно инициируемая определенным актом или группами актов с целью лучшего удовлетворения или решения

потребностей или проблем, чем это возможно в сложившейся практике» [5, с. 94]. Управление социальными инновациями может осуществляться в любых организационных формах. Общими целями инновационного менеджмента на предприятии являются: «рост и развитие организации (предприятия) на базе активизации инновационной деятельности; активное продвижение новых товаров и новых технологий на рынок; использование возможностей дальнейшей специализации и диверсификации производства для активного роста, экономического процветания и экспансии на новые рынки» [4, с. 23], первичной целью инновационного менеджмента на социальных предприятиях является выявление и решение социальных проблем.

Исследование социальных инноваций в первую очередь связывают с социальным предпринимательством. Согласимся с Т. С. Соловьевой, которая отмечает, что «социальное предпринимательство – это лишь один из инструментов реализации социальных инноваций, хотя и наиболее эффективных» [3]. Такое разделение понятий связано в первую очередь со спецификой социального предпринимательства, которое реализует инновационную деятельность главным образом не для получения прибыли, а для выполнения социальной миссии, т. е. возможно создание не инноваций, а, например, новшеств (которые не коммерциализируются и, соответственно, могут не приносить прибыль). Ряд авторов по этому поводу отмечает: «если предприниматель стремится к получению прибыли, то социальный предприниматель – к получению ценности через реализацию общественного блага» [5, с. 137]. Как одной из важнейших характеристик предпринимательской деятельности является «инновационность, заключающаяся в поиске и реализации новых комбинаций экономических ресурсов общества» [6, с. 17], так важнейшей характеристикой социальной предпринимательской деятельности является создание и/или использование социальных инноваций. Сущность социального предпринимательства заключается в том, что оно выступает субъектом, персонифицирующим социальные и экономические функции и достигает полезного эффекта за счет того, что:

- частично снимает с государства нагрузку, связанную с финансированием социальной сферы;
- использует социальные инновации;
- вовлекает молодое поколение и социально уязвимые группы населения;

Проблемы управления непосредственно социальными инновациями широко обсуждаются в научном сообществе, поскольку соприкосновение социальной сферы с другими сферами жизни общества не вызывает ни у кого сомнений, проблемы, которые возникают на этом стыке (социальные последствия), ограниченность ресурсов, выделяемых на цели социальной политики, образуют необходимость поиска новых решений. Н. С. Башкова полагает: «технология управления социальными инновациями определяет взаимосвязь всех элементов системы, а именно: изменение одних вызывает необходимость изменения других, то есть те, кто стоит во главе управления того или иного нововведения должны знать и уметь, как реализовать инновации...» [7, с. 77]. Механизм управления инновациями включает в себя: прогнозирование и планирование инноваций, идентификацию потребности в инновации, определение критериев выбора альтернатив, их разработка и выбор, управление реализацией, контроль результатов.

Прогнозирование инноваций в социальной работе предполагает выбор метода прогноза, его разработку (формулирование суждение о состоянии социального явления в будущем) и вероятностную оценку. Планирование инноваций включает разработку краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных планов инновационного развития. Идентификация потребности в инновации заключается в определении проблем в социальной сфере, их формулировку и на основании полученных данных определение потребности в инновации. Определение критериев выбора альтернатив, разработка и выбор

предполагает выбор критериев (затраты на инновации, сложность разработки, получаемый эффект и др.), по которым будет производиться выбор альтернатив. Управление реализацией социальных инноваций заключается в определении ресурсов (финансовых в первую очередь), исполнителей, сроков и разработке программы реализации. Контроль результатов организуется на каждом уровне управления инновацией. Оценивается полученный результат.

Таким образом, «социальные инновации основаны на социальном взаимодействии людей, осуществляются для достижения определенных результатов и включают ряд заинтересованных сторон, нацеленных на решение социальных проблем» [2, с. 14]. Социально-экономическими субъектами (субъектами в социальной работе) могут быть: предпринимательские структуры, государство, предприятия, домашние хозяйства. По данным Бюро социальной информации в Республике Беларусь зарегистрировано 7323 организации социальной направленности, «доминантой в становлении социальной модели экономического роста <...> должна стать система инновационных процессов, научных знаний, новых технологий, продуктов и услуг, а также когнитивные новшества, воплощенные в изобретениях, ноу-хау и различных материальных носителях» [3, с. 34]. Социальные инновации зачастую реализуются в рамках социального предпринимательства, поскольку данные предприятия создаются с целью решения социальных проблем. К предприятиям социальной направленности относят: УП «Альфатим», «Антикафе 1387», ООО «БелАПДИиМИ», ООО «БелОГ», ООО «БелОИ», ООО «БелТИЗ», «КерамАРТ», УП «ЛегендаСтрой», ЧУП «Метеорит Плюс» и др., множество социальных проектов подтверждают работу в данном направлении.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования было выявлено, что, отсутствие законодательства в исследуемой области, единого подхода к определению «социальные инновации» и «социальное предпринимательство», а также отсутствие четких критериев выделения социальных предприятий, осложняют развитие инновационного менеджмента в социальной сфере Республики Беларусь; кроме институционального оформления, необходимо вовлекать всех социально-экономических субъектов, включая отдельных граждан. Несмотря на то, что накопленный в последствие социальный капитал «может использоваться (и используется) не только на благо всего общества (или в производственных целях), но и с целью эгональной оптимизации своей социально-экономической жизненности, что вступает в противоречие с интересами других классов и групп, государства и социума» [7, с. 7]. Внедрение социальных инноваций на каждом предприятии сможет качественно изменить исследуемую сферу, обеспечить успешное функционирование социальных институтов, нарастить социальный потенциал страны в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016-2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 янв. 2017 г., № 73 // Национальный Правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600073>. – Дата доступа: 03.10.2018.

2. Башкова, Н. С. Сущность и некоторые особенности управления социальными инновациями / Н. С. Башкова // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. – 2017. – № 1-3 (123). – С. 75–78.

3. Богдан, Н. И. Социализация инновационной политики: мировые тренды и вызовы для Беларуси / Н. И. Богдан // Белорусский экономический журнал. – 2015. – № 3. – С. 4–22.
4. Овчаренко, Г. В. Управление социальными инновациями в неоиндустриальных экономических системах / Г. В. Овчаренко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 1. – С. 32–38.
5. Пилюттик, А. А. Инновационный менеджмент на предприятии : курс лекций / А. А. Пилюттик, Ю. И. Енин. – Минск : Право и экономика, 2016. – 163 с.
6. Соловьева, Т. С. Роль социальных инноваций в решении социальных проблем: опыт России и Беларуси / Т. С. Соловьева // Белорусский экономический журнал. – 2017. – № 3. – С. 92–101.
7. Солодовников, С. Ю. Социальный капитал как экономический ресурс / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 2–9.
8. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.
9. Социальное предпринимательство как форма капитализации творческих и инновационных ресурсов: опыт, проблемы, перспективы / С. Ю. Солодовников [и др.]. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСИУ, 2017. – 182 с.

REFERENCES

1. Ob utverzhdenii Gosudarstvennoj programmy o social'noj zashchite i sodejstvii zanyatosti naseleniya na 2016-2020 gody [Elektronnyj resurs] : postanovlenie Soveta Ministrov Resp. Belarus', 30 yanv. 2017 g., № 73 // Nacional'nyj Pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600073>. – Data dostupa: 03.10.2018.
2. Bashkova, N. S. Sushchnost' i nekotorye osobennosti upravleniya social'nymi innovაციyami / N. S. Bashkova // Novaya nauka: Opyt, tradicii, innovacii. – 2017. – № 1-3 (123). – S. 75–78.
3. Bogdan, N. I. Socializaciya innovacionnoj politiki: mirovye trendy i vyzovy dlya Belarusi / N. I. Bogdan // Belorusskij ehkonomicheskij zhurnal. – 2015. – № 3. – S. 4–22.
4. Ovcharenko, G. V. Upravlenie social'nymi innovაციyami v neoindustrial'nyh ehkonomicheskikh sistemah / G. V. Ovcharenko // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. – 2015. – № 1. – S. 32–38.
5. Pilyutik, A. A. Innovacionnyj menedzhment na predpriyatii : kurs lekcij / A. A. Pilyutik, YU. I. Enin. – Minsk : Pravo i ehkonomika, 2016. – 163 s.
6. Solov'eva, T. S. Rol' social'nyh innovacij v reshenii social'nyh problem: opyt Ros-sii i Belarusi / T. S. Solov'eva // Belorusskij ehkonomicheskij zhurnal. – 2017. – № 3. – S. 92–101.
7. Solodovnikov, S. Yu. Social'nyj kapital kak ehkonomicheskij resurs / S. Yu. Solodovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Ehkon. i yurid. nauki. – 2015. – № 5. – S. 2–9.
8. Solodovnikov, S. Yu. Perspektivy i mekhanizmy razvitiya i kapitalizacii social'nogo potenciala Respubliki Belarus' / S. Yu. Solodovnikov // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nach. st. / BNTU. – Minsk, 2013. – Vyp. 1. – S. 5–33.
9. Social'noe predprinimatel'stvo kak forma kapitalizacii tvorcheskih i innovacionnyh resursov: opyt, problemy, perspektivy / S. Yu. Solodovnikov [i dr.]. – Syktyvkar : GOU VO KRAGSiU, 2017. – 182 s.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2018 года.

УДК 338.1 + 330.5

ББК 65.050я7

ИННОВАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИКА ИННОВАЦИЙ

С. В. КУРЕГЯН

kuregian@gmail.com

доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

О. С. ЕЛКИНА

доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Северо-Западный институт управления
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

С. Е. ЕЛКИН

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры безопасности
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Северо-Западный институт управления
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию теоретических основ инновационной экономики и экономики инноваций. Исследовано соотношение данных понятий. Сделан вывод о том, что экономика инноваций должна ускорить создание инновационной экономики на основе проникновения инноваций во все сферы общественной жизни.

Ключевые слова: инновации, инновационная экономика, экономика инноваций, новшества, финансирование инноваций.

INNOVATIVE ECONOMY AND ECONOMY OF INNOVATIONS

S. V. KUREGYAN

Doctor in Economics, Associate Professor, Professor of the department "Economics and Law"
Belarusian Natopnal Technical University
Minsk, Republic of Belarus

O. S. ELKINA

Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the department «Security»
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
North-West Institute of Management
St. Petersburg, Russian Federation

S. E. ELKIN

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the department «Security»
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
North-West Institute of Management
St. Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the study of the theoretical foundations of the innovation economy and the economy of innovation. The relation of these concepts is investigated. It is concluded that the innovation economy should accelerate the creation of an innovative economy based on the penetration of innovations into all spheres of public life.

Keywords: innovations, innovative economics, economics of innovations, novation, innovation financing.

ВВЕДЕНИЕ

Инновационная экономика в последние годы все чаще попадает в поле зрения ученых-экономистов и становится объектом экономических исследований. Большинство авторов сходятся в том, что инновации становятся сутью современной научно-технической революции, поскольку качественные глубокие изменения в сфере науки уже недостаточны для коренных изменений в системе производительных сил общества (причем как материальных, так и духовных), для этого необходимо довести их до уровня практического применения, рынка. «Говоря о характере воздействия научно-технического прогресса на развитие белорусского социума, – справедливо подчеркивает С. Ю. Солодовников, – необходимо учитывать и обратное влияние. Переход экономики страны к информационному (постиндустриальному) технологическому этапу не может не сопровождаться становлением новой формы социальной организации общества – социально-научного сообщества. Вместе с тем, инновационная восприимчивость населения, количественное соотношение сторонников и противников новой технологической революции, соотношение людей с высшим и средним образованием, структура занятости и т. д., в свою очередь в значительной степени предопределяют возможности и темпы поступательного инновационного развития» [1, с. 444]. В связи с этим возрастает роль инноваций в современной экономике. В экономической литературе появилось много терминов, отражающих место и роль творчества в современном общественном производстве: креативная экономика, электронная экономика, новая экономика, цифровая экономика и т. п. Каждая из них имеет право на существование, но инновационная экономика среди них приобретает особое значение, ибо инновации лежат в основе всех перспективных преобразований в обществе, особенно в условиях его модернизации.

Подробный критический анализ существующих подходов и теорий инновационной экономики проведен Г. М. Бровкой [2]. Мы согласны с его оценкой, особенно используемыми им историко-политологическим и экономическим подходами, что освобождает нас от подробного рассмотрения этих вопросов. В этой статье мы акцентируем свое внимание на теоретических вопросах раскрытия сущности инновационной экономики и роли экономического анализа инновационной деятельности для ее становления.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Инновационная экономика появляется и развивается на высоком уровне развития производительных сил общества и соответствующих им производственных отношений, основу которых составляют экономические отношения. Именно развитие последних позволяет в полной мере проявиться инновационной экономике. Поэтому инновационная экономика – это, прежде всего, инновационный потенциал общества, используемый непосредственно в процессе производства инновационных продуктов и других результатов общественного производства. Инновации служат одновременно как развитию науки, так и развитию общественного производства и тем самым выступают связующим звеном между наукой и общественным производством.

Инновационная экономика – это практическое использование результатов экономики инноваций. Экономика инновационного процесса – это использование материальных и интеллектуальных ресурсов с целью создания новых инноваций, во многом определяющих инновационный уровень общественного производства. Одной из важнейших

характеристик инновационной экономики является высокий уровень производительности труда: «реализация модели устойчивого инновационного социально-экономического развития Республики Беларусь во многом зависит от теоретического и практического решения проблемы труда. Труд рассматривается как основа жизнедеятельности человека, как фактор производства, как источник прибыли, как источник удовлетворения общественных и личных потребностей, как условие человеческой жизни, как источник повышения эффективности и конкурентоспособности экономики» [3, с. 278]. Инновационная экономика отличается от традиционной экономики более высоким уровнем эффективности производства и большим удельным весом высокотехнологичной продукции.

Воздействие инноваций на экономику, а значит и уровень развития инновационной экономики, во многом зависит от новизны и оригинальности самих инноваций. Они могут вносить как коренные изменения в экономику, касающиеся всех отраслей производства, создавая новую технику и технологии, так и прогрессивные изменения (улучшение, усовершенствование), которые не приводят к скачкообразному развитию экономики. В первом случае это приводит к получению сверх прибылей, во втором случае – увеличению прибыли в рамках данного бизнеса, но во всех случаях являются реализацией конкурентных преимуществ. Поэтому очень важно, чтобы мероприятия в области маркетинга по масштабу и глубине воздействия на рынок были адекватными возможностям, которые открывают инновации. Особенно ценны в бизнесе инновации, снижающие издержки производства, последние при всех прочих равных условиях (скажем, при тех же ценах) позволяют увеличить предложение на рынке и объем прибыли за счет роста продаж. Этим же определяется необходимость повышения квалификации работников, связанных с нововведениями, особенно долгосрочного характера. В литературе обращается внимание на проблему «повышения адаптивности развития человеческого потенциала к потребностям инновационного развития» [4, с. 12], что обуславливает необходимость поиска инструментов и методов преодоления инертности трудовых ресурсов и экономического стимулирования их инновационной активности, функцией которого на предприятии является «производство желаемого поведения работника (*в данном случае – инновационного – примечание С. К.*) с использованием определенных технологий» [5, с. 54]. При этом следует добиваться, чтобы повышение их оплаты не приводило к существенному увеличению совокупных затрат бизнеса.

Г. М. Бровка справедливо считает, что «инновационная экономика предполагает избыточное количество своей продукции: избыток знаний, идей, разработок, патентов, высоких технологий, компаний, предпринимателей, ученых, инфраструктур и т. д.» [2, с. 63]. Действительно, инновационная экономика отличается тем, что предложение инновационных продуктов и других результатов инновационной деятельности опережают спрос на них. Это, с одной стороны, расширяет возможности выбора у потребителей, а с другой – усиливает конкуренцию между производителями инновационных товаров за того же потребителя. «Для пострыночной экономики, – по справедливому замечанию С. Ю. Солодовникова, – характерно наличие высокоэффективного промышленного производства, значительное увеличение доли сектора услуг в ВВП, дальнейшее увеличение значения знаний для развития экономики, развитие интернет-технологий и новые (пострыночные) формы конкурентной борьбы» [6, с. 23]. Это касается не только инновационных, но и обычных продуктов, созданных в условиях инновационной экономики, поскольку в развитых экономиках одной из закономерностей является опережающее предложение по отношению к спросу.

Инновационные результаты удовлетворяют как личные, так и производственные потребности. Удовлетворение личных и производственных потребностей, в конечном

итоге, получает выражение в воспроизводстве рабочей силы и творческих сил работников, либо в производительном использовании в процессе общественного производства. Ю. В. Мелешко подчеркивает: «Развитие наукоемких отраслей промышленности не может осуществляться без соответствующего развития научно-технического потенциала, основывающегося на тесной интеграции фундаментальной, прикладной и вузовской науки в промышленное производство. Использование инноваций на постоянной основе является необходимым условием успешного развития высокотехнологичных отраслей промышленности, при этом речь идет не только о технологических инновациях, но и об организационных и маркетинговых инновациях, используемых сегодня практически в любой отрасли промышленности» [7, с. 26]. Инновации, способствуя увеличению прибыли, по сути, увеличивают собственные источники финансирования бизнеса и поступления в бюджет страны для решения социальных задач и развития национальной экономики.

Инновации должны касаться, прежде всего, сферы образования. Именно здесь формируется новое экономическое мышление, понимание роли частного бизнеса в прогрессе экономики, но для этого важно, чтобы сами преподаватели обладали этим мышлением.

Большим инновационным потенциалом развития обладает и здравоохранение. Последнее невозможно без новых способов лечения, новых медицинских инструментов и препаратов. Для проведения современного лечения необходимы компьютерные системы и высокие технологии.

Инновации в другой сфере нематериального производства – в искусстве должны способствовать усилению воздействия на зрителя (потребителя) с целью обогащения его духовного мира. Но никакие технические средства не способны заменить высокохудожественный уровень произведений искусства.

Инновационная экономика отличается более высоким уровнем неопределенности, чем экономика, не достигшая этого уровня, поскольку использует в больших масштабах инновации в различных областях экономики и жизнедеятельности человека. В инновационной экономике не наблюдается разрыва между инновациями и отраслями общественного производства. Происходит взаимное проникновение техники и технологии, созданных в самом общественном производстве в сферу инноваций, а инноваций в сферу общественного производства. Инновационная экономика – это конкурентная экономика, поскольку инновации приводят к снижению издержек производства и соответственно цены на продукт, а ценовая конкуренция, как известно, является основным видом конкуренции.

На наш взгляд, прав И. Я. Левяш в том, что «становление инновационной экономики следует отнести к более высокому типу общества» [8, с. 61]. Модернизация как непрерывное изменение, улучшение и совершенствование остается необходимым условием и фактором развития инновационной экономики. «В Республике Беларусь успешность модернизации экономики, прежде всего, зависит от того, удастся ли создать в стране современный индустриальный сектор, т. е. перейти от массового производства до гибкого специализированного в ответ на технологические инновации» [9, с. 4]. Инновационная экономика, как ни одна экономика требует своей модернизации, поскольку с одной стороны непрерывно совершенствуется и обновляется, а с другой – неизбежно быстро устаревает, требуя модернизации производительных сил, общественных отношений и самого человека. Другими словами, модернизация нуждается в инновациях, а инновации – в модернизации. Для инновационной экономики важны не точечные интеллектуальные результаты, не отдельные прорывы в области теории и практики, а равномерное, поступательное, всеобъемлющее инновационное развитие, основанное на креативном бизнесе [10].

Таким образом, инновационная экономика способна сама генерировать и использовать инновационные идеи и продукты, ускоренно доводить фундаментальные и прикладные результаты до практического применения. Но для этого необходимы различные способы движения инновационных продуктов, как рыночные, так и нерыночные (администрирование), которые особенно важны в трансформационный период. Дело в том, что в старой экономической системе всегда стояла проблема внедрения новшеств в общественное производство, в результате чего они морально устаревали до внедрения в производство. Поэтому необходим отлаженный экономический механизм управления этим процессом.

В инновационной экономике важную роль должен играть частный бизнес. Частный бизнес отличается гибкостью, динамичностью и возможностью развиваться самостоятельно. Вместе с тем, развитие частного бизнеса сопряжено с большими рисками и неустойчивостью. Что касается государственного бизнеса, то он отличается большим капиталом, меньшими рисками и малой неопределенностью, носит более устойчивый характер. Государственный бизнес в целом менее предприимчив, чем частный. При этом следует учитывать, что частный бизнес не готов к широкому использованию инноваций, не располагает большим капиталом для этих целей, а государственный бизнес в свою очередь слишком бюрократизирован. Причем, и тот, и другой не всегда способствуют инновационному развитию. Развитие капиталистических отношений, решение задач первоначального накопления капитала, укрепление частного бизнеса и развитие рыночных отношений позволят постепенно преодолевать эту инертность. Особенно это касается решения крупных национальных инновационных проектов, в которых занят и государственный и частный бизнес. Поэтому государственный и частный бизнес должны дополнять друг друга. Объединение их усилий может способствовать решению инновационных задач, в частности, Ю. В. Мелешко указывает, что «с применением ГЧП решаются задачи перехода экономики на инновационный путь развития, в частности путем создания венчурных фондов, инновационных кластеров, в рамках которых обеспечивается эффективный механизм доведения научных знаний до инноваций, трансферт технологий, в том числе, между отраслей» [11, с. 40].

Следует согласиться с И. Б. Михеевой в том, что «государственно-частное партнерство в инновационной сфере можно определить как институциональный и контрактный организационный формат взаимодействия государства и бизнеса для реализации общественно значимых проектов» [8, с. 161]. Последнее особенно важно с точки зрения повышения эффективности инноваций и развития экономики инноваций в целом. Экономика инноваций – это процесс производства, распределения, обмена и потребления инновационных продуктов в виде изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, опытных образцов и т. д., которые представляют собой объекты интеллектуальной собственности. Экономика инноваций охватывает также новшества, созданные как для собственного применения, так и реализации с целью получения определенного дохода. Экономика инноваций – это также инновационная деятельность, организация и управление инновационными процессами.

Экономика инноваций, очевидно, не может обойти и вопросы финансирования инноваций. Финансирование должно быть обоснованным и сбалансированным как по источникам, так и по объектам. Обоснованность и сбалансированность не означает, что источники или объемы финансирования не могут быть пересмотрены в зависимости от организационной, экономической ситуаций, от сложившейся рыночной конъюнктуры. Причем, особое значение приобретает проектное финансирование, которое наряду с отраслевым и региональным финансированием обеспечивает развитие инновационного процесса. При этом должны учитываться особенности инновационных проектов, их

большая зависимость от инвестиционных возможностей, их неопределенный и вероятностный характер, особенно на стадии фундаментальных и прикладных исследований.

Использование проектного подхода не должно заменять отраслевого и регионального подхода. Его необходимо рассматривать как дополнение к ним, поэтому они должны быть взаимоувязаны. Реализация инновационных проектов во многом зависит от инвестиций. Субъектами инвестиций могут быть как государство в лице соответствующих органов, так и бизнес.

Таким образом, экономика инноваций – это также разработка, осуществление и использование инновационных проектов. Любые инновационные проекты имеют цели, этапы, стадии и результаты. Многие инновационные проекты преследуют конкретные цели, для достижения которых разрабатывается целая система мероприятий, каждое из них направлено на решение определенных социально-экономических, научно-технических и технологических задач, позволяющих в совокупности решить главную задачу – реализацию замысла проекта. Для этого должно быть разработано дерево целей, где достижение низших целей дает ключ к решению более высоких и сложных задач. Все этапы и стадии, как впрочем, и весь проект, должны быть обеспечены финансовыми ресурсами. Понятно, что любой инвестор, вкладывая средства в тот или иной проект, прежде всего, думает об их окупаемости, экономической выгоде, которую сулит успешная реализация проекта. Поэтому важно, чтобы инвестор не был отстранен от этих процессов и не только для осуществления надзора, но и для повышения эффективности предпринимаемых экономических шагов.

Говоря об экономических проблемах инноваций, мы должны коснуться не только проблем финансирования, но и кадрового обеспечения инновационных процессов, в основе которых лежит инновационная деятельность. Т. В. Сергиевич обосновывает необходимость проведения организационно-управленческой модернизации, направленной на совершенствование кадрового обеспечения инновационных процессов: «финансовая поддержка и технико-технологические инновации сами по себе не могут обеспечить расширенное воспроизводство капитала предприятия. Наличие организационно-управленческих инноваций, направленных на обеспечение расширенного воспроизводства человеческого капитала, – есть предпосылка перехода к интенсивному пути развития предприятий» [12, с. 92]. Инновационное развитие невозможно также без обновления самих экономических отношений, господствующих в обществе, коренных перемен в системе материальных и духовных производительных сил общества, особенно человека – главной производительной силы общества. От его умений, навыков и духовного потенциала во многом зависит результат.

Поэтому неслучайно, что М. В. Мясникович среди базовых элементов инновационной системы выделяет систему подготовки и переподготовки кадров для инновационной деятельности [13, с. 94]. Без этого любым творческим начинаниям будут препятствовать отсталые общественные отношения, последние в свою очередь – тормозить развитие инноваций. Поэтому в одной из своих научных работ мы, с одной стороны, рассматриваем инновации как основной путь модернизации экономики, а с другой, модернизацию в качестве основы развития общественных отношений, как необходимого условия невозврата к прежним общественным отношениям [14].

ВЫВОДЫ

Экономика инноваций должна ускорить создание инновационной экономики на основе проникновения инноваций во все сферы общественной жизни – экономику, быт,

досуг и т. д. Поэтому по мере создания социально-экономических предпосылок, инновации должны стать не только элементом, отраслью или сектором экономики, но и сутью экономической ткани общества. Последнее в свою очередь потребует постепенного расширения инновационного уклада до таких масштабов, которые позволят охватить всю экономическую систему общества в целом. Лишь только в этом случае можно будет утверждать, что инновационная экономика достигла своей зрелости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу / С. Ю. Солодовников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 443–448.
2. Бровка, Г. М. Инновационная экономика и национальная безопасность: анализ формулировок и теоретическое обеспечение / Г. М. Бровка. – Кишинев. – 2016. – С. 9–33.
3. Сергиевич, Т. В. Некоторые политико-экономические аспекты исследования трудовых отношений в Республике Беларусь на современном этапе / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – № 4. – С. 278–286.
4. Солодовников, С. Ю. Теоретико-методологические основы исследования взаимосвязи теории трудовой мотивации и динамики трудовых отношений / С. Ю. Солодовников, Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 5. – С. 12–16.
5. Сергиевич, Т. В. Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы / Т. В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 49–55.
6. Солодовников, С. Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.
7. Мелешко, Ю. В. Сценарии дальнейшего развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2016. – № 13. – С. 62–68.
8. Интеллектуальный капитал и потенциал Республики Беларусь / Е. М. Бобосов [и др.]; научн. ред. И. Я. Левяш, – Минск. Изд-во Беларуская навука. – 387 с.
9. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
10. Курегян, С. В. Креативный бизнес / С. В. Курегян. – Минск :Изд-во Право и экономика, 2016. – 156 с.
11. Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.
12. Сергиевич, Т. В. Методическое обеспечение повышения экономической эффективности воспроизводственного цикла предприятия по производству товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – № 6. – С. 91–107.
13. Мясникович, М. В. Республика Беларусь на пути к новой экономике / М. В. Мясникович. – Минск. Изд-во Беларуская навука. 2009. – 292 с.

14. Курегян, С. В. Власть и экономика / С. В. Курегян. – Минск : Право и экономика, 2017. – 188 с.

REFERENCES

1. Solodovnikov, S. Ju. Social'no-jekonomicheskie uslovija perehoda Respubliki Belarus' k postindustrial'nomu obshhestvu / S. Ju. Solodovnikov // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 443–448.
2. Brovka, G. M. Innovacionnaja jekonomika i nacional'naja bezopasnost': analiz formulirovok i teoreticheskoe obespechenie / G. M. Brovka. – Kishinev. – 2016. – С. 9–33.
3. Sergievich, T. V. Nekotorye politiko-jekonomicheskie aspekty issledovanija trudovyh otnoshenij v Respublike Belarus' na sovremennom jetape / T. V. Sergievich // Jekonomicheskaja nauka segodnja : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2016. – № 4. – С. 278–286.
4. Solodovnikov, S. Ju. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovanija vzaimosvjazi teorii trudovoj motivacii i dinamiki trudovyh otnoshenij / S. Ju. Solodovnikov, T. V. Sergievich // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2016. – № 5. – С. 12–16.
5. Sergievich, T. V. Jekonomicheskoe stimulirovanie proizvodstva tovarov intensivnogo obnovlenija: teoretiko-metodologicheskie osnovy / T. V. Sergievich // Pravo. Jekonomika. Psihologija. – 2017. – № 3(8). – С. 49–55.
6. Solodovnikov, S. Ju. Fenomenologicheskaja priroda vzaimoobuslovlennosti jekonomicheskoi konkurentosposobnosti i social'nogo kapitala Belarusi i Ukrainy / S. Ju. Solodovnikov, // Jekonomicheskaja nauka segodnja. / BNTU. – Minsk, 2015. – Vyp. 3. – С. 23–34.
7. Meleshko, Ju. V. Scenarii dal'nejshego razvitija uslug promyshlennogo haraktera v Respublike Belarus' / Ju. V. Meleshko // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2016. – № 13. – С. 62–68.
8. Intellektual'nyj kapital i potencial Respubliki Belarus' / E. M. Bobosov [i dr.]; nauchn. red. I. Ja. Levjash, – Minsk. Izd-vo Belaruskaja navuka. 387 – С. 61.
9. Solodovnikov, S. Ju. Tendencii i perspektivy razvitija zanjatosti i sozdanija social'no-nauchnogo soobshhestva v uslovijah modernizacii tranzitivnoj jekonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Ju. Solodovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
10. Kuregjan, S. V. Kreativnyj biznes. Minsk. Izd-vo Pravo i jekonomika 2016, 156 s.
11. Meleshko, Ju. V. Osnovnye formy sotrudnichestva predpriyatij real'nogo sektora jekonomiki Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii v sfere proizvodstva kosmicheskoi tehniki / Ju. V. Meleshko // Pravo. Jekonomika. Psihologija. - 2018. - № 1 (9). - С. 37–42.
12. Sergievich, T. V. Metodicheskoe obespechenie povyshenija jekonomicheskoi jeffektivnosti vosproizvodstvennogo cikla predpriyatija po proizvodstvu tovarov intensivnogo obnovlenija // Jekonomicheskaja nauka segodnja / BNTU. – Minsk, 2017. – № 6. – С. 91–107.
13. Mjasnikovich M, V. Respublika Belarus' na puti k novoi jekonomike / M. V. Mjasnikovich. – Minsk. Izd-vo Belaruskaja navuka. 2009, 292 – s. 94.
14. Kuregjan, S. V. Vlast' i jekonomika / S. V. Kuregjan. – Минск : Право i jekonomika, 2017. – 188 s.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2018 года.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 339.5

ББК 65.5

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ АНАЛИЗА И ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТАМОЖЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В. Н. АНАНЬЕВА

ananievavn@mail.ru

кандидат экономических наук, доцент кафедры международных отношений
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

В статье проведен анализ существующего в настоящее время методического обеспечения оценки эффективности деятельности таможенных органов. Сделан вывод о необходимости комплексной оценки макроэкономических и микроэкономических показателей эффективности, с применением, в случае необходимости, их дифференциации для разных уровней управления и типов таможенных отношений.

Ключевые слова: таможенное регулирование, экономическая эффективность, институты, внешняя торговля.

METHODICAL SUPPORT OF THE ANALYSIS AND ESTIMATION OF THE EFFICIENCY OF CUSTOMS ACTIVITIES

V. N. ANANIEVA

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of International Relations
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the currently existing methodological support for assessing the effectiveness of the activities of customs authorities. The conclusion is made about the need for a comprehensive assessment of macroeconomic and microeconomic performance indicators, using, if necessary, their differentiation for different levels of management and types of customs relations.

Keywords: customs regulation, economic efficiency, institutions, foreign trade.

ВВЕДЕНИЕ

Таможенная деятельность представляет собой общественное явление, оказывающее влияние на стабильность функционирования и уровень развития национальной экономики, социально-экономическую безопасность государства. Экономическая эффективность деятельности таможенных органов и ее регулирование являются важной составляющей государственной конфигурации национальной экономики. Пополнение доходной части государственного бюджета уже многие годы в значительной мере обеспечивается за счет деятельности таможенных органов. В то же время оценивать экономическую эффективность таможенной деятельности как коммерческой – значит упрощать ее феноменологическую, социально-экономическую природу, сводя значение этой деятельности к пополнению бюджета и контролю за перемещением товаров на/из таможенной территории.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Оценка таможенной деятельности на макроуровне имеет свои особенности. Доходы от деятельности таможенных органов составляют часть доходов республиканского бюджета Республики Беларусь, роль которого становится все более значимой в современных условиях развития экономики. Через республиканский бюджет, помимо прочего, осуществляется косвенное влияние на социально-экономическое развитие страны. Его экономическая сущность заключается в перераспределении финансовых средств, в их направлении на решение приоритетных задач промышленной и сельскохозяйственной политики. Объединение в данном случае управления значительными денежными потоками способствует обеспечению «финансирования возрастающих социальных расходов, обеспечению обслуживания государственного долга, поддержанию на необходимом уровне состояния обороноспособности и правопорядка, осуществлению эффективного управления государственным сектором экономики» [1].

Характерные черты межгосударственного товарного обмена и определение финансов как таковых обуславливают экономическую суть таможенных платежей. Им присущи все свойства налогов, и поэтому они, «функционируя в фазе распределения, отражают конкретное направление экономической деятельности, связанное с процессом изъятия перераспределяемой части стоимости совокупно-общественного продукта и национального дохода в пользу государства» [2].

Важнейшими видами таможенных платежей, помимо налога на добавленную стоимость, являются таможенные пошлины. Таможенная пошлина – это обязательный платеж, который взыскивается представителями таможенной службы при пересечении товаром таможенной границы. При этом таможенная пошлина практически всегда составляет неотъемлемую часть внешнеторговых отношений между государствами. Экономическая сущность таможенной пошлины заключается в ее определении как налога, который включается в стоимость продукции, что отражается на ее конкурентоспособности. Однако, применяемая система распределения таможенной пошлины между государствами-членами Евразийского экономического союза и отсутствие возможности в одностороннем порядке изменять таможенный тариф снизили гибкость использования этого инструмента государственного регулирования.

Таможенно-тарифное регулирование является основным, главным методом государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. С его помощью осуществляется политика протекционизма – экономическая политика, в рамках которой реализуются меры, направленные на стимулирование национальной экономики и ее защиту от иностранной конкуренции [3, с. 416–422]. Поэтому, с позиций оценки макроэкономической эффективности деятельности таможенных органов, акцент целесообразно делать на осуществлении налогового, валютного, экспортного контроля и на взимании таможенных платежей, которые, «являясь основным инструментом таможенно-тарифной политики, представляют собой денежные средства, взимаемые с лиц, участвующих в процессе перемещения товаров, и транспортных средств, и могут быть определены как обязательные отчисления в пользу государства» [4].

Оценка таможенной деятельности на микроуровне сопряжена в основном с проблемой оценки деятельности таможенных органов как коммерческой организации, стремящейся к оптимизации и повышению эффективности своей деятельности. Нацеленность на достижение большего результата при меньших затратах позволит реально оценить уровень эффективности функционирования таможни как субъекта экономических отношений.

Однако уже на микроэкономическом уровне сложно оценить деятельность таможенных органов с использованием только экономических показателей, так как одним из важных направлений таможенной деятельности является правоохранительная, которую сложно формализовать и оценить путем применения экономических критериев оценки.

Оценки деятельности таможенных органов на макро- и микроуровне можно производить с использованием традиционных экономических показателей, применяемых для оценки экономической деятельности и уровня развития экономики, адаптируя их к специфике таможенной службы как государственного органа.

Так, например, может использоваться комплекс экономических показателей, отражающих свойства и тенденции изменения экономических явлений.

Эти показатели могут быть абсолютными и относительными. Абсолютные показатели могут быть натуральными, условно-натуральными, стоимостными. Их также называют объемными. Относительные показатели характеризуют различные пропорции экономических величин. Величины показателей могут быть безразмерными (коэффициенты), выражаться в процентах, отражать соотношение экономических величин, выражаемых в различных единицах измерения.

К основным показателям изменения динамического ряда двух последовательных моментов времени относятся абсолютный прирост, темп роста, темп прироста. «Абсолютный прирост за единицу времени характеризует скорость изменения уровня, темп роста характеризует интенсивность изменения, темп прироста – относительную скорость изменения» [5].

«Показатели изменения динамического ряда могут вычисляться при постоянной и переменной базе. За постоянную базу принимается один уровень динамического ряда, как правило, начальный. Переменной базой служит предшествующий уровень. Показатели на постоянной базе называются базисными, а на переменной базе – цепными» (таблица 1.). «Дополнительной характеристикой скорости развития является абсолютное ускорение. Оно измеряется как разность между последующим и предшествующим абсолютными приростами» [5].

Таблица 1 – Формулы для расчета

Показатель	База показателя	
	Постоянная (базисный показатель)	Переменная (цепной показатель)
Абсолютный прирост	$\delta_{\%} = Q_t - Q_0$	$\delta_{\%/(t-1)} = Q_t - Q_{t-1}$
Темп роста	$\eta_{\%} = \frac{Q_t}{Q_0}$	$\eta_{\%/(t-1)} = \frac{Q_t}{Q_{t-1}}$
Темп прироста	$\rho_{\%} = \frac{Q_t - Q_0}{Q_0}$	$\rho_{\%/(t-1)} = \frac{Q_t - Q_{t-1}}{Q_{t-1}}$
Абсолютное (экономическое) ускорение		$\varphi(t) = \delta_{\%/(t+1)} - \delta_{\%/(t-1)}$

Кроме того, в нашем случае при оценке макроэкономической эффективности таможенной деятельности целесообразно применение корреляционного анализа. «Коэффициент корреляции используется для того, чтобы определить тесноту линейной связи

между различными экономическими показателями, и для того, чтобы правильно определить тип связи – прямая или обратная. Кроме того, он необходим, чтобы принимать решения, связанные с выбором анализа тех или иных показателей (например, если коэффициент корреляции между затратами и прибылью предприятия равен 0,5 (связь средняя), то следует сузить либо расширить число параметров модели)» [6].

Таможенные органы, выполняя функции государства, должны обеспечивать качество результатов своей деятельности, которые с одной стороны направлены на защиту экономических интересов участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД), а с другой стороны обеспечивают государственные и общественные интересы. Поэтому, оценивая эффективность таможенной деятельности с позиций участников ВЭД, следует обратить внимание на такой критерий как качество оказываемых услуг при сокращении временных затрат связанных с производством таможенных операций. При этом определение эффективности с позиций государства имеет свои особенности. Необходимо рассматривать социально-экономическую эффективность от деятельности таможенных органов, например, повышение эффективности борьбы с контрабандой, борьба с незаконным ввозом контрафактной продукции, эффективность управления и т. д.

К тому же, принимая во внимание административную природу государства, отдельные рычаги государственного регулирования под воздействием внешних политических факторов могут терять «гибкость» применения и не оказывать ожидаемого влияния на экономический рост.

Как справедливо отмечает Г. С. Середкина, на протяжении нескольких лет менялись подходы к оценке эффективности деятельности таможенных органов (таблица 2) [7].

Таблица 2 – Эволюция подходов к оценке эффективности деятельности таможенных органов

Наименование подхода	Расчет	Преимущества	Недостатки
1. Сравнение планового задания с фактическим выполнением	Факт отчетного периода/плановое задание (на отчетный период)	Простота в применении	Применяется если между результатами и плановыми показателями существует прямая зависимость
2. Фондоотдача	Количество оформленных документов (или вес товаров)/среднегодовая стоимость основных средств	Повышение уровня использования основных фондов позволяет увеличить размеры выпуска производства	Нельзя в полном объеме оценить степень использования основных фондов
3. Бюджетирование	Полученный бюджетом результат/расходы, обеспечивающие его получение	Контроль за расходованием выделяемых бюджетных средств	Сложность процесса бюджетирования
4. Рейтинговая оценка	Сравнительная оценка деятельности нескольких таможенных органов	Позволяет объективно производить оценку деятельности всех звеньев структуры таможенных органов	Так как финансовое состояние предприятия меняется, то к моменту публикаций рейтинга информация устаревает

Окончание таблицы 2

5. Контрольные показатели эффективности деятельности таможенного органа (КПЭД)	Оценка деятельности таможенных органов производится ежеквартально по критериям эффективности, ориентированным на конечный результат	КПЭД является индикаторами выполнения задач, возложенных на таможенные органы	Перенасыщенность дублирующими и излишними показателями; Не учитывается степень участия в выполнении КПЭД каждого подразделения таможенного органа
6. Аналитические показатели эффективности деятельности таможенного органа (АПЭД)	Каждый аналитический показатель дает качественную и количественную характеристику определенной стороны деятельности	Анализируются конкретные результаты мероприятий	Нельзя комплексно оценивать результаты деятельности

Как видно из таблицы 2, все существующие подходы имеют свои преимущества и недостатки, совершенствование которых в последнее время направлено на смещение акцента от измерения затрат на измерение и мониторинг результатов.

Ключевым аспектом повышения эффективности таможенной деятельности становится создание объективной и комплексной системы индикаторов, связанных с нахождением оптимального баланса между определением показателей для органов власти и гражданских служащих и установления тесной взаимосвязи между ними.

Институциональные изменения проявляются в виде новых правил в совокупности с механизмом их исполнения, изменения структуры трансакций. Для оценки институциональных изменений считается целесообразным выработать ряд показателей, которые позволят оценить деятельность таможенной службы, направленную на оптимизацию таможенного контроля, организацию его таким образом, чтобы при одновременном снижении трансакционных издержек участников внешнеэкономической деятельности сохранялось качество проводимого таможенного контроля.

Показатели эффективности таможенной деятельности могут представлять собой набор индикаторов различного характера. Они могут выражаться как в качественной, так и количественной форме, быть как слабо формализуемыми, так и четко формализуемыми. Наиболее распространенной является практика, при которой органы власти устанавливают определенные требования к показателям эффективности.

Так, согласно рекомендациям Всемирной таможенной организации, качественный показатель эффективности таможенной деятельности должен отвечать следующим критериям:

- должен быть соответствующим – это значит, что он должен обладать возможностью оценить желаемый эффект или тенденцию;
- должен быть полезным и значимым – это значит, что достигнутый результат должен быть объяснимым и доступным;
- должен быть устойчивым – это значит, что масштабы должны быть четко определены, а составные элементы должны быть объективными и измеримыми;
- должен быть надежным и достоверным – это значит, что математические подсчеты, используемые при измерении результатов, должны быть понятными и неизменными, так, чтобы надежность была бесспорной.

В результате обобщения зарубежного опыта А.Ю. Диановым [8] была предложена следующая типология показателей результативности деятельности таможенных органов

(рисунок 1) и сделан вывод, что результативность таможенной деятельности определяется значениями показателей, отражающих достигнутый конечный результат и его динамика.

Рисунок 1 – Типология показателей результативности применительно к таможенной деятельности [8]

Принимая во внимание сложную природу таможенной деятельности, а также роль таможенной службы в жизни общества и государства, не представляется возможным провести ее анализ и оценку эффективности, рассматривая таможенную систему как субъекта сугубо макроэкономического либо микроэкономического уровня.

Таможенная система является институтом государства, выполняющим фискальную, регулирующую и иные функции. При этом сами таможенные органы являются субъектом экономических отношений, предоставляющие своего рода таможенные услуги, также стремятся к повышению экономической эффективности своей деятельности.

Повышая свою эффективность, они одновременно оказывают влияние, как на деятельность отдельных участников экономических отношений, так и на уровень развития государства в целом. Направляя свою деятельность на упрощение, сокращение времени проведения и количества таможенных операций, таможенная служба снижает транзакционные издержки участников внешнеэкономической деятельности при осуществлении

сделки, тем самым способствуя увеличению скорости оборачиваемости активов и, как следствие, увеличению товарооборота.

Увеличение торгового оборота, как правило, влечет за собой рост поступлений в доходную часть республиканского бюджета. Оптимизируя свою деятельность, таможенная служба повышает свою экономическую эффективность.

Все это свидетельствует о необходимости оценки эффективности таможенных органов на основе комплексного анализа показателей, характеризующих деятельность таможенной службы на макро- и микроуровне, а также отражающих институциональные изменения в таможенной системе.

Для оценки институциональных изменений считается целесообразным выработать ряд показателей, которые позволят оценить деятельность таможенной службы, направленную на оптимизацию таможенного контроля, организацию его таким образом, чтобы при одновременном снижении транзакционных издержек участников внешнеэкономической деятельности сохранялось качество проводимого таможенного контроля.

Исходя из поставленных перед таможенной службой целей показатели, отражающие результативность функционирования таможенных органов, можно разделить на группы согласно таблице 3.

Таблица 3 – Показатели, отражающие результативность функционирования таможенных органов

<p>Показатели, характеризующие эффективность деятельности таможенных органов на макроэкономического уровня</p>	<ul style="list-style-type: none"> - доля таможенных платежей в ВВП; - индекс выполнения плана; - темп роста таможенных платежей, темп прироста таможенных платежей; - доля таможенной задолженности в общем объеме таможенных платежей; - индекс погашения выявленной задолженности по таможенным платежам; - темп роста импорта/экспорта, темп прироста импорта/экспорта; - коэффициент корреляции таможенных платежей и товарооборота
<p>Показатели, характеризующие эффективность деятельности таможенных органов на микроэкономическом уровне</p>	<ul style="list-style-type: none"> - доходность таможенных органов (коэффициент, отражающий доход, полученный государством, на одну денежную единицу, вложенную в таможенную службу); - коэффициент, отражающий доход, полученный государством, в расчете на одного сотрудника таможенных органов; - коэффициент своевременности и полноты выплаты заработной платы; - предельная текучесть кадров; - коэффициент общей укомплектованности штата таможенных органов; - доля проведенных форм таможенного контроля на основании использования системы управления рисками; - доля доходов от реализации товаров, транспортных средств и иных предметов, конфискованных или обращенных в доход государства по делам о контрабанде или АТП, в общем объеме таможенных платежей

Окончание таблицы 3

Показатели, характеризующие институциональные изменения в системе таможенных органов	<ul style="list-style-type: none"> - среднее время осуществления контрольных операций в пункте пропуска; - среднее время, затрачиваемое на совершение таможенных операций при выпуске в отношении партии товаров; - доля деклараций на товары, поданных в электронном виде, в общем количестве зарегистрированных деклараций на товары; - доля товаров, оформленных с использованием процедуры предварительного декларирования, в общем объеме импорта; - доля участников ВЭД, обладающих статусом уполномоченного экономического оператора, в общем количестве участников ВЭД; - коэффициент, отражающий количество форм таможенного контроля, проведенных после выпуска, к общему количеству форм таможенного контроля, проведенных до и после выпуска
---	--

Приведенный выше перечень показателей не является исчерпывающим, однако даже в таком виде позволяет дать оценку эффективности деятельности таможенных органов в соответствии с определенными целями и поставленными задачами. Приведенные выше показатели основаны на фактически имеющихся данных, исключая субъективный подход.

Показатели макроэкономического уровня характеризуют деятельность таможенной службы направленную на обеспечение полноты сбора таможенных платежей и отразят динамику импорта. Показатели микроэкономического уровня позволят оценить «рентабельность» таможенных органов, качество управления, результативность мероприятий, направленных на защиту интересов человека и общества, обеспечения безопасности государства. Показатели, характеризующие институциональные изменения в деятельности таможенных органов, покажут эффект, полученный от мероприятий, направленных на создание безбарьерной среды и содействию развития бизнеса, за счет оптимизации технологий производства таможенных операций.

Оценка эффективности деятельности таможенной системы в целом является фактором более важным, чем анализ набора отдельных элементов, таких как статистические показатели, характеризующие текущую деятельность таможенной службы, состояние внешнеторгового баланса или доля таможенных платежей в доходной части республиканского бюджета.

Особенно важным является наличие зависимости изменений экономических показателей от институциональных преобразований. Практическое применение такого методического подхода в особенности сможет отразить влияние институциональной модернизации таможенной системы на развитие внешнеэкономической деятельности.

ВЫВОДЫ

На основании проведенного анализа существующих подходов к оценке экономической эффективности таможенной деятельности установлено, что ни один из них не позволяет без значительного искажения информации провести названную оценку. Для комплексной оценки экономической эффективности таможенной деятельности предлагается использовать количественные и качественные показатели с применением, в случае необходимости, их дифференциации для разных уровней управления и типов таможенных отношений. Названная оценка должна проводиться во взаимосвязи с функциональной ролью таможенных отношений и таможенных органов в экономической системе. При этом, учитывая установленные особенности экономической оценки эффективности

деятельности таможенных органов и состояние разработанности проблемы предложены методические подходы к обеспечению анализа и экономической оценки деятельности таможенных органов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный бюджет : учебник / С. М. Омирбаев [и др.]. – Алматы : Дәуир, 2011 – 632 с.
2. Курс лекций по дисциплине «Внешнеэкономическая деятельность» [Электронный ресурс] / сост. Е. М. Дрозд // Столичный профессиональный бизнес-колледж. – Режим доступа: https://www.spbk-spo.com/new/ekonomika_i_menedjment/drozd.pdf. – Дата доступа: 24.10.2013.
3. Бернар, И. Толковый экономический и финансовый словарь : фр., рус., англ., нем., исп. терминология : в 2 т. / И. Бернар, Ж.-К. Колли ; под общ. ред. Л. В. Степанова. – М. : Междунар. отношения, 1997. – Т. 1. – 784 с.
4. Макроэкономика: теория и российская практика : учебник / А. Г. Грязнова [и др.] ; под ред. А. Г. Грязновой, Н. Н. Думной. – М. : КноРус, 2004. – 604 с.
5. Гранберг, А. Г. Моделирование социалистической экономики : учеб. для вузов / А. Г. Гранберг. – М. : Экономика, 1988. – 487 с.
6. Экономико-математические методы [Электронный ресурс] // Кафедра «Информационные системы». – Режим доступа: <http://emm.ostu.ru/lect/lect6.html#vopros3>. – Дата доступа: 23.10.2013.
7. Середкина, Г. С. Анализ подходов к оценке эффективности деятельности таможенных органов [Электронный ресурс] / Г. С. Середкина // Pandia.ru : энцикл. знаний. – Режим доступа: <http://www.pandia.ru/text/77/381/33707.php>. – Дата доступа: 12.05.2014.
8. Дианов, А. Ю. Развитие теоретических положений и выработка практических рекомендаций по применению системы показателей оценки результативности таможенной деятельности : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А. Ю. Дианов ; Рос. тамож. академия. – М., 2009. – 27 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj byudzheth : uchebnyk / S. M. Omirbaev [i dr.]. – Almaty : Dehuir, 2011. – 632 s.
2. Kurs lekcij po discipline «Vneshneehkonomicheskaya deyatel'nost'» [Ehlektronnyj resurs] / sost. E. M. Drozd // Stolichnyj professional'nyj biznes-kolledzh. – Rezhim dostupa: https://www.spbk-spo.com/new/ekonomika_i_menedjment/drozd.pdf. – Data dostupa: 24.10.2013.
3. Bernar, I. Tolkovyj ehkonomicheskij i finansovyj slovar' : fr., rus., angl., nem., isp. terminologiya : v 2 t. / I. Bernar, Zh.-K. Kolli ; pod obshch. red. L. V. Stepanova. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1997. – T. 1. – 784 s.
4. Makroehkonomika: teoriya i rossijskaya praktika : uchebnyk / A. G. Gryaznova [i dr.]; pod red. A. G. Gryaznoj, N. N. Dumnoj. – M. : KnoRus, 2004. – 604 s.
5. Granberg, A. G. Modelirovanie socialisticheskoy ehkonomiki : ucheb. dlya vuzov / A. G. Granberg. – M. : Ehkonomika, 1988. – 487 s.
6. Ehkonomiko-matematicheskie metody [Ehlektronnyj resurs] // Kafedra «Informatcionnye sistemy». – Rezhim dostupa: <http://emm.ostu.ru/lect/lect6.html#vopros3>. – Data dostupa: 23.10.2013.

7. Seredkina, G. S. Analiz podhodov k ocenke ehffektivnosti deyatel'nosti tamo-zhen-nyh organov [EHlektronnyj resurs] / G. S. Seredkina // Pandia.ru : ehncikl. znaniy. – Rezhim dostupa: <http://www.pandia.ru/text/77/381/33707.php>. – Data dostupa: 12.05.2014.

8. Dianov, A. Yu. Razvitie teoreticheskikh polozhenij i vyrabotka prakticheskikh rekomendacij po primeneniyu sistemy pokazatelej ochenki rezul'tativnosti tamozhennoj deyatel'nosti : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.05 / A. Yu. Dianov ; Ros. tamozh. akademiya. – M., 2009. – 27 s.

Статья поступила в редакцию 25 сентября 2018 года.

УДК 338.242

ББК 65.050

РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА
УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ КЛАСТЕРНО-СЕТЕВОЙ СРЕДЫ
В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВТОРИЧНЫХ МОЛОЧНЫХ РЕСУРСОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е. И. БАХМАТОВА

ebakhmatova@mail.ru

старший преподаватель кафедры «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье поднимается проблема необходимости стимулирования кластерно-сетевой стратификации среды использования вторичных молочных ресурсов и ее естественной трансформации в устойчиво функционирующий кластер. Рассматривается получивший распространение в европейских странах, прикладной инструментарий повышения качества и сетевой связности деловой среды. Предлагаются направления развития организационно-экономического механизма управления формированием кластерно-сетевой среды в сфере использования вторичных молочных в Республике Беларусь. Приводится сравнительная характеристика запланированных государственными органами управления и предлагаемых для реализации инструментов стимулирования кластерно-сетевой среды, как в целом, так и в сфере использования вторичных молочных ресурсов.

Ключевые слова: кластерно-сетевая стратификация деловой среды, сетевые характеристики деловой среды, организационно-экономический механизм стимулирования кластеризации.

THE DEVELOPMENT OF THE ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC
MANAGEMENT MECHANISM OF THE FORMATION OF CLUSTER
AND NETWORK ENVIRONMENT IN THE SPHERE OF SECONDARY
DAIRY RESOURCES USAGE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

E. I. BAKHMATOVA

senior teacher in the Department «Economics and Law»
Belarusian National Technical University
Minsk, the Republic of Belarus

The article rises the challenge in the need for the stimulation of cluster and network stratification of the environment of secondary dairy resources usage and its natural transformation into the sustainable cluster. Management tools to improve the quality and networking of the business environment applied in the European countries are considered. Directions to develop the organizational and economic management mechanism of the formation of cluster and network environment in the sphere of secondary dairy resources usage in the Republic of Belarus are offered. The comparative characteristic of the offered and planned by public authorities management tools to stimulate the cluster and network environment in general, and in the sphere of secondary dairy resources usage is given.

Keywords: cluster and network stratification of the business environment, network characteristics of the business environment, organizational and economic management mechanism to stimulate cluster stratification.

ВВЕДЕНИЕ

Положительное влияние на потенциал кластеризации оказывает реализация государственной политики, направленной, главным образом, на стимулирование и поощрение участия в кластерно-сетевых образованиях, а не предотвращение, препятствование или ограничение деятельности незаинтересованной части бизнес-сообщества. Перспективы для становления бизнес-сетей и дальнейшего формирования на их основе устойчиво функционирующих кластеров создает государственная политика, которая служит стимулом, побуждает, поощряет, поддерживает и содействует инновационно-интеграционным процессам. Стимулирующая государственная кластерная политика должна гарантировать установление тесных продуктивных взаимосвязей между разрозненными элементами экономической системы, равенство и взаимный учет интересов ее участников в процессе достижения общей цели экономического развития и индивидуальных конкурентных преимуществ каждого из них. При этом кластерная политика не должна носить селективный характер, должна быть общедоступной, положительным образом воздействовать на деловую среду функционирования акторов в целом, ее основу должны составлять организационные инструменты стимулирования информационно-знаний обмена, а не архаичные инструменты финансирования или льготирования.

Разработка и применение организационно-экономического механизма повышения качества деловой среды – одна из приоритетных задач становления кластерно-сетевой среды использования вторичных молочных ресурсов и ее естественной трансформации в устойчиво функционирующий кластер. Запустить процессы сетевого межорганизационного взаимодействия централизованными решениями или путем применения архаичных инструментов конкурсного адресного финансирования, увеличения затрат на НИОКР или предоставления преференциальных режимов – невозможно. Для стимулирования интерактивных сетевых взаимодействий необходимы изменения деловой среды генерирования, обмена и применения знаний с целью повышения ее качества и придания ей сетевых характеристик организационной, информационной открытости, горизонтальной связности, инновационной восприимчивости, высокого уровня доверия и т. д.

Придание деловой среде сетевых характеристик, их поддержание и усиление – ключевая задача реализации сетевой концепции на всех этапах кластерно-сетевой стратификации среды использования вторичных молочных ресурсов, решение которой требует от правительственных институтов применения абсолютно новых инструментов управления, выработанных на основе коллективного способа принятия решений и с учетом их систематической адаптации к изменениям внешней среды. В качестве наиболее целесообразных и результативных рассматриваются инструменты, стимулирующие комплементарный обмен знаниями и информационными активами, непрерывное коллективное генерирование и потребление пула новых знаний, развитие инновационной инфраструктуры, установление основанных на отношенческих контрактах взаимовыгодных партнерских взаимодействий.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Прикладной инструментарий повышения качества и сетевой связности деловой среды находится на этапе динамичного становления и опережает этапы его теоретического подкрепления. Применяемые в международной практике инструменты сетевой трансформации деловой среды чрезвычайно разнообразны, превалирующим образом носят организационный характер и включают: интерактивные и диалоговые платформы обмена информацией и знаниями в различных формах (конференции, рабочие группы, экспертные лаборатории, заседания, советы, семинары, творческие мастерские, форумы, выставки, встречи и т. д.), сетевое посредничество, сопроизводство, софинансирование, коспециализация, пиринг, форсайттинг, интернализация кластерных сетей и т. д. [1].

В европейских странах получает распространение подход, согласно которому инструменты повышения качества деловой среды дифференцируются в зависимости от стадии кластерно-сетевой стратификации и включают меры, направленные на: привлечение акторов и становление сетевого взаимодействия, продвижение сетевого взаимодействия и развитие комплекса коллективных услуг, становление и развитие коллаборации в рамках НИОКР и коммерциализации инноваций [2]. Данного подхода к разработке и применению механизма стимулирования предлагается придерживаться в процессе реализации сетевой концепции кластерно-сетевой стратификации среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь.

Стратегическую роль в процессах передачи и концентрации управленческого воздействия на основе инструментов стимулирования кластерно-сетевой стратификации играют институты поддержки сетевых взаимодействий и коллаборации – особые инфраструктурные организации-посредники, которые функционально нельзя отнести ни к одному из трех звеньев спирали Г. Ицковица. Создание такого рода инфраструктуры инициируют государственные органы управления, однако, в процессы организации и осуществления деятельности инфраструктурных посредников должны вовлекаться представители научной и бизнес-среды.

На сетевую инфраструктуру возложена ответственность за выполнение организационных, информационных, консультационных, координирующих, исследовательских функций, создания платформ для диалога. Инфраструктурные организации в целом должны содействовать становлению и укреплению системы межорганизационных связей, осознанию акторами преимуществ сетевого взаимодействия, повышению уровня доверия, информационной и организационной открытости, партнерскому сближению, достижению совместного видения, согласованной деятельности по продвижению проектов коллаборации и кластерных инициатив.

Становление кластерно-сетевой модели экономики требует от акторов деловой среды существенных прогрессивных изменений, процесс реализации которых не может происходить стихийно. Инструменты, применяемые на этапе вовлечения акторов в паттерны сетевого сотрудничества, должны быть направлены на привлечение внимания к проблеме и возможностям использования вторичных молочных ресурсов специалистов различного профиля и уровней управления, способствовать формированию устойчивой заинтересованности к возможностям повышения эффективности использования коммерческого и инновационного потенциала рынка вторичных молочных ресурсов, естественным образом содействовать постепенному преодолению феномена сопротивления новому.

На ранних стадиях становления кластерно-сетевой среды важнейшей проблемой сетевой стратификации выступает необходимость преодоления феномена сопротивления новому. Наиболее известные методы успешного управления изменениями, такие, как модель Л. Гейнера, метод адаптивных изменений И. Ансоффа, акцентируют основное

внимание на необходимости обсуждения проблем и путей внедрения изменений со всеми участниками видоизменяемой системы управления. В контексте кластерно-сетевого развития инструментами одновременно информирования, привлечения внимания и управления сопротивлением изменениям являются интерактивные и диалоговые бизнес-площадки, которые могут быть реализованы в форме лекций, заседаний рабочих групп, советов, совещаний и т. д.

На этапе становления сетевой среды межорганизационных коммуникаций и информационного обмена ответственность за подготовку материалов и реализацию интерактивных площадок должна быть возложена на специфическое организационно-информационное звено – посредника-фасилитатора, функции которого должны выполняться совместно государственными органами управления, научными организациями, специалистами в области технологии пищевых производств, прогрессивными управленцами, экономистами, специалистами в области маркетинговых исследований, маркетинговых коммуникаций и т. д. Организации-фасилитаторы должны преследовать целью своей деятельности создание условий для неформальных коммуникаций, построения устойчивых сетей регулярного обмена рыночной и технологической информацией, идеями, знаниями, опытом и коллективного обучения.

Мероприятия информационного трансфера в рамках инициируемых организациями-фасилитаторами интерактивных площадок должны транслироваться онлайн, все обсуждаемые материалы должны быть доступны на специализированном интернет-ресурсе в формате видеозаписей, структурированных презентаций, полнотекстовых информационных баз. На специалистов организационно-информационного звена – фасилитаторов кластерно-сетевой стратификации должны быть возложены функции осуществления подготовки информационных и обучающих материалов, обзоров тенденций рынков, в т. ч. зарубежных, поиска стейкхолдеров, проведения информирования, лекций, тренингов, обучения специалистов, как на централизованных площадках, так и на рабочих местах.

Специалисты-фасилитаторы также нуждаются в предварительном комплексном обучении или повышении квалификации. Для реализации данной задачи необходимо разработать учебный план и учебные программы дисциплин с привлечением зарубежного опыта и специалистов-тьюторов. По мере формирования устойчивой заинтересованности акторов к возможностям использования потенциала рынка вторичных молочных ресурсов на основе сетевых взаимодействий, актуализации должны подлежать как программы обучения фасилитаторов, так и программы тренингов потенциальных участников сетевого сотрудничества.

На ранних этапах кластеризации экономики государственным органам управления особенно важно отказаться от осуществления конкурсных отборов и единоличного определения приоритетов развития и стремиться самостоятельно позиционировать себя как неотъемлемого равноправного участника кластерно-сетевых образований. Способность государственных органов управления одновременно участвовать в кластерном взаимодействии в качестве партнера и инспирировать его в целом имеет стратегическое значение на всех этапах кластерно-сетевой стратификации. В этой роли государственные органы управления должны, а содействовать акторам в поиске идей и партнеров коллаборации, поддерживать инфраструктуру развития сетевых и коллаборативных взаимодействий.

На этапе привлечения внимания и формирования заинтересованности акторов деловой среды использования вторичных молочных ресурсов результативными также должны оказаться действия государственных органов управления по реорганизации системы аккумуляции и представления информации. В Республике Беларусь широко распространена практика организации и представления статистической информации в разрезе регионов и отраслей национальной экономики. Как потенциальным участникам

бизнес-сети, так и фасилитаторам кластерного развития важно иметь доступ к релевантной социально-экономической информации, сгруппированной в разрезе бизнес-сети. Такого рода информация может включать, уровень занятости, динамику объемов производства и реализации, запасов, финансовые результаты в отраслях – потенциальных участниках бизнес-сети, перечень технологий, поставщиков и потребителей, вакансии и предложения на рынке труда, проектные нормы и нормативы, технико-экономические обоснования, уровень патентной, инновационной активности и т. д.

Ограниченный доступ к лучшим мировым практикам ведения бизнеса, новым источникам знания и технологического опыта, что особенно характерно для переходных экономик, представляет собой существенный барьер для поиска и исследования перспектив реализации новых долгосрочных стратегических направлений развития организаций-участников кластерно-сетевой среды. Информационную замкнутость и асимметрию позволяет в некоторой степени преодолевать расширенный доступ к соответствующим специализированным интернет-ресурсам и сервисам. Первостепенное значение имеет также предоставление фасилитаторам и потенциальным участникам бизнес-сети доступа к мировым базам социально-экономических индикаторов функционирования сетевых, кластерных образований, проектов коллаборации в аналогичных сферах деятельности за рубежом.

Ключевую роль в создании предпосылок для эффективного формирования портфеля инновационных идей и бенчмаркинга играет прямое межорганизационное взаимодействие. Фасилитаторы могут содействовать накоплению зарубежного опыта на основе организации международных выставок, узконаправленных деловых командировок, стажировок и т. д.

По мере преодоления феномена сопротивления новому и формирования устойчивой заинтересованности к возможностям использования коммерческого и инновационного потенциала рынка вторичных молочных ресурсов на основе развития межорганизационного взаимодействия, акторы деловой среды должны привлекаться к процессам генерирования идей сотрудничества, инициирования и информационного наполнения интерактивных площадок и специализированных интернет-ресурсов, что будет способствовать свободному обмену взаимной информацией и повышению уровня доверия внутри информационной сети.

Дальнейший этап продвижения сетевого взаимодействия и преобразования бизнес-сетей, основанных на понимании преимуществ неформальных бизнес-коммуникаций, в проекты коллаборации, потребует реорганизации инфраструктурной системы поставки услуг на основе создания нового информационно-консультационного звена – сетевых посредников. Как государственные, так и частные научно-исследовательские, инновационные, образовательные, консалтинговые, финансовые и прочие инфраструктурные организации зачастую осуществляют свою деятельность разрозненно, независимо друг от друга. В связи с этим, актуальность приобретает переориентация инфраструктурных организаций на проблемно-ориентированный подход, который опирается, прежде всего, на интересы участников кластерно-сетевой стратификации, а не только на достижение индивидуального коммерческого, социального, научно-технического или иного результата деятельности. Проблемно-ориентированный подход является обязательным условием эффективного вовлечения инфраструктурных организаций в кластерно-сетевые паттерны сотрудничества, т. к. предполагает делегирование им функции организатора исследовательско-аналитической работы.

Необходимые на этапе становления паттернов коллаборации преобразования могут быть достигнуты как на основе проведения стимулирующей разъяснительной работы среди персонала существующих организаций, так и путем создания новых специализиро-

ванных государственных инфраструктурных организаций – сетевых посредников – поставщиков широкого комплекса услуг участникам кластерно-сетевой среды. Комплекс услуг, поставляемых акторам деловой среды специализированными сетевыми посредниками, должен включать: предоставление доступа к базам данных потребителей, поставщиков, конкурентов, инноваций, патентов, конъюнктурной информации, маркетинговое исследование, консультирование, профессиональное обучение, экспертиза проектов, тестирование научных разработок и др. Особенно важно, чтобы сотрудники кластерно-сетевых инфраструктурных организаций-посредников имели производственный опыт, демонстрировали глубокое понимание проблем, технологий, рынков сбыта и потенциальных потребителей добавленной ценности, создаваемой участниками кластерно-сетевой стратификации.

Сетевые посредники как вид специализированных инфраструктурных организаций получает большую популярность в странах как развитых, так и переходных экономик. В Республике Беларусь, в частности, в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 16 января 2014 г. № 27 «Об утверждении концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации» (далее Концепция) предусмотрено создание сети центров кластерного развития на базе облисполкомов, Минского горисполкома, объединений юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей (ассоциации и союзы), а также наиболее развитых научно-технологических парков и иных организаций [3]. В соответствии с Концепцией, предметом деятельности центров кластерного развития будет являться сопровождение кластерных проектов посредством оказания организационных, информационных и аналитических услуг участникам кластеров, в том числе, оказание консалтинговых услуг (юридических, финансовых, инжиниринговых и других), поиск дополнительных источников финансирования для реализации кластерных проектов, разработка бизнес-планов, маркетинговые исследования, продвижение на рынок продукции участников кластера, организация конференций, семинаров и других информационных мероприятий для участников кластера, организация обучения и повышения квалификации кадров руководителей и специалистов участников кластера [3; 4]. Таким образом, в соответствии с Концепцией, центры кластерного развития должны представлять собой комплексные инфраструктурные организации, предоставляющие широкий перечень универсальных услуг участникам сформированных кластеров, не принимая во внимание сферу их деятельности. Позиция государственных органов управления, согласно которой инфраструктурные организации инновационного посредничества должны создаваться на этапе функционирования кластеров и предоставлять широкий спектр разнообразных услуг без учета сферы экономической активности их участников, заведомо малоэффективна.

Функцию поддержки конкретных проектов коллаборации и кластерных инициатив должны выполнять специализированные менторские организации – акселераторы. В отличие от сетевых посредников акселераторы должны поставлять широкий комплекс узкоспециализированных услуг конкретным проектам коллаборации и кластерных инициативам в особом диалоговом режиме и на принципах дизайн-мышления. В обоснование значимости данного института посредников отметим, что создание кластера часто сопряжено с вовлечением организаций в новые виды деятельности, которые требуют формирования и накопления технологического опыта. Поэтому информация и знания становятся ключевым фактором успеха. Кластерные инициативы могут извлечь значительные выгоды за счет потребления услуг узкоспециализированных организаций инновационного развития, продуктивность работы которых существенно повышается в случае участия в них существующих предпринимательских ассоциаций и союзов.

В соответствии с Концепцией в Республике Беларусь предусматривается создание и организация деятельности рабочих групп для содействия формированию инновационно-промышленных кластеров в облисполкомах (Минском горисполкоме), в том числе с участием представителей указанных облисполкомов (Минского горисполкома), Министерства экономики, Государственного комитета по науке и технологиям, отраслевых министерств и концернов, бизнес-ассоциаций, на базе подчиненных организаций (участников бизнес-ассоциаций), в которых намечается формирование таких инновационно-промышленных кластеров [3; 4]. По своему функциональному назначению рабочие группы представляют собой конкретную форму бизнес-акселератора. Организация заседаний рабочих групп с участием представителей власти, науки и бизнеса является важнейшим мероприятием на этапе становления протокластерной среды, стимулирующим кластерную инициативу. В рамках заседаний рабочих групп обсуждение возможностей кластерно-сетевой стратификации среды использования вторичных молочных ресурсов должно проводиться на базе результатов совместных маркетинговых и кластерно-сетевых исследований.

На этапе продвижения коллаборации, возникновения кластерных инициатив следует расширить функции организаций-фасилитаторов, возложив на них ответственность за систематическое проведение мониторинга условий функционирования протокластерной среды использования вторичных молочных ресурсов.

Инфраструктурные преобразования касаются еще одной чрезвычайно важной компетенции государственных органов управления – целевой подготовки квалифицированных кадров. Исключая прогрессивную технико-технологическую и информационно-знаниевую базу, для кластерно-сетевой стратификации нет ничего важнее полноценного кадрового резерва. В отношении никаких других видов ресурсов паттерны кластерно-сетевой стратификации не зависят так серьезно от государства, которое является самым крупным инвестором в сфере образования. В процессе принятия решения о кластерной инициативе бизнес оценивает доступ к трудовым ресурсам, которые обладают профессиональными компетенциями в соответствующих областях и в состоянии применить деловые навыки в особой рабочей среде кластера. В результате успех кластерной модели развития экономики ставится в прямую зависимость от способности учреждений образования быстро реагировать на появление потребности в специфических кадрах, сократить лаг с момента появления такой потребности и до момента ее удовлетворения.

В условиях кластерно- сетевого развития на первый план выходит целевая подготовка узкоспециализированных специалистов. Важным моментом также является применение междисциплинарных подходов, обеспечивающих преподавание дисциплин в контексте кластерной концепции развития экономики. Образовательные стандарты регламентируют порядок разработки и утверждения учебных планов специальностей часто без привязки к конкретной отрасли экономики. Между тем, получаемые знания и навыки в дальнейшем преобразуются с учетом отраслевых особенностей и могут значительно варьироваться по отраслям и секторам экономики. Проектирование учебных планов специальностей в разрезе отраслей-участников кластерно-сетевой среды создает хорошие перспективы для повышения уровня лояльности будущих специалистов и стремления развиваться профессионально в рамках бизнес-сетей, проектов коллаборации, организаций-участников кластера, а не пополнять ряды скептиков и становиться экономическими мигрантами.

Государственные органы управления должны способствовать установлению связей между учреждениями образования и инфраструктурными организациями кластерно-сетевого развития. Взамен ожиданию от учреждений образования своевременного и глу-

бокого понимания кадровых потребностей участников кластерно-сетевой среды, государственные органы управления должны способствовать сотрудничеству университетов и фасилитаторов, сетевых посредников, акселераторов, которые, в свою очередь, должны выступать для учреждений образования ключевыми поставщиками самой актуальной информации о проблемах, потребностях акторов деловой среды, наиболее востребованных специальностях, определяя, тем самым, направления обновления образовательных стандартов, развития учебных планов и т. д. В свою очередь инфраструктурные организации кластерно- сетевого развития получают возможность постановки на научные основы процессов организации исследований бизнес-среды, формирования стратегических направлений деятельности, решения проблем и преодоления барьеров за счет привлечения профессорско-преподавательского персонала, организации на базе университетов практико-ориентированных площадок и т. д.

На стадии продвижения коллаборации и становления кластера большую актуальность также приобретет необходимость формирования развитых экспортных сетей. Существующие участники кластера, вступающие на различных уровнях в новые цепочки создания стоимости, могут испытывать затруднения в налаживании экспортных товаропроводящих сетей. Функция государственных органов управления в данном случае заключается в поиске партнеров на международных рынках, содействии формированию кластерных экспортных объединений.

Сравнительная характеристика запланированных государственными органами управления и предлагаемых для реализации инструментов стимулирования кластерно-сетевой среды, как в целом, так и в сфере использования вторичных молочных ресурсов, представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Существующие и предлагаемые для реализации инструменты стимулирования кластеризации экономики

Стадия кластерно-сетевой стратификации	Инструмент	Содержание инструмента	
		запланированные	предлагаемые
становление сетевой среды межорганизационных коммуникаций и информационного обмена	развитие инновационной инфраструктуры содействия кластеризации экономики;	нет;	создание специализированных инфраструктурных организаций –фасилитаторов, способствующих становлению устойчивых информационных сетей на основе регулярного обмена информацией, идеями и коллективного обучения;

Продолжение таблицы 1

	реорганизация системы аккумуляции и представления экономической информации;	нет;	- формирование и предоставление доступа к статистической и экономической информации, сгруппированной в разрезе потенциальных участников кластерно-сетевых сотрудничества; - обеспечение доступа к мировым базам социально-экономических параметров функционирования аналогичных кластерно-сетевых образований за рубежом; - организация международных выставок, деловых командировок, стажировок акторов и т. д.;
инициирование и совместная реализация проектов коллаборации		нет;	создание специализированных инфраструктурных организаций – сетевых посредников – поставщиков широкого комплекса услуг участникам бизнес-сетей и проектов коллаборации;
возникновение и формализация кластерных инициатив	развитие инновационной инфраструктуры содействия кластеризации;	Нет	- создание специализированных инфраструктурных организаций – акселераторов – поставщиков широкого перечня узкоспециализированных услуг конкретным проектам коллаборации, кластерным инициативам в особом диалоговом режиме и на принципах дизайн-мышления;
становление кластеров		создание центров кластерного развития – поставщиков широкого перечня услуг участникам кластеров;	нет;
		организация деятельности рабочих групп для содействия инновационно-промышленным кластерам;	нет;

Окончание таблицы 1

	государственная поддержка	- выделение на безвозмездной и безвозвратной основе субсидий кластерным организациям и центрам кластерного развития на разнообразные цели; - конкурсные программы финансирования кластерных инициатив, кластеров;	нет;
	подготовка квалифицированных кадров	нет;	подготовка специалистов в области кластеризации экономики на базе учреждений высшего образования;
	установление связей между учреждениями образования и центрами кластерного развития	нет;	- содействие сотрудничеству университетов и инфраструктуры кластерного развития;
	формирование развитых экспортных сетей	нет;	поиск партнеров на международных рынках и содействии формированию кластерных экспортных объединений.

Источник: собственная разработка на основе [3; 4].

Рекомендуемые для реализации инструменты управления кластеризацией по своему содержанию являются как экономическими, так и организационными, носят стимулирующий характер. Ключевое преимущество охарактеризованных выше и структурированных в виде таблицы 1 направлений развития организационно-экономического механизма управления кластеризацией заключается в создании возможностей для передачи и концентрации стимулирующего воздействия на не охваченных текущей кластерной политикой ранних стадиях кластеризации, имеющих стратегическое значение для реализации сетевой концепции кластерно-сетевой стратификации. Другие преимущества включают: направленность на содействие повышения качества деловой среды в целом на основе придания ей сетевых характеристик, общедоступность, дифференциация инструментов в разрезе стадий сетевой концепции кластеризации, создание предпосылок для формирования динамичной бизнес-среды непрерывных усовершенствований за счет увеличения плотности и интенсивности горизонтальных коммуникаций, стимулирования свободного обмена взаимной информацией.

ВЫВОДЫ

1. Запустить процессы сетевого взаимодействия на рынке вторичных молочных ресурсов централизованными решениями, селективным конкурсным предоставлением финансирования или преференциальных режимов – невозможно. Для стимулирования интерактивных сетевых взаимодействий необходимы изменения деловой среды использования вторичных молочных ресурсов на основе придания ей сетевых характеристик

организационной и информационной открытости, горизонтальной связности, инновационной восприимчивости, высокого уровня партнерского доверия.

2. В целях развития запланированного для реализации в Республике Беларусь организационно-экономического механизма управления кластеризацией экономики, как целом, так и в сфере использования вторичных молочных ресурсов, предлагается:

– создать развитию инфраструктуру содействия сетевым взаимодействиям, коллаборации, кластерным инициативам и кластерам, включающую:

1) на стадии становления сетевой среды межорганизационных коммуникаций и информационного обмена – фасилитаторов, способствующих возникновению устойчивых информационных сетей на основе регулярного обмена информацией, идеями и коллективного обучения;

2) на стадии инициирования и совместной реализации проектов коллаборации – сетевых посредников – поставщиков широкого комплекса услуг участникам бизнес-сетей и проектов коллаборации;

3) на стадии возникновения и формализации кластерных инициатив – акселераторов – поставщиков широкого комплекса узкоспециализированных услуг конкретным проектам коллаборации и кластерным инициативам в особом диалоговом режиме и на принципах дизайн-мышления.

– реорганизовать систему аккумуляции и представления рыночной, экономической, статистической, технологической информации путем ее систематизации в разрезе потенциальных участников кластерно-сетевого сотрудничества, а не сфер экономической деятельности или территориально-административных единиц;

– обеспечивать доступ акторам сетевой среды к мировым базам социально-экономических параметров функционирования аналогичных кластерно-сетевых образований за рубежом;

– способствовать организации международных выставок, деловых командировок, стажировок специалистов инфраструктуры содействия кластеризации и акторов сетевой среды;

– осуществлять подготовку специалистов в области кластеризации экономики на базе учреждений высшего образования;

– способствовать сотрудничеству университетов и организаций инфраструктуры содействия кластеризации;

– осуществлять поиск партнеров в сфере использования вторичных молочных ресурсов на международных рынках, иным образом содействовать формированию развитых экспортных сетей.

3. Особенности предлагаемых организационно-экономических инструментов по отношению к запланированным для реализации в Республике заключаются в следующем: нацеленность на повышение качества деловой среды в целом, а не формирование преференциальных режимов функционирования отдельных территорий, акторов или их групп на рынке вторичных молочных ресурсов; дифференциация организаций инфраструктуры содействия кластерному развитию и выполняемых ими функций в разрезе стадий сетевой концепции кластеризации.

4. Предлагаемые направления развития организационно-экономического механизма управления кластеризацией деловой среды использования вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь обеспечат: передачу и концентрацию стимулирующего воздействия на не охваченные текущей кластерной политикой ранние стадии кластеризации, имеющие стратегическое значение для реализации сетевой концепции кластерно-сетевой стратификации; доступность инструментов содействия кластеризации не только

участникам кластерных инициатив или кластеров, но также и потенциальным, действующим участникам информационных, бизнес-сетей, проектов коллаборации; формирование на рынке вторичных молочных ресурсов в Республике Беларусь предпосылок для становления динамичной бизнес-среды непрерывных усовершенствований за счет увеличения плотности и интенсивности горизонтальных коммуникаций, стимулирования свободного обмена взаимной информацией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Technology and Industry Outlook 2012 «Cluster policy and smart specialization» [Electronic resource] // OECD Science. – Mode of access: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/science-and-technology/oecd-science-technology-and-industry-outlook-2012_sti_outlook-2012-en#.WLYaIfLojIU. – Date of access: 15.09.2018.
2. Competitive Regional Clusters. National Policy Approaches [Electronic resource] // United nations ESCAP. – Mode of access: https://artnet.unescap.org/tid/artnet/mtg/gmscb_regionalclusters.pdf. – Date of access: 15.09.2018.
3. Об утверждении концепции формирования и развития инновационно-промышленных кластеров в Республике Беларусь и мероприятий по ее реализации: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 16 января 2014 г., № 27 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – № 5/38322.
4. Крупский, Д. М. Руководство по созданию и организации деятельности кластеров в Республике Беларусь / Д. М. Крупский, А. Э. Омарова, Т. В. Хвалько // Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ced.by/media/publication/books/rukovodstvo-klastery/rukovodstvo_po_sozdaniyu_klasterov_2.pdf. – Дата доступа: 15.09.2018.

REFERENCES

1. Technology and Industry Outlook 2012 «Cluster policy and smart specialization» [Electronic resource] // OECD Science. – Mode of access: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/science-and-technology/oecd-science-technology-and-industry-outlook-2012_sti_outlook-2012-en#.WLYaIfLojIU. – Date of access: 15.09.2018.
2. Competitive Regional Clusters. National Policy Approaches [Electronic resource] // United nations ESCAP. – Mode of access: https://artnet.unescap.org/tid/artnet/mtg/gmscb_regionalclusters.pdf. – Date of access: 15.09.2018.
3. Ob utverzhdenii koncepcii formirovaniya i razvitiya innovacionno-promyshlennykh klasterov v Respublike Belarus' i meropriyatij po ee realizacii: Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus', 16 yanvarya 2014 g., № 27 // Nac. reestr pravovykh aktov Resp. Belarus'. – 2014. – № 5/38322.
4. Krupskij, D. M. Rukovodstvo po sozdaniyu i organizacii deyatel'nosti klasterov v Respublike Belarus' / D. M. Krupskij, A. Eh. Omarova, T. V. Hval'ko // Sovet po razvitiyu predprinimatel'stva v Respublike Belarus' [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ced.by/media/publication/books/rukovodstvo-klastery/rukovodstvo_po_sozdaniyu_klasterov_2.pdf. – Data dostupa: 15.09.2018.

Статья поступила в редакцию 2 октября 2018 года.

УДК 338.001.36

ББК 65.31

ПОКАЗАТЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
СТРОИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

О. С. ГОЛУБОВА

holubava@bntu.by

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой «Экономика строительства»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Строительство является проектно-ориентированным видом экономической деятельности. Для повышения экономической эффективности деятельности строительных организаций, как и для повышения экономической эффективности строительства объектов для заказчика и подрядчика необходимо оценивать эффективность выполнения строительных работ. Использование системы показателей эффективности строительных работ, предложенных автором позволяет: 1) оценивать эффективность включения в проект разных видов строительных работ для заказчика; 2) оценивать эффективность разных видов строительных работ для подрядчика; 3) проводить сравнительный анализ эффективности разных видов строительных работ.

Ключевые слова: виды строительных работ, экономическая эффективность строительных работ, показатели экономической эффективности.

INDICATORS OF ECONOMIC EFFECTIVENESS CONSTRUCTION WORKS

V. S. HOLUBAVA

PhD in Economics, associate professor, Head of the Department «Economics
in Civil Engineering »

Belarus National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

Construction is a project-oriented type of economic activity. To increase the economic efficiency of construction organizations as well as to improve the economic efficiency of construction of facilities for the customer, it is necessary to evaluate the efficiency of construction works. Using the system of performance indicators of construction works proposed by the author allows: 1) to assess the effectiveness of the inclusion in the project of various types of construction works for the customer; 2) evaluate the effectiveness of different types of construction work for the contractor; 3) conduct a comparative analysis of the effectiveness of different types of construction work.

Keywords: types of construction works, the economic efficiency of construction works, indicators of economic efficiency.

ВВЕДЕНИЕ

Для оценки эффективности деятельности организации, эффективности производства продукции (выполнения работ, оказания услуг) экономическая наука использует множество показателей. Учитывая специфику строительства как вида экономической деятельности для оценки эффективности тех или иных видов строительных работ необходимо

использовать показатели, позволяющие оценить эффективность работ как для заказчика, так и для подрядчика. Проблема формирования системы показателей экономической эффективности разных видов строительных работ, которая позволит проектным и строительным организациям принимать грамотные решения, обеспечивающие повышение эффективности строительства в целом, и эффективности выполнения отдельных видов работ в частности требует глубокой научной проработки.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Понятие экономической эффективности широко используется в экономической науке. Многообразие показателей экономической эффективности позволяет оценить деятельность организации как в общем, так и по отдельным видам ресурсов. Показатели экономической эффективности рассчитываются как по отдельным видам продукции, так и по результатам деятельности организации в целом. Применительно к строительству оценка экономической эффективности строительства различных объектов позволяет за проектировать конструктивные решения, технологии и виды строительных работ, которые обеспечивают более высокую эффективность реализации проекта строительства для заказчика, а строительной организации сформировать тендерное предложение и организовать производство работ, обеспечивающие повышение эффективности функционирования строительной организации в целом.

Строительство, как вид экономической деятельности имеет свою специфику, отличается многообразием объектов строительства, использованием широкой номенклатуры ресурсов, выполнением десятков тысяч отдельных видов работ. Традиционно для оценки экономической эффективности используются показатели рентабельности производства, рентабельности выполнения строительных работ. В строительстве, в зависимости от того, что является исходной информацией для оценки эффективности выделяют показатели сметной, плановой и фактической эффективности.

Вопросы оценки экономической эффективности в строительстве нашли свое отражение в работах таких ученых как С. Л. Мусин, Р. Ю. Симионов, Д. С. Дзязиев [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Н. А. Садовникова, исследуя методологию статистического анализа и прогнозирования развития строительного комплекса российской Федерации утверждает, что «эффективность строительного производства – это социально-экономическая категория; характеризующая соотношение результатов производства (эффекта) и произведенных затрат его факторов (рабочей силы, средств и предметов труда). При этом, под эффектом строительного производства следует понимать конечный итог, полезный экономический результат инвестиционно-подрядной деятельности строительных организаций, характеризуемый объемом материальных благ, качество и ассортимент которых соответствуют потребностям общества» [7]. Вместе с тем, анализируя понятие экономической эффективности Н. А. Садовникова уделяет основное внимание статистическому анализу, а не оценке эффективности строительных работ.

А. Е. Ходоров в своей работе обобщил показатели затрат на строительство, систематизировав показатели по шести группам:

а) показатели, позволяющие определить ошибки в сметных расчетах: отклонение плановой себестоимости от сметной стоимости по i -му объекту; отклонение плановых затрат от сметных в организации в целом; отклонение фактической себестоимости от сметной по i -му объекту; отклонение фактических затрат от плановых по организации в целом.

б) показатели, позволяющие выявить ошибки в планировании организации производства, непроизводственные расходы, нарушение технологии работ, в нормировании:

отклонение фактической себестоимости от плановой по *i*-му объекту; отклонение фактических затрат от сметных по организации в целом; абсолютное отклонение фактических затрат материальных ресурсов *i*-го вида от норм; отношение отклонения фактических затрат материальных ресурсов *i*-го вида от норм;

в) показатели, позволяющие проанализировать выполнение плановых показателей: себестоимость фактически выполненного объема строительно-монтажных работ по плану и фактически; объем строительно-монтажных работ по плану, фактически в ценах, принятых в плане, фактически в ценах отчетного года» [8].

Принимая во внимание важность и значимость оценки отклонений сметной, плановой и фактической стоимости строительства следует отметить, что расчет указанных выше отклонений позволяет оценить точность сметных расчетов и системы планирования, но не эффективность затрат в строительстве. Отклонения между сметными, плановыми и фактическими значениями могут быть связаны как с ошибками в сметной документации, так и с динамикой изменения цен и тарифов, конъюнктуры рынка. Но, если ошибки исключены и влияние внешних факторов незначительно, отклонения могут свидетельствовать об экономии или перерасходе средств на выполнение работ. Выполнение анализа «план-факт» усиливает эффективность контроля и способствует повышению эффективности производства работ.

г) показатели, обеспечивающие сопоставимость затрат на аналогичные объекты с другими строительными компаниями и по отрасли в целом: себестоимость 1 руб. строительно-монтажных работ по плану; себестоимость 1 руб. фактически выполненных строительно-монтажных работ: по плану на фактический объем работ, фактически в ценах отчетного года, фактически в ценах, принятых в плане;

д) показатели, позволяющие оперативно влиять на затраты организации: общие отклонения затрат на 1 рубль строительно-монтажных работ; влияние изменения структуры выполненных строительно-монтажных работ; влияние изменения цен на сырье, материалы, детали, конструкции; фактическая себестоимость, скорректированная на экономию или перерасход по независящим от организации причинам на 1 рубль фактически выполненного объема строительно-монтажных работ; отклонение фактического уровня себестоимости на 1 рубль строительно-монтажных работ по причинам, независящим от строительной организации; влияние сверхпланового снижения себестоимости; динамика затрат на 1 рубль строительно-монтажных работ по плану, фактическая; расход на объекте *i*-го ресурса в расчете на 1 квадратный метр площади;

е) показатели, раскрывающие связь себестоимости и прибыли: отношение фактической себестоимости к выручке от продажи *i*-го объекта; отношение плановой себестоимости к выручке от продажи *i*-го объекта; отношение плановых затрат к выручке от продаж по организации в целом; отношение фактических затрат к выручке от реализации по организации в целом» [8].

Показатели сравнительной эффективности производства работ широко используются в практике деятельности коммерческих строительных организаций. Эти показатели позволяют сопоставить затраты на отдельные виды работ, альтернативные технологические и конструкторские решения.

Статистические данные национального статистического комитета Республики Беларусь, приведенные в таблице 1, свидетельствуют о сокращении количества строительных организаций и уменьшении объемов подрядных работ.

Таблица 1 – Основные показатели деятельности организаций строительства*

Наименование показателя	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Число организаций строительства, единиц	8 947	9 548	10 082	11 133	11 351	10 173	9 515	8 718
в процентах к предыдущему году	х	106,7	105,6	110,4	102,0	89,6	93,5	91,6
Объем подрядных работ в фактически действовавших ценах, млрд. руб.	26 583,0	40 101,0	69 170,9	94 989,1	105 500,5	92 255,8	8 107,8 ¹	8 600,0 ¹
в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году	х	106,7	91,4	104,7	94,3	88,7	85,2	96,3
Объем подрядных работ в фактически действовавших ценах в среднем на одну организацию, млрд. руб.	2,971	4,200	6,860	8,532	9,294	9,069	0,852	0,986
в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году	х	99,99	86,56	94,83	92,49	98,98	91,09	105,12

Источник: Собственная разработка автора на основании данных [9]

Приведенные в таблице 1 данные наглядно свидетельствуют о том, что объемы подрядных работ с 2013 г. постоянно сокращаются. Это значит, что источников финансирования выделяется все меньше. Вместе с тем, количество строительных организаций за период с 2010 по 2014 гг. постоянно росло, и только с 2014 г. начало сокращаться.

Вместе с тем темпы сокращения количества организаций, не соответствуют темпам снижения объемов работ, что привело к тому, что объемы работ, приходящиеся на одну организацию, сокращались за весь период с 2010 по 2017 гг., и только в 2017 г. наметился рост этого показателя. Результат этих процессов наглядно отображает динамика рентабельности реализованной продукции, товаров, работ, услуг и удельный вес убыточных организаций в строительстве, приведенные в таблице 2.

Таблица 2 – Рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг и удельный вес убыточных организаций, в процентах от общего числа организаций

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Рентабельность реализованной продукции, товаров, работ, услуг (в процентах) в среднем по республике	7,3	13,3	12,2	8,2	8,7	9,3	9,1

* Стоимостные показатели приведены в масштабе цен, действующих с 1 июля 2016 г. (с учетом деноминации), млн рублей.

Окончание таблицы 2

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Строительство	8,2	5,4	7,9	8,7	10,6	9,5	6,0
Удельный вес убыточных организаций	5,2	10,4	8,3	8,6	11,4	22,6	27,6

Источник: собственная разработка автора на основании данных [9]

В условиях сокращения объемов подрядных работ, количество строительных организаций также сокращалось, но более низкими темпами, что оказало свое влияние на показателях эффективности их работы. В этих условиях требуется коренной пересмотр подходов к оценке эффективности производства работ, поиск путей повышения эффективности деятельности.

Рассмотрим оценку эффективности выполнения строительных работ на примере четырех видов работ по устройству наружных стен здания: кладки стен из кирпича, газосиликатных, керамзитобетонных, и многослойных керамзитобетонных блоков с утеплителем и декоративным отделочным слоем. Основные показатели стоимости строительных работ в расчете на 100 м² кладки стен составляет значения, представленные в таблице 3.

Таблица 3 – Показатели экономической эффективности выполнения строительного-монтажных работ по устройству наружных стен здания

№п/п	Наименование показателя	Ед. изм.	Формула расчета	Значение показателя для разных видов строительных работ в расчете на 100 м ² стен			
				Кирпич-керамический	Газосиликатный блок	Керамзитобетонный блок	Многослойный блок
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Показатели экономической эффективности видов строительных работ							
1	Стоимость СМР без НДС	руб.	Смета (Факт)	16 468	9 145	10 274	9 060
2	Стоимость материальных ресурсов (с учетом транспортно-заготовительных расходов)	руб.	Смета (Факт)	7 681	4 680	5 809	7 417
3	Прибыль	руб.	Смета (Факт)	2 378	1 172	1 172	444
4	Трудоемкость	чел.-час	Смета (Факт)	621	305,6	305,6	126,4
5	Заработная плата рабочих	руб.	Смета (Факт)	3 679	1751	1 751	690
6	Затраты на выполнение работ	руб.	Смета (Факт)	14 091	7 972	9 102	8 617
7	Валовая добавленная стоимость	руб.	Доход от реализации – материальные затраты	8 787	4 465	4 465	1 644
2. Показатели эффективности использования трудовых ресурсов							
8	Выработка на 1 чел.-час	руб. / ел.-час	Стоимость СМР / Трудоемкость работ	26,53	29,92	33,62	71,68

Окончание таблицы 3

1	2	3	4	5	6	7	8
9	Выработка на 1 м ² стен с отделкой	м ² / чел-час	Объем работ / Трудоемкость	0,16	0,33	0,33	0,79
10	Среднечасовая заработная плата рабочих	руб.	Зарботная плата рабочих / Трудоемкость работ	5,93	5,73	5,73	5,46
11	Среднемесячная заработная плата рабочих	руб.	Среднечасовая заработная плата рабочих x 170 часов	1 007,38	973,94	973,94	927,47
12	Зарплатоотдача	руб. / руб.	Стоимость СМР / Зарботная плата рабочих	4,48	5,22	5,87	13,14
13	Зарплатоемкость	руб. / руб.	Зарботная плата рабочих / Стоимость СМР	0,22	0,19	0,17	0,08
3. Показатели эффективности использования оборотных средств							
14	Материалоотдача	руб. / руб.	Стоимость СМР / Стоимость материальных ресурсов	2,14	1,95	1,77	1,22
15	Материалоемкость	руб. / руб.	Стоимость материальных ресурсов / Стоимость СМР	0,47	0,51	0,57	0,82
4. Показатели доходности и рентабельности							
16	Рентабельность затрат	%	Прибыль/ Затраты на выполнение работ	16,87	14,71	12,88	5,15
17	Прибыль в расчете на один чел-ч	руб. / чел-ч	Прибыль / Трудоемкость	3,83	3,84	3,84	3,51
18	Валовая добавленная стоимость в расчете на один чел-ч	руб. / чел-ч	Валовая добавленная стоимость / Трудоемкость	14,15	17,61	14,61	13,00
19	Рентабельность валовой добавленной стоимости по чистой прибыли	%	Прибыль / Валовая добавленная стоимость	27,06	26,26	26,26	26,99

Суть приведенных в таблице 3 расчетов заключается в оценке экономической эффективности видов строительных работ с точки зрения заказчика и подрядчика.

С точки зрения заказчика, при условии обеспечения одинакового качества строительных работ, соблюдения требований надежности, безопасности, долговечности, теплопроводности, экологичности конструкций вопрос выбора конструктивного решения заполнения стеновых проемов будет лежать в области цены.

Самая низкая стоимость устройства 100 м² наружных стен достигается при использовании многослойных блоков с наружным декоративным слоем. Стоимость этого

вида работ в 1,82 раза дешевле конструкции из кирпича керамического, на 13,4 % дешевле устройства стен из керамзитобетонных блоков и на 1% дешевле устройства стен из газосиликатных блоков. Еще одним показателем эффективности работ является трудоемкость. Использование многослойных блоков с декоративной отделкой позволяет в несколько раз сократить длительность работ. То есть для заказчика, эффективность устройства стен из многослойных блоков по всем показателям эффективнее.

Если оценивать эффективность работ с точки зрения подрядчика, то снижение стоимости 100 м² работ по устройству стен, с учетом роста в составе цены стоимости материалов и снижения заработной платы и прибыли свидетельствует о неэффективности внедрения данной технологии. Однако, если рассмотреть ситуацию детально, то кладка стен из многослойных блоков повышает производительность труда более чем в два раза. Поскольку данная технология обеспечивает более высокие требования к кладке стен, но исключает работы по наружной отделке, среднечасовая и среднемесячная заработная плата несколько ниже, чем в других вариантах, но зарплатоотдача в 2-3 раза выше. То есть, новая технология, хоть и приносит значительно меньше прибыли на единицу объема работ, с точки зрения показателя производительности труда позволяет добиться более высокой эффективности работ для подрядной организации. Противоположная ситуация получается с позиции эффективного использования материальных ресурсов: высокая стоимость многослойных блоков с декоративным отделочным слоем приводит к тому, что материалоотдача в этих работах в 1,75 раза ниже, чем для конструкции стен из кирпича керамического.

Самым значимым показателем оценки экономической эффективности производства работ для подрядчика является показатель рентабельности затрат. Сравнивая этот показатель с аналогичными показателями по другим технологиям конструкций стен можно сказать, что прибыльность производства работ из многослойных стеновых блоков для подрядчика в 2-3 раза ниже, чем по другим видам работ. Это обстоятельство способствует тому, что выполнять такие работы подрядчик не заинтересован и старается избегать в своих договорах таких видов работ.

Таким образом сравнительный анализ показателей эффективности производства работ по кладке наружных стен свидетельствует о противоречивости отдельных показателей, но в целом строительство конструкций стен из многослойных блоков не рентабельно для строительных организаций: высокая материалоемкость, и относительно низкая прибыль и добавленная стоимость. Но, если посмотреть на оценку эффективности производства строительных работ в динамике, то, поскольку кладка стен и их отделка из многослойных блоков осуществляется в 2,5-5 раз быстрее, то прибыль и валовая добавленная стоимость от производства работ в расчете на 1 человеко-час работы в единицу времени сопоставима с другими видами работ. Отклонения составляют 8-9%, а рентабельность по валовой добавленной стоимости даже выше, чем при кладке стен из газосиликатных или керамзитобетонных блоков.

Данный пример дает наглядное представление о том, что для строительства, производство работ в котором происходит в пространстве и во времени, расчет показателей эффективности отдельных видов работ и эффективности строительства объектов в целом без учета фактора времени приводит к значительному искажению ситуации. Рассмотрение показателей прибыли по отношению к затратам (рентабельность затрат) не позволяет оценить возможность получения прибыли в единицу времени (в месяц, в год). Оценка подрядчиком прибыли в привязке к физическим объемам здания приводит к тому, что, выбирая работы, обеспечивающие большую прибыль от строительства объекта подрядчики

теряют много времени на производство работ. В результате эффективность работы организации по итогу за месяц или год, получается ниже. Для заказчика использование таких технологий приводит к удорожанию работ и к удлинению сроков строительства.

Если оценивать эффективность производства строительных работ с учетом их трудоемкости, то очевидно, что современные технологии, повышают степень готовности материалов и конструкций к монтажу, ускоряют темпы строительства и ведут к удешевлению стоимости работ. Выполняя такие работы в более короткие сроки, подрядчик получает возможность повысить производительность труда, и в расчете на единицу времени сохранить уровень рентабельности затрат.

ВЫВОДЫ

Оценка экономической эффективности строительных работ имеет ряд специфических особенностей. Эффективность строительных работ может оцениваться с точки зрения заказчика, который в первую очередь опирается на показатели стоимости работ и срока их выполнения, так и с точки зрения подрядчика. Классические показатели эффективности производства работ, такие как прибыль, валовая добавленная стоимость, материалоемкость и трудоемкость, рассчитанные без учета длительности производства работ могут привести к неверным выводам. Для оценки эффективности строительных работ необходимо рассчитывать показатели эффективности с учетом длительности их производства, приводя в сопоставимый вид на один период времени: в расчете на 1 человеко-час работы рабочего, на 1 месяц или год производства работ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мусин, С. Л. Контроль и анализ исполнения бюджетов в системе управленческого учета строительных организаций : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.12 / С. Л. Мусин ; Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т. – Гольяты, 2011. – 206 с.
2. Симионов, Р. Ю. Комплексный управленческий анализ деятельности строительного предприятия: дис. докт. экон. наук: 08.00.12 / Р. Ю. Симионов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 407 с.
3. Дзадзиев, Д. С. Повышение эффективности строительства на основе моделирования производственных издержек : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Д. С. Дзадзиев ; Центр. науч.-исслед. ин-т экономики и упр. в стр-ве. – Москва, 2005. – 23 с.
4. Гамисония, А. Г. Развитие методов оценки эффективности деятельности строительной организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / А. Г. Гамисония ; Моск. ин-т коммун. хоз-ва и стр-ва. – Москва, 2006. – 18 с.
5. Дьякова, Н. В. Модернизация системы эффективности управления строительными организациями : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / Н. В. Дьякова ; Рост. гос. строит. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2013. – 24 с.
6. Мухаррамова, Э. Р. Оценка эффективности деятельности строительного предприятия с целью максимального использования имеющихся ресурсов / Э. Р. Мухаррамова // Российское предпринимательство. – 2015. – № 16 – С. 2635–2650.
7. Садовникова, Н. А. Методология статистического анализа и прогнозирования развития строительного комплекса Российской Федерации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.12 / Н. А. Садовникова ; (МЭСИ). – Москва, 2004. – 343 с.

8. Ходоров, А. Е. Оценка эффективности затрат на строительство [Электронный ресурс] / А. Е. Ходоров // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. – Режим доступа: <http://www.uecs.ru/ekonomicheskij-analiz/item/2006-2013-03-01-07-01-57>. – Дата доступа: 10.09.2018.

9. Основные показатели деятельности организаций строительства [Электронный ресурс] // Официальный сайт Нац. стат. комитета Респ. Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/investitsii-i-stroitelstvo/osnovnye-pokazateli-za-period-s-__-po-__-gody_8/osnovnye-pokazateli-deyatelnosti-organizatsiy-stroitelst. – Дата доступа: 01.09.2018.

REFERENCES

1. Musin, S. L. Kontrol' i analiz ispolneniya byudzhetrov v sisteme upravlencheskogo ucheta stroitel'nyh organizacij : dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.12 / S. L. Musin ; Sarat. gos. soc.-ehkonom. un-t. – Tol'yatti, 2011. – 206 s.

2. Simionov, R. Yu. Kompleksnyj upravlencheskij analiz deyatelnosti stroitel'nogo predpriyatiya: dis. dokt. ehkon. nauk: 08.00.12 / R. Yu. Simionov ; Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. – Moskva, 2010. – 407 s.

3. Dzadziev, D. S. Povyshenie ehffektivnosti stroitel'stva na osnove modeli-rovaniya proizvodstvennyh izderzhek : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.05 / D. S. Dzadziev ; Centr. nauch.-issled. in-t ehkonomiki i upr. v str.-ve. – Moskva, 2005. – 23 s.

4. Gamisoniya, A. G. Razvitie metodov ocenki ehffektivnosti deyatelnosti stroitel'noj organizacii : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.05 / A. G. Gamisoniya ; Mosk. in-t kommun. hoz-va i str-va. – Moskva, 2006. – 18 s.

5. D'yakova, N. V. Modernizaciya sistemy ehffektivnosti upravleniya stroitel'nymi organizაციями : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.05 / N. V. D'yakova ; Rost. gos. stroit. un-t. – Rostov-na-Donu, 2013. – 24 s.

6. Muharramova, Eh. R. Ocenka ehffektivnosti deyatelnosti stroitel'nogo predpriyatiya s cel'yu maksimal'nogo ispol'zovaniya imeyushchihsy resursov / Eh. R. Muharramova // Rossijskoe predprinimatel'stvo. – 2015. – № 16 – S. 2635–2650.

7. Sadovnikova, N. A. Metodologiya statisticheskogo analiza i prognozirovaniya razvitiya stroitel'nogo kompleksa Rossijskoj Federacii : dis. ... d-ra ehkon. nauk : 08.00.12 / N. A. Sadovnikova ; MEHSI. – Moskva, 2004. – 343 s.

8. Hodorov, A. E. Ocenka ehffektivnosti zatrat na stroitel'stvo [Elektronnyj resurs] / A. E. Hodorov // Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami. EHlektronnyj nauchnyj zhurnal. – Rezhim dostupa: <http://www.uecs.ru/ekonomicheskij-analiz/item/2006-2013-03-01-07-01-57>. – Data dostupa: 10.09.2018.

9. Osnovnye pokazateli deyatelnosti organizacij stroitel'stva [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Nac. stat. komitet Resp. Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://www.belstat.gov.by/>. – Data dostupa: 01.09.2018.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2018 года.

УДК 658.8.012.12

ББК 65.053

МЕТОДЫ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ЦЕПЯХ ПОСТАВОК

Д. В. ДИКОВИЦКАЯ

*dikovizkayadarya@gmail.com*ассистент кафедры «Экономической теории и логистики»
Брестский государственный технический университет
г. Брест, Республика Беларусь

В условиях высокой степени неопределенности и риска внешней и внутренней среды деятельности предприятий все более актуальными и значимыми являются проблемы формирования и реализации стратегии развития. В ходе изучения бизнес-процессов предприятия и разработки для него соответствующей стратегии определяется круг проблем, требующих первоначального анализа и принятия дальнейших мер по их ликвидации или снижению отрицательного воздействия на работу предприятия. Для решения выявленных проблем необходимо выбрать методы комплексной количественной оценки эффективности бизнес-процессов как основных, так и обеспечивающих.

Ключевые слова: бизнес-процесс, оценка, распределение, цепь поставок, процессный подход, функциональный подход, система сбалансированных показателей, эффективность, оптимальность.

METHODS OF QUANTITATIVE ASSESSMENT OF DISTRIBUTION PROCESSES
IN SUPPLY CHAINS

D. V. DIKOVITSKAYA

assistant of the department of «Economic theory and logistics»
Brest State Technical University
Brest, Republic of Belarus

In the conditions of high degree of uncertainty and the risk of the external and internal environment of the activity of enterprises, the problems of forming and implementing the development strategy are all the more relevant and significant. In the course of studying the business processes of an enterprise and developing an appropriate strategy for it, a number of problems are identified that require an initial analysis and take further measures to eliminate them or reduce the negative impact on the work of the enterprise. To solve the identified problems, it is necessary to choose methods of complex quantitative assessment of the efficiency of business processes, both basic and providing.

Keywords: business process, estimation, distribution, supply chain, process approach, functional approach, balanced scorecard, efficiency, optimality.

ВВЕДЕНИЕ

Для производственного предприятия реализация и распределение продукции являются важными составляющими предпринимательской деятельности и, соответственно, получения прибыли. Правильная организация работы товаропроводящих сетей, движения материального и информационного потоков и их координации имеют большое

значение при управлении всей логистической системой предприятия, а объемы произведенной и реализованной продукции являются ключевыми показателями в деятельности любого предприятия.

Бизнес-процесс распределения включает в себя множество стадий от момента получения заказа на поставку до получения товара конечным потребителем. Оценка и описание каждого этапа является основой для эффективного принятия управленческих решений, касающихся распределительных сетей.

Предприятия Западной Европы и США активно используют в своей деятельности референтные модели описания бизнес-процессов и соответствующие системы оценки эффективности сетей распределения, которые основаны на показателях KPI. Данные модели и их применение широко освещены зарубежными авторами в литературе. Наиболее известной референтной моделью для описания бизнес-процессов является SCOR-модель. На текущий момент SCOR включает описание более 200 элементарных процессов, 550 лучших практик и 500 KPI.

Существует несколько подходов для оценки и описания бизнес-процессов, наиболее известными являются процессный и функциональный.

В настоящее время на предприятиях Республики Беларусь не используются референтные модели для описания бизнес-процессов и, соответственно, не применяются при принятии управленческих решений показатели эффективности. Это связано с трудоемкостью первоначального описания данных бизнес-процессов, поиска необходимой информации, поскольку описание предполагает в большинстве случаев пересмотр бизнес-процессов, возможный отказ и перестроение всей системы предприятия. Не все предприятия готовы к таким изменениям. На белорусских предприятиях для оценки эффективности распределения используются данные статистической отчетности и внутреннего учета, такие, как объем продаж, выручка, прибыль, рентабельность.

Однако описание, детализация и оценка бизнес-процессов с помощью системы сбалансированных показателей позволяет повысить эффективность распределения, выявить слабые места, отказаться от ненужных процессов.

Исходя из вышесказанного, цель работы можно определить следующим образом: предложить методы количественного анализа и оценки процессов распределения в цепях поставок. Необходимо отметить, что концепция управления цепями поставок (SCM) позволяет совершенно по-новому взглянуть на количественную оценку основных бизнес-процессов предприятий. Суть состоит в том, что оценка направлена не только на количественные результаты (выход процесса), но делает акцент на степень удовлетворения потребностей клиента и выполнение заказа, на оценку эффективности входящих ресурсов, на усиление координации со всеми участниками цепи поставок.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На предприятиях Республики Беларусь оценка эффективности сетей реализации продукции напрямую связана с общей оценкой эффективности деятельности предприятия, поскольку основной целью коммерческих организаций является получение прибыли, которая может быть достигнута через реализацию и распределение товаров.

Для оценки эффективности деятельности при распределении продукции на белорусских предприятиях используется несколько методик.

Первая методика предполагает расчет показателей и оценку конечных результатов деятельности коммерческого предприятия. Оценка выполняется только при помощи ряда экономических и финансовых показателей, также показателей деловой активности.

Для оценки эффективности рассчитываются показатели ликвидности, в частности, ликвидность медленно реализуемых активов, которые включают в запасы готовой продукции и товаров, имеющиеся на складах.

Производится анализ деловой активности предприятия через расчет коэффициентов общей оборачиваемости капитала и оборачиваемости оборотных средств [2].

Вторая методика предполагает расчет ключевых показателей эффективности таких, как прибыль от реализации товаров, продукции, услуг, выручка, т. е. объем продаж реализованной продукции, затраты на хранение и реализацию продукции (затраты на складирование, транспортировку), рентабельность продаж, доля завоеванного целевого рынка. Данные показатели отображаются в сводной статистической отчетности и показывают текущие экономические результаты.

Представленные методики имеют ряд значительных недостатков:

1. Эффективность рассматривается только с точки зрения оценки результатов финансово-экономической деятельности.

2. Нет обоснованных рекомендации для выбора базы сравнения анализируемых групп показателей.

3. По указанным показателям, включаемым в перечень оценки, сложно сформулировать итоговый вывод об эффективности деятельности.

4. Возникает трудность в использовании методик, поскольку большая часть показателей отображается в документации предприятия, являющейся коммерческой тайной.

5. Не используются способы, инструменты и методы, которые демонстрируют вклад стратегического и маркетингового анализа, а также маркетинговых инструментов в повышение эффективности деятельности предприятия.

Для объективного понимания прохождения всех стадий бизнес-процесса необходимо определить систему критериев и/или показателей, на основе которых можно судить об эффективности и состоянии бизнес-процесса.

Предпосылками для оптимизации существующих бизнес-процессов и выявления критериев оптимизации являются:

- наличие на предприятии, работающем на основе BSC, установившихся бизнес-процессов. Это связано с тем, что на таком предприятии оптимизация того или иного процесса прописана в стратегии развития компании;

- слияние/укрупнение компаний и формирование холдингов: те процессы, которые были понятны и управляемы на уровне одной компании, могут стать неуправляемыми и непонятными в результате структурных преобразований, сопровождающихся процессами объединения. При отсутствии прозрачности процессов на уровне всего холдинга, вероятно потеря управляемости, несвоевременность и неполнота предоставляемой информации или отчетности, утрата способности оперативно решать возникающие критические для бизнеса вопросы и, как следствие, снижение конкурентоспособности все компании;

- разработка и адаптация бизнес-процессов компании под какой-либо конкретный проект, а не построение их в соответствии со стратегией развития. Дальнейшие проекты не соответствуют первоначальному описанию бизнес-процессов, они усложняются новыми деталями и нюансами, и в результате снижается эффективность процессов компании.

Первоначально перед оценкой бизнес-процессов по средствам КРІ необходимо определить критерии оптимальности.

Любой бизнес-процесс можно охарактеризовать с точки зрения времени, стоимости, результата, качества и фрагментации. Если обозначить для каждой из характеристик ряд критериев оценки, можно получить критерии оптимизации [1].

Показатели результативности отображают результат бизнес-процесса.

Показатели стоимости характеризуют прямые и косвенные затраты, которые возникают при протекании бизнес-процессов. К показателям стоимости можно отнести затраты материальных ресурсов и времени.

Показатели времени призваны контролировать длительность протекания собственных процессов с условием, чтобы она не превышала время протекания идентичных процессов конкурентов.

Показатели качества являются индивидуальными для каждого процесса. В распределении товаров показателем качества может выступать количество заказов или возвратов продукции.

Показатель фрагментарности универсален. Он определяет процессы с точки зрения количества сотрудников и структурных подразделений, участвующих в нем. Большое количество участников, работающих в разных подразделениях и разрозненных в пространстве, часто является причиной снижения результативности процесса, времени его протекания, качества и повышения стоимости.

Для количественной оценки применяются показатели результативности, которые включают в себя атрибуты и измерители. Атрибут не может быть измерен отдельно, поскольку обозначает стратегическое намерение. Измерители показывают возможность достижения стратегических атрибутов.

Критериями оптимизации бизнес-процессов распределения на разных уровнях детализации могут выступать пять атрибутов: надежность, оперативность, гибкость, стоимость, управление активами. На основании полученных данных можно рассмотреть подходы к разработке показателей КРІ в сети дистрибуции. На практике при разработке КРІ применяются процессный и функциональный методы.

«Процессный подход подразумевает под собой описание и оптимизацию бизнес-процессов организации на основании ее стратегий и целей, функциональный базируется на формировании организационной структуры, с отображением основных направлений деятельности и состава бизнес-единиц» [2]. Различия указанных подходов можно проиллюстрировать в виде схемы на рисунке 1.

Рисунок 1 – Подходы к разработке КРІ

При процессном подходе на основе стратегии и целей описываются и оптимизируются бизнес-процессы организации. Результатом анализа процессов является не только описание бизнес-процессов, как они есть на предприятии и как они должны быть, но и определение целей каждого бизнес-процесса. При этом цели процессов формулируются как намерения без привязки к определенным показателям, срокам и нормативам [2].

Процесс любого уровня включает одну или несколько целей, сформулированных и определенных в документации и регламентах компании. Когда известны цели бизнес-процессов, под них подбираются подходящие показатели, которые позволяют оценить степень достижения целей. В ходе работы изучены и детализированы бизнес-процессы распределения и предложены КРІ для их оценки. В таблице 1 представлены некоторые из них.

Таблица 1 – Бизнес-процессы распределения и их КРІ

Бизнес-процессы	КРІ бизнес-процессов
Прием заказа от клиента	Затраты на управление заказами
Оформление заказа клиента, фиксация в системе	Временной цикл приемки, идентификации, ввода и подтверждения заказа
Уточнение наличия необходимой продукции через ИС	Точность выполнения заказов % полностью выполненных заказов
Передача заказа на склад	Затраты на управление запасами
Формирование партии для отправки клиенту	Временной цикл отбора продукции Точность выполнения заказов
Оформление документов на отгрузку	Точность документации Временной цикл загрузки продукции и подготовки документов по доставке
Определение маршрутов перевозки, времени, места доставки	Затраты на управление доставками Издержки на планирование поставки Точность места доставки, время маршрута доставки
Оформление перевозочных документов	Временной цикл подготовки документов по доставке
Погрузка продукции в транспортное средство	Временной цикл загрузки Точность документации
Транспортировка	Издержки на доставку Затраты на смягчение рисков Точность доставки к установленной дате Временной цикл доставки
Отгрузка продукции на складе клиента	Точность выполнения заказа Точность места доставки, доставленного количества Точность доставки к установленной дате % полностью выполненных заказов
Урегулирование вопросов по возврату продукции	Издержки на возврат
Управление запасами продукции на складе	Коэффициент оборачиваемости запасов, % (дней).
Выполнение заказов покупателей	Время выполнения заказа, час. Доля логистического брака, %. Качество и комплектность заказа, баллы.

Источник: собственная разработка

Показатели эффективности бизнес-процессов складываются из КРІ административного аппарата и сотрудников, ответственных за их результаты. Для применения на практике процессного подхода при разработке КРІ обязательно должны быть описаны и формализованы бизнес-процессы организации. По данным из открытых источников, только 5% белорусских предприятий имеют описание своих бизнес-процессов, что свидетельствует о низком уровне использования данной методики в стране. Следует учиты-

вать тот факт, что переход к процессному методу управления требует выполнения трудоемкой работы по подготовке и описанию процессов, которая не всегда заканчивается успехом. Но даже в случае ее успешного выполнения, нет гарантий, что предприятие воспользуется этим описанием как руководством к действию и будет работать по новым правилам. Описание процессов не должно быть статичным, т. е. должно непрерывно обновляться в темпе реальных изменений и даже опережая их [3]. Такой путь является наиболее рациональным, но в тоже время сложным. Не все предприятия готовы идти по этому пути.

Однако, для предприятий, не имеющих ресурсов для описания всех бизнес-процессов с целью внедрения КРІ, разработан второй подход – функциональный.

«Функциональный подход на основе стратегии и целей предполагает формирование организационной структуры предприятия, которая будет отражать основные направления деятельности и состав бизнес-единиц, а также выполняемые функции или проекты по каждому из направлений. Механизм следующий: организационная структура определяет штатное расписание и отношения ответственности между сотрудниками. Далее для каждой должности в структуре организации определяются служебные функции. Если известны служебные функции руководителей и сотрудников, то для каждой из них разрабатываются определенные показатели, позволяющие оценить степень выполнения каждым работником. В соответствии с функциональным подходом показатели эффективности на уровнях «организация-подразделение-сотрудник» разрабатываются на основе целей предприятия, служебных функций руководителей и сотрудников подразделений. На уровне организации для каждой цели подбираются или разрабатываются подходящие КРІ, позволяющие оценить степень достижения цели. Аналогично на уровне подразделений и сотрудников под каждую функцию определяется один или несколько показателей, оценивающих прямо или косвенно уровень исполнения функции. Так как функции подразделений формируются в результате декомпозиции целей предприятия, а функции сотрудников определяются функциями подразделений, то КРІ сотрудников будут обеспечивать КРІ подразделений, а КРІ подразделений, будут обеспечивать КРІ организации. Определяется иерархия показателей. Показатели разных уровней имеют причинно-следственную связь. Так цели организации последовательно передаются на уровень подразделений и сотрудников через функции» [4].

Разработка КРІ при функциональном подходе для процессов распределения осуществляется в несколько этапов. Переход от целей к КРІ организации представлен в таблице 2.

Таблица 2 – Переход от целей к КРІ организации

Цели	Показатели эффективности
Рост прибыли предприятия	Чистая прибыль. Маржинальная прибыль
Рост оборачиваемости ресурсов предприятия	Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности, запасов предприятия
Увеличение объема продаж предприятия	Объем продаж
Расширение прямого распределения	Объем (доля) продаж розничным клиентам на территории страны
Повышение удовлетворенности и лояльности клиентов	Индекс удовлетворенности клиентов

Окончание таблицы 2

Цели	Показатели эффективности
Обеспечение требуемого качества и времени выполнения заказов	Индекс удовлетворенности клиентов. Удовлетворение заявок покупателей на товары определенной группы. Количество претензий от клиентов.
Разработка и внедрение автоматизированной системы обработки заказов клиентов	Соблюдение плана-графика проекта Качество выполнения проекта (этапов, мероприятий).

Источник: собственная разработка.

Переход от служебных функций к КРІ сотрудника представлен в таблице 3.

Таблица 3 – Переход от служебных функций к КРІ начальника отдела продаж

Служебные функции	Ключевые показатели эффективности
Удовлетворение требований покупателей, создание конкурентных преимуществ фирмы	Индекс удовлетворенности покупателей. Среднее время выполнения заказа. Количество претензий (рекламаций) покупателей.
Повышение рентабельности продаж.	Коэффициент рентабельности продаж.
Соблюдение нормативов оборачиваемости дебиторской задолженности.	Коэффициент оборачиваемости дебиторской задолженности.
Увеличение общего объема продаж подразделения.	Объем продаж. Поступление денежных средств.
Расширение и сохранение клиентской базы.	Размер клиентской базы (количество клиентов). Объем продаж новым клиентам.
Объективная оценка результатов работы. Создание условий, обеспечивающих эффективную работу сотрудников подразделения	Индекс удовлетворенности внутренних клиентов.

Источник: собственная разработка.

Таким образом, по итогам детализации функции получается набор показателей деятельности организации, подразделений и сотрудников. Состав показателей должен быть сбалансированным, поэтому их необходимо группировать по четырем типам: командные – индивидуальные, количественные – качественные, выполняя для каждой должности/каждого работника следующую таблицу (рисунок 2). Результатом является библиотека КРІ должности [4].

Количественные командные показатели	Качественные командные показатели
Количественные индивидуальные показатели	Качественные индивидуальные показатели

Рисунок 2 – Библиотека КРІ

Сформированная библиотека КРІ сотрудника позволяет оценить его личный вклад в достижение общих целей предприятия. Руководство может повлиять на достижение главной цели компании через измерение эффективности функционирования подразделений. Для руководителя важно обладать умением делегирования полномочий

и распределения ответственности между сотрудниками. При этом необходимо ставить перед персоналом понятные задачи. Работники должны четко понимать, что конкретно от них требуется для достижения ключевых показателей эффективности. Если сотрудники осознают и понимают связь между своими должностными обязанностями, заданными КРІ и конечным результатом, они стремятся к достижению поставленных целей. Тем самым эффективность всей компании значительно повышается. Определяя ключевые показатели эффективности деятельности для работников, рационально основываться на их непосредственных служебных обязанностях. Но, независимо от принадлежности КРІ к определенному сотруднику или руководителю, все они должны строго соответствовать следующим условиям: не превышать лимит показателей (от 5 до 10), должна соблюдаться логичность, отсутствие противоречий между собой, независимости работы друг от друга.

ВЫВОДЫ

В работе приведены два подхода для оценки бизнес-процессов распределения на предприятии, основанные на показателях КРІ, также библиотека КРІ для конкретного сотрудника. Новизна работы заключается в том, что использование совместно процессного и функционального подходов позволяет оценивать бизнес-процессы с разных сторон: с одной стороны с точки зрения их организации и структуры, с другой – с точки зрения работы персонала и вклада каждого работника для достижения общего результата, что позволяет повысить эффективность принятия управленческих решений.

Положительный результат от внедрения КРІ основан на увеличении общей эффективности организации, так как любой работник понимает свою роль в единой структуре по достижению главных целей предприятия. Предлагаемая методика может быть применена на предприятиях, деятельность которых связана/предполагает распределение товаров, работ, услуг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Елиферов, В. Г. Бизнес-процессы: Регламентация и управление: учебник / В. Г. Елиферов, В. В. Репин. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 319 с.
2. Козерод, Л. А. Процессный подход в управлении промышленным предприятием / Л. А. Козерод // Материалы десятой открытой конференции-конкурса научных работ молодых ученых Хабаровского края (экономическая секция): сборник статей Хабаровск: РИОТИП, 2016. – С. 188–192.
3. Кулагин, О. В. Управление по целям / О. В. Кулагин. – М.: Издательские решения, 2017. – 362 с.
4. Козерод, Л. А. Методика оценки экономической эффективности бизнес-процессов предприятия / Л. А. Козерод // Вестник Новосибирского Государственного Университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2014. – №. 9. – С. 83–90.

REFERENCES

1. Eliferov, V. G. Biznes-processy: Reglamentaciya i upravlenie: uchebnik / V. G. Eliferov, V. V. Repin. – M.: INFRA-M, 2016. – 319 s.
2. Kozerod, L. A. Processnyj podhod v upravlenii promyshlennym predpriya-tiem / L. A. Kozerod // Materialy desyatoj otkrytoj konferencii-konkursa nauchnyh rabot molodyh uchenyh Habarovskogo kraja (ehkonomicheskaya sekciya): sbornik statej Ha-barovsk: RI-OTIP, 2016. – S. 188–192.

3. Kulagin, O. V. Upravlenie po celyam / O. V. Kulagin. – M.: Izdatel'skie re-sheniya, 2017. – 362 s.

4. Kozero, L. A. Metodika ocenki ehkonomicheskoy ehffektivnosti biznes-processov predpriyatiya / L. A. Kozero // Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Social'no-ehkonomicheskie nauki. – 2014. – №. 9. – S. 83–90.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2018 года.

УДК 338.49

ББК 65.049

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ
ЧЕРЕЗ УПРАВЛЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРОЙ

С.Ф. КУГАН

sfkugan@mail.ru

кандидат экономических наук, доцент, заместитель декана экономического факультета
Брестский государственный технический университет
г. Брест, Республика Беларусь

Эффективное функционирование логистической инфраструктуры является необходимым условием для осуществления модернизации региональной и, как следствие, национальной экономики, перехода на инновационный путь развития, а также повышения уровня жизни населения. К важнейшим элементам региональной инфраструктуры традиционно относят автомобильный и железнодорожный транспорт, которые обеспечивают республиканские и международные связи территорий региона.

Ключевые слова: логистическая инфраструктура, научные подходы, международные логистические центры, управление.

IMPLEMENTATION OF INTERREGIONAL RELATIONS
THROUGH MANAGEMENT LOGISTICS INFRASTRUCTURE

S. F. KUGAN

PhD in Economics, Associate Professor,
Deputy Dean of the Faculty of Economics
Brest State Technical University
Brest, Republic of Belarus

Effective operation of the logistics infrastructure is an indispensable condition for the modernization of the regional and, as a consequence, the national economy, the transition to an innovative development path, as well as the improvement of the living standards of the population. The most important elements of the regional infrastructure are traditionally referred to as road and rail transport, which ensure republican and international ties of the region's territories.

Keywords: logistics infrastructure, scientific approaches, international logistics centers, management.

ВВЕДЕНИЕ

Перспективы развития территорий в большей степени зависят именно от состояния логистической инфраструктуры регионов. При этом инфраструктуру образует совокупность производственных и непроизводственных отраслей и объектов, составляющих материально-техническую основу для формирования и развития кластеров, в частности, логистических, если говорить о логистике, научно-производственных комплексов, свободных экономических зон и других форм пространственной организации хозяйств региона. Важнейшими элементами региональной инфраструктуры являются автомобильный и железнодорожный транспорт, которые обеспечивают республиканские и международные связи территорий региона.

В реализации межрегиональных связей логистическая инфраструктура активно влияет на рост экономических и социальных показателей регионов республики. Результатами устойчивого функционирования предприятий транспортно-логистической сферы является, как правило, повышение экономического уровня жизни, рост конкуренции предприятий и организаций, обеспечение национальной безопасности, снижение рисков при перемещении товаро- и пассажиропотоков, интеграция в мировое экономическое пространство.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Интересно оценить значение инфраструктуры для развития экономики и народонаселения в историко-географическом аспекте [1; 2]. Подобный анализ позволит дать объективную оценку в долгосрочном периоде, поскольку влияние элементов инфраструктуры значимо только при рассмотрении в широких временных рамках.

Изначально, крупные поселения и города появлялись, как правило, вдоль береговых линий морей и крупных рек. Такое расположение позволяло иметь инфраструктурные преимущества, поскольку реки и моря были естественными каналами коммуникации, благодаря чему развивалась торговля и культура.

Вероятнее всего, преимущества европейской цивилизации развились благодаря уникальным географическим условиям. С одной стороны, моря были естественным препятствием для разрушительных войн, с другой – позволяли вести оживленную торговлю и осуществлять культурный обмен. Особенно интенсивно этот процесс развивался по берегам небольших внутренних морей имеющих удобные бухты и заливы (древнегреческие колонии располагались по берегам Эгейского, Мраморного, Черного, Адриатического морей).

Древний Рим объединил практически все берега Средиземного моря и часть сухопутных территорий (частично земли Франции, Германии, Британских островов).

В VIII-XII вв. развиваются Балтийские земли, Скандинавия, территории восточных славян. В XII-XIV вв. активно начинают развиваться центральные районы Евразии. Характерно, что развитие экономических связей и расширение границ Русских земель в XIII-XV вв. привело к изменению инфраструктуры и появлению новых торгово-экономических путей проходящих через Москву. Это вызвало бурный экономический рост города и усиление его политического влияния. Более позднее освоение Сибири и Дальнего Востока сказалось на сдерживающем развитии данных регионов и слаборазвитой инфраструктуре.

На Востоке к территориям с уникальными географическими особенностями можно отнести Японские острова. Их расположение позволило развиваться населению этих территорий ускоренными, по сравнению с соседними народами, темпами. Это и определило доминирование Японии в регионе.

По мере развития водного и сухопутного транспорта, появления дорог с твердым покрытием начинается освоение глубинных материковых территорий. С появлением железнодорожного транспорта этот процесс становится еще более активным. Воздушный транспорт позволил перемещаться практически в любое место на земном шаре. Рост искусственных элементов инфраструктуры (дорог, мостов, каналов) стал все значительней дополнять естественные элементы. Именно инфраструктура и, в частности, логистическая, качественно изменила характер хозяйственной деятельности, выведя на лидирующие позиции города и регионы.

Чтобы охарактеризовать понятие «логистическая инфраструктура», необходимо систематизировать подходы к его определению, рассмотрев авторские трактовки научных исследователей в данной области. В научной литературе нами были определены следующие подходы:

1) Логистическая инфраструктура как системная категория. Е. В. Крикавский считает, «что логистическая инфраструктура – это совокупность элементов, которые выполняют важные логистические задания и обеспечивают осуществление логистических процессов» [3]. Кроме того, Е. В. Крикавский и Н. В. Чернописка определяют логистическую инфраструктуру как систему средств пространственно-временного превращения логистических потоков (материальных, информационных, финансовых, человеческих), а также, как совокупность предприятий и организаций, различных организационно-правовых форм, создающих определенные условия перемещения этих потоков путем создания потенциала соответствующих логистических услуг [4].

2) Функциональный подход. В рамках данного подхода, В. В. Клименко, характеризуя логистическую инфраструктуру, представляет ее как сочетание разнонаправленной деятельности, с помощью которой не только реализуется, но и обслуживается процесс движения материальных, финансовых и информационных потоков [5]. Разделяя положение функционального подхода, В.С. Колодин представляет логистическую инфраструктуру, как функционал, реализуемый субъектами логистического процесса, принимающими непосредственное участие в перемещении товаров, через определенные формы, методы и средства. По его мнению, подобная инфраструктура представляет собой единственное целое, включающее в свой состав организационное, информационное и коммуникационное обеспечение [6].

3) Элементный подход. В рамках данного подхода, Л. Л. Ковальска рассматривает логистическую инфраструктуру как комплекс объектов, которые имеют определенное географическое расположение и разные характеристики [7]. Д. Дж. Бауэркс разделил инфраструктуру по типам логистических объектов, разбив всю систему на составные элементы: производственные предприятия, погрузочно-разгрузочные терминалы, железнодорожные составы и автопоезда, магазины и др. Каждый из представленных типов объектов реализует свои специальные функции: «обработка заказов клиентов, управления запасами или грузопереработка» [8].

Подобной точки зрения придерживается и С. А. Таран, разделивший все типичные объекты инфраструктуры, участвующие в движении и перемещении товаров, на материальные объекты к которым отнес недвижимое имущество (здания и сооружения) и движимое (транспортные средства) [9].

Н. Г. Куваев предложил «все элементы логистической инфраструктуры разделить на три группы: транспорт, складские объекты и обслуживающие элементы, функционал которых связан с обработкой грузов, предоставлением дополнительных услуг. При этом, каждый элемент инфраструктуры должен быть обеспечен ресурсами определенного вида: материально-техническими, человеческими, информационными, финансовыми и прочими» [10].

М. М. Кузнецов представляет логистическую инфраструктуру «как совокупность элементов, которые принимают участие в движении товарно-материального потока от производителя к потребителю. Это может быть: организационная база, которая состоит из снабженческо-сбытовых, брокерских, и других посреднических организаций; материальная база, состоящая из транспортного хозяйства, складов; информационная система – из средств связи; кредитно-расчетная база в составе банковских и структурных заведений» [11].

В рамках элементного подхода В. И. Сергеев выделяет следующие разделы логистической инфраструктуры:

- складское хозяйство (составы разного вида и назначения);
- подразделения по эксплуатации транспорта;
- коммуникации (дороги, подъездные пути и др.);
- подразделения вспомогательного типа (ремонт транспортных средств различной степени сложности);
- информационная и телекоммуникационная системы [12].

Приведенная совокупность подходов и определений позволяет отметить тот факт, что логистическая инфраструктура имеет свои особенности, которые влияют на ее формирование и функционирование. Учитывая это, и в результате систематизации существующих теоретико-методических подходов, предложен авторский подход относительно определения логистической инфраструктуры регионов, который рассматривается как комплексная категория, состоящая из совокупности функций, предметов, ориентированных на развитие организаций логистической сферы путем оптимизации финансовых, информационных, материальных и других потоков с учетом особенностей взаимодействия с разными группами заинтересованных лиц.

Кроме того, в процессе исследования выявлено, что большинство авторов [11; 13] подразделяют объекты логистической инфраструктуры на следующие группы:

1 группа – объекты малых групп: «это местные автопарки, логистические центры с оказанием услуг определенного вида. К ним можно отнести объекты, управляющие товарными потоками отдельных предприятий и их сетевых объединений» [9].

2 группа – объекты регионального назначения, функционал которых «представлен, как правило, более полным комплексом логистических услуг. Располагаются они на территории с хорошо развитой транспортной инфраструктурой и современной информационной системой» [11]. Такое расположение позволяет осуществлять эффективное управление товарными потоками территории.

3 группа – «международные логистические центры, представляющие собой комплексные инфраструктурные сооружения, территориальные размеры которых могут быть достаточно большими. Располагаются, в большинстве своем, в непосредственной близости к транспортным магистралям, железнодорожным узлам, морским портам и аэропортам» [13]. Подобное размещение, дополняемое полным комплексом логистических услуг и возможностями современных информационных технологий позволяет значительно ускорить время перемещения грузов через территорию страны, в которой они расположены.

Как правило, к объектам логистической инфраструктуры относят следующие:

- склады предприятий;
- логистические и распределительные центры;
- терминалы.

Каждое предприятие самостоятельно решает, какое количество объектов логистической инфраструктуры ему необходимо и где их располагать. В особых ситуациях часть операций или весь их спектр можно передавать на аутсорсинг. Кто бы ни выполнял работу по реализации логистических услуг, все инфраструктурные объекты рассматриваются как интегрированные элементы логистической системы предприятия. При этом, необходимо учитывать, что количество объектов, их мощность и расположения оказывают непосредственное влияние на уровень обслуживания и величину затрат при реализации услуг данного вида. Поэтому, оптимизация инфраструктурной (распределительной, логистической) сети – один из важнейших вопросов руководителей предприятий и регионов, ибо эта сеть обеспечивает эффективную доставку товаров потребителям.

Учитывая постоянную динамику внешней среды, изменяющиеся условия поставок и разнообразие ассортимента, каждая компания стремится сохранить и улучшить

свои конкурентные преимущества. Именно поэтому, выбор наилучшего расположения логистической сети, функционал распределительных центров и складов был и остается важным вопросом управления.

Транспортные затраты любого предприятия имеют достаточно большой удельный вес в себестоимости продукции, поэтому деятельность предприятия в транспортировке грузов определяются не только местом хранения запасов, но и параметрами инфраструктурной сети, а также информационно-коммуникационными возможностями. Перемещение грузов внутри логистической сети может быть организовано одним из трех вариантов:

- 1) использование собственного транспортного парка;
- 2) привлечение специалистов и техники транспортного предприятия или экспедиторской фирмы (аутсорсинг);
- 3) использование различных комбинаций способов перевозок (мультимодальные, интермодальные или комбинированные схемы) при дифференцированном подходе к клиентам.

Кроме описанных выше, важным составным элементом процесса управления инфраструктурой остается управление запасами. Зачастую содержание складских помещений, хранение самих запасов и их обслуживание становится для предприятия непосильным бременем и поэтому потребности в запасах определяются, как правило, инфраструктурой логистики и заданным уровнем сервиса. С этим связана ситуация, когда организация в силу ограниченности или отсутствия складских помещений, прибегает к аренде необходимого количества площадей. В этом случае, главной задачей является получение запрашиваемого уровня сервиса при минимальных общих издержках для необходимого объема запасов.

Учитывая, что запасы это «связанные» финансовые активы большинство предприятий стремится к их уменьшению. Поэтому, основной целью управления запасами является стремление к снижению срока оборачиваемости в процессе удовлетворения запросов потребителей. Рациональная политика управления запасами строится на избирательном распределении ресурсов по пяти признакам, к которым относятся: сегментация потребительского рынка (состава потребителей), требуемый ассортимент продуктов, интеграция грузоперевозок, временные потребности, требования конкуренции.

Кроме того, если основной проблемой для логистики предприятия становится вопрос организации складского хозяйства, то можно использовать собственные возможности или использовать аутсорсинг складских услуг. При этом поиск помещения для склада это самый простой вопрос, т. к. многие действия, важные для логистики в целом, реализуются тогда, когда товар содержится на складе. Это и сортировка грузов, и оформление документов, обработка заказов, а также комплектование партий грузов для отправки в одно место назначения и многое другое. Для повышения эффективности грузопереработки и транспортировки предприятия используют объединение стандартных модулей в более крупные грузовые единицы. Такой вариант позволяет увеличить объемы перемещаемого груза, практически не изменяя затраты по его транспортировке.

Таким образом, можно сделать вывод, что логистическая система представляет собой симбиоз четырех направлений деятельности: организация инфраструктуры, информационного обмена, перемещение (транспортировка) товаров и управление запасами. Деятельность по каждому направлению позволяет достичь определенного уровня обслуживания. Реально, сочетание четырех функций представляют собой систему решений интегрированной логистики. Остальные функциональные виды деятельности в рамках логистической инфраструктуры (складирование, грузопереработка и упаковка) тоже

представляют собой части логистической системы, однако они не занимают такого независимого положения, как четыре первые.

Необходимо отметить центральное место склада в логистической системе предприятия, т. к. каждая функциональная область логистики (снабженческая, производственная, распределительная) в той или иной мере связана с ним. «Эта особенность находит свое отражение, как в функциях, так и в задачах склада. При этом, характер функциональной области системы логистики влияет на решение задач логистики складирования: выбор формы собственности склада, размещения складской сети, техническую оснащенность склада, систему складирования и организацию складского процесса» [14].

ВЫВОДЫ

В качестве выводов, хотелось бы отметить тот факт, что являясь системой взаимосвязанных элементов, логистическая инфраструктура характеризуется объективными закономерностями, присущими развитию систем. Зная природу развития систем, используя закономерности их развития и управляя ими, становится возможным успешно прогнозировать развитие регионов, эффективно планировать создание путей сообщения, строить грамотную государственную политику по финансированию строительства дорог, средств связи и других элементов логистической инфраструктуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бор, М. З. История мировой экономики: конспект лекций / М. З. Бор. – М.: Дело и сервис, 2000. – 496 с.
2. Вощанова, Г. П. История экономики: Учеб. пособие. / Г. П. Вощанова, Г. П. Годзина. – М.: Инфра-М, 2001. – 232 с.
3. Крикавський, Є. В. Логістичне управління / Є. В. Крикавський. – Л.: Нац. ун-т «Львівська політехніка», 2005. – 683 с.
4. Крикавський, Є. В. Логістичні системи / Є. В. Крикавський, Н. В. Чорнописька. – Львів: Нац. ун-т «Львівська політехніка», 2009. – 264 с.
5. Клименко, В. В. Анализ базовых понятий в управлении логистической инфраструктурой компании / В. В. Клименко // Логистика и управление цепями поставок. – 2011. – № 4 (45). – С. 68–73.
6. Колодин, В. С. Логистическая инфраструктура регионального товарного рынка / В. С. Колодин. – Иркутск: ИГЭА, 1999. – 245 с.
7. Ковальська, Л. Л. Теоретичні дослідження логістичної інфраструктури регіону / Л. Л. Ковальська, Б. Р. Савка // Економічні науки. Серія: Регіональна економіка. – Луцьк: Луцьк. нац. техн. ун-т, 2009. – № 6 (22). – С. 125–132
8. Бауэррокс, Д. Дж. Логистика: интегрированная цепь поставок / Д. Дж. Бауэррокс, Д. Дж. Клосс. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2008. – 640 с.
9. Таран, С. А. Логистическая стратегия предприятия: разработка и реализация. Практические рекомендации / С. А. Таран. – М.: Альфа-Пресс, 2010. – 312 с.
10. Куваев, Н. Г. Введение в логистику / Н. Г. Куваев. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 347 с.
11. Кузнецов, М. М. Понятийные особенности логистической инфраструктуры в системе внешнеторговых отношений / М. М. Кузнецов // Ученые записки Таврического нац. ун-та имени В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. – 2012. – № 25 (64). – С. 80–88.

12. Сергеев, В. И. Корпоративная логистика. 300 ответов на вопросы профессионалов / В. И. Сергеев. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 976 с.

13. Логистика: Учебник / Под ред. Б. А. Аникина: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 352 с.

14 Дыбская, В. В. Управление складированием в цепях поставок / В. В. Дыбская. – М.: Альфа-Пресс, 2009. – 720 с.

REFERENCES

1. Bor, M. Z. Istoriya mirovoj ehkonomiki: konspekt lekcij / M. Z. Bor. – М.: Delo i servis, 2000. – 496 s.

2. Voshchanova, G. P. Istoriya ehkonomiki: Ucheb. posobie. / G. P. Voshchanova, G. P. Godzina. – М.: Infra-M, 2001. – 232 s.

3. Krikavs'kij, Є. V. Logistichne upravlinnya / Є. V. Krikavs'kij. – L.: Nac. un-t «L'vivs'ka politehnika», 2005. – 683 s.

4. Krikavs'kij, Є. V. Logistichni sistemi / Є. V. Krikavs'kij, N. V. CHornopis'-ka. – L'viv: Nac. un-t «L'vivs'ka politehnika», 2009. – 264 s.

5. Klimenko, V. V. Analiz bazovyh ponyatij v upravlenii logisticheskoy in-frastrukturoj kompanii / V. V. Klimenko // Logistika i upravlenie cepyami posta-vok. – 2011. – № 4 (45). – S. 68–73.

6. Kolodin, V. S. Logisticheskaya infrastruktura regional'nogo tovarnogo rynka / V. S. Kolodin. – Irkutsk: IGEHA, 1999. – 245 s.

7. Koval's'ka, L. L. Teoretichni doslidzhennya logistichnoï infrastrukturi regionu / L. L. Koval's'ka, B. R. Savka // Ekonomichni nauki. Seriya: Regional'na eko-nomika. – Luc'k: Luc'k. nac. tekhn. un-t, 2009. – № 6 (22). – S. 125–132

8. Bauehroks, D. Dzh. Logistika: integrirovannaya cep' postavok / D. Dzh. Baueh-roks, D. Dzh. Kloss. – М.: ЗАО «Olimp-Biznes», 2008. – 640 s.

9. Taran, S. A. Logisticheskaya strategiya predpriyatiya: razrabotka i realizaciya. Prakticheskie rekomendacii / S. A. Taran. – М.: Al'fa-Press, 2010. – 312 s.

10. Kuvaev, N. G. Vvedenie v logistiku / N. G. Kuvaev. – М.: Finansy i stati-stika, 2006. – 347 s.

11. Kuznecov, M. M. Ponyatijnye osobennosti logisticheskoy infrastruktury v sisteme vneshnetorgovyh otnoshenij / M. M. Kuznecov // Uchenye zapiski Tavriche-skogo nac. un-ta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya: EHkonomika i upravlenie. – 2012. – № 25 (64). – S. 80–88.

12. Sergeev, V. I. Korporativnaya logistika. 300 otvetov na voprosy professi-onalov / V. I. Sergeev. – М.: INFRA-M, 2005. – 976 s.

13. Логистика: Учебник / Под ред. Б. А. Аникина: 2-е изд., перераб. и доп. – М.: INFRA-M, 2000. – 352 с.

14 Dybskaya, V. V. Upravlenie skladirovaniem v cepyah postavok / V. V. Dybskaya. – М.: Al'fa-Press, 2009. – 720 с.

Статья поступила в редакцию 21 августа 2018 года.

УДК 330.88

ББК 65.02

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТОВ В РАМКАХ ИНТЕГРАЦИОННОГО
ОБЪЕДИНЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДЛЯ БЕЛАРУСИ

А. И. ЛУЧЕНОК

a.luchenok@gmail.com

докторр экономических наук, профессор,
заведующий отделом макроэкономической и финансовой политики

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

О. И. МОТОРИНА

matoryna@gmail.com

заведующий сектором анализа макроэкономической динамики

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

В статье авторы рассматривают вопрос реформирования институтов в рамках интеграционных объединений как с теоретической, так и с практической точек зрения. На основе теории институциональных матриц обосновывается целесообразность использования опыта институционального реформирования стран - партнеров по интеграционной группировке. На основе расчета сводного индекса институционального развития стран, входящих в ЕАЭС, делается вывод о целесообразности применения в Беларуси опыта реформирования институтов России, Казахстана, Армении и Кыргызстана.

Ключевые слова: интеграция, институциональная среда, институциональная матрица, институциональная конвергенция, институты, институциональная динамика, сводный индекс институционального развития, импортирование институтов.

REFORMING OF INSTITUTIONS WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE INTEGRATION ASSOCIATION: THEORY AND PRACTICE FOR THE BELARUS

A.I. LUCHENOK

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Macroeconomic
and Financial Policy

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

O. I. MOTORYNA

Head of the Sector of the Analysis of Macroeconomic Dynamics

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

In this article the authors consider the question of the reforming of the institutions within the framework of integration associations, both from the theoretical and from the practical point of view. On the basis of the theory of institutional matrix, the necessity to use the experience of institutional reform of partner countries in the integration group is justified. Based on the calculation of the consolidated index of institutional development of the countries included in the Eurasian Economic Union, a conclusion about the appropriateness of the application in

the Belarus of Russia, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan's experience of institutions reforming is made.

Keywords: integration, institutional environment, institutional matrix, institutional convergence, institutions, institutional dynamics, consolidated index of institutional development, import of institutions.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс интеграции – это сложное историческое явление со своими отличительными признаками и особенностями, сутью которого выступает формирование некой общности в результате определенных целенаправленных действий нескольких государств.

Существует много концепций, пытающихся объяснить феномен интеграции. Однако все они могут быть условно разделены на две группы: первая группа концепций пытается объяснить, почему возникают стимулы к интеграции, а вторая сосредотачивается на особенностях построения механизма управления уже интегрированной структуры. При этом необходимо отметить, что данные группы концепций во многом являются взаимообусловленными и комплементарными.

Своеобразный интегрированный подход к объяснению феномена интеграции, объединяющий в себе поиск ответов на вопросы, как об истоках, так и о результатах интеграции, может быть выработан в рамках институциональной теории.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Социально-экономическая система любой страны представляет собой сложный конгломерат социально-экономических, политических и правовых отношений, регулирующий как поддержание развития экономики вообще, так и ее модернизации в частности. В такой ситуации особую роль приобретает согласование всех политических, правовых, экономических, социальных и экологических норм и правил в рамках проводимой институциональной политики. При этом институциональная политика обычно определяется как совокупность проводимых государством мер по формированию новых институтов, устранению старых или трансформации имеющихся экономических, правовых и идеологических норм и правил. Однако эффективность такой политики и ее роль в процессе модернизации экономики зависит от подхода к ее проведению.

В экономико-правой, идеологической и политической сфере все государства мира могут быть классифицированы по критерию взаимодействия государственно-правовых и рыночных отношений. В одних странах государство играет более существенную роль в регулировании экономических процессов. При этом в таких странах в идеологии и политике преобладает приоритет интересов общества над интересами отдельных личностей. В других странах сформировались так называемые «контрактные» отношения между государством и обществом, при которых считается, что граждане страны заключили с государством договор на обслуживание их потребностей. В них преобладают отношения индивидуализма, а приоритет рыночных отношений определяет специфику системы государственного регулирования. Правда, в кризисные периоды и в этих странах усиливается государственное регулирование, но оно все равно подчиняется интересам участников рыночных отношений.

Именно различные подходы к определению соотношения общественного и частного, государственно-правовых и рыночных отношений обуславливают специфику институциональной политики в отношении совокупности экономических, политических,

социальных и юридических правил, образующих базис для производства, обмена и распределения. Эта специфика и определяет характер институциональной матрицы, на которой базируются общественные отношения в конкретной стране.

При формировании эффективных институциональных инструментов необходимо различать категории «институциональная среда» и «институциональная матрица».

Термин институциональная среда (*institutional environment*) активно использовался в трудах Д. Норта, который рассматривал институциональную среду как совокупность основополагающих политических, социальных и юридических правил, образующих базис для производства, обмена и распределения. Специфика институциональной системы определяется институциональной матрицей, на которой базируются общественные отношения в конкретной стране [1, с. 147–148].

Институциональная матрица – это исторически сложившаяся система базовых институтов, регулирующих взаимосвязанное функционирование основных общественных подсистем: экономики, права и идеологии. Институциональная матрица наряду с формальными (правовыми) нормами включает в себя и неформальные правила, сформировавшиеся с учетом национального менталитета и специфики исторического развития. Так, институциональная матрица страны, населением которой веками руководили абсолютные монархи, будет существенно отличаться от институциональной матрицы страны, граждане которой привыкли рассматривать государство как инструмент гарантирования их относительных политических и экономических свобод. Соответственно, в разных типах институциональных матриц роль государственно-правовых и рыночных институтов определяется по-разному.

Исследования показали, что в мире существуют два основных вида институционального устройства общества, отличающихся спецификой образующих их исходных матричных структур. В одном случае (X-матрица) доминируют государственно-правовые институты, а нормы, регулирующие рыночные отношения, являются хотя и важными, но вспомогательными инструментами. В другом случае (в институциональной Y-матрице) основная роль принадлежит рыночным отношениям, а государственно-правовое регулирование лишь обеспечивает устойчивое развитие рыночных механизмов. К странам, в которых преобладает централизованная иерархическая организация общества с приоритетом общегосударственных интересов и доминированием государства над рынком (X-матрица), относятся Россия, Китай, Индия, страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Другая модель институционального устройства, при которой в обществе преобладают саморегулирующиеся структуры с приматом в общественном сознании частных интересов, а общие интересы реализуются на основе согласования частных интересов (Y-матрица), доминирует в Западной Европе и США [2, с. 66–78].

В обобщенном виде, для определения того, к какой институциональной матрице относится государство, можно использовать таблицу 1.

Таблица 1 – Различия между Y- и X-матрицами

	<i>Y-матрица</i>	<i>X-матрица</i>
<i>Экономическая сфера</i>	Преобладают институты рынка, или обмена	Преобладают институты нерыночной экономики
<i>Политическая сфера</i>	Федеративное государственное устройство	Институты унитарно-централизованного государственного устройства

	<i>Y-матрица</i>	<i>X-матрица</i>
<i>Идеологическая сфера</i>	Доминирование личностных ценностей, т. е. примат личности, ее прав и свобод по отношению к ценностям сообществ.	Доминирование коллективных ценностей, приоритет «Мы» над «Я»

Источник: [3]

Поскольку Россия, Беларусь, Казахстан и другие страны Евразийского экономического союза базируются на X-матрице, то рассмотрим специфику взаимоотношения государства и рынка в этих странах:

- активно применяется практика административного перераспределения ресурсов, часто сопровождающаяся отрывом реальной цены активов от той суммы средств, по которой они перераспределяются. В рыночных условиях это создавало бы проблемы для эквивалентного обмена. Но поскольку рыночные отношения с самого начала в X-матрице рассматриваются как вспомогательный инструмент, то этот недостаток не является принципиальным;
- в государственно ориентированной институциональной модели возникают трудности импорта институтов, свойственных рыночной системе. Например, в страну могут быть импортированы рыночные принципы функционирования Центробанка, но, тем не менее, значительная часть ресурсов будет перераспределяться на льготных, отличных от рынка условиях;
- в X-матрице сильнее проявляются негативные эффекты проблемы асимметричности (недостаточности и неточности) информации. Это обусловлено свойством административных систем приукрашивать свои результаты, что не может компенсироваться относительно слабо развитыми в таких системах рыночными отношениями.

Сторонники приоритета рыночных отношений хотели бы смены институциональной X-матрицы на Y-матрицу. Но институциональные матрицы весьма устойчивы и возможна только их революционная замена, сопровождающаяся временным снижением благосостояния домашних хозяйств, что отрицательно отражается на воспроизводственных процессах. Поэтому считаем, что в ближайшие годы не следует ожидать или провоцировать революционный переход в Республике Беларусь с X-матрицы на Y-матрицу. Поэтому в основу совершенствования институциональной системы должно быть положено формирование эффективных институциональных инструментов, максимально эффективно согласующих интересы участников общественных отношений при сформировавшейся X-матрице.

Таким образом, модернизация экономики в странах на основе институциональной X-матрицы – это не навязывание извне мало соответствующих специфике страны и менталитету людей норм и правил, а создание новых институциональных инструментов, в которых базовый институт по своей сущности сохраняет соответствие своей институциональной матрице, в то время как конъюнктурные, идеологические и мониторинговые институты подстраиваются под конкретные социально-экономические условия, в том числе обеспечивают развитие рыночных отношений до тех пор, пока они соответствуют господствующим в стране государственно-правовым условиям. При этом новые институциональные инструменты должны быть сопряжены с другими институциональными инструментами, действующими в сложившейся институциональной среде.

Мировая практика показывает, что все более-менее успешные интеграционные группировки создавались странами, относящимися к одной институциональной матрице.

Таким образом, схожие институты стран, относящихся к одной институциональной матрице, являются предпосылкой для образования ими интеграционной группировки. Более того, определенный уровень институционального развития зачастую является и обязательным условием для вхождения какой-либо страны в интеграционное объединение.

Так, определенный уровень институционального развития являлся непременным условием присоединения к Европейскому союзу: кандидатам было необходимо соответствовать ряду политических (стабильность демократических институтов, верховенство закона, соблюдение прав человека, уважения прав меньшинств), экономических (страны-кандидаты должны иметь функционирующую рыночную экономику, а их производители должны быть способными справиться с конкурентным давлением в рамках Союза) правовых (се потенциальные члены должны привести свои законы в соответствие с принципами европейского права, сформировавшимися на протяжении всей истории Союза) критериев.

Отдельно стоит отметить критерии для участия в валютных союзах - так называемые «критерии конвергенции». Соответствие им является непременным условием для обеспечения жизнеспособности и долговечности интеграционной группировки в форме валютного союза. Так, для стран ЕС критерии конвергенции Маастрихтского соглашения были следующие: странам не разрешалось иметь дефицит бюджета более 3 % ВВП, а госдолг - выше 60% ВВП, причем данные значения должны были достигаться при отсутствии девальваций, при строго ограниченном росте инфляции и процентных ставок в национальной экономике. В ЕврАзЭС согласованные ограничения на значения макроэкономических показателей также имели место (дефицит госбюджета не более 4 % ВВП, госдолг не более 80% ВВП, инфляция не выше среднего показателя для трех стран с наименьшей инфляцией плюс 5 п.п. и др.), хотя и носили рекомендательный характер [4].

Таким образом, можно сказать, что обязательным условием принятия государства в валютный союз является достижение определенного уровня институтов (в первую очередь финансовых) страны.

Однако институциональная динамика является и результатом, или следствием интеграционных процессов. В данном случае интеграцию можно рассматривать в качестве внешнего фактора, влияющего на динамику развития национальных институтов. На институциональное развитие любого государства оказывают влияние не только внутренние (эндогенные), но и внешние (экзогенные) факторы. Интеграционные процессы и углубление международного разделения труда усиливают роль экзогенных факторов. Собственно национальное пространство институционального регулирования сужается. Особенно это характерно для малых открытых экономик. В качестве примера можно привести следующий исторический пример. Предполагаемое введение единых таможенных пошлин на ввоз автомобилей на территорию таможенного союза повлияло на состояние валютно-финансовой системы Беларуси. Согласно теории рациональных ожиданий, хозяйствующие субъекты увеличили закупки импортной техники, в результате увеличился спрос на валюту, что, в свою очередь, ускорило процесс девальвации белорусского рубля [5].

Таким образом, внешний фактор (намерение увеличить таможенные пошлины на ввоз автотранспорта) привело к существенному изменению финансовых институтов Беларуси без какого-либо существенного вмешательства местных органов денежно-кредитного регулирования.

Интеграция – это фактор экзогенного характера, влияющий на изменение норм и правил и, следовательно, динамику развития институтов. Внешнеэкономические связи (особенно, если они привели к созданию интеграционной группировки) приводят к возрастанию количества различных материально-правовых норм межстрановых соглашений, входящих в интеграционное объединение, в трансформированных в национальное

законодательство. Сюда можно отнести как нормы, являющиеся объективными предпосылками вхождения национальных экономик в интеграционные структуры, так и нормы, принятые странами группировки в результате выработки общей таможенной, торговой, транспортной и др. политики. Принятие такие норм влияет на внутреннюю экономическую политику страны и на ее институциональную динамику.

Исследование показало, что для стран, входящих в одну интеграционную группировку, характерным является явление институциональной конвергенции, т. е. сближения условий ведения экономической деятельности и уровня развития институтов [6]. Так, на рисунке 1 представлена институциональная динамика стран, входящих в состав Евразийского экономического союза (ЕАЭС), рассчитанная на основании сводного индекса институционального развития [7]. Он показывает, что действительно, создание интеграционной группировки способствует сближению уровня развития институтов. На примере стран ЕАЭС видно, что уровень их институционального развития был достаточно близок в 1996 г. (самый ранний год, за который возможно произвести расчеты). Очевидно, это связано с тем, что до 1991 г. страны входили в состав СССР, и после его распада некоторое время еще сохранялась определенная схожесть национальных институтов (которые, как это неоднократно доказывалось, изменяются во времени достаточно медленно [8]). Однако постепенно разрыв между странами нарастал, и повторное сближение уровня развития институтов наблюдается после 2012 г., когда активизировались интеграционные процессы на постсоветском пространстве.

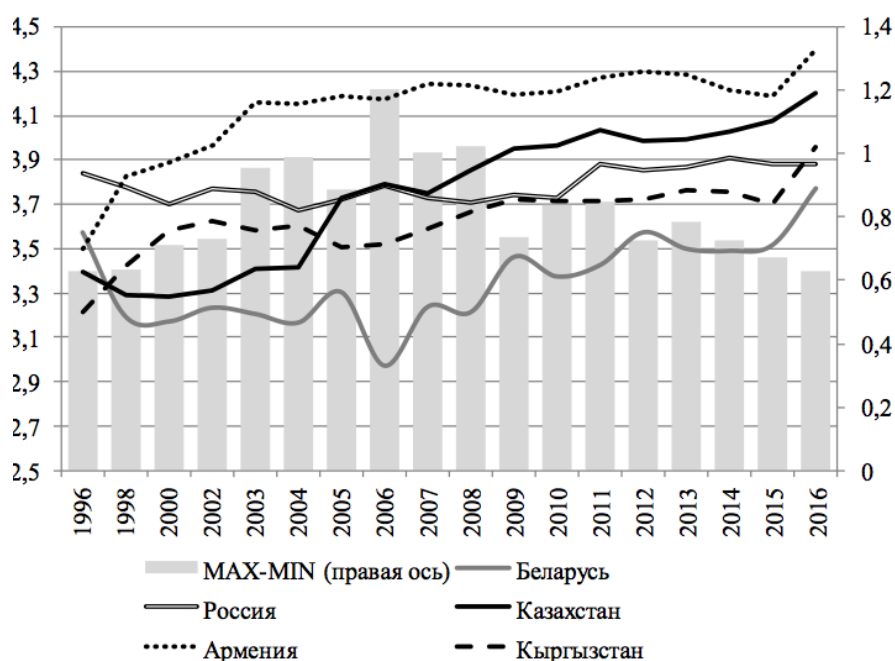

Рисунок 1 – Динамика развития институтов стран, входящих в состав ЕАЭС, 1996-2016* гг., баллов

Примечание. Показатель «МАХ-МІN» означает разницу между максимальным и минимальным индексом институционального развития среди стран ЕАЭС за определенный год. Источник: собственные расчеты

Тот же вывод подтверждает и анализ институциональной динамики «новых» членов Европейского союза (ЕС). На рисунке 2 представлены индексы институционального

* Сводный индекс институционального развития и его составляющие за 2016 г. рассчитан по предварительным данным.

развития стран 11 «новых» членов ЕС*, вступивших в состав данного интеграционного объединения в 2004 (Чехия, Эстония, Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Словакия, Словения), 2007 (Болгария, Румыния) и 2013 (Хорватия) годах. Рисунок 2 показывает, что в их случае также имеет место уменьшение разрыва между национальными уровнями институционального развития, причем наиболее интенсивно этот разрыв уменьшался именно с 2005 г., то есть после крупнейшего расширения ЕС.

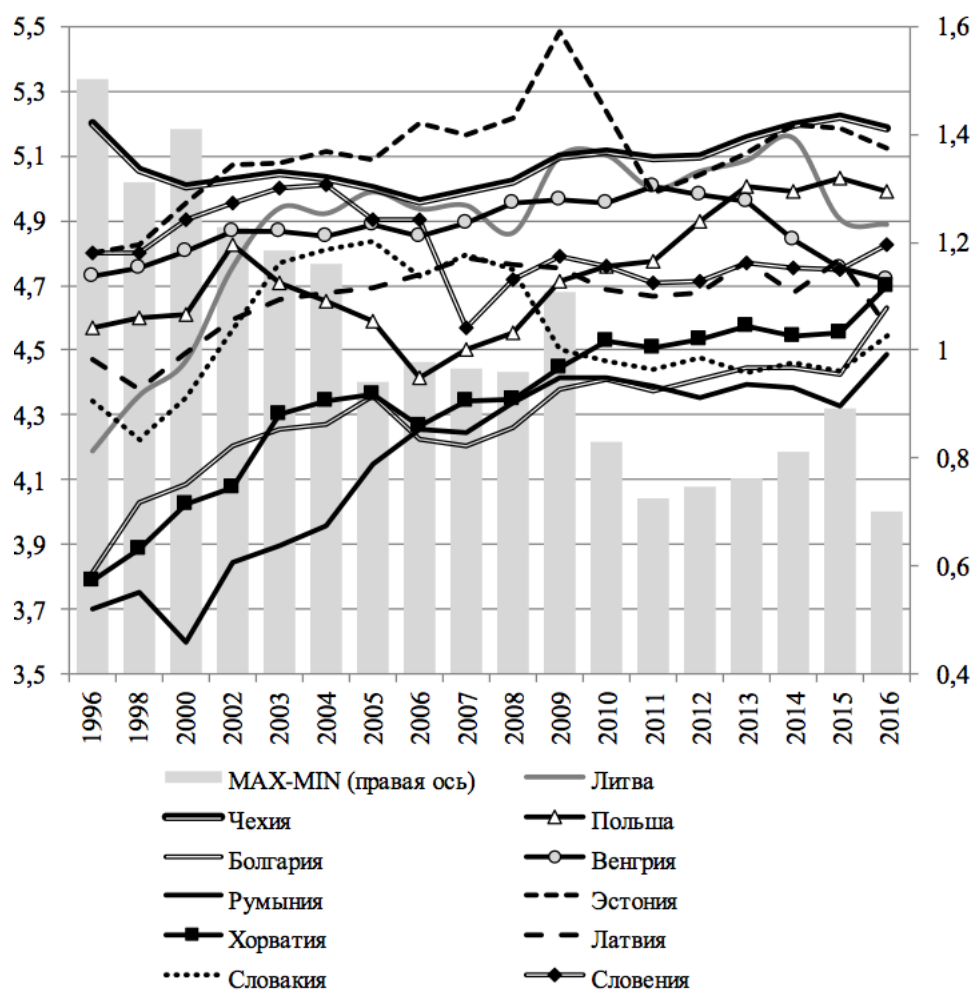

Рисунок 2 – Динамика развития институтов «новых» стран-членов ЕС, 1996-2016 гг., баллов

Примечание. Показатель «MAX-MIN» означает разницу между максимальным и минимальным индексом институционального развития среди «новых» стран-членов ЕС за определенный год.

Источник: собственные расчеты

В качестве замечания следует обратить внимание на некоторое снижение либо очень медленную положительную динамику уровня институционального развития стран-лидеров интеграционной группировки, уровень институционального развития которых на момент ее создания был чаще всего наивысшим. Так, подобная ситуация имела место и в ЕАЭС (Россия), и в ЕС («старые» страны-члены ЕС-15). Одной из возможных

* Анализировались все «новые» члены ЕС, за исключением Мальты и Кипра, которые являются островными государствами и обладают рядом нехарактерных для большинства стран особенностей.

причин данного явления (особенно в случае ЕС) может выступать доказанный ранее тезис о том, что уровень институционального развития развивающихся стран в большей степени подвержен колебаниям, чем уровень развитых стран, в связи с изначально более значительным высоким уровнем развития институтов [8]. Также не исключено, что нарушенная стагнация в институциональном развитии стран-лидеров интеграционного объединения может быть связана с тем, что эти страны вынуждены в большей степени заниматься передачей накопленного опыта «новичкам», чем работать над повышением уровня развития собственных институтов.

Таким образом, мы показали, что институциональное развитие – это одновременно и предпосылка, и условие и следствие развития интеграционных процессов (рисунок 3).

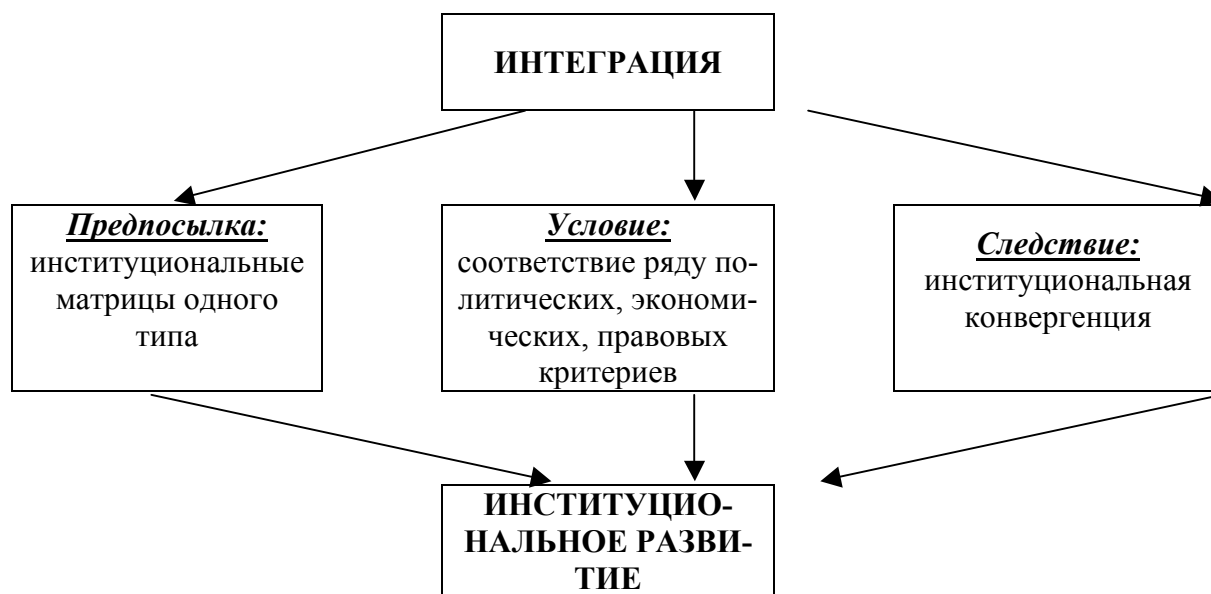

Рисунок 3 – Причинно-следственные связи между интеграцией и институциональным развитием

Источник: собственная разработка

Развитие ЕАЭС на современном этапе сталкивается с серьезными трудностями. В частности, существует ряд проблем, связанных с недостаточной отработкой институциональных подходов к интеграции. В аналитическом докладе Евразийской экономической комиссии 2015 г. признается: «Несмотря на то, что Договор о Союзе зафиксировал намерения государств-членов по постепенному сокращению изъятий и ограничений, в достаточно долгой перспективе внутренний рынок Союза будет функционировать в условиях их наличия» [9, с. 10].

Противоречия между странами-членами ЕАЭС можно сгладить при формировании в них единой институциональной среды. Как правомерно отметила А.С. Акопян, развитие интеграции в постсоветском пространстве объективно требует усиления регулирующей роли интеграционных институтов. Институты интеграции способствуют формированию сначала общего, затем единого институционального пространства взаимодействия экономических субъектов межгосударственного объединения с внедрением общих институциональных норм в каждом из государств [10, с. 231].

В странах, входящих в одно интеграционное объединение, где снято определенное количество барьеров между странами, импорт институтов происходит легче и есте-

ственнее, следовательно, при формировании единой институциональной среды объединения необходимо использовать успешный опыт соседей по интеграционной группировке, связанный с государственным регулированием и реформированием институтов. Его применение с наибольшей степенью вероятности даст положительный результат.

Таким образом, для Беларуси целесообразнее всего будет изучение опыта государственного регулирования институциональной среды стран, входящих в ЕАЭС – наиболее динамично развивающееся интеграционное объединение, действующее на постсоветском пространстве.

Таблица 2 показывает, что в настоящее время общий уровень институционального развития Беларуси наименее низкий среди всех стран ЕАЭС. Наиболее близки к ней по уровню развития институтов Россия и Кыргызстан, институты же Казахстана и Армении развиты существенно лучше.

Таблица 2 – Уровень институционального развития в целом и отдельных групп институтов стран ЕАЭС, 2016 г., баллов

	<i>Правовые институты</i>	<i>Регулятивные институты</i>	<i>Институты развития человеческого капитала</i>	<i>Финансовые институты</i>	<i>Сводный индекс</i>
<i>Россия</i>	3,22	4,49	3,49	4,33	3,88
Беларусь	3,51	4,07	4,47	3,03	3,77
<i>Казахстан</i>	3,55	4,68	3,80	4,78	4,20
<i>Кыргызстан</i>	3,11	4,50	3,50	4,71	3,96
<i>Армения</i>	3,75	5,00	3,39	5,46	4,40

Примечание. Серым цветом выделены показатели, превышающие соответствующий показатель Республики Беларусь.

Источник: собственные расчеты

В то же время следует отметить, что разные группы институтов Беларуси значительно отличаются по уровню развития. Так, республика имеет самый высокий показатель в ЕАЭС индекса институтов развития человеческого капитала. Правовые институты развиты лучше, чем в Беларуси, только в Казахстане и Армении. А вот по уровню развития регулятивных и финансовых институтов республика имеет наихудшие показатели в ЕАЭС.

Нет сомнений, что целесообразно применять опыт тех стран, которые добились лучших результатов в институциональном развитии, чем государство, которое рассматривает возможность применения зарубежного опыта институционального реформирования. Кроме того, институциональная динамика государства, опыт которого предполагается использовать, должна иметь положительный тренд. Более того, это государство – предполагаемый экспортер институтов должно иметь более высокие показатели социально-экономического развития, чем страна, предполагающая использовать его опыт, причем уровень институционального развития должен непосредственно влиять на эти показатели.

УДК 338.45

ББК 65.30

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УСЛУГ ПРОМЫШЛЕННОГО
ХАРАКТЕРА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ТЕРЦИАЛИЗАЦИИ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ*

Ю.В. МЕЛЕШКО

meleshkojv@gmail.com

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматриваются актуальные тенденции развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь как одного из основных факторов терциализации промышленного производства. На примере организационной структуры предприятия Siemens демонстрируется возрастание значения услуг промышленного характера в современном промышленном производстве, обусловленном переориентацией предприятий от простого производства продукции к предложению комплексных решений. Выделены и охарактеризованы следующие направления развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь: НИОКР; услуги, сопровождающие промышленную продукцию, в том числе инжиниринговые услуги; информационно-коммуникационные услуги.

Ключевые слова: услуги промышленного характера, терциализация промышленности, НИОКР, инжиниринг, информационно-коммуникационные услуги, услуги, сопровождающие промышленную продукцию.

CURRENT TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL SERVICES
IN THE REPUBLIC OF BELARUS
IN THE CONTEXT OF INDUSTRY'S TERTIALIZATION

Yu.V. MELESHKO

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Law

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article discusses the current trends in the development of industrial services in the Republic of Belarus as one of the main factors for the tertialization of industry. Using the example of the organizational structure of the Siemens AG, the growing importance of industrial services in modern industrial production is being dismantled, due to the reorientation of enterprises from simple production to offering complex solutions. The following areas for the development of industrial services in the Republic of Belarus were identified and characterized: R & D, product-accompanying services, including engineering, information and communication services.

Keywords: industrial services, tertialization of industry, R & D, engineering, information and communication services, product-accompanying services.

* Статья подготовлена в рамках договора с БРФФИ № Г17М-017 от 18.04.2017 г.

ВВЕДЕНИЕ

Изменения в структуре современной экономики произошли не только в части перераспределения долей в ВВП между первичными, вторичным и третичным секторами экономики в сторону увеличения доли сферы услуг, но затронули и качественные аспекты всех трех секторов. При этом определяющим фактором стало изменение характера современного производства, становящегося все более индивидуальным и высокотехнологичным. Возрастающая степень индивидуальности производства способствует вовлечению в производственный процесс все большего количества и все более разнообразных услуг промышленного характера. Необходимость индивидуализации продукции изменила приоритеты в отношении отдельных звеньев цепочки создания стоимости: на первый план выходят проектирование и разработка и послепродажное обслуживание, а не само производство, что стало новым толчком для развития таких услуг промышленного характера как НИОКР, инжиниринг, дизайн, а также ряд маркетинговых услуг, нацеленных на долгосрочную работу с клиентами.

Новые технические возможности диджитализации информации и ее использования способствуют не только сохранению тенденции терциализации экономики, и промышленности в частности, но и углублению этой тенденции. А. Айкельпаш справедливо утверждает: «Терциализация обрабатывающей промышленности возрастает. <...> Исследования занятости на базе социальных выплат показали, что сдвиг от деятельности по изготовлению продукции к услугам промышленного характера является постоянно продолжающимся процессом. В особенности такие продуктоориентированные услуги как НИОКР, технические услуги, услуги по управлению и организации развивать более выгодно, чем непосредственно производство» [1, Р. 24]. Иными словами, сегодня услуги промышленного характера занимают все большее место в промышленном производстве и все большая часть добавленной стоимости формируется именно в секторе услуг промышленного характера, а не в секторе производства.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Тенденции терциализации промышленного производства проявляются, в том числе, в изменении организационной структуры промышленных предприятий. Крупнейшие компании, являющиеся лидерами промышленного производства на международном уровне, при структурировании своей деятельности не противопоставляют производственные процессы и сопутствующие услуги. Например, на предприятии Siemens действуют следующие департаменты, «образующие промышленный базис» [2, р. 2]:

департамент электроэнергетики и газа, предлагающий широкий спектр продуктов и решений для производства электроэнергии из ископаемых видов топлива, а также для производства и транспортировки нефти и газа;

департамент ветроэнергетики и возобновляемых источников энергии, разрабатывающий, производящий и устанавливающий ветровые турбины для наземного и морского применения;

департамент управления электроэнергией, предоставляющий широкий спектр продуктов, систем, решений, программного обеспечения и услуг для передачи и распределения электроэнергии и для развития умной сетевой инфраструктуры;

департамент строительных технологий, предлагающий продукты, решения, услуги и программное обеспечение для пожарной безопасности, безопасности, автоматизации зданий, отопления, вентиляции, кондиционирования воздуха и управления энергией;

департамент транспорта, создающий продукцию в области пассажирских и грузовых перевозок, включая железнодорожные транспортные средства, системы автоматизации железных дорог, системы электрификации железнодорожного транспорта, технологию дорожного движения, ИТ-решения и сопутствующие услуги;

департамент цифрового производства, предоставляющий комплексный портфель продуктов и системных решений, используемых в обрабатывающей промышленности, дополненный услугами по компьютерному управлению данными и услугами отслеживания жизненного цикла продукции (*технологии «умных заводов» – примечание Ю.М.*);

департамент непрерывного производства и приводов, создающий комплексный портфель продуктов, программного обеспечения, решений и услуг для перемещения, измерения, управления и оптимизации всех видов расходов массы (*также относится к технологиям «умных заводов» – примечание Ю.М.*);

департамент медицинских услуг, специализирующийся на медицинских технологиях и программных решениях, а также клинических консультационных услуг, поддерживаемых полным набором учебных и сервисных предложений [2, р. 2-3].

Из приведенного выше описания структурных подразделений Siemens и их функций видно, что вся производимая продукция (газовые турбины, паровые турбины, генераторы, компрессорные поезда, приборы и системы управления, ветровые турбины наземного и морского применения, транспортные средства и т. д.) сопровождается соответствующими услугами промышленного характера. Каждый из названных департаментов предлагает не только промышленную продукцию, но и сопутствующие «решения и услуги», тем самым создавая комплексные решения. За счет интеграции таких услуг ключевым фактором конкурентоспособности предприятия становится не реализация высокотехнологичной и качественной продукции, а предложение комплексных решений в области производства электроэнергии, транспортных коммуникаций, строительства, «умных заводов».

Специалисты также отмечают, что тенденция терциализации характерна для всех видов промышленной деятельности, но характеризуется различной интенсивностью. Анализ продуктовой структуры затрат отечественных товаров производственной сферы на услуги, показал, что среди видов деятельности, относящихся к сфере производства, основными потребителями услуг (торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования; транспорт; связь; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг потребителям; образование) в 2015 г. были: производство машин и оборудования (доля услуг в затратах составила в 2015 г. 21,39 %), добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (20,58 %), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (20,18 %), производство транспортных средств и оборудования (18,9 %), строительство (18,79 %), химическое производство (16,91 %), целлюлозно-бумажное производство, издательская деятельность (15,98 %), производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (14,41 %), текстильное и швейное производство (доля услуг в затратах которого составляет 14,78 %), производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов (14,75 %). В этом же году наименьшую долю в структуре затрат услуги составляли в производстве пищевых продуктов, включая напитки, и табака (4,05 %), сельском хозяйстве, охоте и предоставлении услуг в этих областях (4,83 %), рыболовстве, рыбоводстве и предоставлении услуг в этих областях (5,76 %) [3, с. 68-70].

Таким образом, в Республике Беларусь среди отраслей обрабатывающей промышленности лидерами в потреблении услуг являются химическое производство, производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, производство

транспортных средств и оборудования и производство машин и оборудования. Примечательным является то, что в соответствии с Общегосударственным классификатором Республики Беларусь «Виды экономической деятельности» эти же виды деятельности относятся к наукоемким или высокотехнологичным и среднетехнологичным производствам высокого уровня. Такая зависимость между потреблением услуг промышленного характера и технологическим уровнем производства позволяет сделать вывод о важном значении услуг промышленного характера в развитии наукоемких и высокотехнологичных производствах.

В Германии наиболее явно тенденция терциализации промышленности выражена в экспортоориентированных отраслях (автомобильная промышленность, машиностроение, электротехническая отрасль, а также химическая и фармацевтическая индустрия) [4]. Кроме того, что эти отрасли относятся к высокотехнологичным и среднетехнологичным производствам высокого уровня, они являются наиболее конкурентоспособными на национальном и международном рынках, являясь участниками (ключевыми звеньями) транснациональных корпораций. «Реальностью современного мирового экономического порядка стала глобализация производства, сопровождаемая становлением и бурным развитием транснациональных корпораций, - пишет С. Ю. Солодовников. – Последние выходят из-под контроля национальных государств. Одновременно с развитием ТНК возрастает борьба между последними как за передел уже существующих рынков, так и за захват новых (причем количество последних сегодня пространственно ограничено)» [5, с. 19].

Как было отмечено, «конкурентоспособность продукции в эпоху четвертой промышленной революции обеспечивается за счет использования инноваций, направленных, в первую очередь, на качественное изменение производимой продукции, а не на снижение затрат» [6]. По мере возрастания клиентоориентированности промышленной продукции основные усилия предприятий распределяются в двух направлениях: создание качественно новой продукции, отличной от продукции конкурентов, и развитие клиентских сервисов (как допродажного, так и послепродажного обслуживания). В связи с этим «особое значение приобретают услуги по разработке и внедрению продукции в производство (НИОКР, дизайн, инжиниринг и т. д.) и услуги, сопровождающие промышленную продукцию (маркетинговые услуги, проектирование, консалтинг, профессиональное обучение и т. д.)» [6].

Услуги по разработке и внедрению продукции в производство направлены на создание новой продукции и (или) новых технологических решений ее производства. По мере ужесточения международной конкуренции значение таких услуг возрастает, поскольку именно использование результатов НИОКР позволяют предприятиям добиться уникальных конкурентных преимуществ и сформировать базу для дальнейшего роста. В Германии с 2008 г. по 2013 г., после существенного спада, хотя и меньшего, чем в самом промышленном производстве, деятельность в сфере НИОКР ежегодно увеличивалась в среднем на 3,2 % [7, Р. 695]. В 2013 г. доля НИОКР в создании добавленной стоимости в среднем по промышленности Германии составила 12,7 % (в 2011 г. – 11,3 %), при этом для наиболее наукоемких отраслей промышленности этот показатель равнялся 22,6 %, а лидером стало автомобилестроение (30,9 %) [7, р. 702-703]. 45% оказываемых НИОКР в Германии потребляются обрабатывающей промышленностью [8, р. 21]. Опыт немецкого промышленного комплекса показал, что предприятия, осуществляющие научные исследования и разработки, оказались более устойчивыми к кризису 2008-2009 гг., в первую очередь, за счет сохранившегося экспорта. Таким образом, по мере дальнейшей интернационализации производства и изменение структуры национальной промышленности в сторону увеличения отраслей пятого и шестого технологических укладов значение услуг по разработке и внедрению продукции в производство

будет возрастать. Вместе с тем объективными ограничениями для развития этих услуг выступают необходимость существенных затрат, в первую очередь, финансовых и временных, и наличие кадрового обеспечения. Сложность и дороговизна научных исследований и разработок становится причиной того, что не все промышленные предприятия могут себе это позволить, в особенности малые и средние.

Проблематика проведения НИОКР предприятиями белорусского промышленного комплекса широко освещается в научной литературе. Специалистами отмечается: «Сегодня важно, чтобы в центре внимания всей прикладной белорусской науки находились нужды реального сектора экономики – ядра экономической системы общества, – что требует разработки системы критериев для выяснения социально-экономической эффективности импорта той или иной технологической инновации или же разработки ее отечественными специалистами. Исходя из постсоветских белорусских реалий, в настоящее время невозможно прекратить государственное финансирование прикладных исследований, поскольку Национальная академия наук должна взять на себя часть прикладных исследований, которыми раньше занимались отраслевые институты, рухнувшие за годы перестройки» [9, с. 6]. В целом же, для Республики Беларусь, не обладающей значительными собственными запасами сырьевых ресурсов, «в условиях осуществления социально-экономических реформ, ориентированных на построение и развитие социально-ориентированной рыночной экономики с включением в систему мирохозяйственных связей», проблематика «повышения роли науки в обществе, увеличения и обновления научно-технического потенциала будет в ближайшие годы особенно актуальной» [10, с. 443]. Корни проблем «расширенного воспроизводства социально-научного сообщества» описываются С.Ю. Солодовниковым, который отмечает помимо лежащих на поверхности явлений («... старение научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации, снижение престижности научного труда, проблемы подготовки кадров высшей квалификации и т. д.»), также более глубокие обстоятельства, «которые не всегда очевидны, но ещё более опасны – это, прежде всего, снижение социального капитала науки; устойчивая тенденция к "автаркии" научного воспроизводства и угроза потери тех возможностей, которые были в рамках СССР и служили подпиткой как для развития старых, так и возникновения новых научных и инженерных школ; преобладание эмпирически очевидных подходов при принятии управленческих решений на государственном уровне и т. д.» [11, с. 9]. Л. П. Васюченко, в качестве решения проблемы взаимодействия фундаментальной науки, прикладной науки и бизнеса, предлагает внедрение интерактивной модели трансфера технологий, которая «позволяет вовлечь в инновационный процесс гораздо более широкий круг субъектов, создает внутренние стимулы для инноваций, предлагает гибкие организационные формы инновационной деятельности и способы привлечения ресурсов, поощряет горизонтальные и междисциплинарные связи участников передачи технологий, что ведет к новому качеству экономического роста и повышению конкурентоспособности белорусской экономики» [12, с. 93].

Одной из ключевых тенденций, характеризующих изменение современного промышленного производства, является увеличение сервисной составляющей в промышленной продукции. Ю. А. Андриянова справедливо отмечает: «Потребители чаще стали обращать внимание не столько на продукцию, ее характеристики и свойства, сколько на услуги, связанные с расширенными возможностями ее потребления, содержания и эксплуатации. Причем многие услуги интересуют потребителя не в отдельности, а в комплексе. Именно о предоставлении комплекса услуг (в него входят основной процесс услуги и ряд дополнительных возможностей) задумывается потребитель, отдавая широкому спектру услуг свое предпочтение» [13, с. 9].

В соответствии с современной международной классификацией сервисные услуги включаются в группу услуг, сопровождающих промышленную продукцию (*нем. produktbegleitende Dienstleistungen*), под которыми понимаются услуги, которые «продаются совместно с промышленной продукцией вне зависимости от того, создаются ли такие услуги самостоятельно или закупаются извне» [14, р. 1408]. Ключевой отличительной характеристикой услуг, сопровождающих промышленную продукцию, является то, что движение товаров неразрывно связано с потреблением услуг.

Высокие темпы роста этих услуг объясняются в зарубежной экономической литературе следующим образом: «Все сложнее добиться успеха на мировом рынке с отдельными продуктами, которые предлагаются изолированно. Поскольку здесь международная конкуренция постоянно возрастает, молодые индустриальные страны могут противопоставить ценовые преимущества. Поэтому все большее значение приобретают "системные решения", которые позволяют предлагать высокотехнологичную продукцию вместе с дополнительными услугами» [15]. По результатам опроса Института экономических исследований Германии доля предприятий, предлагающих такие услуги, возросла с 16 % в 2011 г. до 25 % в 2015 г. [1, р. 28]. Согласно исследованию Bain & Company на сервисное обслуживание приходится около четверти доходов и около половины прибыли многих европейских производителей промышленной продукции [16].

Услуги, сопровождающие промышленную продукцию, весьма разнообразны по содержанию и форме их оказания. Ф. Стилле отмечает, что такие услуги могут оказываться «совместно с продуктом, который еще только будет доставлен (например, проектирование или консалтинг), с уже купленным продуктом (например, сервисное обслуживание или обучение) или с уже использованным продуктом (демонтаж или утилизация)» [17]. Б. Бинцайслер и М. Кундис указывают на различную степень интегрированности с материальным носителем, например, эти услуги могут являться аддитивными, как сервисное обслуживание автомобиля или же интегрированной составной частью индивидуального системного решения [18]. Однако, вне зависимости от формы, ключевой характеристикой услуг, сопровождающих промышленную продукцию, является их клиентоориентированность. При помощи этих услуг производителям удастся сделать свою продукцию более разнообразной, отличающейся от продукции конкурентов, способной удовлетворить индивидуальные требования покупателя. Особенно эффективно используются услуги, сопровождающие промышленную продукцию, на рынках с высокой ценовой конкуренцией и низким уровнем дифференцированности продукции. Также эти услуги помогают устанавливать более тесную взаимосвязь с клиентами и повышают возможность кросс-продаж. Н. И. Ивашкова справедливо отмечает: «Сегодня многие промышленные компании – производители технологического оборудования включают в свою стратегию развитие сервисных услуг. Конечно, услуги по пуско-наладке и техническому обслуживанию сопровождают многие промышленные товары, но если раньше они рассматривались как обязательство перед покупателями – низкомаржинальный либо вообще бесприбыльный бизнес, то сейчас они переходят в разряд выгодного растущего сегмента бизнеса. А в дальнейшем бизнес-модель промышленного предприятия должна совмещать в себе как производство оборудования, так и промышленные услуги» [19, с. 74].

Среди услуг, сопровождающих промышленную продукцию, наиболее распространенными являются инжиниринговые услуги. В 2014 г. доля инжиниринговых услуг в промышленном сегменте экономики США достигла 17 %, Европы 13 %, отдельно Германии 20 %. В России этот показатель находился на уровне 2 % [20]. 40 % оказываемых инжиниринговых услуг в Германии потребляются обрабатывающей промышленностью [8, р. 21]. Рынок инжиниринговых услуг является одним из первых сформировавшихся

рынков услуг промышленного характера и продолжает развиваться высокими темпами и сегодня.

Внешнеторговая Энциклопедия дает следующее толкование инжиниринговых услуг: «услуги по подготовке процесса производства и реализации продукции (работ, услуг), подготовке строительства и эксплуатации промышленных, инфраструктурных, сельскохозяйственных и других объектов, предпроектные и проектные услуги (подготовка ТЭО, проектно-конструкторские разработки и другие подобные услуги)» [21, с. 136]. Иными словами, под инжиниринговыми услугами понимается совокупность инженерно-консультационных услуг по подготовке и обеспечению процесса производства, обслуживанию сооружений, эксплуатации хозяйственных объектов и реализации продукции. В широком смысле, под инжинирингом также понимается предоставление услуг по доведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок до стадии производства. Д. В. Рыбец и Е. И. Босин, говоря о роли науки в развитии инжиниринга, отмечают их тесную взаимосвязь: «По сути дела это единый процесс создания, апробирования и внедрения технических и технологических достижений, передовых решений и разработок. Наука генерирует новые идеи и решения, а инжиниринг доводит их до практического внедрения» [22].

В соответствии с международными стандартами PMI (project management institute) инжиниринг включает 4 процесса:

- Е (engineering – проектирование);
- Р (procurement – комплектация);
- С (constraction – строительство);
- PM (project management – управление проектом).

Д. В. Рыбец и Е. И. Босин выделяют в качестве функций инжиниринга следующие:

- исследования – первоначальное изучение проблематики, поиск новых принципов и процессов;
- разработка – создание новых моделей в различных областях: технологических процессов, производственного оборудования и предприятий в целом;
- проектирование – проектирование процесса создания продукции или производственной системы, определение используемых материалов, характеристик и структуры продукции или системы;
- определение стоимостных и финансовых параметров проекта – разработка бюджетов и смет по проекту, подготовка и проведение конкурсов, создание новых финансовых инструментов и схем;
- организация производства – определение плана размещения производственных процессов, выбор и приобретение необходимого оборудования, сырья, материалов и компонентов, необходимых для производства и источников их поставки, интеграция всех производственных процессов, проведение инспекций, тестирования, пуско-наладочных работ, подготовка персонала;
- производство – контроль функционирования машин, процессов, систем, фабрик и заводов, организация материального и энергетического снабжения, транспорта, коммуникаций, определение процедур соблюдения технологических процессов и их совершенствование, контроль деятельности персонала, управление качеством продукции [23].

Таким образом, инжиниринговые услуги представляют собой довольно широкое понятие и могут быть использованы практически на всех стадиях жизненного цикла промышленной продукции. «Функции инжиниринга объединяются в некоторую логико-временную последовательность, которая весьма сходна с моделью жизненного цикла проекта, – утверждают Д. В. Рыбец и Е. И. Босин. – Это сходство объясняется и тем, что

инжиниринговая деятельность осуществляется, как правило, либо в рамках инвестиционно-строительных проектов, либо в виде отдельных инжиниринговых услуг, а проектный менеджмент, таким образом, становится базовой управленческой методологией инжиниринга» [23].

Сфера инжиниринговых услуг включает в себя помимо чисто инженерных услуг также услуги научно-технического и коммерческого характера, при этом последние растут все большими темпами. Упомянутые выше авторы Д. В. Рыбец и Е. И. Босин пишут по этому поводу: «Главный показатель конкурентоспособности прежних лет – цена – в последние годы уступил место такому фактору, как финансовые условия реализации проектов, включая льготное кредитование, при этом возросла роль инжиниринговых компаний в решении вопросов финансирования проектов. Широкое развитие получил финансовый инжиниринг, который состоит в предоставлении заказчикам консультаций по проблемам финансирования в комплексе, в т. ч. по вопросам кредитов, гарантий, страхования, налогов, сборов. Это привело к расширению связей инжиниринговых фирм с банками, которые в ряде случаев становятся финансовыми партнерами» [23]. В связи с этим сегодня все чаще на крупных промышленных предприятиях формируется самостоятельное финансовое подразделение. Например, в рассматриваемом выше предприятии Siemens существует департамент финансовых услуг, действующий в двух направлениях: финансовое обеспечение производственной деятельности предприятия Siemens и предоставление финансовых услуг для клиентов Siemens и других компаний (финансирование покупки оборудования, проектное финансирование, структурированное финансирование в форме долговых и долевыми инвестициями, лизинговые услуги) [2, р. 8]. В 2015 г. это подразделение оказалось одним из наиболее прибыльных: диапазон рентабельности составил 15-20% [2, р. 8].

Кроме того, в соответствии с мировыми тенденциями инжиниринговые предприятия стремятся оказать все более широкий перечень услуг, позволяющий реализовывать проекты «под ключ». «В России инжинирингом считается установка оборудования с пусконаладкой, – отмечают И. Д. Лифанов и А. И. Шинкевич. – В то время как в наиболее развитых странах практикуется продвинутый инжиниринг, охватывающий весь процесс проектирования и учитывающий жизненный цикл продукции» [20]. Е. А. Можаяева к комплексной инжиниринговой услуге относит: научную разработку идеи; прединвестиционные исследования; технико-экономическое обоснование проекта; подготовку документации; экспертизу проекта; осуществление ряда строительных и контрольных функций на объектах проекта; финансовый и технический надзор за процессом строительства; предложение решений по более эффективному использованию; обучение работников фирмы; сервисное обслуживание оборудования проекта; вывод оборудования из эксплуатации; техническую реконструкцию [23].

Выделяют две категории инжиниринговых фирм: специализированные инжиниринговые фирмы и промышленные фирмы, сочетающие оказание инженерных услуг с производственной деятельностью. Традиционной моделью развития мирового рынка инжиниринговых услуг является сначала формирование инжиниринговых структурных подразделений внутри крупнейших промышленных компаний. Для производителей оборудования оказание инжиниринговых услуг является средством увеличения продаж основной продукции. Компании-проектировщики, стремясь сохранить секреты производства, выполняют технологическое проектирование с целью расширения или создания нового производства на основе собственных патентов и ноу-хау, а подрядчики используются для выполнения остальных инженерно-консультационных работ, осуществляя контроль их выполнения [24]. Так, как уже отмечалось выше, предприятие Siemens наряду с про-

изводственными департаментами электроэнергетики и газа и ветроэнергетики и возобновляемых источников энергии имеют самостоятельный департамент услуг в сфере производства электроэнергии [2].

К специализированным фирмам относят инженерно-консультационные и инженерно-строительные фирмы. Сферой деятельности инженерно-строительной фирмы является как гражданское строительство (порты, аэродромы, транспортные магистрали, шахты, городское строительство), так и промышленные объекты, использующие специфические технологические процессы. Инжиниринговые услуги широко применяются при разработке и реализации промышленных инвестиционных проектов. Как правило, такие предприятия оказывают полный комплекс инженерно-технических услуг, включая проектирование объекта, поставку оборудования, монтаж, наладку и пуск оборудования в эксплуатацию. Зачастую специализированные инжиниринговые фирмы являются аффилированными лицами промышленных предприятий (филиалами или дочерними компаниями крупных генеральных подрядчиков, занимающихся инжиниринговой деятельностью как вспомогательной для основного производства) [24].

Согласно данным Международной федерации инженеров-консультантов FIDIC основную долю мирового рынка (до 75 %) составляет строительный инжиниринг, на втором месте технологический инжиниринг (10 %), и 5 % приходится на консультационный инжиниринг [20]. В Беларуси, как и в России, большую часть спроса на инжиниринговые услуги обеспечивают масштабные капиталоемкие проекты, финансируемые в той или иной степени государством и которые могут выполнять только крупные инжиниринговые компании. Наряду с крупными фирмами действуют средние и мелкие инжиниринговые фирмы, специализирующиеся в узком диапазоне услуг и обычно выступающих в роли субподрядчиков. Однако, как правило, крупнейшие предприятия-заказчики предпочитают в качестве субподрядчиков узкий круг аффилированных инжиниринговых структур, что отрицательно сказывается на развитии малого и среднего бизнеса в этой сфере деятельности. Следует отметить, что в зарубежной практике наблюдается тенденция к увеличению субподрядных контрактов на предпроектные и проектные услуги [22].

Сегодня поставка машин, оборудования, средств коммуникаций и инновационных технологий сопровождается инжиниринговыми услугами, в связи с чем, значение рынка инжиниринговых услуг трудно переоценить. Сохранение высокого уровня спроса со стороны промышленности на инженерно-консультационные услуги обусловлено, во-первых, необходимостью проведения модернизации современного промышленного производства на постоянной основе, а, следовательно, и регулярного использования инжиниринговых услуг; во-вторых, технико-технологическим усложнением всех стадий жизненного цикла промышленной продукции, что требует их специализированного комплексного обслуживания инжиниринговыми фирмами; в-третьих, интенсификацией инвестиционной деятельности в сфере промышленности, неотъемлемой составляющей которой являются инжиниринговые услуги.

Особое значение в современном промышленном производстве играют информационно-коммуникационные услуги, создающие новую цифровую инфраструктуру. Доля информационно-коммуникационных услуг, потребляемых промышленностью, сравнительно невелика (в Германии – 11,5 % [8], в Беларуси – 5,25 % (сфера производства в целом)). Более слабая взаимосвязь объясняется специалистами в том числе «сквозным характером информационно-коммуникационной отрасли» [8], с чем невозможно не согласиться. Информационно-коммуникационные услуги промышленного характера, в частности, промышленный интернет вещей, в дальнейшем будут находить все более широкое применение, создавая новую архитектуру производства, управления и реализа-

ции продукции. По данным McKinsey объем рынка интернета вещей в 2015 г. оценивается в 900 млрд. долл., к 2020 г. прогнозируется рост до 3,7 трлн. долл. [25, с. 168]. Предпосылками столь интенсивного развития рынка промышленного интернета вещей являются, с одной стороны, новые организационные возможности бизнеса («умные» заводы, «умные» решения), с другой стороны – возможности выстраивания новых бизнес-моделей, меняющих традиционное представление о взаимодействии с клиентами и формировании цены производимой продукции. Как отмечалось нами ранее, предполагается, что внедрение промышленного интернета вещей «повысит эффективность труда на предприятиях, позволит экономить на плановом ремонте оборудования и общих эксплуатационных затратах, минимизирует аварии на производстве и в целом увеличит предсказуемость промышленных систем. На макроуровне это приведет к росту энергоэффективности и конкурентоспособности экономики, стиранию границ между отраслями, снижению техногенного влияния на окружающую среду» [26, с. 70]. Также информационно-коммуникационные технологии влияют на трансформацию трудовых отношений. Т. В. Сергиевич характеризует особенности изменения современных трудовых отношений следующим образом: «Стремительные изменения внешней среды социально-экономических систем, трансформации их внутренних структур, нарастающее давление практики управления, обусловленное несоответствием ей устоявшихся подходов к управлению трудом, требуют поиска новых решений старых задач, как повышение производительности труда, формирование мотивационной системы субъектов управления трудом, эффективное использование трудового потенциала, оптимизация структуры занятости» [27, с. 262]. Характеризуя товары интенсивного обновления, этот автор отмечает, что «чем выше уровень творческой и интеллектуальной составляющих в труде, тем сложнее должна быть система трудовой мотивации, сочетающая в себе как материальные, так и нематериальные факторы» [28, с. 276], что справедливо и для услуг промышленного характера.

Международный опыт показывает, что государственный сектор является основным драйвером роста интернета вещей. Государство стимулирует распространение технологий IoT через госпрограммы цифровизации и автоматизации управления городской инфраструктуры. Роль государства как основного потребителя технологий интернета вещей объективно обусловлено дороговизной и рискованностью, характерных для всех новых технологий. Кроме того, С. Ю. Солодовников указывает: «Для трансформационной экономики (к которой, в случае форсирования перехода к новому информационному технологическому укладу будет относиться в ближайшие годы социально-ориентированная белорусская экономическая система) в целом характерна неустойчивость, альтернативный характер развития и резко возрастающая роль субъективного фактора. Соответственно возрастает, по сравнению с непереходными системами, роль государства в управлении социальными, экономическими и технико-технологическими процессами в обществе» [29, с. 446].

В Беларуси также государство выступает основным заказчиком услуг промышленного интернета вещей, одной из первых сфер внедрения интернета вещей в экономику Беларуси стала жилищно-коммунальная сфера. Сегодня для распространения интернета вещей в нашей стране созданы коммуникационные сети и центры обработки данных, имеется достаточное количество устройств интернета вещей (датчиков, сенсоров). Вместе с тем специалистами отмечается нехватка программных продуктов, направленных на решение задач бизнеса – готовых сервисов, что выступает препятствием для развития промышленного интернета вещей.

ВЫВОДЫ

Направления развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь как в стране с малой открытой экономикой в целом совпадают с основными общемировыми тенденциями. В частности, терциализация обрабатывающей промышленности в Беларуси продолжает углубляться, при этом в большей степени в высокотехнологичных (наукоемких) и экспортоориентированных видах деятельности. Дальнейший рост доли услуг промышленного характера обусловлен как повышением научно-технологического уровня производства, так и тенденциями кастомизации белорусской промышленности. В связи с этим наиболее перспективными представляются такие услуги промышленного характера, как: услуги по разработке и внедрению продукции в производство, позволяющие предприятиям добиться уникальных технико-технологических преимуществ и сформировать базу для дальнейшего роста; услуги, сопровождающие промышленную продукцию, направленные на расширение возможности потребления, содержания и эксплуатации продукции; информационно-коммуникационные услуги, создающие новые организационные модели производства, управления и реализации продукции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Eickelpasch, A. Industrie und industrienahе Dienstleistungen in der Region Frankfurt/RheinMain / A. Eickelpasch, R. Behrend und D. Krüger-Röth. – Berlin: DIW Berlin, 2017. – 137 s.
2. Siemens. Annual Report 2016 [Electronic Resource] // 2016 by Siemens AG, Berlin and Munich. – Access mode: siemens.com. – Access Date: 01.06.2018.
3. Продуктовая структура затрат отечественных товаров и услуг (в процентах) // Система таблиц «Затраты–Выпуск» Республики Беларусь за 2015 год. – Мн.: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2017. – 104 с. – С. 68–70.
4. Sechs fragen an Alexander Eickelpasch: «Immer weniger Industrie-beschäftigte arbeiten in der Fertigung» // DIW Wochenbericht. – 2014. – Nr. 33. – S. 771.
5. Солодовников, С. Ю. Цивилизация, культура, экономическая система общества и институциональные матрицы: феноменологическая природа и взаимообусловленность / С. Ю. Солодовников // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5: Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2011. – № 2 (120). – С. 10–25.
6. Мелешко, Ю. В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – №6. – С. 64–78.
7. Eickelpasch, A. Forschung und Entwicklung in der Industrie: Unternehmen stehen besser da denn je / A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 31. – S. 695–708.
8. Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen / D. Edler, A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23. – S. 21.
9. Солодовников, С. Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
10. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу / С. Ю. Солодовников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 443–448.

11. Солодовников, С. Ю. Новая структурная политика и изменение институциональной динамики nanoиндустрии / С. Ю. Солодовников // Ресурсы Европейского Севера, Технологии и экономика освоения. – 2018. – № 01 (11). – С. 5–10.

12. Васюченко, Л. П. Особенности трансфера технологий в белорусской экономике / Л. П. Васюченко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2016. – № 4. – С. 84–94.

13. Андриянова, Ю. А. Проблемы предоставления качественных услуг в промышленной сфере / Ю. А. Андриянова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – №4-2. – С. 8-12. – С. 9.

14. Mödinger, P., Redling, B. (2004): Produktbegleitende Dienstleistungen im Industrie- und Dienstleistungssektor im Jahr 2002. *Wirtschaft und Statistik* (12), 1408 – 1413. – S. 1408

15. Industrienähe Dienstleistungen [Elektronische Ressource] // *Wirtschaftslexikon*. – Zugriffsmodus: <http://www.wirtschaftslexikon.co/d/industrienae-dienstleistungen/industrienae-dienstleistungen.htm>. – Zugriffsdatum: 25.05.2018.

16. Strähle, O. Füllemann, M. et al. (2012): *Service now! Time to wake up the sleeping giant*, München.

17. Stille, F. (2003): Produktbegleitende Dienstleistungen gewinnen weiter an Bedeutung. *Wochenbericht des DIW* 70 (21), 336 – 342.

18. Bienzeisler, B., Kunkis, M. (2008): *Dienen und mehr verdienen? Hybride Wertschöpfung im Maschinen- und Anlagenbau*. Stuttgart.

19. Ивашкова, Н. И. Маркетинговый подход к развитию промышленных сервисных услуг / Н. И. Ивашкова, Е. И. Карякин // *Инициативы XXI века*. – 2013. – № 4. – С. 73–76.

20. Лифанов, И. Д. Основные тенденции формирования и развития рынка инжиниринговых услуг в России / И. Д. Лифанов, А. И. Шинкевич // *Вестник Казанского технологического университета*. – 2014. – Т. 17. – № 5. – С. 333–338.

21. *Внешнеторговая Энциклопедия* / Отв. ред. С.И. Долгов. – М.: Экономика, 2011.

22. Рыбец, Д. В. Этапы развития инжиниринговых (инженерно-консультационных) услуг на мировом рынке / Д. В. Рыбец, Е. И. Босин // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2016. – С. 101–111.

23. Можаяева, Е. А. Основные направления инновационного развития в сфере инжиниринговых услуг / Е. А. Можаяева // *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*. 2015. № 6 (80). – С. 19–23.

24. Зорин, М. В. Развитие инжиниринга в строительстве на основе логистической поддержки / М. В. Зорин // *Российское предпринимательство*. – 2012. – №22(220). – С. 105–110.

25. Грингард, С. Интернет вещей. Будущее уже здесь / С. Грингард. – М.: Альпина Паблишер, 2016. – 185 с.

26. Мелешко, Ю. В. Становление мирового рынка промышленного интернета вещей / Ю. В. Мелешко // *Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: сборник трудов XII междунар. науч.-практ. конф., УО «ПолессГУ», г. Пинск, 27 апреля 2018 г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол.: К. К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2018. – 268 с. – С. 69–71.*

27. Сергиевич, Т. В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т. В. Сергиевич // *Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – № 5. – С. 260–275.*

28. Сергиевич, Т. В. Мода как фактор интенсивного обновления товаров / Т. В. Сергиевич // *Российская экономика: взгляд в будущее : материалы III Международной*

научно-практической конференции (заочной): в 2 частях. Часть 1, г. Тамбов, 17 февраля 2017 г. / М-во обр. и науки РФ; ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина»; [отв. ред. Я. Ю. Радюкова]. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 275–282.

29. Солодовников, С. Ю. Социально-экономические условия перехода Республики Беларусь к постиндустриальному обществу / С. Ю. Солодовников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2007. – Т. 9. – № 2. – С. 443–448.

REFERENCES

1. Eickelpasch, A. Industrie und industrienahе Dienstleistungen in der Region Frankfurt RheinMain / A. Eickelpasch, R. Behrend und D. Krüger-Röth. – Berlin: DIW Berlin, 2017. – 137 s.

2. Siemens. Annual Report 2016 [Electronic Resource] // 2016 by Siemens AG, Berlin and Munich. – Access mode: siemens.com. – Access Date: 01.06.2018.

3. Produktovaja struktura zatrat otechestvennyh tovarov i uslug (v procentah) // Sistema tablic «Zatraty–Vypusk» Respubliki Belarus' za 2015 god. – Mn.: Nacio-nal'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus', 2017. – 104 s. – S. 68–70.

4. Sechs fragen an Alexander Eickelpasch: «Immer weniger Industrie-beschäftigte arbeiten in der Fertigung» // DIW Wochenbericht. – 2014. – Nr. 33. – S. 771.

5. Solodovnikov, S. Ju. Civilizacija, kul'tura, jekonomicheskaja sistema ob-shhestva I institucional'nye matricy: fenomenologicheskaja priroda i vzaimoobu-slovlennost' / S. Ju. Solodovnikov // Vesnik Grodzenskaga dzjarzhaŭnaga ŭniversitjeta imja Janki Kupaly. Seryja 5: Jekonomika. Sacyjalogija. Bijalogija. – 2011. – № 2 (120). – S. 10–25.

6. Meleshko, Ju. V. Znachenie uslug promyshlennogo haraktera v povyshenii konkurentosposobnosti promyshlennyh predpriyatij (v kontekste chetvertoj pro-myshlennoj revoljucii) / Ju. V. Meleshko // Jekonomicheskaja nauka segodnja: sbornik nauchnyh statej / BNTU; redkol.: S. Ju. Solodovnikov (pred. redkol.) [i dr.]. – Minsk: BNTU, 2017. – № 6. – S. 64–78.

7. Eickelpasch, A. Forschung und Entwicklung in der Industrie: Unternehmen stehen besser da denn je / A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 31. – S. 695–708.

8. Edler, D. Die Industrie – ein wichtiger Treiber der Nachfrage nach Dienstleistungen / D. Edler, A. Eickelpasch // DIW Wochenbericht. – 2013. – Nr. 34. – S. 16–23. – S. 21.

9. Solodovnikov, S. Ju. Tendencii i perspektivy razvitija zanjatosti i so-zdanija social'no-nauchnogo soobshhestva v uslovijah modernizacii tranzitivnoj jekonomiki: na primere Respubliki Belarus' / S. Ju. Solodovnikov // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Jekon. i jurid. nauki. – 2015. – № 6. – S. 2–9.

10. Solodovnikov, S. Ju. Social'no-jekonomicheskie uslovija perehoda Respubliki Belarus' k postindustrial'nomu obshhestvu / S. Ju. Solodovnikov // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. – 2007. – Т. 9. – № 2. – S. 443–448.

11. Solodovnikov, S. Ju. Novaja strukturnaja politika i izmenenie institucional'noj dinamiki nanoindustrii / S. Ju. Solodovnikov // Resursy Evropejskogo Severa, Tehnologii I jekonomika osvoenija. – 2018. – № 01 (11). – S. 5–10.

12. Vasjuchenok, L. P. Osobennosti transfera tehnologij v belorusskoj jekonomike / L. P. Vasjuchenok // Jekonomicheskaja nauka segodnja: sbornik nauchnyh statej / BNTU; redkol.: S. Ju. Solodovnikov (pred. redkol.) [i dr.]. – 2016. – № 4. – S. 84–94.

13. Andrijanova, Ju. A. Problemy predostavlenija kachestvennyh uslug v promyshlennoj sfere / Ju. A. Andrijanova // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva. – 2013. – № 4-2. – S. 8-12.

14. Mödinger, P., Redling, B. (2004): Produktbegleitende Dienstleistungen im Industrie- und Dienstleistungssektor im Jahr 2002. *Wirtschaft und Statistik* (12), 1408 – 1413. – S. 1408
15. Industriennahe Dienstleistungen [Elektronische Ressource] // *Wirtschaftslexikon*. – Zugriffsmodus: <http://www.wirtschaftslexikon.co/d/industriennahe-dienstleistungen/industriennahe-dienstleistungen.htm>. – Zugriffsdatum: 25.05.2018.
16. Strähle, O. Füllemann, M. et al. (2012): *Service now! Time to wake up the sleeping giant*, München.
17. Stille, F. (2003): Produktbegleitende Dienstleistungen gewinnen weiter an Bedeutung. *Wochenbericht des DIW* 70 (21), 336 – 342.
18. Bienzeisler, B., Kunkis, M. (2008): *Dienen und mehr verdienen? Hybride Wertschöpfung im Maschinen- und Anlagenbau*. Stuttgart.
19. Ivashkova, N. I. Marketingovyj podhod k razvitiju promyshlennyh ser-visnyh uslug / N. I. Ivashkova, E. I. Karjakin // *Iniciativy XXI veka*. – 2013. – №4. – S. 73–76.
20. Lifanov, I. D. Osnovnye tendencii formirovaniya i razvitija rynka in-zhiningovyh uslug v Rossii / I. D. Lifanov, A. I. Shinkevich // *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta*. – 2014. – T. 17. – № 5. – S. 333–338.
21. *Vneshnetorgovaja Jenciklopedija* / Otv. red. S.I. Dolgov. – M.: Jekonomika, 2011.
22. Rybec, D. V. Jetapy razvitija inzhiningovyh (inzhenerno-konsul'tacionnyh) uslug na mirovom rynke / D. V. Rybec, E. I. Bosin // *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. – 2016. – S. 101–111.
23. Mozhaeva, E. A. Osnovnye napravlenija innovacionnogo razvitija v sfere inzhiningovyh uslug / E. A. Mozhaeva // *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava*. 2015. № 6 (80). – S. 19–23.
24. Zorin, M. V. Razvitie inzhiniringa v stroitel'stve na osnove logisticheskoy podderzhki / M. V. Zorin // *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. – 2012. – №22(220). – S. 105–110.
25. Gringard, S. *Internet veshhej. Budushhee uzhe zdes'* / S. Gringard. – M.: Al'-pina Publisher, 2016. – 185 s.
26. Meleshko, Ju. V. Stanovlenie mirovogo rynka promyshlennogo interneta veshhej / Ju. V. Meleshko // *Ustojchivoe razvitie jekonomiki: sostojanie, problemy, perspektivy: sbornik trudov XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, UO «Poleskij gosudarstvennyj universitet»*, g. Pinsk, 27 aprelja 2018 g. / Minister-stvo obrazovanija Respubliki Belarus' [i dr.]; redkol.: K.K. Shebeko [i dr.]. – Pinsk : PolesGU, 2018. – 268 s. – S. 69–71.
27. Sergievich, T. V. Trudovoj potencial i upravlenie trudom v tekstil'noj i shvejnoj promyshlennosti kak ob#ekty jekonomicheskogo issledovanija / T. V. Sergievich // *Jekonomicheskaja nauka segodnja: sbornik nauchnyh statej* / BNTU; redkol.: S. Ju. Solodovnikov (pred. redkol.) [i dr.]. – 2017. – № 5. – S. 260–275.
28. Sergievich, T. V. Moda kak faktor intensivnogo obnovlenija tovarov / T. V. Sergievich // *V sbornike: rossijskaja jekonomika: vzgljad v budushhee: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (zaочноj): v 2 chastjah*. – 2017. – S. 275–282.
29. Solodovnikov, S. Ju. Social'no-jekonomicheskie uslovija perehoda Respubliki Belarus' k postindustrial'nomu obshhestvu / S. Ju. Solodovnikov // *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. – 2007. – T. 9. – № 2. – S. 443–448.

Статья поступила в редакцию 29 сентября 2018 года.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 339.5

ББК 65.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩНОСТИ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В. Н. АНАНЬЕВА

ananievavn@mail.ru

кандидат экономических наук, доцент кафедры Международных отношений
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Республика Беларусь

В статье проведен анализ таможенного института как элемента внешнеэкономической деятельности упорядочивающего экономические, политические, правовые и другие отношения. Сделан вывод о роли таможенного регулирования в регулировании национальной экономики с ориентацией таможенных органов на достижение высоких результатов по показателям вклада в развитие таких сфер как экологическая, социальная и экономическая.

Ключевые слова: таможенное регулирование, таможня, институты, внешняя торговля.

THEORETICAL APPROACHES TO DETERMINING THE ESSENCE CUSTOMS REGULATION

V. N. ANANIEVA

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of International Relations
Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus
Minsk, Republic of Belarus

The article analyzes the customs institution as an element of foreign economic activity streamlining economic, political, legal and other relations. The conclusion is made about the role of customs regulation in the regulation of the national economy with the orientation of the customs authorities to achieve high results in terms of contribution to the development of such areas as environmental, social and economic.

Keywords: customs regulation, customs, institutions, foreign trade.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях глобализации мировой экономики актуальность и значение таможенного регулирования обусловлены необходимостью выполнения таможенными органами обязанностей по обеспечению экономической безопасности и устойчивого развития государства в экологической, социальной и экономической сферах.

Одной и важнейших характеристик современных международных торговых и таможенных отношений является отсутствие закрепления в нормах международного таможенного права и нормах международного торгового права методов таможенного регулирования. Названная проблема имеет и большое национальное значение, поскольку от успешности таможенного регулирования внешней торговли во многом зависит богатство страны. В последнее время практическая актуальность проблемы зависимости

внешней торговли (в том числе и в условиях введения санкций против Российской Федерации) от таможенного регулирования возрастает. Новые институциональные условия развития таможенной службы обуславливают необходимость разработки теоретических положений и модернизации методического обеспечения формирования таможенных институтов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Теория таможенного регулирования внешней торговли в Республике Беларусь и других странах Таможенного союза находятся в начале пути своего становления. Это обуславливается, во-первых, относительно небольшим периодом существования самой нашей страны; во-вторых, сложностью решаемых при переходе от административно-командной экономики к преимущественно рыночной социально ориентированной экономике проблем, когда на частные задачи, в нашем случае на системное осмысление экономической эффективности деятельности таможенных органов, не обращали должного внимания, и, в-третьих, невозможностью комплексно исследовать такое сложное социальное явление, как таможенная деятельность, пока не накоплена соответствующая практика. Причем отечественная практика, а не опыт зарубежных стран, который, как известно, не может быть напрямую эффективно заимствован.

Таможенная служба как институт государства выполняет роль посредника между государством и рынком. Оказывая услуги государству, таможенные органы выступают в роли некоммерческих субъектов рынка. Отличительной чертой институционального подхода является совмещение теории и анализа исследования. После определения правил и механизмов происходит реформирование организации в рамках институциональных ограничений. Институциональное управление в сфере государственных институтов подразумевает процедуру анализа и выбора одной из приемлемых альтернатив при создании новых институтов или качественном преобразовании существующих государственных институтов.

Экономические и политические реалии последних десятилетий привлекают повышенное внимание к опыту и теоретическим разработкам предшественников в вопросах, относительно трансформации социально-экономических систем и роли государственных институтов в формировании социально-экономической модели государства. Среди многообразия подходов к социально-экономическому развитию и системы государственного управления важная роль отводится институциональному подходу.

Таможенная деятельность является институционально сложным экономическим явлением, где происходит согласование экономических интересов многих хозяйственных субъектов: государства, коммерческих организаций (национальных и зарубежных), домашних хозяйств и т. д. От способов и механизмов этого согласования, от того, чьи экономические интересы реализуются преимущественно, зависит как эффективность самой таможенной деятельности, так и эффективность таможенного регулирования внешней торговли, национальной экономики в целом.

Таможенный институт как целостное явление рассматривается как взаимодействие правовых, организационных, технологических и других системных преобразований в сфере таможенного дела. Любые преобразования системы связаны с затратами на ее изменение, что обуславливает поиск перспективного пути развития. Таможенная служба как институт рассматривается как социально значимая организация, возникновение и развитие которой обусловлены объективными предпосылками, отражающими ин-

тересы общества и государства. Таможенный институт является элементом внешнеэкономической деятельности и упорядочивает экономические, политические, правовые и другие отношения.

Для формирования методологической основы таможенного регулирования в период трансформационных преобразований экономики Республики Беларусь необходимо провести анализ возникновения и формирования категории, что позволит определить фундаментальные основы и главные составляющие этого процесса.

Термин «таможенное регулирование» закреплен в Законе Республики Беларусь «О таможенном регулировании в Республике Беларусь» от 10.01.2014 г. №129-З. На уровне Евразийского экономического союза данное понятие отражено в статье 1 Таможенного кодекса Таможенного союза: «таможенное регулирование – это правовое регулирование отношений, связанных с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества, их перевозкой по единой таможенной территории Таможенного союза под таможенным контролем, временным хранением, таможенным декларированием, выпуском и использованием в соответствии с таможенными процедурами, проведением таможенного контроля, уплатой таможенных платежей, а также властных отношений между таможенными органами и лицами, реализующими права владения, пользования и распоряжения указанными товарами» [1].

Необходимость создания целостного представления о механизме таможенного регулирования, соответствующего современному этапу экономических преобразований, важность учета при осуществлении таможенного дела тех принципов и норм, которые были заложены в смысловое значение данного понятия при его определении, требует детального анализа и синтеза происхождения категорий «регулирование» и «таможенный».

Термин «регулировать» произошел от латинского «regula», что означает «правило», «regulare»: подчинять определенному порядку, правилу, упорядочивать; устанавливать правильное, необходимое для работы взаимодействие частей механизма, прибора, аппарата и т. п.; делать что-л. для получения нужных показателей, нужной степени чего-л. Значение данного латинского глагола соответствует французскому «régir» – «регулировать».

Понятие регулирования в его основном значении появилось в XIX веке в Англии, когда был принят закон «О регулировании железных дорог» в 1844 г. (англ. – «regulation»), которое использовалось исключительно в сфере политики и промышленности и было заимствовано из латинского языка. В узком политическом смысле это понятие означало «контроль над частными монополиями посредством правил, устанавливаемых правительством» [3]. Затем данное понятие появилось в Соединенных Штатах Америки в 1880–1920 гг. и в Англии вновь стало активно использоваться после начала приватизации национализированных отраслей промышленности в 1979 г. Далее оно получило распространение в Европе, в том числе и в Германии – нем. «regulieren» – регулировать [4, с. 289].

В более широком смысле, категория «регулирование» определяет любые установленные государством правила, регламентирующие деятельность фирмы или отрасли промышленности, особенно в области техники безопасности и защиты окружающей среды [3].

Таким образом, термин «регулирование» заимствовано из западноевропейских языков и употребляется с 60-х гг XIX века в значении «упорядочивать, налаживать, направлять, приводить в порядок, в систему» [5]. На современном этапе данный термин

применяется в различных областях (политика, медицина, управленческая деятельность, информатика, таможенное дело и др.) и раскрывается авторами по-разному.

Каждое определение категории «регулирование» представляет собой авторский взгляд на данный термин (таблица 1). Формулировки значительно отличаются друг от друга в зависимости от объекта воздействия, какие цели, задачи, функции отражаются в определении, с каких позиций рассматривается данное понятие и в какое время исторических и экономических преобразований, а это значительно расширяет его методологические границы.

Таблица 1 – Некоторые определения понятия «регулирование»

Источник (автор)	Определение
Словарь иностранных слов (автор – Чудинов А.Н.)	Приведение в известный порядок, уравнение
Социологический словарь (автор – Джери Д.)	1. Приведение в порядок, упорядочение, руководство движением, направлением, действиями, отношениями
	2. Совокупность предписаний, исходящих от органа власти или управления и имеющих целью внести известный порядок в ту или иную сферу жизни
	3. Форма целенаправленного управляющего воздействия, ориентированного на поддержание равновесия в управляемом объекте и на его развитие посредством введения в него регуляторов (норм, правил, целей, связей)
Социологический словарь (автор – Осипов Г.В.)	Управление через задание объекту требуемого результата и путей его достижения
Экономический словарь (автор – Гацалов М.М.)	Воздействия на объект, посредством которых достигается состояние устойчивости этого объекта в случае возникновения отклонения от заданных параметров
Словарь Лопатникова Л.И.	Вид управления, процесс, посредством которого характеристики управляемой системы удерживаются на траектории, заданной управляющей системой
Большой экономический словарь под ред. А.Н. Азрилияна	Функция управления, обеспечивающая функционирование управляемых процессов в рамках заданных параметров
Краткий экономический словарь	1. Подчинять определенному порядку, правилу, упорядочивать
	2. Устанавливать правильное, необходимое для работы взаимодействие частей механизма, прибора, аппарата и т. п.
	3. Делать что-нибудь для получения нужных показателей, достижения нужной степени чего-либо
«Бизнес-словарь» Е.С.Серого	Регулирование государственное – воздействие на систему со стороны государства для осуществления собственной политики

Источник: составлено автором по данным [6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

Проанализировав значения, предлагаемые указанными авторами, можно сделать вывод, что все они являются различными. Так, Д. Джери обозначает данное понятие как совокупность определенных норм и раскрывает его через определенное направление действий. Г. В. Осипов и Е. С. Серый не раскрывают конкретной цели данного «дей-

ствия», то есть из их определений следует, что регулирование применяется для достижения любой поставленной задачи, а не для целей уравнивания и развития определенной системы, в то время как А. Н. Чудинов, Д. Джери и Л. И. Лопатникова отражают данный термин, как применяемый в целях привнесения порядка, равновесия и создания условий для развития определенной системы. Также данный термин определяет и А. Н. Азрилиянс указанием на то, что управляемая система должна действовать в рамках установленных параметров, то есть по заданной управляющей системой траектории. М. М. Гацалов поясняет, что термин «регулирование» стоит применять при реализации политики, направленной на исправление существующей ситуации, то есть лишь в случае отклонения системы от заданных параметров. Также важно отметить, что в кратком экономическом словаре данная категория, помимо указания системы действовать в рамках установленных правил и достижения поставленных задач, раскрывается как установление взаимодействия различных частей системы с целью достижения заданных параметров.

Учитывая тот факт, что прямым синонимом слова «регулирование» является понятие «управление», которое, в свою очередь, означает «деятельность, направляющую и регулиующую общественные отношения через органы государственной власти» [14], то, по мнению автора, наиболее правильным будет определить данный термин как целенаправленное воздействие, осуществляемое органами управления, ориентированное на привнесение упорядоченности, поддержание равновесия в управляемом объекте, на его развитие и направление данного объекта на достижение заданных параметров посредством введения в него регуляторов и обеспечения взаимодействия различных его частей.

Данное определение понятия «регулирование» учитывает и содержит следующие черты: во-первых, регулирование не является непосредственно совокупностью норм, оно реализуется с их помощью, во-вторых, данное определение является наиболее полным с точки зрения анализа целей, которые на сегодняшний день достигаются посредством регулирования, то есть для достижения равновесия регулируемой системы и политики, проводимой управляющим субъектом. Регулирование в любой области применяется с целью координации деятельности объекта, его контроля и разработки наиболее эффективных и характерных для данного объекта параметров дальнейшего развития.

Термин «таможенный» впервые употребился в XI веке, когда таможня называлась «мытня» (впервые термин был упомянут в Русской правде Ярослава Мудрого) [15]. В ряде славянских языков это название используется и в настоящее время, в частности в белорусском: таможня – «мытня», аналогично в украинском – «митниця» (мытниця), и также в болгарском – «митница» [16]. На Руси ряд платежей, которые было поручено взимать местным русским князьям, назывались «мыт». Однако, первоначально, мыт означал инфекционное заболевание лошадей, затем место, где им можно было заразиться, то есть место, где могли останавливаться повозки. Отсюда мытарство – страдание, мучение, испытание, притеснение и другие подобные эмоции и состояния, связанные с прохождением таможни и к которым трудно привыкнуть. Позднее это место приобрело значение заставы, а затем и торговых и проезжих пошлин по суше и рекам [15].

Непосредственно употребляемое в настоящее время понятие «таможня» произошло от тюркского слова «тамга», означавшего у кочевых народов Средней Азии клеймо, которое обычно ставилось на различные предметы в качестве знака собственности. Общепринято считать, что данный термин был заимствован у татарского народа в XIV–XV веках в период Золотой орды и изменил свое значение, став обозначать «торговый сбор, взимаемый за наложение клейма» [16]. Однако есть доказательства о его использовании еще в XIII веке – существуют ярлыки с надписью «таможьникъ» [17]. Место, где товар «тамжили», то есть ставили специальное клеймо (тамгу), стало называться таможней.

Некоторые ученые считают, что современное слово «деньги», просходящее от старорусского «денга», также уходит своими корнями в тюркский язык и исходит от слова «тамга», так как изображения тамги правителей и само слово «tamğa» встречается на древних тюркских монетах из Средней Азии [18]. Данная взаимосвязь вполне может быть обоснована, ведь одной из основных функций таможенных органов является фискальная, то есть пополнение государственного бюджета за счет взимаемых таможенных платежей (денежных средств).

Таможенное регулирование в современном его значении, как понятие, включающее в себя элементы современного таможенного регулирования, широкое применение получило в XVII веке, когда усилилось государственное вмешательство в сферу внешней торговли и вводилось множество запретов и ограничений на ввозимые товары (таблица 2).

Таблица 2 – Эволюция возникновения и формирования категории таможенного регулирования

Дата	Событие	Описание и значение
XI в.	Издание Русской правды Ярослава Мудрого	Впервые таможня была упомянута как «мытня»
XIII в.	Впервые были использованы ярлыки с надписью «таможник»	Клеймо о том, что товар «тамжили», ставилось на специальные ярлыки и место, где с товаром совершали данные действия, стало называться таможней
XIV–XV вв.	Период Золотой Орды на Руси	Заемствование термина «таможня» у кочевых народов Средней Азии. Данный термин стал обозначать «торговый сбор, взимаемый за наложение клейма»
1667 г.	Принятие Новоторгового устава	Введение видов и размеров внешних и внутренних таможенных сборов, являющихся одними из основных мер таможенного регулирования
XVII – XVII вв.	Эпоха правления Петра I и Екатерины	Активное применение мер таможенного регулирования
Сер. XIX в.	Принятие в Англии закона «О регулировании железных дорог»	Термин «regulation» использовался исключительно в сфере политики и промышленности
1880 – 1920 гг.	Создание электромобилей в США, расцвет промышленности, период интенсивной иммиграции	Появление понятия «регулирование» в Соединенных Штатах Америки. Данный термин использовался более широко, чем при его появлении в Англии. Появился прочный механизм таможенного регулирования, так как таможенное дело было тесно увязано с внутренней и внешней политикой государства
1924 г.	Принятие Таможенного Устава – первого на советском пространстве кодифицированного акта по таможенному делу	Основная задача таможенных органов – контроль экспортно-импортных операций и взимание таможенных платежей. В данный период значительно усилилась государственная монополия и таможенные органы выполняли лишь функции по регистрации и контролю над провозом груза и пассажиров и не были частью механизма таможенного регулирования

1979 г.	Начало приватизации национализированных отраслей промышленности	В Англии вновь стало активно использоваться понятие «регулирование» в различных сферах национальной экономики, в том числе и в таможенном деле. Далее оно получило распространение в Европе, в том числе в Германии – нем. «regulieren» – регулировать
Конец XX в.	Распад СССР (формирование таможенных служб бывших государств-членов), создание Европейского союза. Развитие информационных и коммуникационных технологий	Термин «регулирование» применяется в различных областях (политика, медицина, управленческая деятельность, информатика, таможенное дело и др.). Активное использование термина «таможенное регулирование»
XXI в.	Создание Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации	Законодательное закрепление понятия «таможенное регулирование»

Источник: составлено автором.

Таким образом, категория «таможенное регулирование» прошла долгий исторический путь в своем формировании. Отдельно необходимо выделить период ее не использования – в рамках предыдущей социалистической экономической системы СССР. Отсутствие значимой роли таможенных органов в регулировании внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) в условиях господства отношений государственного патернализма не способствовало формированию системы таможенного регулирования. В силу приоритета отраслевого принципа управления вся экономика страны (СССР) определялась как единый народнохозяйственный комплекс, являющийся экономически целостной, сложной, многогранной системой взаимосвязанных отраслей производства и производственной сферы, базировавшийся на общегосударственной собственности и планово-распределительной системе управления. В вопросах управления экономическим и социальным развитием приоритет отдавался централизованному управлению, роль таможенных органов была незначительной.

Активное развитие категория «таможенное регулирование» получила после распада СССР, когда во входивших в него странах стали формироваться самостоятельные таможенные органы. В настоящее время, помимо термина «таможенное регулирование», широко используются «таможенно-тарифное регулирование», «нетарифное регулирование внешнеэкономической деятельности», «валютное регулирование» (как элемент нетарифного). По мнению автора, такое разделение обусловлено не только масштабностью задач, выполняемых таможенными органами в сфере государственного регулирования экономики, но и сложностью функционирования такой системы.

Что касается места таможенного регулирования в системе государственного регулирования, то стоит отметить, что в настоящее время таможенные органы выступают непосредственным регулятором внешнеэкономической сферы, участвуют в реализации вопросов развития и регулирования внешнеэкономических отношений, оказывают влияние на уровень развития производительных сил (в том числе за счет выполняемой ими фискальной функции и функции защиты национальных производителей), в частности в плане структурной перестройки национальной экономики.

Действующие методы, используемые при реализации таможенного регулирования, позволяют решить задачи, стоящие перед государством в области обеспечения экологической безопасности, защиты государства и общества в целом от экономических и других видов преступлений, регулирования структуры внешнеторгового оборота, реализации интересов различных участников внешней торговли и другие. Эти методы представляют собой сложную систему взаимосвязанных мер, имеющих по своей природе различную основу: от жестких административных запретительных мер до мер тарифного регулирования, которые носят сугубо экономический характер.

По мнению автора, основной целью таможенного регулирования является содействие формированию и непосредственная реализация действенного механизма регулирования внешнеэкономической деятельности государства. Под данным механизмом нами понимается регулирование ВЭД, отвечающее потребностям национальной экономики в ее переходный период. Задачами таможенного регулирования в механизме государственного регулирования являются:

- содействие проведению структурной перестройки национальной экономики;
- содействие эффективному обеспечению товарообмена на таможенной территории ЕАЭС;
- обеспечение модернизации и эффективного функционирования таможенной системы, соответствующей международным стандартам и отвечающей современным требованиям интеграции в международное экономическое пространство;
- реализация задач по защите отечественного рынка;
- стимулирование развития национальной экономики.

На наш взгляд, последняя задача таможенного регулирования обусловлена значительным влиянием проводимой таможенной политики на национальную экономику. Направления такого воздействия представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Направления влияния таможенного регулирования на национальную экономику

Сфера влияния	Инструмент влияния
Экологическая	<i>Программа «Зеленая таможня», целью которой является обучение специалистов таможенных органов по выявлению рисков и угроз, связанных с нелегальной торговлей товарами, представляющими опасность для окружающей среды</i>
	<i>Реализация запретных мер на ввоз озоноразрушающих веществ посредством лицензирования (в рамках Монреальского протокола)</i>
	<i>Контроль за сведением к минимуму трансграничной перевозки опасных и других отходов в соответствии с экологически обоснованным и эффективным использованием таких отходов и содействие ограждению граждан и окружающей среды от отрицательных последствий таких перевозок (осуществляется в рамках Базельской конвенции)</i>
	<i>Контроль за соблюдением правил по ввозу животных и растений, в том числе запретов и ограничений провоза исчезающих видов флоры и фауны</i>
Социальная	<i>Борьба с преступностью в сфере таможенного дела (т. е. правовая защита граждан), в том числе с контрабандой историко-культурных ценностей, исчезающих видов флоры и фауны: таможенные органы активно реализуют мероприятия по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений и преступлений в сфере таможенного дела, касающихся перемещению указанных объектов</i>

	<i>Создание многофункционального кадрового потенциала</i> , в состав которого входят специалисты, имеющие высшее образование – 95%, из них экономическое – 20%, юридическое – 30%, специалисты в области информационных технологий – 25%, таможенное дело – 25%.
	В таможенных органах осуществляется создание благоприятных условий для работы и карьеры сотрудников, организация непрерывного профессионального развития кадров
	<i>Социальная защита и поддержка</i> работающих в таможенной системе должностных лиц, членов их семей и ветеранов таможенных органов за счет внедрения широкого перечня социальных льгот
	<i>Противодействие коррупции</i> : в таможенных органах создана атмосфера нетерпимости к взяточничеству путем повышения уровня антикоррупционного сознания должностных лиц таможенных органов, о чем свидетельствует ежегодный рост количества выявленных и пресеченных сотрудниками таможен попыток передачи им взяток
Экономическая	<i>Пополнение республиканского бюджета</i> , расходы которого в значительной мере направляются на социальную и экологическую сферы (социальная политика, образование, здравоохранение, охрана окружающей среды и др.): доля НДС, акцизов и налогов от внешнеэкономической деятельности в доходной части консолидированного бюджета за 2014 г. составила 50,3%
	<i>Обеспечение экономической безопасности и защита отечественных производителей</i> : проявляется в протекционистской функции таможенных органов, которая реализуется посредством установления таможенных запретов, ограничений, лицензирования и квотирования

Источник: составлено автором по данным [19, 20].

Таким образом, таможенное регулирование является одним из основных инструментов государственного регулирования национальной экономики и соотносится как «часть – целое». Такая роль таможенного регулирования в регулировании национальной экономики обусловлена ориентацией таможенных органов на достижение высоких результатов по показателям вклада в развитие именно таких сфер как экологическая, социальная и экономическая.

Что касается непосредственно мер таможенного регулирования, то их можно разделить, как уже отмечалось, на две укрупненные группы:

1) экономические методы – базируются на использовании экономического инструментария таможенной политики: таможенный тариф, налоги, таможенные сборы и другие виды платежей;

2) административные методы – система правил, нормативов, запретов, с помощью которых таможенные органы осуществляют непосредственное влияние на субъекты внешнеэкономической деятельности, регламентируют их деятельность в интересах общества [21, с. 83].

Выделяют следующие составляющие таможенного регулирования: принципы перемещения через таможенную границу товаров и транспортных средств; таможенные процедуры; таможенно-тарифное регулирование и взимание таможенных платежей; совершение таможенных операций по выпуску; таможенный контроль; предоставление таможенных льгот; ведение таможенной статистики и Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности; правовая регламентация ответственности за правонарушения в сфере таможенного дела [22, с. 48].

Определение, данное в законодательстве, определяет лишь направления таможенного регулирования и не определяет его основные меры, элементы. По мнению автора, предложенная классификация элементов таможенного регулирования достаточно полная, хотя и отделяет от таможенно-тарифного регулирования единую Товарную номенклатуру ВЭД [22].

Однако, на наш взгляд, эффективная система таможенного регулирования не может существовать без мер нетарифного регулирования, ведь они играют значительную роль в регулировании внешнеэкономической деятельности государства. В результате изучения основных элементов таможенного регулирования автором разработана схема, отражающая их развитие в историческом разрезе (рисунок 1).

На схеме показана эволюция таможенного регулирования на протяжении десяти веков с момента создания таможенной службы, а точнее наличия первого упоминания о ней. Такая эволюция отражает расширение задач, возникающих перед таможенными органами, а, следовательно, и объектов регулирования таможенного дела.

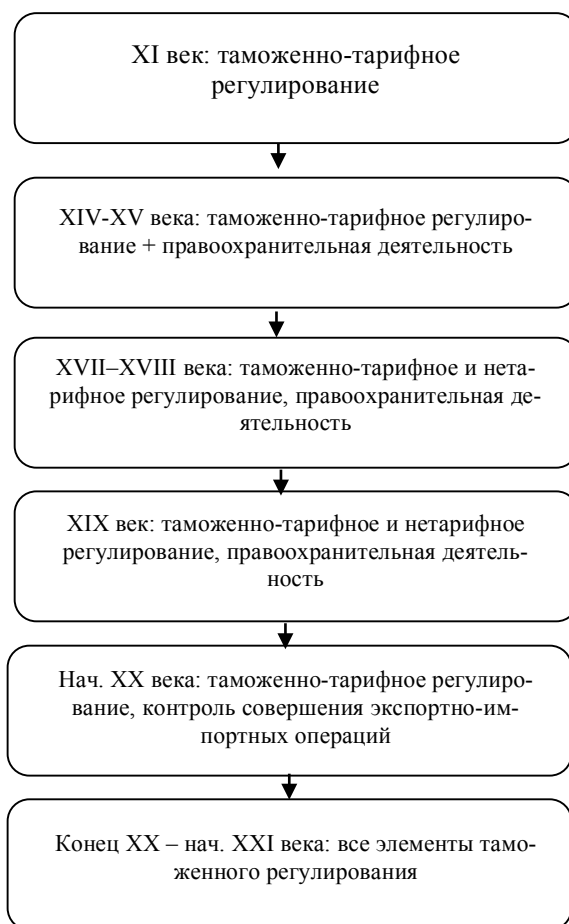

Рисунок 1 – Этапы развития элементов таможенного регулирования

Источник: разработка автора.

На современном этапе таможенное регулирование представляет собой сложный механизм управления, контроля и воздействия на внешнюю торговлю и экономику в целом,

реализуемый посредством исполнения отдельных его элементов на местах с целью обеспечения возможности эффективного планирования (разработки), выполнения и контроля деятельности таможенных органов для защиты экономических интересов государства.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ становления категории «таможенное регулирование», изучение его сущности и составляющих элементов позволяют утверждать, что таможенное регулирование исторически сложилось как система (механизм), включающая цель, задачи, объект, субъекты и инструменты.

Таким образом, если таможенная деятельность охватывает всю систему способов, методов и последствий таможенного регулирования внешнеэкономической деятельности, то деятельность таможенных органов – это деятельность организационной структуры (одного из хозяйствующих субъектов, хотя и очень важного, участвующего в таможенной деятельности), созданной для реализации ряда функций в процессе таможенного регулирования и заключающейся в установлении порядка и правил, при соблюдении которых юридические и физические лица могут реализовать свое право на перемещение товаров и транспортных средств на таможенную территорию государства и/или таможенного союза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О таможенном регулировании в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 января 2014 г., № 129-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/index.php?guid=12551&p0=H11400129&p1=&p5=0>. – Дата доступа: 04.10.2015.
2. Значение слова «регулировать» [Электронный ресурс] // Исторический словарь галлицизмов русского языка. – Режим доступа : <http://gallicismes.academic.ru>. – Дата доступа: 04.10.2015.
3. Значение слова «регулирование» [Электронный ресурс] // Политология. Словарь. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru>. – Дата доступа: 04.10.2015.
4. Андерхилл, Д. Политика. Толковый словарь / Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Берн, П. Бернем, и др. – Москва : «ИНФРА-М», Издательство «Весь Мир». Общая редакция: д.э.н. Осадчая И. М., 2001. – 536 с.
5. Значение слова «регулирование» [Электронный ресурс] // Экономический словарь Фокина Н. И. – 2015. – Режим доступа: <http://dictionary-economics.ru>. – Дата доступа: 05.10.2015.
6. Азрилиян, А. Н. Большой экономический словарь / А. Н. Азрилиян, М. Ю. Агафонов, О. М. Азрилиян, и др. – Москва : Институт новой экономики. Под редакцией Азрилияна А. Н., 1994. – 574 с.
7. Значение слова «регулировать» [Электронный ресурс] // Большой экономический словарь. – Режим доступа: <http://ekslovar.ru>. – Дата доступа: 05.10.2015.
8. Значение слова «регулирование государственное» [Электронный ресурс] // Бизнес-словарь Е. С. Серого. – Режим доступа: <http://www.businessvoc.ru> – Дата доступа: 05.10.2015.
9. Лопатников, Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки / Л. И. Лопатников. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : «Дело», 2003. – 520 с.

10. Гацалов, М. М. Современный экономический словарь-справочник / М. М. Гацалов. – Ухта : «УГТУ», 2002. – 371 с.
11. Осипов, Г. В. Социологический словарь / Г. В. Осипов. – Москва : «Инфра-М», «Норма», 2015. – 608 с.
12. Джерри, Д. Большой толковый социологический словарь в 2 т. / Д. Джерри, Дж. Джерри. – Москва : «Вече», «АСТ», 1999. – Т. 1 – 544 с., Т2 – 528 с.
13. Чудинов, А. Н. Толковый словарь иностранных слов / А. Н. Чудинов. – СПб. : Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894. – 1004 с.
14. Значение слова «управление» [Электронный ресурс] // Словарь Ефремовой. – Режим доступа: <http://www.efremova.info>. – Дата доступа: 05.10.2015.
15. Откуда пошла российская таможня [Электронный ресурс] // Познавательный журнал «Школа». – Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru>. – Дата доступа: 06.10.2015.
16. Таможня [Электронный ресурс] // Свободная энциклопедия Википедия. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 06.10.2015.
17. Происхождение слова «таможникъ» [Электронный ресурс] // Этимологический словарь Фасмера. – Режим доступа: <http://vasmer.narod.ru> – Дата доступа: 06.10.2015.
18. Слова-интернационализмы тюрского происхождения [Электронный ресурс] // Свободная гипертекстовая вики-энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.wikiznanie.ru>. – Дата доступа: 08.10.2015.
19. Основные направления развития таможенной службы Республики Беларусь до 2015 года : приказ Председателя ГТК Респ. Беларусь, 8 апр. 2011 г., № 125-ОД // Государственный таможенный комитет Республики Беларусь. – 2011.
20. О состоянии государственных финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Министерство финансов Республики Беларусь. – Режим доступа : <http://www.minfin.gov.by/>. – Дата доступа : 12.03.2015.
21. Гребельник, О. П. Основы таможенного дела / О. П. Гребельник. – К. : Киев. нац. торг- экон. ун-т, – 2003. – 188 с.
22. Шапошников, Н. Н. Таможенная политика России / Н. Н. Шапошников. – Москва: «Литра», – 2003. – 330 с.
23. Борисов, К. Г. Международное таможенное право : учеб. пособие / К. Г. Борисов. – Москва : РУДН, 2001. – 616 с.
24. Таможенный кодекс Европейского союза [Электронный ресурс] // Комитет Верховной Рады Украины по вопросам финансов, банковской деятельности, налоговой и таможенной политики. – Режим доступа : <http://kompmp.rada.gov.ua> – Дата доступа : 10.11.2015.
25. Бондаренко, В.С. Что такое Евросоюз / В. С. Бондаренко. – Гомель : БТЭУ ПК, 2009. – 11 с.
26. Департамент таможенно-тарифного и нетарифного регулирования ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://ees.eaunion.org>. – Дата доступа: 11.11.2015.
27. Тарифное регулирование [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mfa.gov.by> – Дата доступа: 12.11.2015.
28. Таранов, М. С. Обязательное предварительное информирование / М. С. Таранов // Таможня и ВЭД – 2012. – № 5. – С. 12–15.
29. О евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org>. – Дата доступа: 13.11.2015.

30. About the EU [Электронный ресурс] // European Union. – Режим доступа: <http://europa.eu>. – Дата доступа: 15.11.2015.

REFERENCES

1. O tamozhenom regulirovanii v Respublike Belarus' [Ehlektronnyj resurs] : Zakon Resp. Belarus', 10 yanvarya 2014 g., № 129-Z // Nacional'nyj pravovoj internet-portal Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://pravo.by/document/index.php?guid=12551&p0=H11400129&p1=&p5=0>. – Data dostupa: 04.10.2015.

2. Znachenie slova «regulirovat'» [EHlektronnyj resurs] // Istoricheskij slo-var' gallicizmov russkogo yazyka. – Rezhim dostupa : <http://gallicismes.academic.ru>. – Da-ta dostupa: 04.10.2015.

3. Znachenie slova «regulirovanie» [Ehlektronnyj resurs] // Politologiya. Slovar'. – Rezhim dostupa: <http://dic.academic.ru>. – Data dostupa: 04.10.2015.

4. Anderhill, D. Politika. Tolkovyj slovar' / D. Anderhill, S. Barrett, P. Bern, P. Bernem, i dr. – Moskva : «INFRA-M», Izdatel'stvo «Ves' Mir». Obshchaya redakciya: d.eh.n. Osadchaya I. M., 2001. – 536 s.

5. Znachenie slova «regulirovanie» [Ehlektronnyj resurs] // Ehkonomicheskij slovar' Fokina N. I. – 2015. – Rezhim dostupa: <http://dictionary-economics.ru>. – Data do-stupa: 05.10.2015.

6. Azriliyan, A. N. Bol'shoj ehkonomicheskij slovar' / A. N. Azriliyan, M. Yu. Agafonova, O. M. Azriliyan, i dr. – Moskva : Institut novoj ehkonomiki. Pod redakciej Azriliyana A. N., 1994. – 574 s.

7. Znachenie slova «regulirovat'» [EHlektronnyj resurs] // Bol'shoj ehkonomie-skij slovar'. – Rezhim dostupa: <http://ekslovar.ru>. – Data dostupa: 05.10.2015.

8. Znachenie slova «regulirovanie gosudarstvennoe» [Ehlektronnyj resurs] // Biznes-slovar' E. S. Serogo. – Rezhim dostupa: <http://www.businessvoc.ru> – Data dostupa: 05.10.2015.

9. Lopatnikov, L. I. Ehkonomiko-matematicheskij slovar': Slovar' sovremen-noj ehkonomie-skoj nauki / L. I. Lopatnikov. – 5-e izd., pererab. i dop. – Moskva : «Delo», 2003. – 520 s.

10. Gacalov, M. M. Sovremennyj ehkonomicheskij slovar'-spravochnik / M. M. Ga-calov. – Uhta : «UGTU», 2002. – 371 s.

11. Osipov, G. V. Sociologicheskij slovar' / G. V. Osipov. – Moskva : «Infra-M», «Norma», 2015. – 608 s.

12. Dzherri, D. Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar' v 2 t. / D. Dzherri, Dzh. Dzherri. – Moskva : «Veche», «AST», 1999. – T. 1 – 544 s., T2 – 528 s.

13. CHudinov, A. N. Tolkovyj slovar' inostrannyh slov / A. N. CHudinov. – SPb. : Iz-danie knigoprodavca V. I. Gubinskogo, 1894. – 1004 s.

14. Znachenie slova «upravlenie» [Ehlektronnyj resurs] // Slovar' Efremovoj. – Rezhim dostupa: <http://www.efremova.info>. – Data dostupa: 05.10.2015.

15. Otkuda poshla rossijskaya tamozhnya [Ehlektronnyj resurs] // Poznavatel'nyj zhurnal «SHkola». – Rezhim dostupa: <http://shkolazhizni.ru>. – Data dostupa: 06.10.2015.

16. Tamozhnya [Ehlektronnyj resurs] // Svobodnaya ehnciklopediya Vikipediya. – Rezhim dostupa: <https://ru.wikipedia.org>. – Data dostupa: 06.10.2015.

17. Proiskhozhdenie slova «tamozh'nik» [Ehlektronnyj resurs] // Ehtimologicheskij slovar' Fasmera. – Rezhim dostupa: <http://vasmer.narod.ru> – Data dostupa: 06.10.2015.

18. Slova-internacionalizmy tyurskogo proiskhozhdeniya [Ehlektronnyj re-surs] // Svo-bodnaya gipertekstovaya viki-ehnciklopediya. – Rezhim dostupa: <http://www.wikiznanie.ru>. – Data dostupa: 08.10.2015.

19. Osnovnye napravleniya razvitiya tamozhennoj sluzhby Respubliki Belarus' do 2015 goda : prikaz Predsedatelya GTK Resp. Belarus', 8 apr. 2011 g., № 125-OD // Gosudarstvennyj tamozhennyj komitet Respubliki Belarus'. – 2011.
20. O sostoyanii gosudarstvennyh finansov Respubliki Belarus' [Ehlektronnyj resurs] // Ministerstvo finansov Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa : <http://www.minfin.gov.by/>. – Data dostupa : 12.03.2015.
21. Grebel'nik, O. P. Osnovy tamozhennogo dela / O. P. Grebel'nik. – K. : Kiev. nac. torg- ehkon. un–t, – 2003. – 188 s.
22. Shaposhnikov, N. N. Tamozhennaya politika Rossii / N. N. SHaposhnikov. – Moskva: «Litra», – 2003. – 330 s.
23. Borisov, K. G. Mezhdunarodnoe tamozhennoe pravo : ucheb. posobie / K. G. Borisov. – Moskva : RUDN, 2001. – 616 s.
24. Tamozhennyj kodeks Evropejskogo soyuza [Ehlektronnyj resurs] // Komitet Verhovnoj Rady Ukrainy po voprosam finansov, bankovskoj deyatelnosti, nalogo-voj i tamozhennoj politiki. – Rezhim dostupa : <http://kompmp.rada.gov.ua> – Data do-stupa : 10.11.2015.
25. Bondarenko, V. S. Chto takoe Evrosoyuz / V. S. Bondarenko. – Gomel' : BTEHU PK, 2009. – 11 s.
26. Departament tamozhenno-tarifnogo i netarifnogo regulirovaniya EAEHS [Ehlektronnyj resurs] // Evrazijskaya ehkonomicheskaya komissiya. – Rezhim dostupa: <http://eec.eaunion.org>. – Data dostupa: 11.11.2015.
27. Tarifnoe regulirovanie [EHlektronnyj resurs] // Ministerstvo inostrannyh del Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://mfa.gov.by> – Data dostupa: 12.11.2015.
28. Taranov, M. S. Obyazatel'noe predvaritel'noe informirovanie / M. S. Taranov // Tamozhnya i VEHD – 2012. – № 5. – S. 12–15.
29. O evrazijskoj ehkonomicheskoy komissii [Ehlektronnyj resurs] // Evrazij-skaya ehkonomicheskaya komissiya. – Rezhim dostupa: <http://www.eurasiancommission.org>. – Data dostupa: 13.11.2015.
30. About the EU [Ehlektronnyj resurs] // European Union. – Rezhim dostupa: <http://europa.eu>. – Data dostupa: 15.11.2015.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2018 года.

УДК 339.13:796 (571.62)

ББК 65.497.7:75.48

ОСОБЕННОСТИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ
Г. ГОМЕЛЯ В ВЫБОРЕ ФИЗКУЛЬТУРНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

Е. В. ГУСИНЕЦ

e_gusinets@inbox.ru

старший преподаватель кафедры «Теории и методики физической культуры»
Гомельский государственный университет им.Ф.Скорины
Гомель, Республика Беларусь

Статья посвящена определению спроса на физкультурные услуги через выявление потребительских предпочтений населения г. Гомеля в занятиях физкультурой и спортом. Актуальность исследования обусловлена возросшим усилением роли физической культуры и спорта в жизни современного общества. Основной целью исследований является маркетинговая оценка субъективно-мотивационных характеристик потребителей физкультурно-оздоровительных услуг различных возрастных групп.

Ключевые слова: физкультурно-оздоровительные услуги, рынок фитнес-услуг, население, потребительские предпочтения, здоровье, физическая культура и спорт

FEATURES OF CONSUMER PREFERENCES OF INHABITANTS OF GOMEL
IN THE CHOICE OF SPORTS AND IMPROVING SERVICES

E. V. GUSINETS

lecturer of department of «Theories and techniques of physical culture technique»
Francisk Skorina Gomel State University
Gomel, Republic of Belarus

The demand for sports services through detection of consumer preferences in exercises and sport of Gomel population is determinated in the article. The relevance of a research is caused by the increased strengthening of a role of physical culture and sport in life of modern society. The main aim of researches is marketing assessment of subjective and motivational characteristics of consumers of sports and improving services of various age groups

Keywords: sports and improving services, market of fitness services, population, consumer preferences, health, physical culture and sport

ВВЕДЕНИЕ

В связи с постоянным поступательным ростом средней продолжительности жизни людей в мире, а, соответственно, и повышением границ пенсионного возраста, постепенно повышается и возрастной порог активной деятельности населения. Такие современные тенденции предъявляют к людям высокие требования к состоянию физического здоровья, о котором многие начинают задумываться уже в юном возрасте [1]. С другой стороны, в связи с ростом внедрения IT-технологий в трудовой процесс современного человека постоянно падает его двигательная активность, что в свою очередь приводит к снижению уровня физического развития, функциональной подготовленности, физической и умственной работоспособности и показателей здоровья в целом. Этот факт сегодня способствует лучшему пониманию ценности здоровья, как личного капи-

тала отдельно взятого человека [2]. При этом, большинству развитых стран мира свойственна особая забота о человеческих ресурсах страны, от качества и количества которых напрямую зависит состояние экономики. США сегодня является страной, в которой более 40 % населения вовлечено в регулярные занятия физической культурой и спортом [3], в Германии это показатель превышает 60 % [4], а в России – чуть более 31 % [5]. Что касается Республики Беларусь, то в нашей стране, в настоящее время, регулярным физкультурно-оздоровительным и спортивным занятиям отдают предпочтение лишь 21 % населения [6].

Удовлетворение потребности населения в систематических занятиях физической культурой и спортом с целью укрепления его здоровья – задача государственного масштаба, которая будет оставаться актуальной всегда.

В этой связи возникает объективная необходимость эффективного развития физкультурно-оздоровительной и спортивно-массовой работы на благо всего человечества: осознание значимости участия большей части населения в физкультурно-оздоровительных программах, закрепление норм и правил здорового образа жизни в современном обществе [7].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В целях определения особенностей спроса населения г. Гомеля на физкультурно-оздоровительные услуги было организовано и проведено исследование на основе анкетирования, в котором приняли участие 480 гомельчан (207 мужчин и 273 женщины) разного возраста, проживающих в различных районах города. Анкетирование проводилось в печатной и электронной форме с использованием интернет-технологии «Google forms». Исследование позволило определить набор востребованных физкультурных услуг и популярных мест их получения, а также факторы, оказывающие наибольшее влияние на предпочтения жителей в выборе физкультурно-оздоровительных услуг.

В качестве основных результатов проведенного исследования были выбраны следующие количественные и качественные характеристики, характеризующие предпочтения населения:

- отношение граждан к собственному здоровью и способам его улучшения;
- частота занятий физической культурой и спортом в настоящее время и предыдущий опыт физкультурно-спортивной деятельности в детстве;
- целевое назначение физкультурно-оздоровительных и спортивных занятий и перечень наиболее востребованных их видов среди населения;
- состав личного окружения при посещении физкультурно-оздоровительных занятий;
- основные причины, препятствующие систематическим занятиям физическими упражнениями или сдерживающие интерес к подобным занятиям;
- основные предпочтения в форме получения физкультурно-оздоровительных услуг (платная или бесплатная), а также в уровне оплаты за их потребление;
- основные предпочтения в посещении спортивных мероприятий и физкультурно-спортивных сооружений для самостоятельных занятий;
- основные предпочтения в строительстве новых видов физкультурно-спортивных сооружений по месту жительства населения.

Результаты исследования показывают, что большинство опрошенных жителей г. Гомеля (90%) заботятся о своем здоровье. Внимательное отношение к собственному здоровью постепенно становится одной из важнейших ценностных установок человека в современном белорусском обществе. При этом следует отметить, что, отвечая на вопрос анкеты «Что Вы обычно делаете для улучшения своего здоровья?», респонденты давали ответы, не всегда соответствующие ранее заявленной заботе о собственном здоровье (таблица 1).

Таблица 1 – Результаты ответов респондентов на вопрос «Что Вы обычно делаете для улучшения своего здоровья?»

№	Вариант ответа на вопрос	Результат
1	прогуливаюсь на свежем воздухе	57,0%
2	не курю	50,9 %
3	стараюсь следить за своим рационом питания	39,7 %
4	занимаюсь регулярными физическими упражнениями	39,3 %
5	принимаю различные витамины и (или) биологически активные добавки	32,0 %
6	слежу за режимом сна и отдыха (сплю не менее 7-8 часов)	30,4 %
7	почти не употребляю алкоголь (могу позволить себе выпить только в праздники)	27,2 %
8	не употребляю сладкие напитки (Coca cola, Sprite, Pepsi и др.)	27,0 %
9	регулярно пью достаточное количество воды (не менее 8 стаканов в сутки)	23,9 %
10	не употребляю алкоголь (никогда, даже в праздники)	20,8 %
11	посещаю лечебные санатории, базы отдыха	13,7 %
12	регулярно хожу в баню	12,9 %
13	занимаюсь закаливанием и обливанием	7,3 %
14	не употребляю напитки, содержащие кофеин (кофе, чай)	5,4 %
15	ничего не делаю	3,7%

Как видно из представленной таблицы 1, менее 40 % опрошенных следят за своим питанием и регулярно выполняют физические упражнения, лишь 50,9 % опрошенных не курит и чуть более 20% никогда не употребляют спиртные напитки. Менее трети опрошенных уделяют достаточное внимание качеству своего сна и количеству употребляемой воды. Все эти факты свидетельствуют в пользу того, что современное общество, несмотря на высокий уровень информатизации, все еще недостаточно серьезно относится к своему здоровью, несмотря на свои «громкие» заявления о его важности в их жизни.

Массовый опрос населения позволил определить основной состав потребностей потенциальных потребителей физкультурно-оздоровительных услуг через выявление приоритетных целей занятий физкультурой и спортом.

Таблица 2 – Основные цели занятий физической культурой и спортом жителей г. Гомеля

№	Цель занятия ФКиС	Результат
1	Хорошее самочувствие и настроение	52,4%
2	Укрепить здоровье	46,6%
3	Иметь красивое телосложение	44,1%

Окончание таблицы 2

4	Просто отдохнуть	22,3%
5	Избавиться от избыточного веса	20%
6	Желание уйти от повседневного однообразия	15,8%
7	Другие цели	10,4%
8	Соответствовать современному образу жизни и моде	9,7%
9	Составить компанию и пообщаться с друзьями	9,7%

Как видно из таблицы 2, самой главной для себя целью занятий физической культурой и спортом (более 52% опрошенных) считают достижение хорошего самочувствия и настроения; укрепление здоровья – 46,6% и желание иметь красивое телосложение – 44,1% являются второй и третьей по значимости целью регулярных занятий физическими упражнениями.

Таким образом, посредством определения основных целей занятий физкультурой населения было выявлено, что в г. Гомеле физкультурные услуги выполняют важную роль в практической реализации многообразия социальных функций физической культуры, которые удовлетворяют не только потребность личности в улучшении здоровья, но удовлетворяют эмоциональные, рекреационные и коммуникативные потребности, потребности в улучшении телосложения, в создании красивой внешности, потребности соответствия модным тенденциям и т. д.

В ходе исследования выяснилось, что 60,1 % опрошенных в детстве занимались в физкультурно-спортивных секциях, клубах или детско-юношеских спортивных школах, причем 28 % из них более одного года. Так наиболее востребованными видами спорта в г. Гомеле респондентами были отмечены: легкая атлетика, плавание и баскетбол и единоборства (борьба, каратэ, бокс и др.). Также следует обратить особое внимание на то, что в г. Гомеле 27,4 % опрошенных вообще не занимались регулярно физкультурой и спортом в детстве, а 4,8 % имели освобождение от занятий физической культурой и спортом по состоянию здоровья (рисунок 1).

Рисунок 1 – Результаты ответов респондентов на вопрос «Занимались ли Вы в детстве (до 16 лет) каким-либо видом спорта или физическими упражнениями помимо уроков ФК в школе?»

Анализ результатов, полученных в ходе опроса населения г. Гомеля по структуре предпочтений к видам занятий физической активностью выявил особенности,

закрывающиеся в дифференциации потребления физкультурных услуг, по сезонам (рисунки 2, 3, 4).

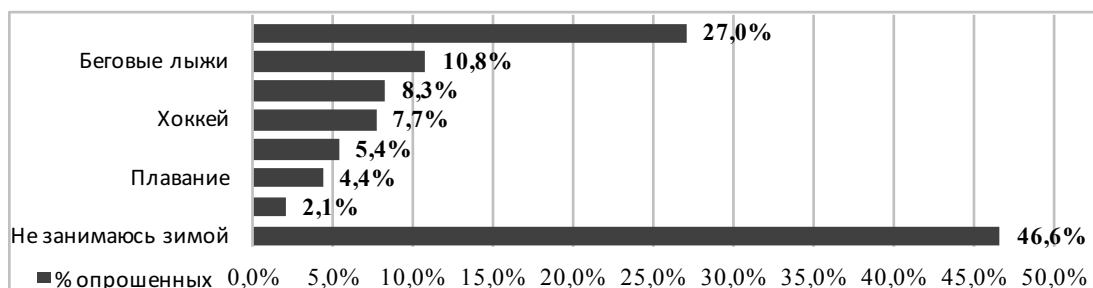

Рисунок 2 – Результаты ответов респондентов на вопрос «Каким видом спорта или физкультуры Вы занимаетесь в настоящее время (зимнее время года)?»

Так в зимнее время года наиболее востребованы (рисунки 2):

- катание на коньках (27%);
- катание на беговых лыжах (10,8%);
- игра в футбол (8,3%);
- катание на горных лыжах (5,4%).

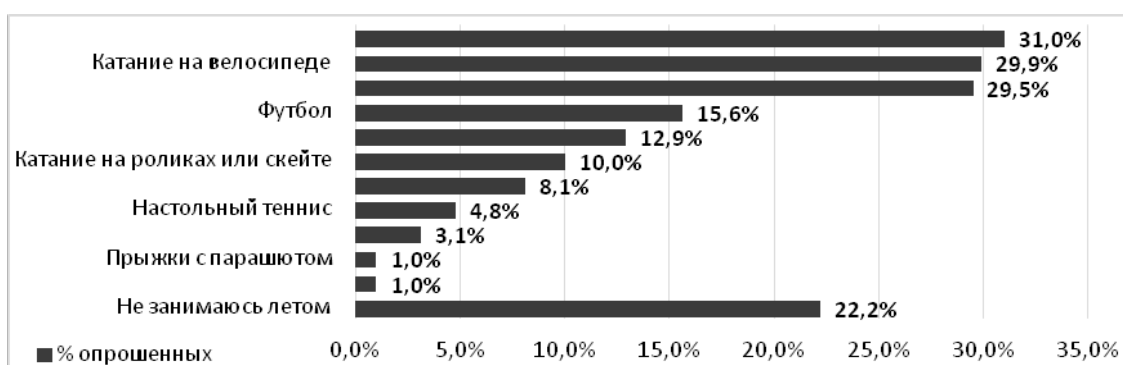

Рисунок 3 – Результаты ответов респондентов на вопрос «Каким видом спорта или физкультуры Вы занимаетесь в настоящее время (летнее время года)?»

Летом наиболее популярны (рисунки 3):

- оздоровительный бег (29,9%);
- катание на велосипеде (29,9%);
- плавание (29,5%);
- игровые виды спорта (футбол – 15,6%; волейбол – 12,9%).

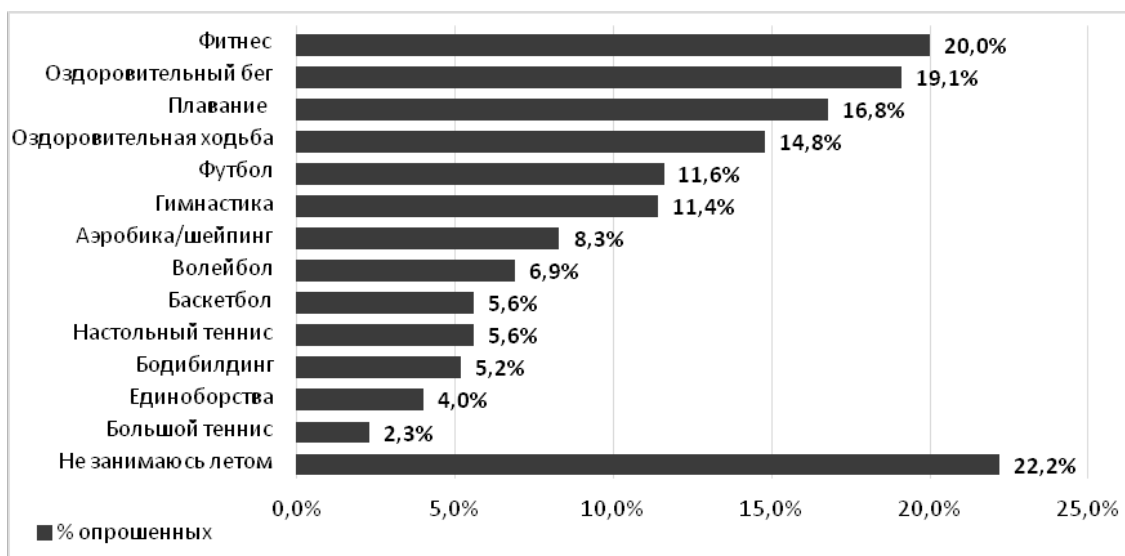

Рисунок 4 – Результаты ответов респондентов на вопрос «Каким видом спорта или физкультуры Вы занимаетесь в настоящее время (вне зависимости от времени года)?»

В течение всего года наиболее популярны (рисунок 4):

- посещение фитнес-клубов и тренажерных залов (44,9% в сумме): фитнес (20%), гимнастика (11,4%), аэробика и занятия шейпингом (8,3%) и бодибилдинг (5,2%);
- оздоровительный бег (19,1%);
- плавание в бассейне и природных водоемах (16,8%);
- оздоровительная ходьба (14,8%);

Как видно из полученных данных сезонная предпочтительность в выборе физкультурно-спортивных занятий гомельчан имеет место быть; особенно это касается исключительно зимних и летних видов спорта и активного отдыха, однако посещение фитнес-клубов и тренажерных залов, занятия игровыми видами спорта, оздоровительная ходьба и бег не теряют свою востребованность круглый год.

Структура потребления физкультурно-оздоровительных услуг населением г. Гомеля свидетельствует о приоритетном выборе в пользу платных: им отдали предпочтение 39,9% респондентов, бесплатным – почти столько же – 38,7%, а 21,2% респондентов не потребляют данные услуги ни в одной из форм. Необходимо отметить, что при постепенном повышении уровня реальных доходов населения страны, несомненно, будет увеличиваться и число жителей города, занимающихся в фитнес-центрах, клубах, студиях и секциях на платной основе (при условии своевременного повышения качества и разнообразия предоставляемых услуг).

Как видно из таблицы 3, фактические ежемесячные расходы жителей Гомеля на физкультурно-спортивные занятия различны. Возможность тратить на физкультурные услуги 5-10 рублей в месяц есть у 9,3% опрошенных респондентов, в то время, как только 3% жителей областного центра могут позволить себе расходы на эти услуги, превышающие 70 белорусских рублей или около 35 долларов США; при этом более 50% опрошенных ежемесячно тратят на данные услуги 11 – 40 рублей ежемесячно.

Таблица 3 – Ежемесячные расходы жителей г. Гомеля на занятия физкультурой и спортом и совокупный месячный доход на всю семью в рублях (BYN)

Затраты на физкультурно-оздоровительные услуги (в рублях BYN)	Результат, в %	Совокупный месячный доход на всю семью в рублях (BYN)	Результат, в %
5 – 10	9,3	До 265	3,1
11 – 15	10,2	265 – 400	13,3
16 – 20	10,5	401 – 567	15,4
25 – 30	17,4	568 – 767	15,8
31 – 40	12,3	768 – 1133	20,8
41 – 50	8,8	1134 – 1500	14,1
51 – 70	5,1	1500 – 2000	7,7
Более 70	3	более 2000	1,7

Из таблицы 3 видно также, что более 50% опрошенных имеют совокупный месячный доход на всю семью в диапазоне от 400 до 1133 рублей (BYN) и представляют собой основную долю потребителей на рынке физкультурно-оздоровительных услуг. Поэтому запланированный правительством Республики Беларусь планомерный рост средней заработной платы несомненно окажет положительное влияние и на спрос горожан на более качественные физкультурно-оздоровительные услуги, увеличивая, тем самым, и количество потребляемых услуг на душу населения и соответственно, общие затраты на их потребление.

Зачастую многие люди не могут посещать физкультурно-спортивные сооружения и занятия физической культурой и спортом, ссылаясь на различные причины. Исследуя потребительские предпочтения жителей г. Гомеля, мы не могли обойти стороной и эту проблему. По данным проведенного исследования основными факторами, ограничивающими возможность занятий физкультурой и спортом, являются:

- 1) недостаток свободного времени – 65,3% опрошенных;
- 2) недостаток требуемых денежных средств – 16,5% опрошенных;
- 3) нет компании для совместного посещения, а мешает собственная лень – 14,9% опрошенных;
- 4) неудобное месторасположение мест для занятий – 12,4% опрошенных;
- 5) не нуждаюсь в занятиях ФКиС – 3,9% опрошенных;
- 6) нет объективных препятствий – 3,7 % опрошенных;
- 7) проблемы со здоровьем – 1% опрошенных;

Как видно из приведенных результатов опроса гомельчан, основной причиной, препятствующей регулярным занятиям ФКиС является недостаток свободного времени (более 65% опрошенных) и недостаток требуемых денежных средств (более 16% опрошенных). На наш взгляд, такая ситуация говорит о том, что большинство тех, кто не занимается регулярными физическими упражнениями все-таки не считают эти занятия настолько важными и необходимыми для их здоровья, чтобы найти в своем жизненном расписании для них время и денежные средства. Кроме того, невысокий средний уровень доходов населения по отношению к средневропейскому вынуждает многих горожан искать себе дополнительную подработку, увеличивая, тем самым, продолжительность дневного труда, а иногда отказывая себе даже в полноценных выходных днях, которые можно было использовать для активного отдыха и восстановления.

Организация и проведение зрелищно-спортивных мероприятий было и остается сегодня действенным направлением в деле пропаганды физической культуры и спорта. Последнее десятилетие характеризуется значительным ростом числа проводимых

спортивных соревнований и культурно-зрелищных мероприятий на стадионах и других спортивных сооружениях нашей республики и Гомеля, в частности.

На рисунке 5 представлены результаты опроса жителей г. Гомеля на предмет наиболее популярных и часто посещаемых зрелищно-спортивных мероприятий.

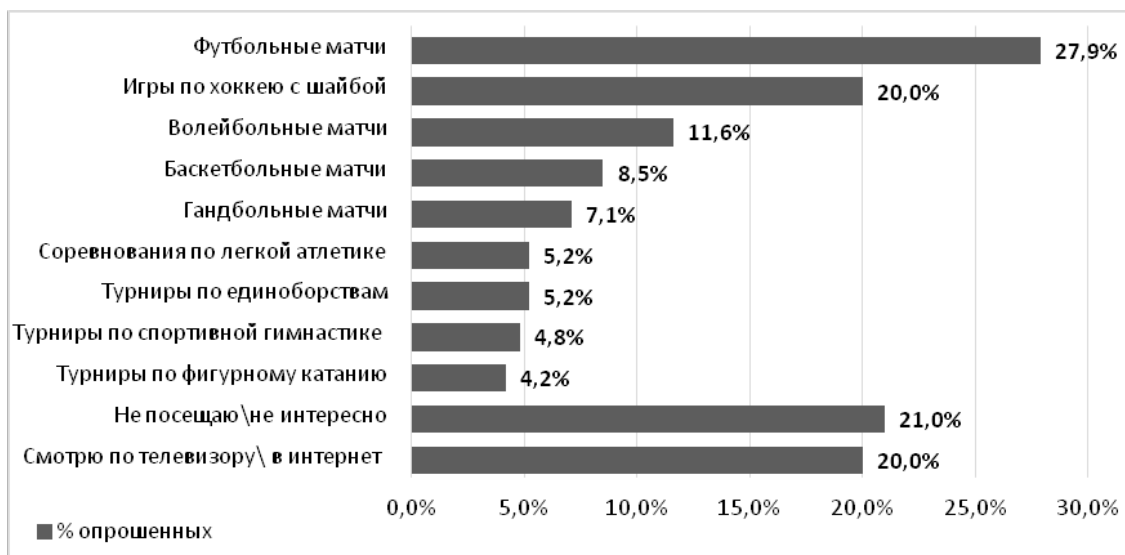

Рисунок 5 – Наиболее часто посещаемые зрелищно–спортивных мероприятия г. Гомеля в качестве болельщика (по данным анкетного опроса)

Результаты опроса, представленные на рисунке 5, показывают, что свыше 57% гомельчан посещают матчи по командным игровым видам спорта, а турнирам по индивидуальным видам спорта отдают предпочтение лишь 20% горожан. Такое различие, на наш взгляд, продиктовано, прежде всего, тем, что футбол, хоккей, баскетбол, гандбол и волейбол являются самыми популярными видами спорта во всем мире, что, несомненно, оказывает влияние и на выбор белорусских болельщиков; кроме того, у местных клубов в представленных игровых видах спорта прекрасные традиции и регулярное высокое положение в турнирных таблицах высшей лиги: гомельский футбольный, волейбольный и хоккейный клубы в различные годы становились победителями и призерами Кубка Республики Беларусь и Чемпионата страны.

ВЫВОДЫ

В результате проведенного исследования установлено, что видимое стремление к физическому совершенству оказалось лишь внешним мотивом потребления, за которым, зачастую, прячется ожидание совершенно других результатов. В работе предпринята попытка использовать социологический опрос для определения ценностного потенциала и потребительских предпочтений жителей г. Гомеля, а также особенностей психологического личного профиля потребителей физкультурно-оздоровительных услуг.

Несмотря на всестороннюю поддержку физической культуры и спорта со стороны государственных органов управления, население городов далеко не всегда имеет возможность заниматься физическими упражнениями и активным отдыхом в доступной и удобной форме. Большая часть опрошенных не располагает достаточным временем для систематических занятий физической культурой и спортом в виду отсутствия востребованных видов физкультурно-оздоровительных услуг в шаговой доступности.

В связи с этим необходимо принятие соответствующих мер, как со стороны правительства, так и со стороны органов исполнительной власти по созданию благоприятных условий для частного сектора экономики, заинтересованного в предоставлении подобных услуг населению. В решении данной проблемы особую роль должно сыграть государственно-частное партнерство, преимуществом которого является применение управленческих навыков бизнеса, лучшее знание рынка, большее стремление и заинтересованность частного сектора в получении прибыли, а также возможность внедрения современных технологий за счет дополнительного финансирования со стороны бизнеса.

Результаты проведенного массового опроса населения могут помочь в разработке региональной программы развития физкультурно-спортивных организаций, направленной не только на поддержание и активизацию культурно-развлекательного досуга граждан, но и на формирование и развитие концепции здорового образа жизни, основанной на массовом характере потребления физкультурных услуг различными категориями населения. Дальнейшие исследования будут направлены на изучение непосредственных потребителей физкультурных услуг: посетителей фитнес-центров, тренажерных залов, бассейнов и спортивных комплексов с целью углубленной сегментации регионального рынка физкультурно-оздоровительных услуг, а также разработке практических рекомендаций по совершенствованию спортивно-оздоровительной работы в физкультурно-спортивных организациях на основе современных экономических подходов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гусинец, Е. В. Физическая культура и спорт как социально-экономическое явление в национальной экономике Республики Беларусь / Е. В. Гусинец // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2016. – № 5 (98). – С. 107–111.
2. Гусинец, Е. В. Физическая культура и спорт в экономике и жизни общества Республики Беларусь / Е. В. Гусинец, Н. С. Казанцева, Н. В. Дергунова // Современное состояние проблемы и перспективы развития отраслевой науки: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, МИИТ. – М.: Издательство «Перо», 2016. – С. 70–74.
3. Репкин, С. Б. Организационно-экономические аспекты развития спорта в США / С. Б. Репкин // Вестник Полоцкого государственного университета: экономические и юридические науки. – 2015. – № 6. – С. 15–23.
4. Репкин, С. Б. Анализ системы управления спортом в Германии / С. Б. Репкин // Бух. учет и анализ. – 2015. – № 3 (219).
5. Енченко, И. В. Анализ развития спортивно-оздоровительных услуг в России и за рубежом / И. В. Енченко, Е. В. Гусинец // Детско-юношеский туризм: образовательные технологии: сборник научных трудов по материалам III Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2017. – С. 77–86.
6. Гусинец, Е. В. Особенности рынка услуг физической культуры в Российской Федерации и в Республике Беларусь / Е. В. Гусинец, И. В. Енченко // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2017. – № 2 (101). – С. 158–162.
7. Енченко, И. В. Современное состояние рынка фитнес-услуг / И. В. Енченко // Современный научный вестник. – 2016. – Т. 6. – № 2.

REFERENCES

1. Gusinec, E. V. Fizicheskaja kul'tura i sport kak social'no-jekonomicheskoe javlenie v nacional'noj jekonomike Respubliki Belarus' / E. V. Gusinec // Izvestija Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny. – 2016. – № 5 (98). – С. 107–111.
2. Gusinec, E. V. Fizicheskaja kul'tura i sport v jekonomike i zhizni obshhestva Respubliki Belarus' / E. V. Gusinec, N. S. Kazanceva, N. V. Dergunova // Sovremennoe sostojanie problemy i perspektivy razvitija otraslevoj nauki: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, MIIT. – М.: Izdatel'stvo «Pero», 2016. – С. 70–74.
3. Repkin, S. B. Organizacionno-jekonomicheskie aspekty razvitija sporta v SShA / S. B. Repkin // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta: jekonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2015. – № 6. – С. 15–23.
4. Repkin, S. B. Analiz sistemy upravlenija sportom v Germanii / S. B. Repkin // Buh. uchet i analiz. – 2015. – № 3 (219).
5. Enchenko, I. V. Analiz razvitija sportivno-ozdorovitel'nyh uslug v Rossii i za rubezhom / I. V. Enchenko, E. V. Gusinec // Detsko-junosheskij turizm: obrazovatel'nye tehnologii: sbornik nauchnyh trudov po materialam III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Sankt-Peterburg, 2017. – С. 77–86.
6. Gusinec, E. V. Osobennosti rynka uslug fizicheskaj kul'tury v Rossijskoj Federacii I v Respublike Belarus' / E. V. Gusinec, I.V. Enchenko // Izvestija Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta im. F. Skoriny. – 2017. – № 2 (101). – С. 158–162.
7. Enchenko, I. V. Sovremennoe sostojanie rynka fitness-uslug / I. V. Enchenko // Sovremennyj nauchnyj vestnik. – 2016. – Т. 6. – № 2.

Статья поступила в редакцию 15 октября 2018 года

УДК 338.3

ББК 65.5

КОМПЛЕКСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПОДХОДЫ К МЕТОДОЛОГИИ
ИНДИКАТИВНОГО АНАЛИЗА

А.Л. ПАСТУХОВ

alpast@yandex.ru

кан. философских наук, доцент

доцент кафедры безопасности

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации Северо-Западный институт управления
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ю.В. МЕЛЕШКО

meleshkojv@gmail.com

кан. экон. наук, доцент кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена управлению в системе национальной и региональной безопасности в современных социально-экономических условиях в контексте глобализации. Представлены условия формирования комплексного подхода к системе безопасности, включая выбор показателей и критериев, произведен анализ существующих моделей оценки национальной безопасности и предложен концептуальный подход к моделированию системы комплексной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, комплексная безопасность, показатели безопасности, критерии оценки опасности.

THE COMPREHENSIVE SECURITY: APPROACHES TO THE METHODOLOGY
OF INDICATIVE ANALYSIS

A.L.PASTUKHOV

PhD, Associate Professor,

Docent of the department «Security»

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

North-West Institute of Management

St. Petersburg, Russian Federation

Yu.V. MELESHKO

PhD in Economics, Associate Professor of the Department of Economics and Law

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article is devoted to the management in the system of national and regional security in the current socio-economic conditions in the context of the globalization.

It presents the conditions for the formation of an integrated approach to the security system, including the choice of indicators and criteria, the analysis models of the national security assessment, and suggests a conceptual approach to the modeling an integrated security system.

Keywords: security, national security, integrated security, safety indicators, hazard assessment criteria.

ВВЕДЕНИЕ

В период роста общемировой и внутригосударственной нестабильности, изменения международных институтов и правил их функционирования, создания гибких систем международных отношений, когда страны, как например, Турция, могут, с одной стороны, находится в объединении, действия которого носят характер, позволяющий их идентифицировать как угрозы национальной безопасности Российской Федерации, а с другой стороны, одновременно развивать сотрудничество на сепаратной основе и даже стремиться к вступлению в дружественные политические или экономические объединения (ЕАЭС, ШОС), создание гибкой комплексной системы национальной безопасности является важной институциональной основой, способной обеспечить относительную стабильность существования и предсказуемость экономического и социально-политического развития государства.

Вопросы комплексной безопасности представлены в трудах таких отечественных ученых, как А. В. Климов, Я. В. Сычев, Т. Г. Габричидзе, Т. В. Владимирова, В. А. Шестаков, В. Л. Шульц и др. Однако, большинство научных трудов по комплексной безопасности имеют узкоспециализированную отраслевую или моносферную направленность и не рассматривают достаточно детально теоретико-методологические и методические основы.

В данном контексте, методологически, важно определить набор критериев и показателей, позволяющий осуществлять государственное управление в различных сферах, обеспечивающих минимизацию имеющихся рисков и позволяющих гибко и адекватно реагировать на изменения внешней и внутренней среды.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В работах отечественных и зарубежных ученых по вопросам безопасности мы можем выделить несколько концептуальных подходов к решению данного вопроса.

Так, например, в середине прошлого столетия профессор Принстонского университета Клаусс Кнорр, рассматривая проблемы национальной безопасности сформулировал понятие «национальная мощь», которая, по его мнению, включает в себя следующие компоненты:

- экономические возможности;
- способность страны к военной мобилизации;
- административную соревновательность.

Позднее, другой профессор из Кембриджского университета Г. Клиффорд предложил формулу расчета национальной мощи:

$$P = N(L+C+I+M).....I, \quad (1)$$

- где: P – мощь государства;
N – ядерные возможности;
L – территория;
C – население;
I – индустриальный базис;
M – размеры военных ресурсов [1].

Г. Клиффорд выделил обладание военными ресурсами как основной показатель, обеспечивающий независимость, суверенитет государства в системе международных отношений.

В 1963 г. профессором Д. Стингером для оценки национальных возможностей был предложен комплексный показатель, включающий военные расходы, численность Вооруженных Сил (в краткосрочной перспективе), производством чугуна и стали, а также потреблением электрической энергии (в среднесрочной перспективе), численность населения и уровень урбанизации (в долгосрочной перспективе). Аналогичные показатели предложил применять профессор Берлинского технического университета Вильгельм Фуке в 1965 г. [1].

Действительно, за последние 70-лет не было случаев военной агрессии какой-либо из стран в отношении государства, обладающего ядерным оружием, не считая приграничного конфликта между Индией и Пакистаном в конце XX – начале XXI века с участием международных террористических группировок. Зато стали фактом нападение международной коалиции в составе стран, обладающих ядерным оружием на Югославию, а затем Ливию, с последующей ликвидацией суверенитета.

Однако другие показатели, предложенные К. Кнорром и Г. Клиффордом, требуют определенных уточнений. Так, например, в настоящее время, далеко не всегда размер территории является потенциалом, обеспечивающим национальную безопасность, с учетом изменения характера военных действий и возможностей современной техники уничтожения военной силы и техники, а также военной и гражданской инфраструктуры на всей протяженности территории стран, независимо от ее величины. Более того, большое количество неосвоенной территории государства, не имеющей определенной численности населения и соответствующей инфраструктуры обеспечения является, на наш взгляд, фактором политической нестабильности, стимулирующим агрессивные действия других стран с целью захвата территории. Так, например, конкретизируя идею, изложенную Гербертом Уэллсом в работе «Открытый заговор: чертежи мировой революции», государственный секретарь США Мадлен Олбрайт публично озвучивала утверждение о необходимости установления международного контроля над неосвоенной частью территории Российской Федерации (Сибирь, Дальний Восток).

Численность населения также можно рассматривать в нескольких аспектах: как потенциал экономического роста, обеспечивающий определенную емкость внутреннего рынка товаров и рынка труда, или как потенциал роста вооруженных сил страны, в том числе с учетом мобилизации. Но при этом следует учитывать суммарную профессиональную компетентность населения страны, в том числе обучаемость и интеллектуальные возможности. Практика показывает, что при внедрении современной военной техники и промышленного оборудования в странах, население которых не обладает необходимым интеллектуальным потенциалом и профессиональными знаниями, данная техника и оборудование далеко не всегда получали эффективное применение, поэтому важно учитывать не только общую численность, но и человеческий потенциал и капитал населения для более адекватного определения условий обеспечения экономической, военной и социально-политической стабильности государства.

Понятие индустриального базиса также требует определенного пояснения, так как в настоящее время численность производственных предприятий, имеющегося промышленного оборудования и транспортных средств, объем добычи нефти, угля или электрической энергии являются недостаточными показателями оценки национального потенциала и безопасности страны. Исторический опыт показывает, что немалую роль в данном вопросе играет аграрный потенциал, развитость сельскохозяйственного производства, позволяющего обеспечить население продуктами питания независимо от изменения международных отношений или внутренних конфликтов. Поэтому, на наш взгляд, продовольственная безопасность государства является важным элементом в системе оценки комплексной безопасности.

Особое значение в обеспечении национальной безопасности имеет ракетно-космическая промышленность. Высокие технологии двойного назначения, широко используемые в ракетно-космической промышленности, вносят важный вклад в обеспечение стратегической стабильности и безопасности на всех уровнях. Взаимосвязь военной и гражданской составляющей ракетно-космической промышленности со временем усиливается. Модернизация национальных военно-промышленных комплексов в направлении использования ракетно-космических технологий приводит к повышению национальной военно-экономической мощи, создавая новую картину региональной и мировой безопасности. Сохранение военной составляющей в национальной космической деятельности в совокупности со стремлением сохранить в секрете уникальные технологии, дающие существенное конкурентное преимущества, приводит к ограниченности международного сотрудничества в сфере космических исследований в основном области гражданских космических программ и в значительной степени автономному развитию космической деятельности отдельных государств. Услугами, создаваемыми в области космической деятельности, имеющими стратегическое значение для национальной безопасности, являются, например, национальные системы спутниковой связи, глобальные навигационные спутниковые системы [2].

Размеры военных ресурсов в контексте международных отношений следует рассматривать с учетом как имеющихся у государства, так и ресурсов других стран, которые могут быть использованы для обеспечения стабильности государства и поддержки власти. В 1975 г. Р. Клайн предложил систему оценки государственного потенциала, включающего как объективные, так и субъективные показатели:

$$P = (C+E+M) (S+W), \quad (2)$$

где: P – мощь государства;

C – население и территория;

E – экономические возможности;

M – военная мощь;

S – коэффициент национальной стратегии;

W – воля по достижению целей национальной стратегии.

В некоторых методиках оценки национального потенциала, обеспечивающего национальную безопасность, используется такой показатель, как ВВП или его рост. Так, например, в КНР важнейшим индикатором достижения национальной безопасности и международного лидерства рассматривается именно этот экономический показатель. Правительство КНР запланировало на первом этапе провести индустриализацию страны, на втором – обеспечить развитие науки и техники, на третьем – провести цифровизацию и информатизацию общества. Прогноз роста ВВП КНР представлен в таблицах 1 и 2.

Таблица 1 – Прогноз роста ВВП Китая в 2000–2050 годах

Период, годы	Среднегодовые темпы роста ВВП, %	Размер ВВП на конец периода, трлн. юаней
2000-2010	8,1	19,8
2011-2020	6,4	36,7
2021-2030	5,4	62,3
2031-2040	4,9	100,5
2041-2050	4,3	153,1

Источник: [3].

Таблица 2 – Прогноз изменений структуры ВВП Китая в основных сферах производства и жизни общества

Период, годы	Сельское хозяйство, %	Промышленность, строительство, %	Транспорт, связь, торговля, услуги, %
2000-2010	14.1	51.5	34,4
2011-2020	11,5	50,2	38.3
2021-2030	9.4	48.0	42.6
2031-2040	7,7	45,3	46,9
2041-2050	6,2	42,1	51,7

Источник: [3].

Однако, анализируя экономические данные стран-участников Второй мировой войны можно увидеть следующее (таблица 1).

Таблица 3 – Валовый внутренний продукт стран-участников Второй мировой войны, млрд. долл. в ценах 1990 г.

Страны	1938	1940	1944
1 СССР	359	417	362
2 Германия	351	387	437
3 Великобритания	284	316	346
4 США	800	943	1499
5 Япония	169	192	189
6 Франция	186	164	93
7 Австрия	24	27	29
8 Италия	141	147	117

Источник: [6].

Если учитывать, что в первый период военных действий между СССР и Германией в 1941-1945 гг. промышленный потенциал Германии включал в себя промышленные ресурсы Франции, Австрии, Италии, и, кроме того, по количеству станков, Германия занимала первое место в мире, а СССР по программе Ленд-Лиза получил продукции менее 30 млрд. долл., то экономически потенциал Германии являлся большим, чем СССР, однако, этого оказалось недостаточно для ожидаемого результата военных действий.

Возвращаясь к понятию территории в контексте проблем национальной безопасности хотелось бы выделить несколько аспектов, требующих более детального исследования, связанных с применением таких терминов как «стратегические границы», «жизненное пространство», «национальные интересы». Следует отметить, что не всегда экономический и социальный потенциал страны связан с территорией в рамках государственных границ. Рассматривая СССР в период его послевоенного развития следует учитывать не только ВВП, население страны и другие социально-экономические показатели государства, но и ресурсные возможности стран СЭВ (Восточная Европа), отдельных стран Африки и Латинской Америки, экономика и потребление, а также система Вооруженных Сил которых были во многом встроены в Советскую систему.

То же самое сейчас происходит со многими странами, которые находятся в экономической, политической или военной зависимости от ведущих стран мира, имея фактически «условный» суверенитет. В условиях глобализации, создания международных

экономических систем и большого количества совместных предприятий, а также массового использования высокоточного оборудования, приспособлений и техники иностранного производства.

По материалам КНР к показателям, обеспечивающим национальную безопасность и развитие государства можно отнести такие показатели, как:

- технологии;
- трудовые ресурсы;
- капитал;
- информация;
- природные ресурсы;
- военная мощь;
- ВВП;
- дипломатия;
- контрольно-регулятивная мощь правительства.

В работе В.А. Шестакова и В.А. Антошина предложены такие показатели обеспечения безопасности, как:

1. В экономической сфере: объем инвестиций, уровень инфляции.
2. В социальной сфере: дифференциация доходов населения, коэффициент рождаемости, старения и ожидаемая продолжительность жизни.
3. В сфере экологии: величина налоговых поступлений от экологических платежей и затрат на мероприятия и оборудование, улучшающих экологию.
4. Девиантное поведение: уровень преступности, уровень потребления алкоголя, количество суицидов на душу населения.
5. Политика: уровень доверия граждан к органам власти и доля граждан, выступающих за смену политических лидеров или системы [5, с. 75].

Однако, в условиях современной социокультурной динамики и развития социально-экономических и политических отношений с учетом процессов глобализации [4, с. 19], по нашему мнению, для создания системы комплексной безопасности необходимо исходить из общего представления об опасностях, их классификациях и классификационных признаках.

По характеру источников, в данном аспекте, мы можем выделить:

- опасности от естественных (природных) процессов и явлений;
- опасности техногенной среды;
- опасности от человека и общественных групп (внутренние), разделенные на три группы: социальные, экономические, политические;
- опасности от человека и международных сообществ, а также государств и корпораций (внешние), также разделенные на три группы: социальные, экономические, политические.

Опасности от естественных (природных) процессов и явлений предполагают количественные и качественные измерения, включая определение количества выявленных опасностей и анализ динамики процессов, а также фиксацию последствий негативного природного воздействия. Соответственно, показателями безопасности могут быть: количество предотвращенных или минимизированных негативных природных явлений; развитие инфраструктуры и средств связи по предупреждению или защите населения от природных опасностей; учет при создании гражданской инфраструктуры вероятности возникновения негативных стихийных явлений; развитие определенных видов страхования и др. В качестве критериев могут быть приняты соотношение предотвращенных или минимизированных негативных природных явлений к общей численности зафиксированных; динамика изменения величины ущерба от негативных природных явлений и т. д.

Опасности техногенной среды, также включают в себя определение количества выявленных опасностей и анализ динамики процессов, а также фиксацию последствий негативного техногенного воздействия. Соответственно, показателями безопасности могут быть количество предотвращенных или минимизированных негативных техногенных воздействий, развитие системы экологического менеджмента и системы охраны труда в организациях, паспортизация и цифровизация процессов обеспечения безопасности.

В качестве критериев могут быть приняты соотношение предотвращенных или минимизированных негативных техногенных воздействий к общей численности зафиксированных, динамика изменения величины ущерба от негативных техногенных явлений, развитость системы охраны труда, паспортизации и цифровизации производственных процессов, соотношение величины негативного технологического воздействия на окружающую среду и соответствующие нормы и т. д.

Диагностика опасностей и системы безопасности от человека и общественных групп (внутренние) может включать в себя такие показатели как:

- количество лиц и групп, характеризующихся девиантным поведением, совершением действий, относящихся к уголовным преступлениям;
- количество лиц, участвующих в голосованиях на федеральном, региональном и местном уровнях;
- количество лиц, участвующих в несанкционированных общественных мероприятиях и др.

Критериями в данном контексте будут изменение динамики численности лиц и групп, характеризующихся антиобщественным, девиантным поведением, изменение динамики участвующих в голосованиях на всех уровнях, изменение величины среднего дохода граждан и домохозяйств и др.

Рассматривая опасности от нерезидентов (неграждан) и международных сообществ, а также государств и корпораций (внешние) следует выделить такие критерии как:

- количество лиц и групп, характеризующихся антигосударственным, антиобщественным поведением и действиями, включая информационное воздействие;
- инфраструктурная обеспеченность экономики страны;
- численность Вооруженных сил страны и стран «вероятного противника»;
- количество дипломатических конфликтов и др.

Критерии обеспечения национальной безопасности должны включать в себя следующие сферы:

1. Экономическая безопасность (динамика изменения ВВП в сопоставимых ценах, динамика реальных доходов населения, динамика миграции с учетом возрастных и образовательных параметров, изменение национальных запасов валютных ценностей и продуктов питания, динамика разведанных природных ресурсов экономически целесообразных с точки зрения добычи и реализации и др.).

2. Техничко-технологическая безопасность (динамика внедрения передовых технологий, изменение количества предприятий, применяющих современные технологии, динамика зарегистрированных патентов с учетом их внедрения и отражения в системе бухгалтерского учета организаций, возможности милитаризации экономики страны и др.).

3. Военная безопасность, включая изменение численности Вооруженных Сил с учетом изменения количества современных вооружений разных видов.

4. Социальная безопасность, включая изменение рождаемости и численности населения, количества лиц трудоспособного возраста, динамики здоровья населения и др.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в результате проведенного исследования существующих методологических подходов к комплексной безопасности можно сделать вывод о необходимости более полного применения комплексного подхода к разработке моделей и систем безопасности и разработке системы индикативного планирования с учетом не только отдельных количественных, но и качественных условий и показателей, позволяющих более объективно оценить динамику изменения политических, военных, технико-технологических, социальных и иных рисков, и, соответственно, разработать и реализовать комплекс мероприятий, позволяющих улучшить безопасность на всех уровнях в современных социально-экономических условиях с учетом процессов глобализации и усиления влияния международных транснациональных корпораций на национальные экономические процессы и отдельные экономические и социальные явления, включая динамику рынка труда и величины средней заработной платы, изменение цен на товары на внутреннем и внешнем рынках, изменение котировки национальной валюты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Балахонцев, Н. Зарубежные методы оценки потенциала стран / Н. Балахонцев, А. Кондратьев // Зарубежное военное обозрение. 2010.-№11. – С.101–104.
2. Солодовников, С. Ю. Опережающее развитие космической отрасли как основа устойчивого роста белорусской экономики / С. Ю. Солодовников, А. Н. Тур, Ю. В. Мелешко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки/ ПГУ; под. ред. Р. Н. Авласенок. – Новополоцк: ПГУ, 2015. – № 14. – С. 8–14.
3. Клименко, А. Ф. Эволюция военной политики и военной доктрины Китая / А. Ф. Клименко // Военная мысль. – 2005. – № 4. – С. 2–17.
4. Пастухов, А. Л. Глобализация в мировоззрении человека / А. Л. Пастухов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2006. – Т. 10. – № 2. – С. 19–34.
5. Шестаков, В. А. Комплексное управление безопасностью на государственном уровне / В. А. Шестаков, В. А. Антошин // Журнал Вопросы управления. – 2015. – Выпуск 35. – С. 68–77.
6. Harrison, M. The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison, Cambridge University Press (1998) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/военное_производство_во_время_второй_мировой_войны. – Дата доступа: 12.08.2018.

REFERENCES

1. Balahoncev, N. Zarubezhnye metody ocenki potenciala stran / N. Balahoncev, A. Kondrat'ev // Zarubezhnoe voennoe obozrenie. – 2010. – № 11. – S. 101–104.
2. Solodovnikov, S. Ju. Operezhajushhee razvitie kosmicheskoy otrasli kak osnova ustojchivogo rosta belorusskoj jekonomiki/ S. Ju. Solodovnikov, A. N. Tur, Ju. V. Meleshko // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Serija D. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki/ PGU; pod. red. R. N. Avlasenok. – Novopolock: PGU, 2015. – №14. – S.8–14.
3. Klimenko, A. F. Jevoljucija voennoj politiki i voennoj doktriny Kitaja / A. F. Klimenko // Voennaja mysl'. – 2005. – № 4. – S. 2–17.

4. Pastuhov, A. L. Globalizacija v mirovozzrenii cheloveka / A. L. Pastuhov // Vestnik Cheljabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. – 2006. – Т. 10. – № 2. – S. 19–34.

5. Shestakov, V. A. Kompleksnoe upravlenie bezopasnost'ju na gosudarstvennom urovne / V. A. Shestakov, V. A. Antoshin // Zhurnal Voprosy upravlenija. – 2015. – Vypusk 35. – S. 68–77.

6. Harrison, M. The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison, Cambridge University Press (1998) [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://ru.wikipedia.org/wiki/voennoe_proizvodstvo_vo_vremja_vtoroj_mirovoj_vojny. – Data dostupa: 12.08.2018.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2018 года.

УДК 338.22:321.01(476):338.22:321.01(4/5)

ББК 65.011+66.3(4Бел),12+60.56

СТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННОГО И СОЦИАЛЬНОГО
ГОСУДАРСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И СТРАНАХ ЕАЭС:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Б.В. СОРВИРОВ

sorvirov@yandex.ru

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории и мировой экономики
Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
г. Гомель, Республика Беларусь

Л.П. ЗЕНЬКОВА

доктор экономических наук, доцент,
Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации
г. Гомель, Республика Беларусь

В статье анализируется степень реализации модели человеко- и социально ориентированного государства в странах ЕАЭС за последнее пятилетие. В основу анализа легли статистические исследования уровня доходов, здравоохранения, удельного веса высшего образования, индекса Джини и индекса счастья, обеспеченности жильем.

Ключевые слова: человекоориентированная экономика, социальное государство, жилищная проблема, политика здравоохранения, политика высшего образования, продолжительность жизни, индекс Джини, коэффициент счастья (НИ), региональная группировка стран ЕАЭС, трансформационная экономика.

THE FORMATION OF THE PERSON ORIENTED AND SOCIAL STATE
IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE COUNTRIES OF THE EAGE:
PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

B.V. SORVIROV

doctor of economics, professor,
head of the department of economic theory and world economy
F. Scorina Gomel State University, Gomel, Belarus

L.P. ZENKOVA

Doctor of Economics, associate professor,
Belarusian trade and economic university of consumer cooperation
Gomel, Republic of Belarus

In article the degree of realization of model socially focused state in the countries EAES for the last fifth anniversary is analyzed. In a basis of the analysis statistical researches of a level of incomes, public health services, densities of higher education, index Jini and an index of happiness, security habitation have lain.

Keywords: Happy planet index (HIP), social focused economy, the social state, housing problem, a policy of public health services, a politics of higher education, life expectancy, index Jini, a regional grouping of the countries EAES, transformation economy.

ВВЕДЕНИЕ

Социально ориентированное государство реализовано в различных вариантах стран Европы: германском, шведском, французском. Бывшие страны СССР, в значительной мере сохраняя социальные ценности советского периода, также пытаются создать специфические национальные модели человеко ориентированного и социального государства.

В 2000 г. Россия, Казахстан, Белоруссия, Таджикистан и Кыргызстан подписали соответствующий договор, согласно которому экономическое партнерство вступало в силу в 2001 г. В начале 2012 г. было образовано Единое экономическое пространство (ЕЭП), затем в 2014 г. – принято соглашение о создании ЕАЭС (России, Казахстана и Белоруссии, Армении и Кыргызстана). В рамках ЕАЭС также начали формироваться модели социально ориентированных государств, за целевую установку которых взята в основном германская и французская модели.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Германская и французские модели социально ориентированных государств как целевой ориентир развития социальной сферы стран ЕАЭС. За концептуальную основу создания человеко ориентированного государства стран ЕАЭС взяты модели социально ориентированных экономик Франции и Германии. Германия, взявшая в 50–60-е гг. XX в. курс на построение социально ориентированной экономики с полным пакетом социальной защиты 100% населения изменила к 80-м гг. концептуальный подход. Причина обозначилась в финансировании: у государства не хватало средств на социальные программы. В связи с этим правительство пересмотрело критерии адресной социальной помощи в сторону ужесточения, так что на сегодняшний день Германию называют не «социальным рыночным хозяйством», а «обществом двух третей». Именно столько удельного веса населения государство в состоянии социально поддержать. Более того, для рационализации социальных расходов стали привлекать IT-технологии: в 2000-е гг. была разработана имитационная модель размещения реанимобилей на ППП Anylogic с целью минимизации транспортных расходов.

Франция в 80-е гг., создав достаточно мощный государственный сектор путем национализации крупнейших финансовых групп «Париба» и «Сюз», крупнейших филиалов американской компании *ITT* провела ряд социальных реформ: был повышен минимальный размер заработной платы, на 40–50% увеличены размеры пенсий и пособий, сократилась рабочая неделя. Однако Франция стала проводить политику регионализации и государственно-частного партнерства, особенно в области финансирования социальных программ. Финансирование, а также выполнение отдельных этапов или фрагментов программ осуществляется местными органами власти на контрактной основе с государством. В настоящее время во Франции одной из наиболее известных и перспективных, является программа «Город будущего» («*Ville de demain*»), фактически являющаяся подпрограммой еще более масштабной программы «Большой национальный заем» (*Grand emprunt national*) (2010). Примером целевой стратегической программы с ярко выраженным социальным уклоном является Государственная программа здравоохранения (АМЕ). Если малообеспеченные жители Франции не могут позволить себе базовую социальную защиту (в том числе и страхование здоровья), они могут воспользоваться АМЕ.

С 2007 г. правительством взят курс на ужесточение расходов на здравоохранение: снижено число коек, ограничено число оплачиваемых лекарственных препаратов (около 600 лекарственных средств были удалены из списка за последние несколько лет),

увеличено назначение безрецептурных препаратов, введена добровольная система контроля доступа к медицинским услугам в амбулаторном секторе. Также с 2008 г. ряд расходов пациента в системе медицинского страхования не компенсируется. Таким образом, во Франции, как и в Германии, встал вопрос о масштабности ограниченного финансирования социальных мероприятий. Такая проблема жесткой финансовой диеты для социальных расходов встает и перед трансформационными экономиками, вошедшими в группировку ЕАЭС.

Состояние уровня формирования человеко- и социально ориентированной экономики в странах ЕАЭС. Уровень сформированности человеко и социально ориентированной экономики возможно определить рядом показателей, характеризующих жилищные условия, уровень и доступность образования, качество здравоохранения, степень расслоения населения на богатых и бедных, величину доходов, результативность политики занятости по оказанию помощи в трудоустройстве, степень вмешательства в природу и сохранности экологии. Остановимся на наиболее важных из них.

1. Высшее образование как приоритет человеко ориентированной экономики в условиях формирования шестого технологического уклада.

Анализ российского рынка образовательных услуг как наиболее конкурентного с белорусским на пространстве ЕАЭС показывает (таблица 1), что: 1) кроме сокращения числа иностранных студентов в вузах России в посткризисный 2012 г., в целом наблюдается положительная динамика расширения экспорта российского рынка образовательных услуг (удельный вес иностранных студентов в общей численности студентов и магистрантов возрос в 1,6 раза – для сравнения в Республике Беларусь – в 2 раза); 2) после белорусского валютного кризиса 2011 г. контингент студентов, обучающихся в российских вузах из городов Беларуси, резко снизился (в 2 раза), повлияло трехкратное падение валютного курса и последовавшая за этим дороговизна российских образовательных услуг; 3) количество студентов из стран, сокративших свое присутствие на белорусском рынке образовательных услуг, на российском рынке, наоборот, увеличилось: из Казахстана – на + 62 %; из Таджикистана – на + 71 %. Здесь повлияли экономические факторы (снижение реальных доходов населения, рост цен на образование).

Таблица 1 – Структура иностранных студентов, обучающихся в вузах Российской Федерации за 2009/2010–2016/2017 уч. гг.

Годы	Дек. 2010	Дек. 2011	Дек. 2012	Дек. 2013	Дек. 2014	Дек. 2015	Дек. 2016
Численность студентов в вузах РФ из стран СНГ, тыс.чел.	73,1	104,8	81,1	94,9	93,1	124,0	132,7
в том числе:							
Азербайджан	7,5	7,6	6,6	8,1	8,1	9,6	8,9
Беларусь	21	31	17,2	15,6	15,6	8,3	7,3
Казахстан	19,8	27	26,6	31,4	32	46,4	50,7
Таджикистан	2,8	4,7	3,8	5	4,8	9,4	12,0
Туркмения	3,6	5,5	7,8	11	11	13,4	15,9
Узбекистан	7,3	6,7	6,8	8,6	8,2	14,0	16,8
Украина	6,1	5,1	4,7	5,8	4,3	12,3	12,1

Китай	9,8	9,9	9,2	9,8	9,8	12,0	13,5
Сирия	0,9	0,8	0,8	1	1	1,3	1,2
Нигерия	0,7	0,9	0,9	1	1	1,5	1,5
Удельный вес иностранных студентов в общей численности	2,2	2,4	2,7	3,6	4,3	5,1	5,5

Источники: [10; 14, с. 199, 200; 17].

Предположительно резкое сокращение студентов-россиян на белорусском рынке образовательных услуг, возможно, связано с сокращением реальных доходов российского населения. Проверим эту гипотезу соответствующим статистическим анализом (таблица 2).

Во-первых, при росте номинальной среднемесячной зарплате в РФ обнаруживается резкое снижение (на минус 50 %) реального ВВП на душу населения, обозначившееся с 2015 г., а значит, и реальных доходов.

Во-вторых, индекс цен на образовательные услуги явно опережал средний индекс цен на все товары и услуги по России за период 2010–2015 гг., лишь в 2014 и 2016 гг. отмечается улучшение ситуации. В связи с дороговизной платного высшего образования и снижением реальных доходов сократился и контингент студентов из России, обучающихся в белорусских вузах.

Таблица 2 – Динамика реальных доходов населения РФ, темпов роста цен на образовательные услуги и численности иностранных студентов в вузах РФ за 2010–2016 гг.

Годы	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	2	3	4	5	6	7	8
Средняя номинальная з/плата России,	20952	23369	26629	29792	32495	34030	36709
ВВП, млрд. руб.	46309	55800	62599	66755	79200	83233	86044
ВВП на душу населения, руб.	324177	390314	437104	465171	542127	568506	586630
ВВП в сопост. ценах 2011 года, млрд. руб.	...	60285,5	62486,4	63602,0	64071,8	62445,4	62337,6
ВВП на душу в сопост. ценах, руб.	278446,8	290117,6	299787,4	303171	298856	133329	133126
Индекс цен на образование	104,4	106,4	116,1	108,2	109,0	136,4	104,9
Индекс цен на все товары в среднем к пред. году	108,8	106,1	106,6	106,5	111,4	115,5	107,1
Численность иностранных студентов в вузах РФ из стран СНГ, тыс. чел.	73,1	104,8	81,1	94,9	93,1	124,0	132,7

Источники: [10; 14, с. 145; 15, с. 53; 17, с.18].

В частности, за последние пять лет в Республике Беларусь сложилась неоднозначная динамика объема услуг высшего образования, предоставляемого иностранным студентам (таблица 3).

Таблица 3 – Структура контингента иностранных студентов, обучающихся в вузах Республики Беларусь, в разрезе страновой принадлежности за период 2010–2017 гг.

Годы	2010/11	2011/12	2012/13	2013/2014	2014/15	2015/2016	2016/17
1	2	3	4	5	6	7	8
Всего вузов по РБ	55	54	54	54	45	52	51
Численность иностранных студентов, чел. Из них:	9357	11168	12512	13863	14796	15356	15971
Азербайджан	2,9	2,7	2,2	2	2,3	2,9	3,0
Иран	1,7	1,5	1,9	1,9	2,1	3,3	5,0
Ирак	0,7	0,9	1,1	1	1,10	1,3	1,4
Казахстан	0,9	0,9	1	1,30	1,4	1,8	2,0
Китай	13,1	11,5	11,8	10,1	8,1	7,5	8,0
Ливан	1,7	1,5	1,2	1	1,4	1,7	1,8
Литва	1,4	1	1	1	0,8	0,7	0,6
Нигерия	0,7	0,4	2	2,5	3,2	3,2	3,3
Россия	23,5	19,4	13,30	12,7	10,7	10,2	10,2
Сирия	1,6	1,20	1	0,6	0,6
Таджикистан	1,30	0,3	0,4	1,00	1,70	2,5	2,7
Туркменистан	36,40	46,00	52,20	57,00	56,80	53,9	50,0
Турция	1,10	1,00	52,20	57,00	56,80	0,7	0,6
Украина	2,10	1,60	1,40	1,20	1,50	1,9	1,8
Уд. вес иностранных студентов и магистрантов в общей численности, %	2,10	2,50	2,90	3,4	4	4,4	4,9

Источник: [1, с. 161; 16; 20].

Анализ приведенных статистических данных в таблице 3 позволяет сделать следующие выводы:

1. С одной стороны, сокращение количества вузов за рассматриваемый период на 8 % положительно сказалось на количестве обучающихся иностранных студентов (отмечается его рост на 70,7% за 7 последних учебных лет). Таким образом, элитность высшего образования позволяет поддерживать рейтинг качества белорусских образовательных услуг на международном рынке.

2. С другой стороны, сократилось число обучающихся иностранных студентов из России как члена ЕАЭС – по доле в контингенте иностранных студентов – в 2 раза, хотя по позиции Казахстана наблюдается рост более, чем в 2 раза.

В этот период в экономике Республики Беларусь наблюдался валютный кризис в мае-августе 2011 г. (курс белорусского рубля девальвировал почти в 3 раза), а также экономический кризис 2015 – 2016 гг. Таким образом, причины следует искать не только

в качестве образовательных услуг, а также в изменении экономических ситуаций, как в Беларуси, так и в странах ЕАЭС. Для точного определения факторов, повлиявших на свертывание конкурентной «ниши» белорусских образовательных услуг в указанных странах, следует выдвинуть ряд гипотез и проверить их экономико-математическими методами.

Среди перечня внутренних, белорусских факторов возможно проверить влияние следующих из них:

-стоимость образования и колебания в связи с этим валютного курса доллара США;

-изменение, как количества вузов, так и качественного состава профессорско-преподавательского состава.

Среди перечня внешних факторов можно выделить:

-влияние политической ситуации;

-колебания валютных курсов национальных валют к доллару США стран-«поставщиков» студентов для обучения и влияние на стоимость обучения;

-падение уровня среднедушевого дохода населения в данных странах;

-снижение стоимости обучения в национальных вузах по сравнению с предложениями белорусского рынка образовательных услуг.

В первую очередь следует обратиться к внешним факторам.

На наш взгляд, сокращение числа иностранных студентов из России в вузах Республики Беларусь, связано с недостаточным качеством высшего образования, в том числе обеспеченностью компьютерной базой. Наличие лишь 173 компьютеров на 1000 студентов явно не соответствует современному уровню образовательных услуг развитых стран (таблица 4). Двукратный рост числа компьютеров на 1000 студентов за период 2010–2016 гг. совпадает с двукратным ростом удельного веса иностранных студентов, а не опережает его.

Отстает от темпов роста удельного веса иностранных студентов (в 2 раза за 5 лет) темп роста обеспеченности местами в общежитиях (на + 19 %) (таблица 4). Таким образом, поиск квартир для проживания оборачивается иностранным студентам скрытым повышением платы за получение высшего образования.

Таблица 4 – Динамика контингента студентов и магистрантов в вузах Беларуси в сопоставлении с основными компонентами условий обучения за 2010–2017 гг.

Годы	2010/11	2011/12	2012/13	2013/2014	2014/15	2015/2016	2016/2017
1	2	3	4	5	6	7	8
Всего вузов по РБ: в том числе	55	54	54	54	45	52	51
Численность студентов, тыс. чел.	442,9	445,6	428,5	395,3	362,9	336,4	313,2
в том числе: за счет бюджета	149,6	150,3	147,6	142,9	138,7	134,0	130,6
на платной основе	293,3	295,2	280,9	252,4	224,2	202,4	182,7
Количество государственных вузов	45	45	45	45	45	43	42

Окончание таблицы 4

численность студентов гос.вузов, тыс. чел.	382,8	387,2	377,2	354,1	328,3	307,6	290,9
в том числе по формам получения образования: дневная	206,3	207,3	198,4	189,6	178	170,8	166,8
заочная	175,8	179,1	177,9	163,4	149,1	135,5	122,7
вечерняя	0,7	0,8	0,9	1,1	1,2	1,3	1,4
в том числе: за счет бюджета	149,6	150,3	147,6	142,9	138,7	134,0	130,6
в гос.вузах на платной основе	233,2	236,8	229,6	211,2	189,6	173,6	160,3
Количество частных вузов по РБ	10	10	9	9	9	9	9
Численность студентов, тыс.чел.	60,1	58,4	51,3	41,2	34,6	28,7	22,4
в том числе по формам получения образования: дневная	15,4	14,4	10,9	8,7	7,0	6,1	5,9
заочная	44,7	44	40,3	32,5	27,6	22,6	16,5
на платной основе	60,1	58,4	51,3	41,2	34,6	28,7	22,4
Численность магистрантов	4805	4955	6088	7552	8855	10227	11782
К обеспеченности местами в общежитии, %	68,2	65,8	68,1	73,1	75,5	80,0	81,1
обеспеченность компьютерами на 1000 студентов	98	104	128	148	161	161	173
в том числе на 1000 студентов с доступом в Интернет	64	81	95	112	120	124	139

Источник: [1, с. 159–160; 13, с. 134–137, 152, 154, 157].

Кроме того, свою роль негативную сыграло изменение соотношения между платным и «бесплатным» высшим образованием в Республике Беларусь (2:1 в 2010/2011 уч. г. и 1,5:1 в 2014/2015 уч. г. при некотором сокращении разрыва в 2016/2017 уч. г.) (таблица 4). Часть иностранных студентов это переориентировало на другие рынки высшего образования.

Однако положительной тенденцией является свертывание численности студентов при практически том же числе вузов, что повышает конкурсность среди абитуриентов и улучшает качество отбора молодежи на получение более высокой ступени образования.

2. Улучшение уровня здравоохранение – важное направление социального развития общества. Большое значение в построении человеко ориентированной экономики играет политика в области здравоохранения, защиты генофонда нации. Анализ естественного прироста населения стран ЕАЭС (таблица 5) позволяет сделать следующие выводы.

Таблица 5 – Динамика естественного прироста населения по странам ЕАЭС за период 2000–2017 гг.

Страна ЕАЭС	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Россия	-6,6	-5,9	-1,7	0,3	0,3	0,0	-0,3
Беларусь	-4,1	-5,3	-3,0	-0,3	-0,1	-1,6	-1,8
Казахстан	4,8	8,0	13,5	15,2	15,2	15,6	14,44
Кыргызстан	12,8	14,1	20,2	21,6	21,6	20,5	20,5
Армения	3,1	3,3	4,6	4,6	4,6	4,2	3,5

Источник: [2, с. 501; 16, с. 54, 492–493; 17, с. 17; 18; 21].

1. Наиболее негативно сложившаяся тенденция старения нации, обнаружившаяся в России и Беларуси в конце 1990-х гг., за 15 лет была частично преодолена социальной политикой защиты материнства и детства в России.

2. Среди республик Средней Азии, являющихся членами ЕАЭС, наиболее динамичен прирост населения в Казахстане: в 3 раза (для сравнения в Кыргызстане – в 2 раза), однако сравнение темпов прироста населения с относительными темпами роста индексов счастья этих стран (приведенных далее в таблице 9) показывает, что рост рождаемости не подкреплен усилением политики социальной защиты.

3. Армения демонстрирует высокий темп естественного прироста населения (в 1,5 раза за 15 лет), однако имеет место откат по всем позициям оценки населением своего уровня счастья, что сказалось на относительном снижении уровня естественного прироста в 2016–2017 гг.

Для более точной картины конечной результативности сферы здравоохранения и политики защиты материнства и детства следует провести анализ средней продолжительности жизни в странах ЕАЭС (рисунок 1).

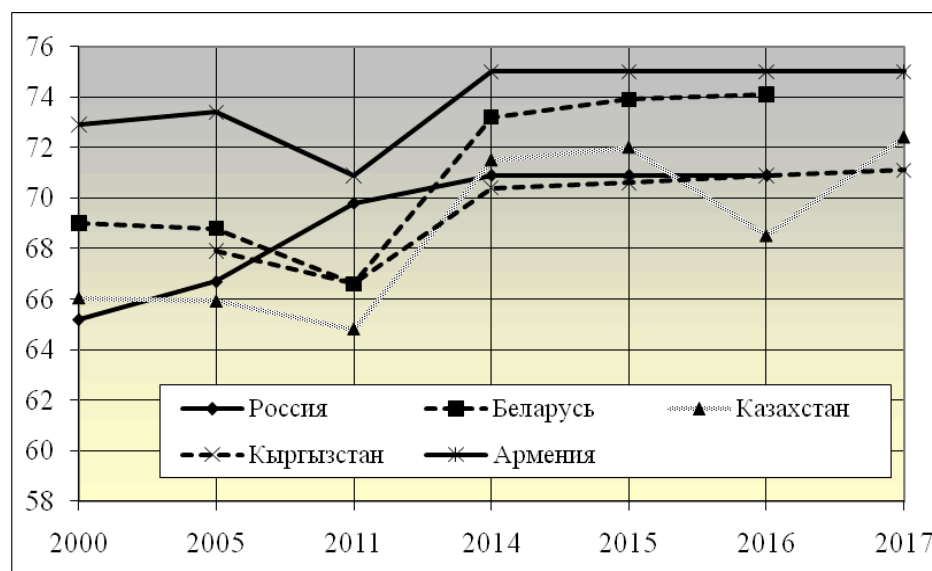

Рисунок 1 – Динамика средней продолжительности жизни в ЕАЭС в 2000–2017 гг. Источники: [2, с. 78, 503]; [6, с. 68], [7, с. 18]; [8, с. 50]; [9, с. 24]; [11, с. 75], [16, с. 22–24], [18]; [19, с.45, 113, 120, 162, 164]; [20, с. 15–18], [21].

Из анализа рисунка 1 вытекает, что в кризисный период (2011 г.) практически во всех рассматриваемых странах средняя продолжительность жизни упала (исключение – Россия), так как она фактически отражала падение качества медицинского обслуживания в этот период.

Здравоохранение как сфера экономики призвана сохранять высокую рождаемость, увеличивать продолжительность жизни. Во всех странах ЕАЭС здравоохранение в основном финансируется из консолидированных бюджетов, хотя в дальнейшем по принципу французского подхода к построению человека ориентированной экономики финансирование возможно на контрактной основе с муниципалитетами. Степень охвата населения профилактическими и лечебными мерами здравоохранения согласно критериям ООН характеризуют 2 основных показателя – количество врачей и больничных койко-мест на 100000 жителей (рисунок 2 и таблица 6).

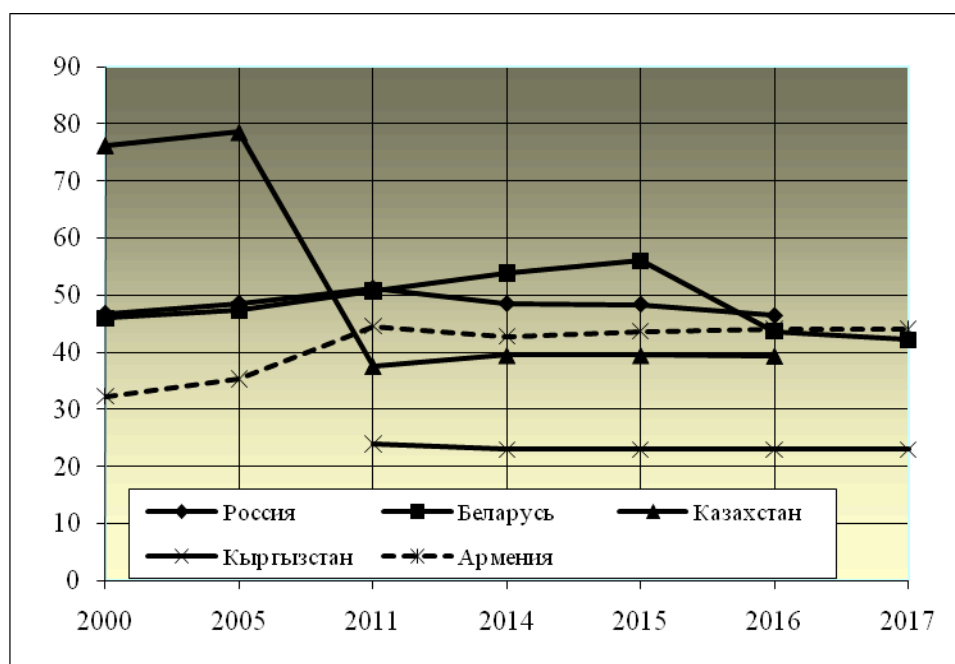

Рисунок 2 – Динамика количества врачей на 10000 жителей стран ЕАЭС за период 2000–2017 гг.

Источники: [2, с. 170]; [10, с. 220–221]; [6, с. 28]; [7, с. 98]; [8, с. 133]; [9, с. 138]; [11, с. 155]; [16, с. 22–24], [18]; [19, с.45, 113, 120, 162, 164]; [20, с. 15–18], [21].

* Казахстан – данные с 2002 г.

Сравнительный анализ динамики указанных показателей в странах ЕАЭС отражает напряженность с финансированием больничных учреждений. При общем росте охвата населения врачами и значительном межстрановом отклонении степени обеспеченности врачами и больничными учреждениями (в Беларуси – превышении в 2 раза уровня Армении) наблюдается устойчивая тенденция сокращения количества больничных койко-мест за последние 17 лет (в 1,5 раза в Беларуси, 1,3 раза в Армении и Казахстане). Таким образом, страны ЕАЭС столкнулись с такой же финансовой проблемой, что и в свое время Германия.

Таблица 6 – Динамика больничных койко-мест на 10000 жителей стран ЕАЭС за период 2000–2017 гг.

Кол-во больн. койко-мест на 10000 жителей	2000	2005	2011	2014	2015	2016	2017
Россия				87	83,4	81,6	...**
Беларусь	126,8	113	112,6	86,8	86,3	84,5	84
Казахстан	75,3	77,3	70,6	60,4	58	55,1	...**
Кыргызстан		54	51	50	47	44	...**
Армения	54,7	44,3	40,5	41,6	41,8	41,8	41,6

**Данные не агрегированы соответствующими статистическими службами на 04.05.18. 3.

Источники: [2, с. 170]; [10, с. 222]; [6, с. 29]; [7, с. 98]; [9, с. 138]; [11, с. 155]; [16, с. 22–24], [18]; [19, с.45, 113, 120, 162, 164]; [20, с. 15–18], [21].

Таким образом, одной из проблем построения социально ориентированной экономики во всех странах группировки становится расширение финансирования учреждений здравоохранения.

3. Жилищная политика как реализация концепции социально ориентированной экономики. Анализ динамики построенных квартир на пространстве ЕАЭС на 10000 жителей позволяет сделать следующие выводы:

1. Лидером роста жилищного строительства явился за 17 лет Казахстан: в 5,2 раза увеличилось количество квартир на 10000 жителей. За 17 лет резко повысилась результативность жилищной политики в России Беларуси: количество построенных квартир увеличилось соответственно в 3 раза и 1,9 раза. Вероятно, с этим также связан рост коэффициентов счастья в этих государствах. Максимальные темпы роста жилья на 10000 жителей в Беларуси в 2011 г. (в 2,3 раза выше, чем в 2000 г.), однако валютный дефолт лета 2011 г. внес коррективы в доходы населения и строительных организаций, в результате строительство квартир сократилось в дальнейшем почти в 1,2 раза [2, с. 517]; [14]; [16, с. 334]; [17]; [19, с.45, 113, 120, 162, 164]; [22, с. 325].

2. Низкие темпы жилищного строительства наблюдаются за этот период в Кыргызстане (число квартир за 15 лет на 10000 жителей возросло в 1,7 раза за 17 лет), а в Армении сложилась наихудшая тенденция среди стран ЕАЭС: темпы роста строительства квартир не изменились, исключение составил лишь 2011 г.

Сравнительный анализ количества построенных квартир и жилищного фонда на 1 жителя показывает (таблица 7):

Таблица 7 – Динамика площади жилья на 1 жителя в ЕАЭС за период 2000–2017 гг.

Жилье, м2 на 1 чел.	2000	2005	2011	2014	2015	2016	2017
Россия	19,2	20,8	23	23,70	23,9	24,9	...
Беларусь	21,3	22,9	25	26,1	26,5	26,8	27,1
Казахстан	16,6	17,5	18,7	21	21	21,3	21
Кыргызстан			14,5	12,7	13	13,1	13,2
Армения	17,6	21,7	30,6	31,6	31,8	32,4	...

Источники: [2, С. 127]; [10, С. 174]; [6, С. 73]; [7, С. 72]; [9, С. 171]; [11, С. 192]; [12, С. 16]; [16, С. 22–24], [18]; [19, С.45, 113, 120, 162, 164]; [20, С. 15–18], [21].

1. В России и Беларуси темпы роста строительства жилья несколько отставали от темпов роста населения (соответственно по России в 3 раза и 1,2 раза, а по Беларуси 1,9 раза и 1,2 раза);

2. Очень большой разрыв в объемах строительства жилья и росте жилищного фонда на 1 жителя в Казахстане: за 17 лет соответственно 5,2 раза и 1,26 раза. Таким образом, в жилищной политике Казахстана не учитываются высокие темпы рождаемости. Такая же тенденция отмечается в Кыргызстане: при общем росте абсолютных объемов жилищного строительства уменьшается количество квадратных метров жилья, приходящихся на 1 жителя.

3. В Армении при низких темпах изменения объемов строительства квартир за 17 лет почти в 2 раза увеличился жилищный фонд, приходящийся на 1 человека.

Таким образом, перед Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Беларусью не снята проблема нуждающихся в жилье. Перспективой совершенствования строительства человека и социально ориентированного государства в этих экономиках становится на ближайшие 10 лет обеспечение населения жильем.

4. Уровень доходов населения и степень расслоения населения на социальные группы как результат реализации концепции социально ориентированной экономики. Важное значение для характеристики уровня жизни населения стран ЕАЭС имеет оценка трудовых доходов. Из-за использования разных национальных валют не представляется рациональным приведение величин зарплат к реальному, виду через дефлирование с целью их дальнейшего анализа. В связи с этим величины среднемесячных зарплат были пересчитаны по среднегодовым курсам доллара США (таблица 8). При этом проявились две заметных тенденции:

1. Падение в 2014–2016 гг. значений среднемесячной зарплаты в странах Таможенного союза, зависимых от курса российского рубля к доллару США. В частности, с 2013 по 2016 гг. реальная зарплата в РФ упала на 48 %, в Беларуси – на 49 %, Казахстане – на 42 %. Таким образом, российский кризис через механизм экспортно-импортных поставок повлиял на уровень доходов предприятий-экспортеров в других странах ЕАЭС и соответственно зарплату их работников.

2. Обнаружившийся в 2011 г. резкий контраст между высокой средней зарплатой в России, Казахстане (свыше 600–650 долл. США) и остальными членами ЕАЭС (около 200 долл.) стал постепенно нивелироваться к 2016 году (от 350 до 550 долл. США).

Таблица 8 – Динамика средней номинальной заплата (долл. США) в странах ЕАЭС за период 2010–2016 гг.

Среднемесячная зарплата, долл. США	2005	2011	2013	2014	2015	2016
Россия	298	728	936	856	561	549
Беларусь	216	228	564	590	413	361
Казахстан	256	614	717	675	568	416
Кыргызстан	81,4	201,6	234,1	229	209	207
Армения	350	381	359	393

Источники: Рассчитано по [2, с. 109, 403]; Рассчитано по [10, с. 146, 554]; [6, с. 71;]; [7, с. 52]; [8, с. 85]; [11, с. 90]; [12, с. 15]; [14]; [17]; [19, с. 45, 113, 120, 162, 164]; [20]; [21].

Тем не менее, ведущими странами по уровню зарплаты среди ЕАЭС по-прежнему остаются Россия и Казахстан, обуславливая потоки маятниковой трудовой эмиграции из соседних государств.

Характеристику уровней средней заработной платы следует уточнить оценкой степени концентрации доходов различных социальных прослоек с помощью коэффициента (индекса) Джини. Последний характеризует степень социальной напряженности, отличие уровней доходов самых богатых от уровня доходов самых бедных граждан (таблица 9). Предварительный анализ отражает рост индекса Джини в кризис 2011 г. в России и Беларуси (валютный дефолт вызвал рост курса доллара в течение нескольких месяцев в более чем 3 раза) и падение его в странах, не испытавших валютные потрясения (Армения, Казахстан, Кыргызстан).

Общей тенденцией для всех членов ЕАЭС является рост социального расслоения до мирового финансового кризиса и «замораживание» этого процесса после 2011 года (исключение – Кыргызстан). Отрыв российского и киргизского индексов Джини почти в 1,5 раза от остальных стран ЕАЭС сохранился спустя 15 лет. Таким образом, спецификой реализации социально ориентированной экономики в России и Кыргызстане должна стать интенсивная политика выравнивания доходов. Относительно благополучно с поляризацией населения на богатых и бедных – в Республике Беларусь (самый низкий уровень индекса Джини).

Таблица 9 – Индекс Джини в странах ЕАЭС за период 2010–2016 гг.

Индекс Джини	2000	2005	2011	2014	2015	2016
Россия	0,395	0,409	0,417	0,416	0,413	0,412
Беларусь	0,27	0,256	0,284	0,275	0,276	0,279
Казахстан	0,312*	0,29	0,29	0,278	0,278	0,278
Кыргызстан	...	0,433	0,382	0,429	0,503	0,406
Армения	0,535	0,413	0,371	0,373	0,374	0,375

Примечание – 1. Источники: [2, с. 118]; [6, с. 77]; [7, с. 52]; [8, с. 88]; [10, с. 158]; [11, с. 103]; [14]; [17]; [19, с.45, 113, 120, 162, 164]; [20]; [21].

2. * – Казахстан с 2002 г.

5. Уровень счастья и экология. В настоящее время для оценки человеко ориентированной системы применяются индексы счастья. Индексы счастья оцениваются двумя организациями и, соответственно, двумя методиками в мире. Первый «международный индекс счастья» WHI (World Happiness Report) впервые был утвержден к расчету в июле 2011 г. Генеральной Ассамблеей ООН по 158 странам мира (рассчитывает группа социологов Колумбийского университета). Он основан на трех оценках: экономики (ВВП на душу), психологии (психологической оценке уровня счастья, свободы выбора, качества социальных услуг, занятости населения, щедрости, уровня коррупции), анализе национальной статистики обеспеченности материальными условиями жизни и продолжительности жизни (более точный его расчет приведен на сайте [4]).

Таблица 10 – Динамика коэффициента счастья в странах ЕАЭС за 2013–2017 гг.

Страна ЕАЭС	Место в мировом рейтинге 2013 г.	Значение коэффициента счастья, 2013 г.	Место в мировом рейтинге 2014 г.	Место в мировом рейтинге-2016 г.	Значение коэффициента счастья, 2016 г.	Место в мировом рейтинге 2017 г.
Россия	68	5,464	64	56	5,856	76
Беларусь	66	5,504	59	61	5,802	71
Казахстан	57	5,761	56	54	5,919	73
Кыргызстан	89	5,042	89	85	5,185	74
Армения	128	4,316	127	121	4,360	88

Источники: [4], World Happiness Report. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/World_Happiness_Report. – Дата доступа: 06.12.2016; <http://jpsy.ru/public/38684.htm>. – Дата доступа: 06.12.2016; <http://anhor.uz/news/world-happiness-index-uzbekistan-samaya-schastlivaya-respublika-sredi-bivshih-sovetskih>. – Дата доступа: 06.12.2016; <http://infoabad.com/novosti-turkmenistana/reiting-stran-mira-po-urovnyu-schastja-naselenija-v-2017-godu-turkmenistan-uluchshil-svoi-pokazateli.html>. – Дата доступа: 02.05.2018.

Анализ таблицы 10 свидетельствует о разной скорости совершенствования социально ориентированных систем стран ЕАЭС: более значительными темпами на пути заботы о человеке продвигаются Беларусь, Кыргызстан, хуже всех – Армения. За 3 последних года значительного абсолютного прироста индекса WHP добились только Кыргызстан (повышение рейтинга на 15 позиций) и Армения (на 40 позиций). Значительно потеряли свои позиции Россия, Беларусь, Казахстан.

Таблица 11 – Динамика индекса счастья НПИ стран ЕАЭС за 2006–2017 гг.

Страна ЕАЭС	Место в рейтинге/ индекс 2006 г.	Место в рейтинге/ индекс 2010 г.	Место в рейтинге/ индекс 2012	Место в рейтинге/ индекс 2016 г
Россия	172/22,76	108/34,47	122/34,518	116/18,7
Беларусь	165	104/35,67	103/37,415	102/21,7
Казахстан	125/36,92	91/38,54	119/34,704	114/19,1
Кыргызстан	19/59,05	61/47,09	38/49,082	31/33,1
Армения	130/36,15	48/48,28	53/46,003	73/25,7

Источник: [10]; <http://www.eco-mir.net/show/5084/>. – Дата доступа: 06.12.2016; <http://fingeniy.com/indeks-schastya/>. – дата доступа: 06.12.2016; <http://gtmarket.ru/news/culture/2006/08/19/33>. – Дата доступа: 06.12.2016; <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info>. – Дата доступа: 06.12.2016; <http://jpsy.ru/public/47393.htm>. – Дата доступа: 06.12.2016; <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info>. – дата доступа: 46.05.2018

Второй индекс счастья – «планетный индекс счастья» НПИ (Happy Planet Index) – рассчитывается на основе показателей: 1) опросная оценка удовлетворенности жизнью; 2) оценочный уровень своей предполагаемой продолжительности жизни; 3) оценка уровня неравенства распределения благ в обществе; 4) экологический «след» (среднее воздействие каждого члена общества на окружающую среду - оценка). Таким образом, второй индекс носит более субъективную окраску по сравнению с первым. Он был предложен исследовательской организацией New Economics Foundation (NEF) в июле 2006 г.

Главная задача индекса отразить «действительное» благосостояние наций с учетом экологической чистоты. Рассчитывается 1 раз в 2-3 года, для его расчета используются статистические данные крупнейших национальных и международных институтов и организаций. Однако контингент исследуемых стран неустойчив. В 2006 г. было рассмотрено 178 стран, в 2009 – 143 страны, в 2012 г. – 152 страны.

Анализ таблицы 10 позволяет сделать выводы по тенденциям за 10 лет среди стран ЕАЭС:

1. Кардинально улучшили свои позиции за 12 лет Россия и Беларусь, Казахстан же продвинулся в верха по сравнению со своим рейтингом 2006 г. в 1,5 раза медленнее, чем первые 2 страны;

2. Значительное отставание выявлено по Кыргызстану, Армения имеет отрицательную тенденцию своего рейтинга, но лишь после событий мирового финансового кризиса.

Сравнение динамики обоих индексов счастья (таблицы 9 и 10) по странам ЕАЭС показывает, что резко контрастируют динамики индексов счастья по Кыргызстану. Становится очевидным, что значительный просчеты социально направленной политики Кыргызстана – в сфере поддержания экологического равновесия и нивелирования неравенства в распределении доходов, так как методология подсчета обоих индексов счастья как раз и отличается по этим позициям. По остальным странам ЕАЭС динамика обоих индексов, включая сравнительную скорость изменения за рассматриваемый период, примерно одинакова.

ВЫВОДЫ

Дальнейшими тактическими целями построения человека и социально ориентированных экономик в странах ЕАЭС, ориентированных на германскую модель, должны стать:

1. В образовании: для Беларуси, Казахстана рост обеспеченности студентов вузов компьютерной техникой и общежитиями, сокращение величины оплаты за обучение;

2. В области здравоохранения и демографии: для Беларуси – продолжить успешную политику стимулирования роста рождаемости; для Казахстана, Армении и Кыргызстана – усиление степени социальной защиты детей и матерей; для всех стран ЕАЭС – принять меры к недопущению свертывания финансирования здравоохранения в годы экономических кризисов; для Беларуси, Армении и Казахстана – расширить наличие больничных койко-мест на 100000 жителей; для Кыргызстана – обеспечить значительный рост уровня врачей на 10000 жителей;

3. В области жилищного строительства и жилищной политики: ускорить темпы жилищного строительства в Кыргызстане и Казахстане, обгоняющие темпы роста рождаемости; для Беларуси и России – преодоление негативных тенденций кризиса 2009–2011 гг. в падении темпов жилищного строительства и обеспеченности населения жильем;

4. В области политики доходов: для Беларуси, Армении, Кыргызстана – обеспечить ускорение темпов роста реальной среднемесячной зарплаты; для России и Кыргызстана – интенсификация мер по выравниванию доходов различных социальных слоев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Образование в Республике Беларусь 2015: статистический сборник. – Минск: Нац. статист. ком-т, 2015. – 312 с.

2. Статистический ежегодник Республика Беларусь 2016. – Мн.: Национальный статистический комитет, 2016. – 519 с.

3. World Happiness Report. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/World_Happiness_Report. – Дата доступа: 06.04.2018
4. Индекс счастья Колумбийского университета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knoema.ru/ojegfd/world-happiness-index>. – Дата доступа: 06.04.2018.
5. Всемирный индекс счастья (Happy planet index). Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://happy.jofo.ru/71466.html>. – Дата доступа: 06.04.2018.
6. Казахстан в 2016 г.: статистический ежегодник. – Астана, 2017. – 516 с.,
7. Казахстан: статистический ежегодник 2007 г. – Астана, 2008. – 516 с.
8. Статистический ежегодник Кыргызской республики 2010–2014 гг. – Бишкек, 2015. – 409 с.
9. Статистический ежегодник Армении 2005. – Ереван, 2006. – 405 с.
10. Российский статистический ежегодник 2016. – Москва: Федеральная служба государственной статистики, 2016. – 729 с.
11. Статистический ежегодник Армении 2015. – Ереван, 2016. – 408 с.
12. Кыргызстан: краткий статистический справочник 2013–2015 гг. – Бишкек, Национальный статистический комитет Кыргызской республики, 2016. – 31 с.
13. Образование в Республике Беларусь 2017: статистический сборник. – Минск: Нац статист. ком-т, 2017. – 220 с.
14. Российский статистический ежегодник 2017. – Москва: Федеральная служба государственной статистики, 2017. – 688 с.
15. Цены в России: статистический сборник. – Москва: Федеральная служба статистики, 2017. – 152 с.
16. Статистический ежегодник Республика Беларусь 2017. – Мн.: Национальный статистический комитет, 2016. – 506 с.
17. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. – М.: 2017. – 204 с.
18. Население Казахстана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://countrymeters.info/ru/Kazakhstan>. – Дата доступа: 02.05.2018;
19. Статистический ежегодник Кыргызской республики 2012–2016 гг. – Бишкек, 2017. – 466 с.
20. Беларусь в цифрах 2018: краткий статистический сборник. – Мн.: Национальный статистический комитет, 2018. – 72 с.
21. Сайт национальной статистической службы Армении [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://armstat.am/ru/?nid=586&year=2017>. – Дата доступа: 02.05.2018.
22. Статистический ежегодник Армении, 2017.–Ереван, 2018. – 607 с.

REFERENCES

1. *Obrazovanie v Respublike Belarus' 2015: statisticheskij sbornik.* – Minsk: Nac. statist. kom-t, 2015. – 312 s.
2. *Statisticheskij ezhegodnik Respublika Belarus' 2016.* – Mн.: Nacional'nyj statisticheskij komitet, 2016. – 519 s.
3. World Happiness Report. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://en.wikipedia.org/wiki/World_Happiness_Report. – Data dostupa: 06.04.2018
4. Indeks schast'ya Kolumbijskogo universiteta. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://knoema.ru/ojegfd/world-happiness-index>. – Data dostupa: 06.04.2018.
5. Vsemirnyj indeks schast'ya (Happy planet index). EHlektronnyj resurs. – Rezhim dostupa: <http://happy.jofo.ru/71466.html>. – Data dostupa: 06.04.2018.
6. *Kazahstan v 2016 g.: statisticheskij ezhegodnik.* – Astana, 2017. – 516 s.

7. Kazakhstan: statisticheskij ezhegodnik 2007 g. –Astana, 2008. – 516 s.
8. Statisticheskij ezhegodnik Kyrgyzskoj respubliki 2010–2014 gg. – Bishkek, 2015. – 409 s.
9. Statisticheskij ezhegodnik Armeniya 2005. – Erevan, 2006. – 405 s.
10. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 2016. – Moskva: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki, 2016. – 729 s.
11. Statisticheskij ezhegodnik Armeniya 2015. – Erevan, 2016. – 408 s.
12. Kyrgyzstan: kratkij statisticheskij spravochnik 2013–2015 gg.–Bishkek, Nacional'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj respubliki, 2016. – 31s.
13. Obrazovanie v Respublike Belarus' 2017: statisticheskij sbornik. – Minsk.: Nac. statist. kom-t, 2017. – 220 s.
14. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik 2017. – Moskva: Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki, 2017. – 688 s.
15. Ceny v Rossii: statisticheskij sbornik. – Moskva: Federal'naya sluzhba statistiki, 2017. – 152 s.
16. Statisticheskij ezhegodnik Respublika Belarus' 2017. – Mn.: Nacional'nyj statisticheskij komitet, 2016. – 506 s.
17. Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz v cifrah: kratkij statisticheskij sbornik. – M.: 2017. – 204 s.
18. Naselenie Kazahstana – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://countrymeters.info/ru/Kazakhstan>. – Data dostupa: 02.05.2018;
19. Statisticheskij ezhegodnik Kyrgyzskoj respubliki 2012–2016 gg. – Bishkek, 2017. – 466 s.
20. Belarus' v cifrah 2018: kratkij statisticheskij sbornik. – Mn.: Nacional'nyj statisticheskij komitet, 2018. – 72 s.
21. Sajt nacional'noj statisticheskij sluzhby Armenii. – [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://armstat.am/ru/?nid=586&year=2017>. – Data dostupa: 02.05.2018.
22. Statisticheskij ezhegodnik Armenii, 2017.–Erevan, 2018. – 607 s.

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2018 года

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 338.242

ББК 65.5

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПОЛИТИК
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕАЭС НА ОСНОВЕ КРИТЕРИЕВ ИХ ЦЕЛЕВОЙ
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ**

В. Л. ГУРСКИЙ

vhurski@yandex.ru

ГНУ «Институт жилищно-коммунального хозяйства НАН Беларуси»

г. Минск, Республика Беларусь

В статье представлены методические основы и проведен сравнительный анализ моделей промышленных политик государств-членов ЕАЭС на основе критериев их целевой результативности, включающих среднегодовые индексы объема промышленного производства, доли промышленного производства в ВВП страны, доли обрабатывающей промышленности в объеме промышленного производства, удельного веса страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, доли экспорта в общем объеме промышленного производства, доли импорта в общем объеме промышленного производства, производительности труда в промышленности, объема инвестиций в основной капитал, отражающих реальные интересы и цели социально-экономического развития участников интеграционного объединения.

Ключевые слова: промышленная политика; международная интеграция; ЕАЭС; критерии результативности, модель промышленной политики, государственное управление.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF MODELS OF INDUSTRIAL POLICY
OF MEMBERS STATES OF THE EAEU BASED ON CRITERIA OF THEIRS TARGET
EFFECTIVENESS**

V. L. HURSKY

SSI « Institute of housing and communal services of NAS of Belarus»

Minsk, Republic of Belarus

In the article methodological frameworks have been developed and made comparative analysis of models of industrial policy of members States of the EAEU has been made based on criteria of theirs target effectiveness including average annual the Industrial Production Index, the share of manufacturing in the GDP of country, share of manufacturing in total merchandise, the participation proportion of the country in world manufacturing value added, share of imports in total value of manufacturing, industrial productivity, fixed investment and shows real interests and goals of economic and social development of members of integration union.

Keywords: industrial policy; international integration; EAEU; criteria of effectiveness; model of industrial policy; state governance.

ВВЕДЕНИЕ

Специфика промышленной политики каждого государства определяется, в первую очередь, уникальностью самих экономических отношений в стране, ее историческим, культурным, религиозным и мировоззренческим контекстом. Например, в вопросе распределения средств государственной поддержки (инструмент промышленной политики, который используется практически во всех странах) решающими могут оказаться не экономическая целесообразность и интересы страны, а интересы отдельных чиновников (коррупционная составляющая), или олигархических структур (в США возможность лоббирования интересов корпораций закреплена законодательно), или кланов (жузовая иерархия в Казахстане). Известно, что одни и те же действия со стороны государства имеют совершенно различный эффект, и приводят к совершенно разным результатам в разных странах. И, вместе с тем, получить определенный (одинаковый) эффект в нескольких странах, можно используя в каждой из них собственную, уникальную, отличную от других промышленную политику. Свойства эквививальности и мультифинальности сложных экономических систем предопределяют тот факт, что при анализе экономической модели развития промышленной политики в разных странах, наиболее сложным, в методологическом плане, является проблема критериев оценки (признаков и сторон проявления), отражающих результат описываемого процесса и полученный эффект, посредством анализа которых, с помощью показателей, можно будет определять его соответствие потребностям и интересам участвующих в нем субъектов.

Проблематикой оценки эффективности системы государственного управления занимались М. Вулкок и Л. Притчетт [1], Ф. Фукуяма [2], А. А. Хохлов [3], А. С. Дудов [4], Л. Н. Калашников [5], М. Полиенко [6], А. В. Клименко [7], В. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, С. М. Строганова [8] и др. В модели М. Вулкока и Л. Притчетта, описанной ими в работе «Solutions When the Solution is the Problem: Arraying the Disarray in Development» выделяется два аспекта государственного управления - интенсивность (transaction intensive), и дискреционность деятельности (discretionary), Фукуяма вместо дискреционности (делегирования полномочий) использует категорию специфичности государственной политики (возможности контроля), и предлагает проводить анализ эффективности на основе двух указанных критериев объединенных в форму матрицы «Объем деятельности - специфичность». Однако, к результатам реальной государственной политики все эти критерии имеют весьма косвенное отношение. Как отмечает С. Ю. Солодовников «В настоящее время в мировой экономической науке значительно возросло количество исследований, посвященных проблемам структурной и промышленной политики и путям развития реального сектора экономики. После длительного перерыва в Западных странах под влиянием мирового финансового кризиса и бурного экономического развития новых индустриальных государств возрождается интерес к проблемам развития реального сектора экономики в контексте обеспечения конкурентоспособности национальной экономики, обеспечения ее устойчивости в условиях мирохозяйственной нестабильности» [9, с. 43.] В основном, научные разработки в этой области касаются совершенствования методов применения отдельных инструментов регулирования развития промышленных комплексов государств-членов ЕАЭС и анализа зарубежного опыта формирования элементов институциональной среды.

Цель данной работы разработать методические основы и провести сравнительный анализ моделей промышленных политик государств-членов ЕАЭС на основе критериев их целевой результативности, отражающих реальные интересы и цели социально-экономического развития участников интеграционного объединения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Как правило, при принятии решений на государственном уровне, в т. ч. при формировании промышленной политики, эффективность означает выбор наиболее экономичной альтернативы, что редко совпадает с интересами страны и связано с ростом социальной напряженности. Г. Саймон, отмечает «... можно не сомневаться, что когда делаются заявления относительно эффективности или неэффективности правительственных действий, они редко когда могут иметь серьезные основания» и подчеркивает, что «термин «эффективность» уже давно стал неким символом, инструментом для политических манипуляций» [10].

В отечественной экономической литературе, среди критериев эффективности государственного управления, чаще всего выделяют следующие:

1. целевая обоснованность, которая определяется через степень соответствия управляющего воздействия целям, и потребностям общества;
2. затраты времени на решение управленческих вопросов и осуществление управленческих действий т. е. на обработку и прохождение управленческой информации;
3. стиль функционирования государственно-управляющей системы, ее подсистем и других организационных структур. т. е. формы, методы, средства и ресурсы для достижения поставленных целей;
4. сложность организации субъекта государственного управления, его подсистем и звеньев;
5. издержки на содержание и обеспечение функционирования государственно-управляющей системы, ее подсистем и иных организационных структур.

Однако данные критерии практически невозможно не только оценить количественно, но и формализовать в виде конкретных показателей, а значит их практическая значимость также невысока. Кроме того, в случае, когда объект исследования, по сути, является одним из направлений функционирования системы государственного управления, акцент необходимо делать не на экономической эффективности, а на оценке уровня достижения поставленных перед государственными структурами целей, которые выражаются через показатели выполнения целевых параметров прогнозов, программ и планов развития соответствующих секторов экономики или регионов, т. е. принимаются критерии не эффективности, а результативности.

Частные количественные критерии типа прибыли и рентабельности взаимодействующих хозяйствующих субъектов, также не подходят для оценки эффективности промышленной политики, поскольку эффективность различных этапов производственно-экономического процесса в международных цепочках создания стоимости, а значит эффективность функционирования различных участников международного разделения труда, являющихся субъектами промышленной политики может различаться по причинам, не зависящим от эффективности самой промышленной политики. Кроме того, цели и интересы субъектов промышленной политики, как правило, различны, противоречивы и, в основном, носят скрытый характер, широко не декларируются.

Учитывая это, анализ эффективности промышленных политик предлагается проводить на основе принятых правительством документов, в области координации промышленного развития, и официальных заявлений глав государств, как проявления доминирующих интересов оформленных в виде целей государственной политики. Интересы будут рассматриваться нами не как скрытые мотивы, или транслируемые намерения, а как целевая направленность реальной деятельности. Как утверждают авторы монографии «Качество и успешность государственных политик и управления»: «Оценить каче-

ство какой-либо деятельности можно лишь имея представление о ее целевой направленности. Эффективно то действие, которое приближает субъект к установленной цели, и неэффективно то, которое от этой цели удаляет» [8]. Соотнесение основных трендов развития промышленного комплекса страны с заявленными целями и будет отражать результативность промышленной политики, как способность государства реализовать интересы политических и экономических элит страны. В этой связи, прежде чем определить критерии оценки промышленных политик, проведем анализ целей и задач, которые декларируют государства члены ЕАЭС в этой области.

Согласно Закону Республики Армения от 19.11.2014 № НО-184-Н «О промышленной политике», Задачами государственной политики развития промышленности являются: сотрудничество с частным сектором в целях разработки и реализации стратегий развития сферы; содействие повышению эффективности деятельности компаний, имеющих экспортный потенциал; содействие формированию региональных кластеров, технопарков, промышленных зон; содействие инновационной деятельности; развитие возможностей структур, оказывающих содействие предпринимателям; развитие инфраструктур промышленности [11].

Основными целями Программы развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 г, являются: формирование конкурентоспособного инновационного промышленного комплекса, ориентированного на создание высокопроизводительных рабочих мест и рост производительности труда ..., увеличение выпуска соответствующей мировым стандартам продукции и наращивание экспортного потенциала» [12].

Задачами Государственной программы индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015–2019 гг., утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 01.08.2014 № 874, являются: опережающее развитие обрабатывающей промышленности; повышение эффективности и увеличение добавленной стоимости в приоритетных секторах; расширение рынков для реализации несырьевых товаров; увеличение продуктивной занятости; придание нового уровня технологичности приоритетным секторам обрабатывающей промышленности и создание основы для развития секторов будущего через формирование инновационных кластеров; стимулирование предпринимательства и развитие малого и среднего бизнеса в обрабатывающей промышленности [13].

Целями Программы развития обрабатывающей промышленности Кыргызской Республики на 2013–2015 гг., утвержденной Постановлением Правительства Кыргызской Республики от 14.03.2013 № 133 являются: рост производства и экспорта промышленной продукции; обеспечение конкурентоспособности кыргызской промышленной продукции на рынках ЕАЭС; увеличение удельного веса промышленной продукции в ВВП; создание дополнительных рабочих мест в промышленности; повышение промышленного и технического «ноу-хау» через привлечение инвесторов в Кыргызскую Республику.

В соответствии с Федеральным законом от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», основной целью промышленной политики является: формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-сырьевого типа развития к инновационному типу развития, в том числе за счет: увеличения выпуска продукции с высокой долей добавленной стоимости и поддержки экспорта такой продукции; повышение производительности труда, внедрение импортозамещающих, ресурсосберегающих и экологически безопасных технологий; поддержка технологического перевооружения субъектов деятельности в сфере промышленности, модернизация основных производственных фондов; обеспечение технологической независимости национальной экономики [14].

Как видим, основные цели промышленной политики очень схожи. Для всех государств-членов ЕАЭС характерно стремление к росту промышленного производства, повышению конкурентоспособности отечественных промышленных комплексов, повышению удельного веса промышленности в ВВП страны и доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства, росту промышленного экспорта и сокращению зависимости от импорта, повышению производительности труда, росту инвестиций и инноваций в промышленности. Как отмечает С. Ю. Солодовников «Для успешной реализации современной структурной политики необходимо наличие и оптимальное сочетание таких важнейших экономических ресурсов, как: человеческий капитал, социальный капитал, финансовый капитал и материально-вещественный капитал. Все названные формы капитала одинаково важны для проведения новой индустриализации, но в различные периоды может наблюдаться нехватка (дефицит) какого-либо из них. Соответственно, и экономическая эффективность добавления этого фактора будет возрастать» [15, с. 6].

В этой связи, по мнению автора, в качестве целевых критериев оценки промышленной политики, необходимо использовать весь комплекс универсальных макроэкономических показатели развития промышленности страны во взаимосвязи с поставленными целями и интересами, т. е. движущими силами деятельности основных субъектов промышленной политики. Критерии эффективности и результативности промышленной политики должны отражать его способность достижения поставленных целей и соблюдения интересов его участников при выбранном организационно-экономическом механизме. Поэтому, эффективность промышленных политик, предлагается рассматривать на основе сочетания двух аспектов эффективности государственного управления, первый – целевая эффективность (правильность выбора и постановки целей), второй – исполнительская эффективность (степень достижения поставленных целей и задач). Интегрированным показателем, который учитывает правильность целеполагания и уровень выполнения поставленных задач будет общая (или интегральная) эффективность.

Все эти виды можно выразить следующими формулами:

$$\text{Целевая эффективность} = \frac{\text{Поставленные цели}}{\text{Действительные потребности}}$$

$$\text{Исполнительская эффективность} = \frac{\text{Достигнутые результаты}}{\text{Поставленные цели}}$$

$$\text{Общая эффективность} = \frac{\text{Достигнутые результаты}}{\text{Действительные потребности}}$$

В настоящее время рассчитывается только исполнительская эффективность (% выполнения заданного показателя).

В данной работе предлагается не исключая показателей исполнительской эффективности основное внимание уделить показателям целевой и общей эффективности.

Исходя из определения понятия промышленной политики как системы принципов, инструментов и целей государственной координации экономического процесса в промышленности и связанных с ней сферах деятельности, посредством разработки

и реализации долгосрочной экономической стратегии развития национального промышленного комплекса, можно утверждать, что наиболее обобщающим критерием достижения целей государственного регулирования и удовлетворения интересов участников экономического процесса выступает объем промышленного производства как в абсолютных, так и в относительных величинах), и обуславливающие его факторы, такие как производительность труда, объема инвестиций, экспорта и импорта промышленных товаров, уровень научно-технических достижений. Вместе с тем, результаты промышленной политики проявляются не сразу, а по истечении определенного времени, и в этой связи критерии должны отражать не текущее состояние, а динамику процесса. Таким образом, обобщающие критерии оценки промышленной политики предлагается конкретизировать через среднегодовые индексы целевых критериев, таких как: объема промышленного производства, доли промышленного производства в ВВП страны, доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства, удельного веса страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, доли экспорта в общем объеме промышленного производства, доли импорта в общем объеме промышленного производства, производительности труда в промышленности, объема инвестиций в основной капитал. Рассчитываются среднегодовые индексы целевых критериев.

$$AI_q = \frac{\sum_{n=1}^N \frac{Q_n}{Q_{n-1}}}{N-1},$$

где: AI_q – среднегодовые индексы критерия Q ;

Q – исследуемый целевой критерий;

N – количество лет исследуемого периода.

Среднегодовые индексы объема промышленного производства, доли промышленного производства в ВВП страны отражают динамику развития промышленности как вида экономической деятельности в стране, и характеризуют результативность промышленной политики относительно вектора индустриализация - деиндустриализация. Среднегодовые индексы доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства и удельного веса страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности отражают качество промышленного развития, изменение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности страны относительно остальных стран и характеризуют результативность структурной промышленной политики. Среднегодовые индексы доли экспорта в общем объеме промышленного производства, доли импорта в общем объеме промышленного производства характеризуют результативность процессов импортозамещения и экспортоориентации в промышленной политике страны. Среднегодовые индексы производительности труда в промышленности, объема инвестиций в основной капитал характеризуют результативность инвестиционной, инновационной и модернизационной активности в промышленной политике страны. Использование именно среднегодовых индексов, а не общих за период, обусловлено необходимостью анализировать тенденции в динамике, а не итоги последнего (отчетного) года.

Для анализа промышленных политик государств-членов ЕАЭС, на основе предложенных критериев, были использованы статистические данные за период с 2010 по 2017 гг. Полученные результаты представлены в виде диаграмм-радаров.

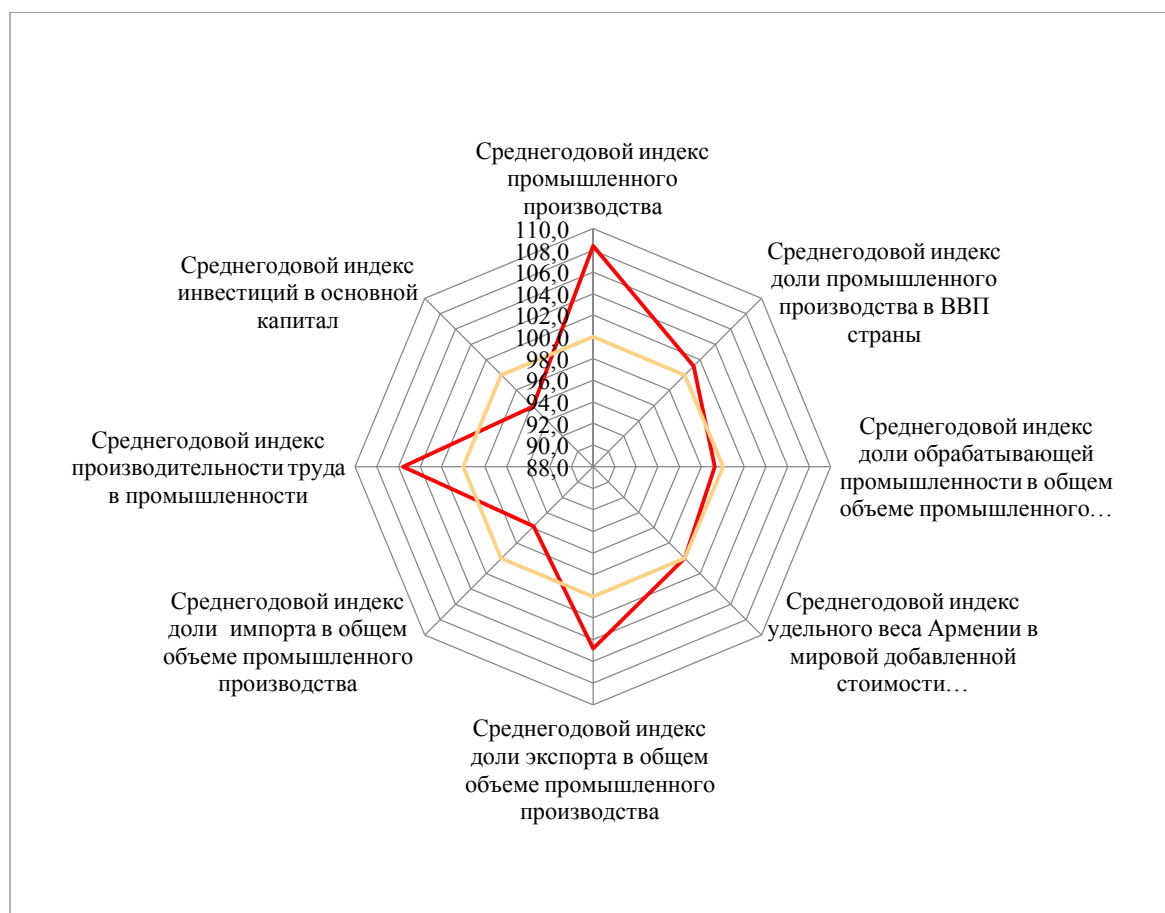

Рисунок 1 – Комплексная характеристика целевой результативности промышленной политики Армении в период 2010-2017 гг., %. (авторская разработка на основе данных официальной статистики, источники [16, 17])

Среднегодовые индексы объема промышленного производства Армении демонстрируют положительную тенденцию роста, также как и удельный вес промышленного производства в ВВП страны, однако доля обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства сократилась, что отражает сырьевую ориентацию структурной промышленной политики и снижение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности. Рост среднегодовых индексов удельного веса экспорта в общем объеме промышленного производства Армении, и снижение доли импорта характеризуют высокую результативность процессов импортозамещения и экспортоориентации в промышленной политике страны. Высокие показатели индексов производительности труда в промышленности, на фоне низких индексов инвестиций в основной капитал характеризуют противоречивость инвестиционной и инновационной промышленной политики Армении обуславливающую неустойчивость положительных тенденций развития промышленного комплекса страны.

Рисунок 2 – Комплексная характеристика целевой результативности промышленной политики Беларуси в период 2010-2017 гг., %. (авторская разработка на основе данных официальной статистики, источники [18, 19])

Рост объема промышленного производства Республики Беларусь отражает процессы индустриализации экономики в период с 2010 по 2017 гг., невысокие индексы удельного веса промышленного производства в ВВП страны указывает на то, что некоторые непромышленные сектора экономики развиваются быстрее. Рост доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства является положительной тенденцией, однако существенное уменьшение доли страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности отражают снижение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности Беларуси относительно остальных стран и характеризуют отрицательную результативность структурной промышленной политики. В то же время, существенный рост доли экспорта в общем объеме промышленного производства, и сравнительно небольшой рост доли импорта в общем объеме промышленного производства характеризуют высокую результативность политики импортозамещения и экспортной ориентации в промышленности. Снижение индексов производительности труда в промышленности, особенно на фоне низких индексов объема инвестиций в основной капитал характеризуют крайне низкую результативность инвестиционной и инновационной промышленной политики Беларуси.

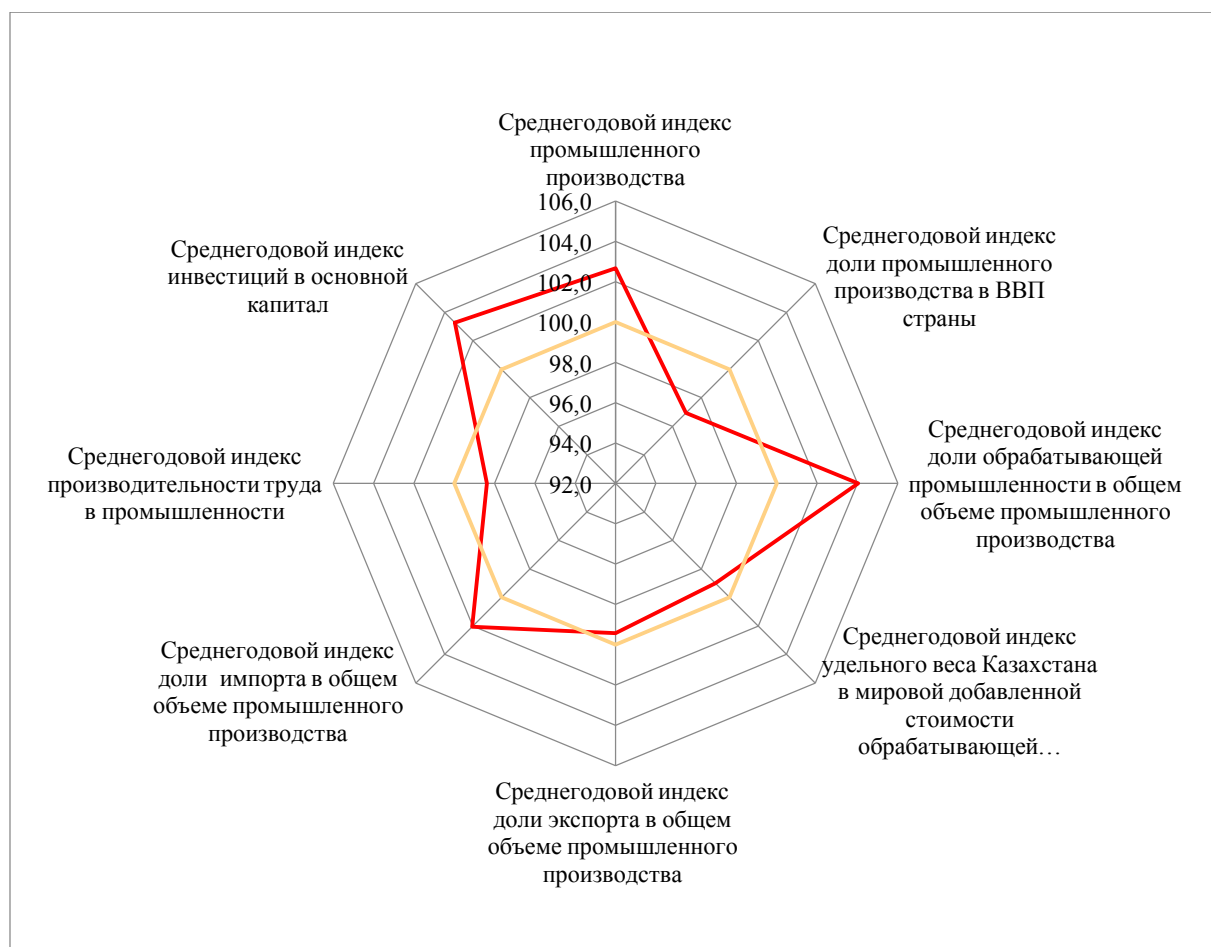

Рисунок 3 – Комплексная характеристика целевой результативности промышленной политики Казахстана в период 2010–2017 гг., %. (авторская разработка на основе данных официальной статистики, источники [20, 21])

Высокие индексы промышленного производства отражают индустриализационный характер промышленной политики Казахстана. Однако, снижение доли промышленного производства в ВВП страны указывает на то, что некоторые непромышленные сектора экономики развиваются быстрее. Рост доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства характеризуют высокую результативность структурной промышленной политики. Сокращение удельного веса страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности отражает потери в области конкурентоспособности обрабатывающей промышленности Казахстана относительно остальных стран. Сокращение доли экспорта в общем объеме промышленного производства, и рост доли импорта в общем объеме промышленного производства характеризуют отрицательную результативность политики импортозамещения и экспорто-ориентации. Снижение индексов производительности труда в промышленности на фоне роста объема инвестиций в основной капитал характеризуют низкую результативность инвестиционной и инновационной промышленной политики Казахстана.

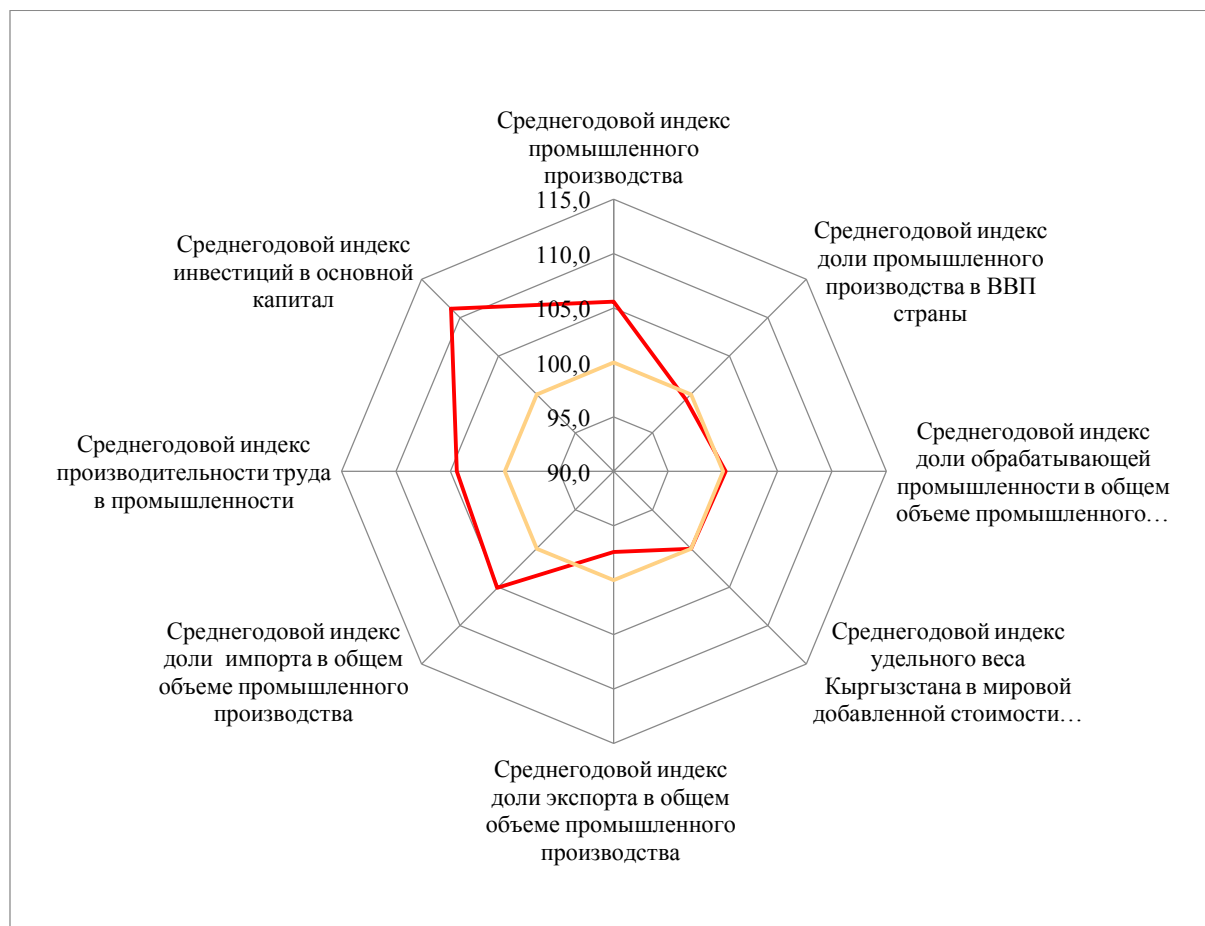

Рисунок 4 – Комплексная характеристика целевой результативности промышленной политики Кыргызстана в период 2010-2017 гг., %. (авторская разработка на основе данных официальной статистики, источники [22; 23])

Высокие среднегодовые индексы объема промышленного производства Кыргызстана, характеризует направленность промышленной политики на индустриализацию страны, хотя небольшое снижение доли промышленного производства в ВВП страны показывает, что некоторые непромышленные сферы экономики развиваются быстрее. Небольшой рост доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства и отсутствие отрицательной динамики удельного веса страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности отражают положительное изменение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности страны относительно остальных стран и характеризуют хорошую результативность структурной промышленной политики Кыргызстана. Снижение доли экспорта, и резкий рост доли импорта в общем объеме промышленного производства характеризуют отрицательную результативность политики импортозамещения и экспортоориентации. Высокие индексы производительности труда в промышленности, и объема инвестиций в основной капитал характеризуют успешность инвестиционной, инновационной и модернизационной промышленной политики страны.

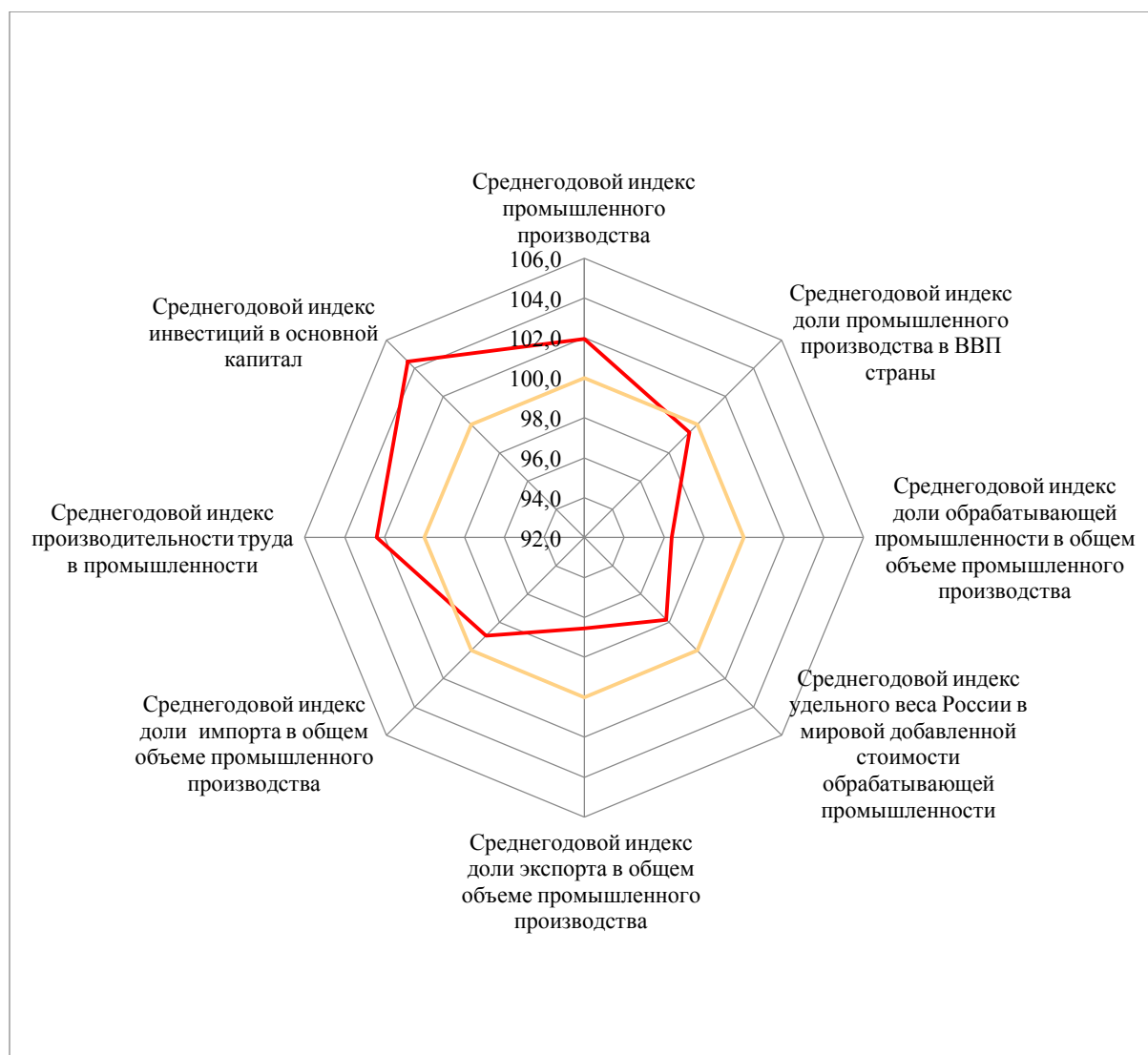

Рисунок 5 – Комплексная характеристика целевой результативности промышленной политики России в период 2010–2017 гг., %. (авторская разработка на основе данных официальной статистики, источники [24; 25])

Рост объема промышленного производства отражает индустриализационный характер промышленной политики России. Однако, снижение доли промышленного производства в ВВП страны указывает на то, что некоторые непромышленные сектора экономики развиваются быстрее. Снижение доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства и удельного веса России в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности показывает снижение конкурентоспособности ее обрабатывающей промышленности относительно остальных стран, и характеризуют отрицательную результативность структурной промышленной политики. Снижение доли экспорта в общем объеме промышленного производства характеризуют отрицательную результативность политики экспортной ориентации, снижение доли импорта в общем объеме промышленного производства характеризуют результативность политики импортозамещения. Высокие индексы производительности труда в промышленности, и объема инвестиций в основной капитал, и с учетом положительной динамики объемов производства характеризуют положительную результативность инвестиционной и инновационной промышленной политики страны.

Таблица 1 – Сравнительный анализ критериев целевой результативности промышленных политик государств-членов ЕАЭС

Целевые критерии	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	ЕАЭС
Среднегодовой индекс промышленного производства	108,4	102,9	102,7	105,6	102,0	104,3
Среднегодовой индекс доли промышленного производства в ВВП страны	101,1	99,8	96,9	99,3	99,4	99,3
Среднегодовой индекс доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства	99,3	100,3	104,0	100,3	96,4	100,1
Среднегодовой индекс удельного веса страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности	100,0	97,4	99,0	100,0	97,8	98,9
Среднегодовой индекс доли экспорта в общем объеме промышленного производства	104,8	103,7	99,4	97,4	96,5	100,4
Среднегодовой индекс доли импорта в общем объеме промышленного производства	95,8	100,2	102,1	105,2	99,0	100,4
Среднегодовой индекс производительности труда в промышленности	105,6	98,6	98,4	104,4	102,4	101,9
Среднегодовой индекс инвестиций в основной капитал	95,9	99,3	103,3	111,1	104,5	102,8

Источник: авторская разработка на основе данных официальной статистики [18–25].

Сравнительный анализ критериев целевой результативности промышленных политик государств-членов ЕАЭС показывает, что наиболее проблемными, являются характерные для большинства государств-членов ЕАЭС процессы снижения доли промышленного производства в ВВП страны, и снижения удельного веса в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, отражающие постепенную деиндустриализацию и потерю рыночных позиций на мировом рынке промышленной продукции. Положительными результатами промышленных политик государств-членов ЕАЭС являются рост производительности труда, рост инвестиций в основной капитал, обуславливающие рост промышленного производства.

ВЫВОДЫ

Таким образом, предложенная методика сравнительного анализа моделей промышленных политик государств-членов ЕАЭС на основе целевых критериев результа-

тивности, как элемент контроля в контуре государственного управления, позволяет определить общие проблемы и направления дальнейшего развития промышленных политик в соответствии с поставленными целями.

Представленные критерии эффективности и результативности промышленной политики, выраженные через среднегодовые индексы объема промышленного производства, доли промышленного производства в ВВП страны, доли обрабатывающей промышленности в общем объеме промышленного производства, удельный веса страны в мировой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, доли экспорта в общем объеме промышленного производства, доли импорта в общем объеме промышленного производства, производительности труда в промышленности, объема инвестиций в основной капитал, с одной стороны, объективно связаны с потребностями, интересами и целями социально-экономического развития государств-членов ЕАЭС, а с другой – дают возможность оценить тенденции и степень достижения поставленных целей, как меру удовлетворения интересов субъектов промышленной политики. Выполнение даже одного из них, при отсутствии явных провалов по другим, дает возможность положительно оценить эффективность промышленной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Woolcock, M. Solutions When the Solution is the Problem: Arraying the Disarray in Development [Text] / M. Woolcock, L. Pritchett. – Washington, DC : Center for Global Development Paper 10, 2002.

2. Фукуяма, Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке [Текст] / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.

3. Хохлов, А. А. Рациональность и эффективность государственного управления [Электронный ресурс] / А. А. Хохлов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2007. – С. 13–15. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/ratsionalnost-i-effektivnost-gosudarstvennogo-upravleniya>. – Дата доступа: 10.08.2018.

4. Назифуллин, Р. И. Основные противоречия и проблемы мониторинга эффективности государственного управления [Электронный ресурс] / Р. И. Назифуллин, А. С. Дудов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал, 2014. – № 5 (65). – С. 1–11. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-protivorechiya-i-problemy-monitoringa-effektivnosti-gosudarstvennogo-upravleniya>. – Дата доступа: 10.08.2018.

5. Калашников, К. Н. Оценка эффективности управления в общественном секторе: ограничения и непреодолимые сложности [Электронный ресурс] / К. Н. Калашников // Проблемы развития территории. – 2016. – Вып. 3 (83). – С. 41–53. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-effektivnosti-upravleniya-v-obschestvennom-sektore-ogranicheniya-i-nepreodolimye-slozhnosti>. – Дата доступа: 10.08.2018.

6. Полиенко, М. А. Институциональные аспекты повышения эффективности государственного управления : автореф. дис. ... канд. экон. наук / М. А. Полиенко ; Гос. ун-т упр. – М., 2005. – 23 с.

7. Алескерев, Ф. Т. Оценки качества государственного управления [Текст] / Ф. Т. Алескерев, К. И. Головщинский, А. В. Клименко. – М. : ГУ ВШЭ, 2006. – 36 с.

8. Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология». [Текст] : монография / А. И. Якунин, С. С. Сулакшин, В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, С. М. Строганова. – М. : Научный эксперт, 2012. – 496 с.

9. Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис nanoиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3 (8). – С. 42–48.

10. Саймон, Г. Менеджмент в организациях [Текст] / Г. Саймон, Д. Смитбург, В. Томпсон. – М. : РАГС «Экономика», 1995. – 643 с.

11. Закон Республики Армения о промышленной политике [Электронный ресурс] // Национальное собрание Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5095&lang=rus>. – Дата доступа: 27.09.2018.

12. Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 5 июля 2012 г., № 622 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf. – Дата доступа: 27.09.2018.

13. Государственная программа индустриально-инновационного развития Республики Казахстан на 2015-2019 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – Режим доступа: <http://www.akorda.kz/upload/ГПИИР%20на%202015-2019%20гг.doc>. – Дата доступа: 27.09.2018

14. О промышленной политике в Российской Федерации [Электронный ресурс] / Федер. закон, 31 дек. 2014 г., № 488-ФЗ // Администрация Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39299>. – Дата доступа 27.09.2018

15. Солодовников, С. Ю. Новая структурная политика и изменение институциональной динамики nanoиндустрии / С. Ю. Солодовников // Ресурсы Европейского Севера, Технологии и экономика освоения. – 2018. – № 1 (11). – С. 5–10.

16. Промышленность [Электронный ресурс] // Статистический ежегодник Армении, 2017 / Официальный сайт Статистического комитета РА. – Режим доступа: <http://www.armstat.am/file/doc/99504393.pdf>. – Дата доступа: 10.08.2018.

17. Основные макроэкономические показатели Республики Армения [Электронный ресурс] // Межгосударственный статистический комитет СНГ. – Режим доступа: <http://www.cisstat.com/>. – Дата доступа: 05.08.2018.

18. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2018 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_528. – Дата доступа: 01.09.2018.

19. Основные макроэкономические показатели Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Официальный сайт Межгосударственный статистический комитет СНГ. – Режим доступа: <http://www.cisstat.com/>. – Дата доступа: 05.08.2018.

20. Промышленность. Официальная статистическая информация. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Агентства Республики Казахстан по статистике. – Режим доступа: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersIndustry?_afzLoop=3579758404515824#%40%3F_afzLoop%3D3579758404515824%26_adf.ctrl-state%3Dhzudao482_71. – Дата доступа: 17.08.2018.

21. Основные макроэкономические показатели Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Официальный сайт Межгосударственный статистический комитет СНГ. – Режим доступа: <http://www.cisstat.com/>. – Дата доступа: 05.08.2018

22. Промышленность Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/publications/>. – Дата доступа: 16.08.2018.

23. Основные макроэкономические показатели Кыргызской Республики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Межгосударственный статистический комитет СНГ. – Режим доступа: <http://www.cisstat.com/>. – Дата доступа: 5.08.2018.

24. Доклад «Социально-экономическое положение России» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (РОССТАТ). – Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125. – Дата доступа 16.08.2018.

25. Основные макроэкономические показатели Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Межгосударственный статистический комитет СНГ. – Режим доступа: <http://www.cisstat.com/> – Дата доступа: 05.08.2018.

REFERENCES

1. Woolcock, M. Solutions When the Solution is the Problem: Arraying the Disarray in Development [Text] / M. Woolcock, L. Pritchett. – Washington, DC : Center for Global Development Paper 10, 2002.

2. Fukuyama, F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI ve-ke [Tekst] / F. Fukuyama. – M. : ACT: ACT MOSKVA: HRANITEL', 2006. – 220 s.

3. Hohlov, A. A. Racional'nost' i ehffektivnost' gosudarstvennogo upravle-niya [Ehlektronnyj resurs] / A. A. Hohlov // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk, 2007. – S. 13–15. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/v/ratsionalnost-i-ehffektivnost-gosudarstvennogo-upravleniya>. – Data dostupa: 10.08.2018.

4. Nazifullin, R. I. Osnovnye protivorechiya i problemy monitoringa ehffek-tivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Ehlektronnyj resurs] / R. I. Nazifullin, A. S. Dudov // Upravlenie ehkonomicheskimi sistemami: ehlektronnyj nauchnyj zhurnal, 2014. – № 5 (65). – S. 1–11. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-protivorechiya-i-problemy-monitoringa-ehffektivnosti-gosudarstvennogo-upravleniya>. – Data dostupa: 10.08.2018.

5. Kalashnikov, K. N. Ocenka ehffektivnosti upravleniya v obshchestvennom sek-tore: ogranicheniya i nepreodolimyie slozhnosti [Ehlektronnyj resurs] / K. N. Kalashnikov // Problemy razvitiya territorii. – 2016. – S. 41. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-ehffektivnosti-upravleniya-v-obschestvennom-sektore-ogranicheniya-i-nepreodolimyie-slozhnosti>. – Data dostupa: 10.08.2018.

6. Polienko, M. A. Institucional'nye aspekty povysheniya ehffektivnosti gosudarstvennogo upravleniya [Tekst] : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk / M. A. Poli-enko. – M., 2005. – 23 s.

7. Aleskerov, F. T. Ocenki kachestva gosudarstvennogo upravleniya [Tekst] / F. T. Aleskerov, K. I. Golovshchinskij, A. V. Klimenko. – M. : GU VSHEH, 2006. – 36 s.

8. Kachestvo i uspeshnost' gosudarstvennyh politik i upravleniya. Seriya «Po-liticheskaya aksiologiya». [Tekst] : monografiya / A. I. Yakunin, S. S. Sulakshin, V. Eh. Bagdasaryan, I. B. Orlov, S. M. Stroganova. – M. : Nauchnyj ehkspert, 2012. – 496 s.

9. Solodovnikov, S. Yu. Sovremennaya strukturnaya politika i krizis nanoindustrial'noy S. Yu. Solodovnikov // Pravo. Ehkonomika. Psihologiya. – 2017. – № 3 (8). – S. 42–48.

10. Sajmon, G. Menedzhment v organizacijah [Tekst] / G. Sajmon, D. Smitburg, V. Tompson. – M. : RAGS «Ehkonomika», 1995. – 643 s.

11. Zakon Respubliki Armeniya o promyshlennoj politike [Ehlektronnyj re-surs] // Nacional'noe sobranie Respubliki Armeniya. – Rezhim dostupa: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5095&lang=rus>. – Data dostupa: 27.09.2018.

12. Programma razvitiya promyshlennogo kompleksa Respubliki Belarus' na period do 2020 goda : postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus', 5 iyulya 2012 g., № 622 [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Ministerstva ehkonomiki Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: http://www.economy.gov.by/nfiles/001146_12850_Programma.pdf. – Data dostupa: 27.09.2018.

13. Gosudarstvennaya programma industrial'no-innovacionnogo razvitiya Res-publiki Kazahstan na 2015-2019 gody [Ehlektronnyj resurs]. – Astana, 2014 g. // Ofi-cial'nyj sajt Prezidenta Respubliki Kazahstan. – Rezhim dostupa: <http://www.akorda.kz/upload/GPIIR%20na%202015-2019%20gg.doc>. – Data dostupa: 27.09.2018

14. O promyshlennoj politike v Rossijskoj Federacii [EHlektronnyj resurs] / Feder. zakon, 31 dek. 2014 g., № 488-FZ // Administraciya Prezidenta Rossii. – Re-zhim dostupa: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39299>. – Data dostupa 27.09.2018

15. Solodovnikov, S. Yu. Novaya strukturnaya politika i izmenenie instituci-onal'noj dinamiki nanoindustrii / S. Yu. Solodovnikov // Resursy Evropejskogo Severa, Tekhnologii i ehkonomika osvoeniya. – 2018. – № 1 (11). – S. 5–10.

16. Promyshlennost' [Ehlektronnyj resurs] // Statisticheskij ezhegodnik Armenii, 2017 / Oficial'nyj sajt Statisticheskogo komiteta RA. – Rezhim dostupa: <http://www.armstat.am/file/doc/99504393.pdf>. – Data dostupa: 10.08.2018.

17. Osnovnye makroehkonomicheskie pokazateli Respubliki Armeniya [EHlektronnyj resurs] // Mezghosudarstvennyj statisticheskij komitet SNG. – Rezhim do-stupa: <http://www.cisstat.com/>. – Data dostupa: 05.08.2018.

18. Statisticheskij ezhegodnik Respubliki Belarus', 2018 [EHlektronnyj re-surs] // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. – Rezhim dostu-pa: http://belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_528. – Data dostupa: 01.09.2018.

19. Osnovnye makroehkonomicheskie pokazateli Respubliki Bela-rus' [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Mezghosudarstvennyj statistiche-skij komitet SNG. – Rezhim dostupa: <http://www.cisstat.com/>. – Data dostupa: 05.08.2018.

20. Promyshlennost'. Oficial'naya statisticheskaya informaciya. [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Agentstva Respubliki Kazahstan po statistike. – Rezhim dostupa: <http://stat.gov.kz/>. – Data dostupa: 17.08.2018.

21. Osnovnye makroehkonomicheskie pokazateli Respubliki Kazahstan [EHlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Mezghosudarstvennyj statisticheskij komitet SNG. – Rezhim dostupa: <http://www.cisstat.com/>. – Data dostupa: 05.08.2018

22. Promyshlennost' Kyrgyzskoj Respubliki [Ehlektronnyj resurs] // Nacio-nal'nyj statisticheskij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. – Rezhim dostupa: <http://www.stat.kg/ru/publications/>. – Data dostupa: 16.08.2018.

23. Osnovnye makroehkonomicheskie pokazateli Kyrgyzskoj Respubliki [EHlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Mezghosudarstvennyj statisticheskij komitet SNG. – Rezhim dostupa: <http://www.cisstat.com/>. – Data dostupa: 5.08.2018.

24. Doklad «Social'no-ehkonomicheskoe polozhenie Rossii» [Elektronnyj resurs] // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki (ROSSTAT). – Rezhim dostu-pa: <http://www.gks.ru/>. – Data dostupa 16.08.2018.

25. Osnovnye makroehkonomicheskie pokazateli Rossijskoj Federacii [Ehlektronnyj resurs] // Oficial'nyj sajt Mezghosudarstvennyj statisticheskij komitet SNG. – Rezhim dostupa: <http://www.cisstat.com/> – Data dostupa: 05.08.2018.

Статья поступила в редакцию 24 августа 2018 года.

УДК 330.34(669)

ББК 65.9(6Ние)-962

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ АФРИКАНСКИХ СТРАН
В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е.А. ЗАПАДНЮК

zapadnjuk@yandex.by

кандидат экономических наук, доцент,

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

Д.О. МБАКПУО

аспирант

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,

г. Гомель, Республика Беларусь

Анализируется проблема глобализации как саморегулирующегося процесса и доминанты мирового развития; показывается его влияние на экономику африканских стран и, в частности, Нигерии. Рассматриваются основные сценарии достижения устойчивого развития, преодоления отсталости и перехода к догоняющему развитию.

Ключевые слова: глобализация, устойчивое развитие, отсталость, приватизация, инвестиции, государство, экономическая реформа, стратегия развития.

PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF ECONOMY OF THE AFRICAN COUNTRIES
IN THE CONDITIONS OF REFORMING AND GLOBALIZATION

E.A. ZAPADNYUK

PhD in Economics, associate professor,

F. Scorina Gomel State University,

Gomel, Belarus

D.O. MBAKPUO

graduate student F. Scorina Gomel State University,

Gomel, Belarus

The problem of globalization can be analyzed as a self-regulating process and the dominant of the world development, its impact on the economy of African countries and in particular Nigeria. The main scenarios for achieving sustainable development, overcoming backwardness and transition to catch-up development are considered.

Keywords: globalization, sustainable development, backwardness, privatization, investment, state, economic reform, development strategy.

ВВЕДЕНИЕ

В экономической литературе в настоящее время нет единого мнения относительно сути понятия «глобализация». Более того, наблюдается тенденция фетишизации этого понятия, нередко воспринимаемое как некое стихийное бедствие, обрушившееся на человечество. Мифологизация глобализма в любом его проявлении искажает действительную природу данного феномена. «Неясность, расплывчатость самого понятия глобализации, – как отмечает В. Толстых, – становится серьезным препятствием на пути

осмысления и практического разрешения фундаментальных вопросов современного человеческого бытия» [1].

Если абстрагироваться от подробного анализа разных точек зрения и позиций о природе глобализации, эволюции подходов ее оценки, то наиболее полно, по нашему мнению, сущность глобализации раскрывает Э. Кочетов, который считает, что глобализация – это: 1) процесс, вписывающий мировую хозяйственную систему во взаимодействии с природно-биологической средой и придающий этой целостности новое, социально-природное качество; 2) процесс воспроизводственной трансформации национальных экономик и их хозяйствующих структур, капитала, ценных бумаг, товаров, услуг, рабочей силы, при которой мировая экономика рассматривается не просто как сумма (совокупность) национальных экономик, финансовых, валютных, правовых, информационных систем, а как целостная, единая геоэкономическая (геофинансовая) популяция (пространство), функционирующая по своим законам; 3) смыкание локальных (местных, национальных или региональных) проблем социального, политического, идеологического, военного и т. п. характера с общемировыми проблемами; 4) выход какого-либо процесса (явления, события) на всеохватный, общий уровень» [2, с. 253].

Как видим, процесс глобализации мировой экономики приводит к усилению взаимосвязи национальных государств в мировой экономике. Одной из главных особенностей современного этапа развития международного сообщества становятся качественные преобразования в структуре мирового хозяйства. При этом сегодня активно развиваются и формируются интеграционные центры в мире в целом. Под воздействием процесса глобализации создаются новые модели международных интеграционных объединений. Причём большинство стран мира одновременно принимают участие сразу в нескольких, отличающихся друг от друга, интеграционных объединениях. В такой ситуации актуальным становится значение выбора приоритетов геополитического и геоэкономического сотрудничества для успешного развития национальной экономики и обеспечения экономической безопасности в рамках глобального сообщества.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Влияние глобализации на африканские страны. Термин «глобализация» вошел в обиход в африканских странах с середины 80-х гг. прошлого столетия, прежде всего, в области экономики, но и в более широком плане – в политическом и культурном. Этот этап глобализации в Африке относится, скорее всего, к переговорам по долгам с МВФ и Всемирным банком.

Наиболее важными являлись финансовые реформы: разумный макроэкономический порядок был наведен через девальвацию (до 70–80 % во многих странах) и глубокое сокращение государственных бюджетов. Однако, если государственные лидеры африканских стран защищали свои позиции и интересы посредством бюджетных ассигнований на, так называемые, расходы на суверенитет (военные и дипломатические службы; аппарат, поддерживающий канцелярию президента и т. п.), то бюджетные сокращения затрагивали, в первую очередь, субсидии на продукты питания и государственные расходы на школы, здравоохранение и другие общественные услуги.

МВФ, Всемирный банк и западные агентства по оказанию помощи подвергались критике за то, что они не «вливали» новые средства для смягчения последствий этих сокращений в социальных службах. Позднее и МВФ, и Всемирный банк признали, что их политика была слишком жесткой: необходимо было поддерживать бережливое, но эффективное государство, которое могло бы играть активную роль в создании условий для поощрения частного сектора, как это было сделано в послевоенный период в Азии.

Еще одним элементом экономических реформ было снижение тарифных барьеров и приватизация государственных компаний. В 1960-х гг. Рауль Пребиш, в то время исполнявший обязанности Генерального секретаря ЮНКТАД, пришел к выводу, что политика импортозамещения индустриализации (ISI), то есть индустриализация «за стенами тарифов», имеет свои ограничения и что возможность иностранной конкуренции может повысить производительность и международную конкурентоспособность. Но радикальные требования, предъявляемые МВФ и Всемирным банком, сталкивались с серьезной проблемой для африканских производителей, хотя эти требования и были частично выполнены на практике: экономика большинства африканских стран оставалась все еще менее открытой, чем экономика других регионов, а вероятность закрытия или приватизации большинства государственных компаний резко возрастала. Им мешали те же проблемы, что и африканскому обществу в целом: коррупция, нехватка технических знаний и небольшая институциональная лояльность.

Норвежские эксперты заметили эту тенденцию в Гане, где Государственная рыболовная корпорация перешла от банкротства к банкротству, а также в Танзании, где промышленность была широко национализирована и практически исчезла в 1980-х гг. Нигерийский сталелитейный завод в Аякуте, который был построен с помощью советских инвестиций, только через 40 лет в мае 2018 г. правительство Нигерии решило его «реанимировать» и национализировать: возобновить его работу и начать производство продукции. Однако последующее поглощение государственных предприятий иностранными компаниями привело не только к притоку нового капитала, использованию нового опыта работы, но и к новым формам эксплуатации в странах со слабым состоянием экономики.

Начиная с 80-х гг. XX века политические последствия новой глобализации были драматичными. С 1989 по 2000 гг. большинство африканских стран были однопартийными или военными диктатурами; три года спустя большинство из них пришли к власти с помощью многопартийных выборов и конституций, в которых, по крайней мере, в принципе признавались отдельные политические права. Всемирный банк и западные агентства по оказанию помощи определили в качестве условия для соглашений по решению проблемы задолженности политическую реформу. Однако новые политические беспорядки способствовали усилению насильственных внутренних конфликтов и не только по этническому признаку. В Африке они были усилены экономическими кризисами, социальным разочарованием и слабым управлением.

Растущее международное участие африканских стран в мирных процессах в 90-х гг. должно рассматриваться как позитивное последствие глобализации. Африканский союз имеет давнюю традицию посредничества, которая отражает традиционную африканскую политическую культуру консенсуса. Вместе с тем, международным сообществом настоятельно подчеркивалось, что африканские лидеры должны следить за выполнением прав человека с тем, чтобы получить возможность увеличить финансирование реформ развития. С этой целью был создан ряд соответствующих инициатив, таких, как Новое экономическое партнерство в интересах развития Африки (НЕПАД). Безусловно, реализовать такие инициативы не просто. Примеров этому много. Взять хотя бы Зимбабве, неудачу ООН в Руанде. Но ООН сыграла и ключевую роль в ряде мирных соглашений. Ей удалось мобилизовать чрезвычайную помощь в огромных масштабах. В настоящее время ее крупнейшие миротворческие силы развернуты в Демократической Республике Конго.

Сценарии перехода к устойчивому развитию экономики. Ряд африканских стран, в том числе и Нигерия, в настоящее время пользуются периодом позитивного развития и экономического роста по сравнению с периодом, достигнутым в 80-х гг. Цены на африканское сырье растут, отчасти из-за растущего спроса со стороны Азии. Но будет

ли этот рост устойчивым, будут ли реализованы прогрессивные социально-экономические реформы? В этой связи можно рассмотреть три сценария развития.

1. *В пессимистическом сценарии* африканские государства не могут перейти от «охраны ворот» и будут продолжаться в течение нескольких поколений, чтобы ослабить внутренние конфликты и межгосударственные войны. Внешнее давление на ресурсы Африки будет увеличиваться, прежде всего, из Китая, Индии и Японии в конкуренции с западными фирмами. Это может привести к новой версии «скремблирования для Африки», где иностранные субъекты используют помощь в целях развития, взятки и вооружения, чтобы оказывать влияние, и огромные активы изымаются с континента без каких-либо положительных побочных эффектов в форме регионального развития и повышения благосостояния населения.

В этом сценарии новый сверхдержавный Китай будет иметь негативное политическое влияние, подрывая международное давление на демократизацию в поисках сырья и поддерживающего голоса в ООН и отрицательное экономическое влияние, не сосредотачиваясь на обучении и повышении благосостояния местной рабочей силы. Дешевые китайские товары выведут местные предприятия из бизнеса, как это видно на Южноафриканском текстильном рынке, в Нигерии и т. д. Богатые страны получают частичные уступки в ВТО без увеличения их международных бюджетов развития или их вклада в миротворческие силы. Глобализация продолжается, в то время как Африка остается маргинальной.

2. *Умеренно оптимистический сценарий* основывается на следующих допущениях:

- компьютерные технологии и мобильные телефоны представляют собой новые возможности для преодоления давних коммуникационных проблем в Африке;

- экспорт сырья по более высоким ценам обеспечивает растущие и относительно стабильные государственные доходы;

- африканские страны достигают некоторых «особых и дифференциальных уступок», которые они требовали в ВТО, то есть открытого доступа к западным рынкам для экспорта сельскохозяйственной продукции в сочетании с некоторой тарифной защитой для собственной готовой продукции;

- повышается безопасность для инвесторов благодаря более эффективному верховенству закона, финансовым реформам и более эффективным мерам борьбы с коррупцией;

- региональные организации, Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), Сообщество по вопросам развития стран юга Африки (САДЕК) и Восточноафриканский союз (ЕАУ) набирают силу. Эти организации способствуют более устойчивому экономическому развитию африканских стран и более широким возможностям для разрешения этнических конфликтов путем снятия давления на этнические группы на национальном уровне;

- поддержка международного развития осуществляется на стабильном уровне.

В этом случае Китай может оказать положительное влияние. Китайский спрос и инвестиции весьма желательны и создают новые возможности для африканских государств. Многие африканские страны могут извлечь уроки из китайской модели развития. С быстрым экономическим прогрессом в Китае китайская рабочая сила может быстро стать более дорогой, что, в свою очередь, сделает африканские страны более конкурентоспособными;

- появление возможностей для передачи технологий для промышленного развития. Это уже происходит через различные промышленные совместные предприятия с китайскими и западными компаниями. Поэтому западная тревога по поводу китайского влияния может оказаться преувеличенной.

3. *Радикально оптимистический сценарий* представляет собой новое видение, новый подход к проблемам Африки. Глобализация сближает страны мира, а это означает,

что они становятся более зависимыми друг от друга и, следовательно, в большей степени нуждаются в коллективных действиях. В глобализованном мире невозможна ситуация, когда один регион остался так далеко позади, как сегодня Африка. Это усиливает дисбаланс в мировой экономике, что неприемлемо по соображениям безопасности. Об этом свидетельствуют рост фундаментализма и терроризма, незаконная иммиграция, рост международной преступности и распространение эпидемических заболеваний.

Единственный разумный вывод состоит в том, что необходима *реформированная глобализация*, где международные меры используются для укрепления национальных экономик (прежде всего, здравоохранения и образования) в бедных развивающихся странах, так же, как власть государства используется для обеспечения перераспределения и социальных услуг в богатой части мира. Ключевые понятия в этом контексте – «глобальная идентичность», «глобальный социальный контракт» и «глобальная справедливость». Для облегчения бремени задолженности и улучшения режима торговли это требует прямого финансирования в объеме, намного превышающем, чем было до сих пор.

Дж. Сорос, который особенно обеспокоен глобальной финансовой стабильностью, ссылается на значительное увеличение помощи в целях развития как «недостающее звено» в мировой экономике. И он, и лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц обсуждают, как можно финансировать и организовывать переводы денег, которые действительно имеют значение. Оба из них указывают способы мобилизации огромных валютных резервов, которые государства в настоящее время должны поддерживать. Возможно, больше помощи должно быть учтено и в официальных контрактах со странами-получателями, чтобы добиться более высокой ее эффективности. Последнее предложение было упомянуто в Норвежском докладе Комиссии по политике Север-Юг и помощи, опубликованном еще в 1995 г. Можно было бы предложить и другое мероприятие: в рамках ООН или международных финансовых учреждений создать новый орган по развитию для управления крупномасштабным развитием соответствующие фонды.

Вопрос заключается в том, смогут ли национальные государства и, таким образом, международные организации объединить свои усилия в борьбе за устойчивое развитие? Захотят ли Китай и Индия – новые экономические гиганты – стать сторонниками бедных развивающихся стран, или они, подобно богатым странам, будут сосредоточены на продвижении своих собственных интересов? В самих африканских странах необходимо рассмотреть вопрос о способности поглощать радикально большие трансферты. Это уже проблема с уровнем финансирования сегодня. В плане Маршалла было предусмотрено создание совместного европейского органа для определения принципов распределения средств (ОЭСР) и создания в каждой стране-получателе американских наблюдательных органов. Точно так же, возможно, потребуется значительное международное присутствие, чтобы сделать Африку более эффективной. Это, в свою очередь, может способствовать развитию более прозрачного и эффективного государства в гибком взаимодействии с рынком и с гражданским обществом.

Перспективы перехода к устойчивому развитию Нигерии. История свидетельствует, что ни одна страна не стала богатой путем экспорта сырья, не имея также развитого промышленного сектора, а в современных условиях – развитого сектора услуг. Чем больше страна специализируется на производстве или добыче сырья, тем беднее становится. Поэтому промышленность умножает национальное богатство.

В сегодняшнем мире ожесточенная глобальная конкуренция уменьшила вероятность спонтанного развития новых отраслей экономики. Поэтому Нигерия должна иметь целевой, точный и интенсивный подход к развитию и расширению производственной деятельности, начиная с относительно низкой производственной базы.

Индустриализация в Нигерии должна быть обусловлена долгосрочной конкурентоспособностью, интенсивным развитием промышленности на местном уровне. Тогда она сможет конкурировать и на глобальном уровне. Нигерия нуждается в конкурентной среде, в среде, где низкие издержки, регулирование развитием упорядочено, инфраструктура надежна, а государственная бюрократия сведена к минимуму. Страна должна быть конкурентоспособной, чтобы увеличить долю в глобальной экономике, в которой Африка имеет сегодня менее 1% производства с добавленной стоимостью и составляет менее 3% мировой торговли. Это связано с тем, что основное внимание на континенте уделяется производству только сырья, что существенно ограничивает экономическую деятельность на дне пирамиды с цепочки создания стоимости. Каковы же перспективы перехода Нигерии к устойчивому развитию?

Эффективный труд: трудовые ресурсы Нигерии, насчитывающие более 80 млн. человек, являются крупнейшими в Африке и 9-м в мире. Доступность рабочей силы является важнейшим компонентом промышленного и экономического потенциала, который позиционирует Нигерию как ведущего кандидата для инвестиций. Однако развитие необходимых навыков и производительности труда также имеет решающее значение для максимизации выгоды большого числа работающих в Нигерии населения. Это в значительной степени является основой для сравнения с другими развитыми и развивающимися рынками, стоимости и правил, связанных с наймом рабочей силы в Нигерии.

Международное политическое влияние: Нигерия имеет важное политическое значение в регионе и на международной арене. Международная политика страны обусловлена рядом факторов: африканское единство и независимость, мирное урегулирование споров, неприсоединение. Нигерия поддерживает стабильность с Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС) и укрепляет консенсус и товарищество в более широком африканском сообществе. Сильные региональные континентальные и международные отношения, предоставленные Нигерии, дают ей рычаги, которые можно использовать для открытия новых рынков и поиска двусторонних и многосторонних партнерских связей для содействия промышленному развитию и доступа к новым рынкам.

Обильное сырье: Нигерия располагает богатыми природными минеральными ресурсами около 44 твердых полезных ископаемых в коммерческом количестве. Несмотря на то, что многие сырьевые материалы уже производятся в необходимых для продаж количествах, некоторые из этих видов сырья по-прежнему требуют больших объемов добычи, которые будут поддерживать промышленность. По оценкам специалистов, коммерческая ценность твердых полезных ископаемых Нигерии составляет сотни трлн. долл. США. Подсчитано, что Нигерия ежегодно теряет около 40 млрд. долл. США в случае неиспользованного золота. Добыча сырья для производства товаров с высокой добавленной стоимостью поставит Нигерию в качестве регионального и глобального конкурента.

Крупный рынок: с населением в 186 млн. человек Нигерия занимает 7-ю по численности населения позицию в мире. В настоящее время нигерийские потребители тратят более 100 млрд. долл. США в год, и это, как ожидается, будет возрастать по мере того, как будет улучшаться жизненный уровень и покупательная способность населения. Всемирный банк прогнозирует, что к 2050 г. нигерийский мир станет четвертой по численности населения страной в мире. Демография также является преимуществом, так как большинство молодежи имеет средний возраст 18 лет и 72% – до 30 лет. Региональный рынок ЭКОВАС более 300 млн. человек, в котором Нигерия играет сильную политическую и экономическую роль, имеет значительные возможности и перспективы для производства промышленных товаров в Нигерии для целевых рынков в рамках ЭКОВАС.

Нигерия имеет высокий потенциал, возможности и перспективы с ее молодым населением стать промышленным центром в Африке, таким как Китай в Азии, чтобы поставлять большинству африканских стран свои сырьевые и производственные товары и услуги.

Стратегическое расположение: Нигерия стратегически находится в Гвинейском заливе, с прямым грузовым доступом в Северную Америку и Европу через Атлантический океан. Это развитые рынки. Например, Северная Америка и Европа имеют совокупный ВВП, превышающий 30 трлн. долл. США, что составляет почти половину мировой экономики. Поэтому у Нигерии есть преимущество в поставках для самых богатых рынков в мире. Западные страны обеспечивают наибольшую концентрацию мирового потребителя (по стоимости) и физически легче добраться до них из Гвинейского залива и из Нигерии. Кроме североамериканского и европейского рынков, Нигерия также может достичь Латинской Америки, ЭКОВАС и Центральной Африки.

ВЫВОДЫ

Многие проблемы Африки обусловлены западными и африканскими факторами, а также тем, что Африка была интегрирована в мировую экономику на неблагоприятных условиях. Это, наряду с внутренними географическими и демографическими недостатками, означает, что необходимы международные усилия в ином масштабе, чтобы вывести континент из его нынешнего состояния развития. Это мы назовем «реформированной глобализацией».

Но многие проблемы, с которыми сегодня сталкиваются африканские страны, обусловлены и внутренними причинами. Этнические разногласия, трайбализм, политические и культурные традиции затрудняют создание сильных институтов, которые развиваются в азиатских странах и которые способны эффективно реагировать на проблемы глобализации. Это означает, что африканские лидеры на всех уровнях должны взять на себя ответственность за улучшение ситуации посредством самопомощи, повышения осведомленности и дисциплины в самом широком смысле этого слова. Сегодня можно слышать голоса критиков возрождения Африки о необходимости реализации «программы структурной адаптации», а также культурного развития. Да, действительно, современные африканские лидеры должны учиться на кризисе и геноциде в Руанде (Анголе), как они преодолели одну из самых мрачных страниц в истории Африки, что они сделали, дабы положить конец кризису и стать одной из самых успешных стран на континенте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Толстых, В. Глобальные вызовы и поиски ответа: социокультурный аспект / В. Толстых // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. – М., 2003.
2. Кочетов, Э. Г. Геоэкономический (глобальный) толковый словарь / Э. Г. Кочетов // Безопасность Евразии. – 2002. – № 3.
3. United Nations Trade and Development Phase 1: The 1960s and 70s, Phase 2: The 1980s, and Phase 3: from the 1990s until today (<http://unctad.org/eng/Pages>).
4. He Li, Department of Political Science, Merrimack College, N. Andover, Massachusetts, USA // World Journal of Social Science Research. – 2015. – Vol. 2. – No. 2. – www.scholink.org/ojs/index.
5. Nigeria Industrial revolution plan (NIRP Release 1.0. (January 2014) Chapter 2, P. 14–15.
6. Competitive Advantage of Nations (by Michael E Porter).

7. Report of the Vision 2020 National Technical Working Group on Manufacturing Thematic Area.
8. Blueprint for accelerated development from the Manufacturers Association on Nigeria (MAN).
9. NIRP Working Documents (McKinsey December 2012).
10. Manufacturing the Future: The next era of global growth and innovation (McKinsey global Institute 2012).
11. Internal Working Documents at the Industrial Development and Inspectorate division, of the Federal Ministry of Industry, Trade, and Investment.
12. Central Bank of Nigeria, Annual Reports (Prior years).
13. Skills and Technological Development in the Early Stage of Industrialization – Implications from Japanese Experiences in the Meiji Era.
14. Industrial Revolution Plan (Inspectorate and Industrial Development Department of the Federal Ministry of Industry, Trade, and Investment).
15. National Bureau of Statistics Nigeria (<http://www.nigerianstat.gov.ng>).

REFERENCES

1. Tolstyh, V. Global'nye vyzovy i poiski otveta: sociokul'turnyj aspekt / V. Tolstyh // Grani globalizacii: Trudnye voprosy sovremennogo razvitiya. – M., 2003.
2. Kochetov, Eh. G. Geoekonomicheskij (global'nyj) tolkovyj slovar' / Eh. G. Kochetov // Bezopasnost' Evrazii. – 2002. – № 3.
3. United Nations Trade and Development Phase 1: The 1960s and 70s, Phase 2: The 1980s, and Phase 3: from the 1990s until today (<http://unctad.org/eng/Pages>).
4. He Li, Department of Political Science, Merrimack College, N. Andover, Massachusetts, USA // World Journal of Social Science Research. – 2015. – Vol. 2. – No. 2. – www.scholink.org/ojs/index.
5. Nigeria Industrial revolution plan (NIRP Release 1.0. (January 2014) Chapter 2, P. 14–15.
6. Competitive Advantage of Nations (by Michael E Porter).
7. Report of the Vision 2020 National Technical Working Group on Manufacturing Thematic Area.
8. Blueprint for accelerated development from the Manufacturers Association on Nigeria (MAN).
9. NIRP Working Documents (McKinsey December 2012).
10. Manufacturing the Future: The next era of global growth and innovation (McKinsey global Institute 2012).
11. Internal Working Documents at the Industrial Development and Inspectorate division, of the Federal Ministry of Industry, Trade, and Investment.
12. Central Bank of Nigeria, Annual Reports (Prior years).
13. Skills and Technological Development in the Early Stage of Industrialization – Implications from Japanese Experiences in the Meiji Era.
14. Industrial Revolution Plan (Inspectorate and Industrial Development Department of the Federal Ministry of Industry, Trade, and Investment).
15. National Bureau of Statistics Nigeria (<http://www.nigerianstat.gov.ng>).

Статья поступила в редакцию 30 сентября 2018 года

УДК 339.92

ББК 65.011

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА
В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И РАЗВИТИЕ
РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ: НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ И АРМЕНИИ*****С. Ю. СОЛОДОВНИКОВ**

solodovnicov_s@tut.by

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право»
Белорусский национальный технический университет
Минск, Республика Беларусь

Выявлены особенности реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции. Установлено, что на реализацию структурной политики Республики Беларусь в условиях ЕАЭС влияют противоречия в экономических интересах и формах их реализации между государствами-участниками ЕАЭС, а также усиление глобальной технологической неопределенности. Названные факторы оказывают сильное взаимное влияние, которое серьезно искажает реально-онтологические формы их проявления. Показано, что в рамках ЕАЭС необходимо разработать дорожную карту совместного осуществления новой промышленной революции во всех государствах-членах.

Ключевые слова: структурная политика, ЕАЭС, региональная экономическая интеграция, промышленная политика

**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE STRUCTURAL POLICY
OF THE STATE IN THE CONDITIONS OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION
AND THE DEVELOPMENT OF THE REAL ECONOMY SECTOR:
ON THE EXAMPLE OF BELARUS AND ARMENIA****S. Yu. SOLODOVNICOV**

Doctor in Economics, Professor, Head of the Chair «Economics and Law»
Belarusian National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The features of the implementation of the structural policy of the state in the context of regional economic integration It has been established that the implementation of the structural policy of the Republic of Belarus in the conditions of the EAEU is affected by contradictions in the economic interests and forms of their implementation between the member states of the EAEU, as well as the strengthening of global technological uncertainty. These factors have a strong mutual influence, which seriously distorts the real-ontological forms of their manifestation. It is shown that, within the framework of the EAEU, it is necessary to develop a roadmap for the joint implementation of a new industrial revolution in all member states.

Keywords: structural policy, EAEU, regional economic integration, industrial policy

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Согласование структурной политики Беларуси и Армении в контексте модернизации реального сектора экономики», договор с БРФФИ № Г17АРМ-001 от 1 июня 2017 г.

ВВЕДЕНИЕ

Особенности реализации структурной политики Республики Беларусь в условиях региональной экономической интеграции во многом предопределяются как постоянным возникновением противоречий в экономических интересах и формах их реализации между государствами-участниками ЕАЭС, так и усилением глобальной технологической неопределенности. Названные факторы оказывают сильное взаимное влияние, которое серьезно искажает реально-онтологические формы их проявления. Причем, в зависимости от внешних условий, они могут не только дополнять друг друга, но и действовать противоположно направленно.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Возникновение межгосударственных противоречий, обусловленное несовпадением экономических интересов, характерно для всех стран-участниц региональных интеграционных объединений. Это объективное явление, закономерность функционирования экономических интеграционных объединений. Соответственно, задача экономической науки заключается в раскрытии феноменологической природы этого явления, включая то, как названные противоречия влияют на социально-экономическое планирование в государствах-членах и в том числе на промышленную, торговую, социальную и структурную политики. Подчеркнем, что наличие названных противоречий не отрицает того очевидного факта, что в основе региональных экономических интеграционных объединений лежит совпадение политико-экономических интересов, оно только доказывает сложность и противоречивость глобальных и локальных тенденций в межгосударственных отношениях, невозможность абсолютного совпадения интересов государства и всех коммерческих организаций, противоречивую и динамичную природу общественных, групповых и индивидуальных потребностей, лежащих в основе формирования интересов их носителей.

Согласование способов решения тех или иных проблем, имеющих важное (иногда жизненное) значение для политико-экономического развития стран-участниц любого регионального интеграционного объединения, всегда проходит тяжело, часто в нервной обстановке. Причем, чем больше участников входит в такое объединение, тем более сложным становится процесс согласования промышленной, торговой, миграционной и, соответственно, структурной политик. В рамках НАФТА, куда входит только три участника (Канада, Мексика и США), эти процессы протекают очень болезненно и нервно. Начиная с того, что эти страны, постоянно заявляя о необходимости модернизации этого объединения, не торопятся легализовать свои цели и желаемые результаты этого. Не так давно, после того, как руководство США и Мексики заявили свою позицию, руководство Канады, выдержав паузу, озвучило «шесть канадских целей»:

- модернизация НАФТА;
- придание соглашению "прогрессивных" черт путём включения в его текст двух глав об экологических и трудовых отношениях, которые сейчас являются дополнительными к НАФТА соглашениями, и двух абсолютно новых глав о гендерных отношениях и о правах коренных народов;
- уменьшение бюрократической нагрузки на бизнес и обеспечение гармонизации регулирующих правил и норм, действующих в США, Канаде и Мексике;
- открытие рынков госзакупок, прежде всего на уровне субъектов федераций и местных органов власти;

- расширение списка профессий, обладатели которых пользуются упрощённой процедурой получения рабочих виз в странах НАФТА;
- сохранение неизменными некоторых положений, зафиксированных в первоначальном соглашении НАФТА (например, специального механизма оценки обоснованности введения одной страной антидемпинговых и компенсационных пошлин на импортные товары из другой страны), исключение из сферы действия соглашения продукции канадских "культурных отраслей" (книгоиздание, радио- и телевидение) и действующей в этой стране *системы* государственного регулирования рынков молочной продукции, мяса *птицы и яиц*» [1, с. 9].

Канада, например, отказывается снижать ввозные пошлины на сельхозпродукцию (сегодня по некоторым позициям они больше 200 %), а США вводят «антидемпинговые» пошлины на сталь. В результате «вокруг переговоров царит нервная обстановка. Она определяется важностью этого соглашения для Канады и Мексики, которые продолжают вывозить в США три четверти своего экспорта и считают НАФТА не только краеугольным камнем своей внешнеторговой политики, но и залогом экономической, а в случае с Мексикой и внутривосточной стабильности. На переговорщиков из Канады и Мексики оказывает негативное воздействие излишне жёсткая позиция США, характеризующаяся выдвиганием заведомо неприемлемых предложений» [2, с. 9]. Трёхсторонние переговоры в рамках НАФТА «проходят по принципу "от простого – к сложному", т. е. сначала решаются вопросы, вызывающие наименьшее противодействие, а наиболее спорные проблемы откладываются на потом. Это чревато тем, что судьба переговоров будет решаться на заключительном этапе, и что, какой бы прогресс ни был достигнут, "ничего не решено, пока всё не решено"» [1, с. 10]. Такого рода способ согласования экономических интересов стран-участниц интеграционного объединения является не только непродуктивным, но и ошибочным. Зачастую в результате не достигается никакого результата. Негативная ситуация в любой момент может быть ухудшена импульсивными заявлениями Д. Трампа, что можно было наблюдать в начале июня 2018 г. Е. Г. Комкова справедливо отмечает: «Описывая возможные сценарии, можно выделить два основных варианта развития событий. НАФТА или удастся перезаключить в более современном формате <...> или США, как обещает Д. Трамп, объявят о своём выходе из этого соглашения. По-видимому, на начало 2018 г. шансы у этих вариантов примерно равны» [1, с. 10]. Названный автор поясняет, что в пользу успешного завершения переговоров свидетельствуют следующие обстоятельства: «НАФТА – главное и единственное торгово-инвестиционное соглашение, на основании которого США осуществляют торговлю со своими вторым и третьим внешнеторговыми партнёрами – Канадой и Мексикой; вопреки популистским заявлениям Д. Трампа и членов его администрации НАФТА в конечном счёте принесло США больше пользы, чем вреда <...>; за сохранение НАФТА выступает американский бизнес, прежде всего крупный <...>; аннулирование НАФТА не ограничится экономическими потерями. Сотрудничество с Канадой и Мексикой критически важно с точки зрения охраны государственной границы и поддержания национальной безопасности США. Две эти страны – крупнейшие источники энергетических поставок, торговля с которыми увеличивает энергетическую безопасность США, а в последнее время – и растущие рынки сбыта для американской сырой нефти. Кроме того, Канада – важный военно-политический союзник, участник НАТО и НОРАД. Так что разрыв соглашения НАФТА не сможет не сказаться на общей атмосфере и состоянии всего комплекса американо-канадских и американо-мексиканских связей. Для Мексики такой разрыв чреват и дестабилизацией внутривосточной обстановки: он может ослабить шансы на победу на президентских выборах в июле 2018 г. представителя правящей Институционально-

революционной партии и, напротив, упрочить позиции левого кандидата Л. Обрадора, выступающего с антиамериканских и антинафтовских позиций; администрации Д. Трампа и Республиканской партии США остро нужен *прорыв* хоть на каком-то направлении, чтобы предъявить его избирателям к промежуточным выборам в Конгресс в ноябре 2018 г.» [1, с. 10-11]. Таким образом, названный пример иллюстрирует как сложный и противоречивый характер развития региональной экономической интеграции, так и постоянно выходящие на первый план противоречия не только между государствами-участниками интеграционного объединения, но и между коммерческими организациями одного государства, чьи ожидания от углубления интеграции могут радикально различаться.

Вернемся к ЕАЭС. Так, если перед Республикой Беларусь стоит сегодня задача парадигмальной замены модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики на модель новой индустриализации (т. е. целью стратегического планирования должно быть формирование новой структуры народного хозяйства, основой которой будет сверхиндустриальный промышленный уклад), то похожие задачи стоят в частности и перед Россией, и перед Казахстаном. «Эмпирически сегодня просматривается устойчивая тенденция к усилению политико-экономической поляризации мира, в основе которой лежит отрыв экономически развитых стран от развивающихся за счет быстрой и непрерывной технико-технологической модернизации своих экономик, а также широкого использования в хозяйственной жизни общественно-функциональных инноваций» [1, с. 87]. На практике предприятия той страны, которые первые сформируют современную структуру экономики, основанную на новейших технологических укладах, получат серьезные конкурентные преимущества в рамках ЕАЭС, а значит, дополнительно займут часть рынка других стран.

Выход на внешние по отношению к ЕАЭС рынки будет происходить чуть позже, так как в рамках названного интеграционного объединения уже созданы условия для свободного перемещения товаров. В данном случае будет наблюдаться определенный временной разрыв между модернизацией предприятий реального сектора экономики конкретного государства, когда они будут получать дополнительный экономический эффект за счет занятия дополнительной части рынка других стран-участниц ЕАЭС (именно на этом этапе потенциально возможно наибольшее обострение противоречий между экономическими интересами отдельных стран) и того момента, когда начнется рост экспорта этой продукции за пределы интеграционного объединения (на этом этапе потенциально возможно получение дополнительного экономического эффекта не только страной, предприятия которой первые провели комплексную технико-технологическую модернизацию, но и другими государствами, за счет расширения участия их организаций в разделении и кооперации труда при создании экспортируемого продукта). Причем экономические эффекты, полученные на последнем этапе, могут значительно превосходить потери некоторых хозяйственных субъектов на первом этапе. Исходя из критерия Калдора-Хикса, описанная выше ситуация при математическом моделировании не выглядит критичной, легко можно построить оптимизационную модель, показывающую, как с использованием экономико-математических методов следует перераспределить ресурсы и компетенции, чтобы в конечном счете все оказались в выигрыше. Но это только в математических моделях, когда абстрагируются от сложности согласования политико-экономических интересов, все так идеально.

В политэкономической теории, даже если оставить в стороне проблему недостаточно развитого социального капитала на уровне ЕАЭС и в самих странах-участницах (хотя одного этого может оказаться достаточно, чтобы значительно снизить социально-экономическую эффективность интеграции в ЕАЭС, поскольку дефицит доверия,

как на межгосударственном уровне, так и между хозяйствующими субъектами значительно увеличивает трансакционные издержки), то остается проблема усиления неравномерности развития социально-экономических субъектов в процессе реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции, а также непредсказуемость глобальных технико-технологических тенденций.

Рассмотрим это подробнее на примере тех мероприятий, которые необходимо системно реализовать в Республике Беларусь для создания оптимальных условий перехода к модели новой индустриализации. Так, в теории продолжение формирования рыночной институциональной среды, способствующей развитию предпринимательской инициативы, приведет к усилению экономической самостоятельности коммерческих организаций и рыночных принципов их взаимодействия. «Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых вещества и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе. По мере усложнения общества разделенного труда названная зависимость усиливается. Это непосредственно предопределяется необходимостью предоставления большей степени экономической свободы хозяйственным субъектам, как основы для получения положительного синергетического эффекта от усложняющейся экономической системы общества» [3, с. 5].

Соответственно, те предприятия, которые раньше других проведут технологическую модернизацию, что позволит им получать дополнительный экономический эффект за счет занятия дополнительной части рынка других стран-участниц ЕАЭС, не захотят добровольно отказываться от своего технико-технологического и рыночного лидерства. Более того, при правильном стратегическом планировании эти предприятия будут иметь больший потенциал для дальнейшей технико-технологической и организационной модернизации, чем те предприятия, которые отстали от них в области применяемых технологий. Таким образом, возникает угроза усиления технологического разрыва между предприятиями-лидерами и предприятиями-аутсайдерами, что приводит к «"ловушке догоняющего развития" на микроуровне» [4, с. 38]. Причем в условиях свободной рыночной конкуренции первые либо поглотят, либо разорят последних. Возникает своего рода парадокс: без развития рыночных институтов нельзя проводить современную структурную политику (когда научно-обоснованное и централизованное стратегическое планирование является важнейшим условием новой индустриализации), но само по себе развитие этих институтов ведет к усилению тенденции в преобладании текущего планирования над стратегическим, а значит к ухудшению структурной политики. В условиях региональной экономической интеграции эта картина становится еще более сложной, когда вышеназванные предприятия находятся в разных странах.

Разрешить это противоречие можно только за счет: развития институтов общественно-государственно-частного партнерства; опережающего накопления социального капитала на уровне ЕАЭС; формирования единой промышленной политики в рамках ЕАЭС, основанной на усилении роли совместного стратегического планирования и дальнейшего развития промышленной кооперации между государствами-участниками ЕАЭС; усиления роли социально-научного сообщества в совершенствовании принципов, механизмов и инструментов планирования социально-экономического развития, формировании структурной политики и технологической модернизации народного хозяйства. С. Д. Бодрунов справедливо отмечает по поводу последнего: «Высокотехнологичное материальное производство – только один из элементов системы, оно еще не обеспечивает решения проблем развития экономики и общества. Современное знание-

емкое производство <...> не может развиваться в отрыве от интенсивного развития нового научного знания. Кроме того, как производство, так и науку должны продвигать соответственно подготовленные кадры, люди, обладающие необходимыми способностями, знаниями и навыками, которые должна нам дать система образования» [5, с. 9]. Далее названный автор подчеркивает, что «...сегодня уже нельзя довольствоваться простым сознанием того, что какое-то производство у нас есть, наука в некотором смысле тоже есть, система образования продолжает функционировать, и тем, что эти сферы даже неким образом между собой взаимодействуют. Существенно, что речь идет не только о том, что их надо поднять на качественно более высокий уровень, но и о том, что их взаимодействие между собой необходимо сделать существенно более эффективным и социально ориентированным. Речь идет о том, что современное высокотехнологичное производство во все возрастающей степени требует непосредственного взаимопроникновения этих сфер друг в друга, их теснейшей интеграции, а на уровне основного производственного звена – и прямого организационного объединения» [5, с. 9-10]. О роли взаимодействия различных институциональных субъектов в рамках инновационной системы пишет и Ю. В. Мелешко, подчеркивая особенное значение кооперации в производстве высокотехнологичных и наукоемких товаров: «Развитие наукоёмких и высокотехнологичных отраслей промышленности не может осуществляться без соответствующего развития научно технического потенциала, основывающегося на тесной интеграции фундаментальной, прикладной и вузовской науки и промышленного производства» [6, с. 9-1].

По нашему мнению, наиболее перспективным является согласование экономических интересов стран-участниц ЕАЭС на основе разработки дорожной карты, описывающей последовательность мероприятий, направленных на скорейшее проведение новой промышленной революции в ЕАЭС, в том числе на основе проведения единой структурной политики. В качестве промежуточного этапа следует усилить согласование структурных политик государств-членов ЕАЭС.

Для выявления перспективных направлений развития реального сектора экономики и согласования структурной политики Беларуси и Армении, прежде всего, необходимо проанализировать структуру их экономики, развитие тех или иных видов экономической деятельности, что позволит определить наиболее перспективные из них. При этом необходимо учитывать, а нами уже писалось об этом, что сегодня в условиях технологической неопределенности, определяя стратегические и текущие приоритеты, нельзя слепо следовать за технологическими лидерами и бездумно копировать их инновационную и структурную политики, поскольку это неизбежно приведет к серьезным экономическим, интеллектуальным и социальным издержкам. Наиболее яркой иллюстрацией этого может служить нарастающий кризис наноиндустрии [7]. Более того, в ряде случаев развитие традиционных и не самых наукоемких видов экономической деятельности может иметь для страны и конкретных коммерческих организаций куда большую экономическую эффективность. Естественно, что здесь нельзя впадать в крайности. Надо развивать и новейшие, и традиционные технологии, ориентируясь при этом не только на технологические мониторинги и прогнозы, но и на глобальные и региональные тенденции в изменении поведения потребителей. Как отмечается по этому поводу в Докладе НИУ Высшей школы экономики: «На фоне распространения модели инноваций, связанной с модой на определенные направления, объективными трудностями оценки новых направлений, усиливаются риски возникновения "пузырей" в сферах, в отношении которых формируются ожидания прорывного развития. Возрастает значимость фактора доминирующих представлений в обществе, соответственно, повышаются риски манипулирования общественным мнением (European Parliamentary Research Services, 2016)» [8, с. 11].

Развитие реального сектора Республики Беларусь в настоящее время можно охарактеризовать как стабильное. В целом за 2010-2017 гг. ВВП Беларуси увеличился в сопоставимых ценах на 14 % при росте производительности труда за этот период на 22,5 %. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в республике вырос с 16,9 тыс. долларов США в 2010 г. до 18,8 тыс. долларов США в 2017 г. Среди стран СНГ по этому показателю в 2017 г. Беларусь занимала 3-е место, уступая России и Казахстану [9]. Основными отраслями экономики нашей страны по-прежнему являются обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговля, транспортная деятельность. «В десятку самых значимых белорусских товаров, на долю которых в мировом производстве приходится от 30 до 0,6 %, входят: грузовые автомобили, дорожная, строительная техника; тракторы и сельскохозяйственная техника; холодильники и бытовая техника; мебель; удобрения; топливо; льноволокно; химические волокна и нити; мясные продукты; молочные продукты» [9]. Белорусская промышленность по-прежнему остается стержнем национальной экономики, в значительной степени определяет развитие последней. Именно в промышленности производится четверть ВВП, сосредоточено около 37 % всех основных средств страны, трудится 23 % от общей численности занятых в экономике. На долю обрабатывающей промышленности в 2017 г. приходилось 88 % общего объема производства продукции промышленности.

Ведущими отраслями обрабатывающей промышленности являются: машиностроение (15,6 % в объеме обрабатывающей промышленности), химическое производство (9,9 %), производство нефтепродуктов (16,2 %), пищевая промышленность (28,2 %). В Республике Беларусь производится около 80 % от общего объема производства тракторов в странах ЕАЭС [9].

В Республике Беларусь к перспективным направлениям развития реального сектора экономики следует отнести ведущие сектора обрабатывающей промышленности и сельское хозяйство, поскольку по этим направлениям существуют достаточно развитая производственная база и традиционные рынки сбыта. Вместе с тем в этих отраслях существует ряд проблем, которые не могут быть решены только в рамках реального сектора экономики, но требуют определенных структурных сдвигов в целом в народном хозяйстве. В частности, это обусловлено тем, что при относительно высокой активности предприятий обрабатывающей промышленности во внедрении технологических инноваций у них сохраняется низкая активность во внедрении организационных и маркетинговых инноваций. Удельный вес организаций обрабатывающей промышленности, осуществляющих затраты на организационные инновации в 2016 г. к общему числу организаций, осуществляющих затраты на технологические, организационные и маркетинговые инновации, составил всего 8,4 %, затраты на маркетинговые инновации – 13,9 % [9]. Вместе с тем «стратегический курс на проведение новой индустриальной политики должен охватывать не только технологическую и экономическую системы, но и систему общественных отношений, в частности отношений, складывающихся в процессе трудовой деятельности» [10, с. 54].

Ю. В. Мелешко, описывая проблемы развития космической промышленности в Республике Беларусь, справедливо отмечает: «Ограниченность национальных ресурсов, в том числе и финансовых, нехватка компетенций, знаний и опыта, необходимых для глубокого перевооружения традиционного машино- и приборостроения, производства электроприборов в белорусской космической промышленности, могут быть преодолены путем научно-технической и промышленной кооперации. При этом кооперацию следует рассматривать комплексно: горизонтальную и вертикальную интеграцию, внутриотраслевую и межотраслевую интеграцию, на национальном и международном

уровне, также сотрудничество государства и бизнеса» [11, с. 39]. По существу, приведенная цитата подходит к белорусской промышленности в целом. Белорусские и российские исследователи подчеркивают, что «развитие международного научно-технического и инновационного сотрудничества выступает одним из основных направлений государственной инновационной политики Беларуси» [12, с. 57]. Вместе с тем отечественные экономисты предостерегают: «Проблема выбора субъектов для экономической интеграции (производственной, научной, финансовой и т. д.) требует отдельной проработки, поскольку, если белорусские предприятия промышленности присоединятся к крупным межнациональным транснациональным корпорациям, они рискуют оказаться «придаточным» производством, т. к. последние будут стремиться разместить на территории республики экологически грязные, низкотехнологичные производства. Кроме того, создание устойчивых международных интеграционных экономических связей в области промышленности и услуг промышленного характера в современных геополитических условиях может ставить под угрозу экономическую безопасность страны (например, за счёт введения санкций и блокировки всех экономических отношений на неопределённый период). В связи с этим для усиления влияния на международной арене и снижения риска формирования «хищнической» модели международной кооперации, на наш взгляд, приоритетным является формирование более тесных экономических интеграционных связей в рамках ЕАЭС» [6, с. 44].

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что сотрудничество Беларуси и Армении в области технико-технологической кооперации и взаимной торговли, основанной на международном промышленном разделении труда, представляется перспективным. Это, в частности, подтверждается быстрым ростом взаимной торговли наших стран. Вместе с тем те проблемы, которые наблюдаются в национальных экономиках наших стран, находят свое воплощение и в формах международной кооперации.

Сегодня продолжается увеличение доли услуг в структуре белорусского экспорта. С 2010 г. по 2017 г. экспорт услуг увеличился более чем в 1,6 раза. При этом значительный рост демонстрировали компьютерные услуги, экспорт которых увеличился в 2017 г. более чем в 5 раз по сравнению с 2010 г. Объем экспорта данного вида услуг в 2017 г. практически достиг 1,2 млрд. долларов, а удельный вес в общем объеме экспорта вырос с 4,5 % до 15,4 %. Беларусь входит в число мировых лидеров по экспорту IT-услуг на душу населения. В рейтинге Топ-100 лучших аутсорсинговых компаний мира 2017 – шесть IT-компаний с белорусскими офисами [9]. В то же время услуги промышленного характера в Республике Беларусь развиваются недостаточно быстро, что тормозит развитие национального промышленного комплекса и аграрного производства. IT-компаниями с белорусскими офисами по-прежнему уделяют внимание этому важнейшему направлению, в то время как, например, «в соответствии с мировыми тенденциями перспективным направлением расширения рынка облачных технологий является производственный сектор. Использование облачных технологий как услуг промышленного характера позволит предприятиям промышленности перенести часть бизнес-процессов в "облако", сократив тем самым расходы на информационные технологии и обеспечив их надежность» [13]. В этом контексте перспективными направлениями белорусско-армянского сотрудничества с целью развития реального сектора экономики и улучшения качества экономического роста, в том числе на основе согласования структурных политик наших стран, должно стать опережающее развитие услуг промышленного характера. «Совместное с иностранными предприятиями оказание услуг промышленного характера, – пишет по этому поводу Ю. В. Мелешко, – будет развиваться в сравнении с местным промышленным производством опережающими темпами, так как оказание та-

ких услуг требует меньше капитальных вложений, не требует, как правило, дополнительного обучения кадров и имеет высокую долю добавленной стоимости. Наиболее тесные кооперационные связи, как в сфере промышленности, так и в сфере услуг промышленного характера, будут выстраиваться с предприятиями стран-участниц ЕАЭС, поскольку такая кооперация будет способствовать решению проблем финансирования НИОКР, кадрового обеспечения, дисбаланса интеграционных связей <...> и сможет стать основой производственной кооперации промышленных предприятий» [14].

Таким образом, важнейшими перспективными направлениями совместного развития реальных секторов экономики и соответствующего согласования структурных политик Беларуси и Армении является: во-первых, развитие традиционных направлений технико-технологической и производственной кооперации в тех отраслях промышленности и сельского хозяйства, которые наиболее развиты в нашей стране (надо учитывать, что сегодня армянские промышленность, аграрное производство и экономика в целом по геополитическим причинам хуже развиты, чем белорусские), во-вторых, опережающее развитие услуг промышленного характера.

Еще одним перспективным направлением кооперации может стать такой вид деятельности как производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха, который в белорусской экономике по состоянию на 2017 г. оценивается в 4,4 % [9]. Данный вид деятельности, для которого сегодня характерно производство добавленной стоимости на одного работающего примерно в два раза меньше, чем в целом по отечественной промышленности, с одной стороны обеспечивает лишь 50 % от потребности населения Республики Беларусь, а значит, существует потенциальный внутренний спрос на эту продукцию. Причем последний как в Беларуси, так и в России во многом покрывается за счет нелегального ввоза текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. Переход Российской Федерации на специальную маркировку обуви, позволяющую отслеживать ее происхождение, станет важнейшим фактором, снижающим недобросовестную конкуренцию на рынке текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. Наличие в Республике Беларусь модельеров, получивших признание не только у нас в стране, но и за рубежом, позволяет обоснованно рассчитывать на высокие темпы роста в этой сфере. Сфера моды, в частности, и товаров интенсивного потребления вообще может стать более экономически эффективной на основе белорусско-армянской кооперации. «Производство товаров интенсивного обновления, – подчеркивает Т. В. Сергиевич, – характеризуется следующими признаками: высокая зависимость спроса на товары от социально-психологических факторов, что приводит к возникновению дополнительных рисков; быстрая оборачиваемость денежных средств; высокая доля креативного труда; сложная система создания добавленной стоимости, большая часть которой формируется за счет нематериальных активов и творческого труда; высокая зависимость конкурентоспособности предприятия от качества человеческого капитала; повышенный уровень адаптивности предприятия; активное включение предприятия по производству товаров интенсивного обновления в глобальные цепочки создания добавленной стоимости; высокий уровень включения в систему разделения труда, в том числе международного» [15, с. 54]. В Армении существует высокоразвитое производство аксессуаров и бижутерии, а существующие предприятия по пошиву одежды и обуви легко могут быть включены в цепочки совместного создания конечного модного продукта, ориентированного на рынок ЕАЭС. При этом более низкая заработная плата и высокий уровень безработицы в Армении будут способствовать снижению себестоимости этого продукта.

Вместе с тем политика белорусско-армянской кооперации по производству товаров интенсивного потребления требует решения ряда проблем в Республике Беларусь.

Как отмечается белорусскими экономистами, «сегодня между белорусскими хозяйствующими субъектами в текстильной и швейной промышленности главным объектом конкуренции за факторы производства являются не каналы снабжения сырьем, материалами, инвестиционными и трудовыми ресурсами, а персонификация, размеры, формы, величина государственной поддержки и доступ к административному ресурсу» [16, с. 264]. Такая политика поиска ренты белорусскими коммерческими организациями вызывает риски снижения их конкурентоспособности за счет недоразвития общественно-функциональных инноваций. Т. В. Сергиевич пишет, что «как показывает практика (например, реализация проекта по модернизации ОАО «Камволь»), даже наличие мощной государственной поддержки, нового технологического оборудования и серьезного опыта хозяйствования в современных условиях не гарантируют хозяйствующим субъектам достижения поставленных целей развития. Финансовая поддержка и технико-технологические инновации сами по себе не могут обеспечить расширенное воспроизводство капитала предприятия. Наличие организационно-управленческих инноваций, направленных на обеспечение расширенного воспроизводства человеческого капитала, – есть предпосылка перехода к интенсивному пути развития предприятия» [17, с. 92].

Несмотря на различия в методах государственного управления в Армении (либерально-рыночная модель развития) и Беларуси (преимущественно рыночная социально-ориентированная, основанная на государственном регулировании народного хозяйства) для обеих стран характерно недостаточное использование общественно-функциональных инноваций в сфере производства товаров интенсивного обновления. В обеих странах в настоящее время резервы международной кооперации в этой сфере использованы недостаточно. Как отмечают белорусские исследователи, «белорусская промышленная политика в сфере производства товаров интенсивного обновления сегодня в большей степени охватывает развитие кооперации внутри страны» [4, с. 35]. Вместе с тем глобальные цивилизационные тенденции свидетельствуют о том, что значение моды как социально-экономического феномена будет постоянно возрастать, увеличивая опережающий спрос на товары интенсивного использования. «Качественные преобразования в структуре производства в современной экономике во многом обусловлены ростом доли потребления знаковых благ. Классической сферой производства знаковых меновых стоимостей является производство товаров интенсивного обновления, где добавленная стоимость создается за счет управления механизмами социальной демонстрации» [18, с. 1]. Таким образом, правомерен вывод о том, что весьма перспективным направлением развития реального сектора экономики в Беларуси и Армении является производство товаров интенсивного обновления, что в свою очередь требует пересмотра и координации структурных политик в наших странах.

ВЫВОДЫ

Выявлены особенности реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции. Установлено, что на реализацию структурной политики Республики Беларусь в условиях ЕАЭС влияют противоречия в экономических интересах и формах их реализации между государствами-участниками ЕАЭС, а также усиление глобальной технологической неопределенности. Названные факторы оказывают сильное взаимное влияние, которое серьезно искажает реально-онтологические формы их проявления. Показано, что в рамках ЕАЭС необходимо разработать дорожную карту совместного осуществления новой промышленной революции во всех государствах-членах. При этом следует незамедлительно усилить согласование структурных политик государств-членов ЕАЭС.

Установлено, что важнейшими перспективными направлениями совместного развития реальных секторов экономики и соответствующего согласования структурных политик Беларуси и Армении является: во-первых, развитие традиционных направлений технико-технологической и производственной кооперации в тех отраслях промышленности и сельского хозяйства, которые наиболее развиты в нашей стране; во-вторых, совместная разработка и использование технологий рециклинга в пищевой и перерабатывающей промышленности; в-третьих, опережающее развитие услуг промышленного характера; в-четвертых, ликвидация отставания от стран технологических лидеров в области разработки и применения общественно-функциональных инноваций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комкова, Е. Г. Перспективы НАФТА / Е. Г. Комкова // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – № 2 (578). – С. 5–19.
2. Клименко, В. А. Развитие теоретических основ трансфера технологий в контексте перехода к устойчивому экономическому росту в Республике Беларусь и Российской Федерации / В. А. Клименко, В. Л. Гурский, Т. В. Сергиевич, Т. С. Лыткина // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 85–91.
3. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.
4. Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40.
5. Бодрунов, С. Д. Конвергенция технологий – новая интеграции производства, науки и образования / С. Д. Бодрунов // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 1 (80). – С. 8–19.
6. Мелешко, Ю. В. Оценка эффективности развития услуг промышленного характера в контексте модернизации национального промышленного комплекса / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 39–47.
7. Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал. – 2017. – № 3 (8) – С. 49–55.
8. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка / Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 5–28.
9. Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/economy_ru/. – Дата доступа: 19.09.2018.
10. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» Сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50–55.
11. Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.

12. Гурский, В. Л. Исследование теоретических основ нового качества экономического роста в контексте перехода к инновационному развитию Республики Беларусь и Российской Федерации / В. Л. Гурский, В. А. Клименко, В. В. Фаузер, Т. В. Сергиевич // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 53–59.
13. Мелешко, Ю. В. Перспективы развития облачных технологий как услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Менеджмент предпринимательской деятельности: Материалы XVI международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. – 2018. – С. 232–236.
14. Мелешко, Ю. В. Сценарии дальнейшего развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2016. – № 13. – С. 62–68.
15. Сергиевич, Т. В. Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы / Т. В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С. 49–55.
16. Сергиевич, Т. В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С. Ю. Солодовников (председатель редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 5. – С. 260–286.
17. Сергиевич, Т. В. Методическое обеспечение повышения экономической эффективности воспроизводственного цикла предприятия по производству товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С. Ю. Солодовников (председатель редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 6. – С. 91–107.
18. Сергиевич, Т. В. Совершенствование организационно-экономического механизма производства товаров интенсивного обновления : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.06 / Т. В. Сергиевич ; БГУ. – Минск, 2018. – 28 с.

REFERENCES

1. Komkova, E. G. Perspektivy NAFTA / E. G. Komkova // SSHA i Kanada: ehkonomika, politika, kul'tura. – 2018. – № 2 (578). – S. 5–19.
2. Klimenko, V. A. Razvitie teoreticheskikh osnov transfera tekhnologii v kontekste perekhoda k ustojchivomu ehkonomicheskomu rostu v Respublike Belarus' i Rossijskoj Federacii / V. A. Klimenko, V. L. Gurskij, T. V. Sergievich, T. S. Lytkina // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ehkonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 2. – S. 85–91.
3. Solodovnikov, S. Yu. Perspektivy i mekhanizmy razvitiya i kapitalizacii social'nogo potenciala Respubliki Belarus' / S. Yu. Solodovnikov // Ehkonomicheskaya nauka segodnya. – 2013. – Vyp. 1. – S. 5–33.
4. Sergievich, T. V. Perspektivy i napravleniya razvitiya proizvodstva tovarov intensivnogo obnoveniya v Respublike Belarus' / T. V. Sergievich // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Ehkon. i yurid. nauki. – 2017. – № 14. – S. 32–40.
5. Bodrunov, S. D. Konvergenciya tekhnologij – novaya integracii proizvodstva, nauki i obrazovaniya / S. D. Bodrunov // Ehkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. – 2018. – № 1 (80). – S. 8–19.

6. Meleshko, Yu. V. Ocenka ehffektivnosti razvitiya uslug promyshlennogo ha-raktera v kontekste modernizacii nacional'nogo promyshlennogo kompleksa / Yu. V. Meleshko // Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Seriya: Teoriya i praktika upravleniya. – 2017. – № 18 (23). – S. 39–47.
7. Solodovnikov, S. Yu. Sovremennaya strukturnaya politika i krizis nanoin-dustrii / S. Yu. Solodovnikov // Pravo. Ehkonomika. Psihologiya. Nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2017. – № 3 (8) – S. 49–55.
8. Strukturnaya politika v Rossii: novye usloviya i vozmozhnaya povestka / Doklad NIU VSHEH // Voprosy ehkonomiki. – 2018. – № 6. – S. 5–28.
9. Oficial'nyj internet portal Prezidenta Respubliki Belarus' [Ehlektron-nyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://president.gov.by/ru/economy_ru/. – Data dostupa: 19.09.2018.
10. Sergievich, T. V. Trud v neoindustrial'nom obshchestve / T. V. Sergievich // Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Tekhnologii tovarovedcheskoj, tamozhennoj i krimi-nalisticheskoy ehkspertizy» Sbornik nauchnyh rabot № 6. Pod redakciej G. D. Drozdova. – SPb.: Izdvo SPbGEHU, 2015. – S. 50–55.
11. Meleshko, Yu. V. Osnovnye formy sotrudnichestva predpriyatij real'nogo sektora ehkonomiki Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii v sfere proizvodstva kosmicheskoy tekhniki / Yu. V. Meleshko // Pravo. EHkonomika. Psihologiya. – 2018. – № 1 (9). – S. 37–42.
12. Gurskij, V. L. Issledovanie teoreticheskikh osnov novogo kachestva ehkonomicheskogo rosta v kontekste perekhoda k innovacionnomu razvitiyu Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii / V. L. Gurskij, V. A. Klimenko, V. V. Fauzer, T. V. Sergievich // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ehkonomiki Seve-ra: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 2. – S. 53–59.
13. Meleshko, Yu. V. Perspektivy razvitiya oblachnyh tekhnologij kak uslug promyshlennogo haraktera / Yu. V. Meleshko // Menedzhment predprinimatel'skoj deyatelnosti: Materialy XVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pre-podavatelej, doktorantov, aspirantov i studentov. – 2018. – S. 232–236.
14. Meleshko, Yu. V. Scenarii dal'nejshego razvitiya uslug promyshlennogo ha-raktera v Respublike Belarus' / Yu. V. Meleshko // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D: Ehkonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2016. – № 13. – S. 62–68.
15. Sergievich, T. V. Ehkonomicheskoe stimulirovanie proizvodstva tovarov intensivnogo obnovleniya: teoretiko-metodologicheskie osnovy / T. V. Sergievich // Pravo. Ehkonomika. Psihologiya. – 2017. – № 3(8). – S. 49–55.
16. Sergievich, T. V. Trudovoj potencial i upravlenie trudom v tekstil'noj i shvejnoj promyshlennosti kak ob"ekty ehkonomicheskogo issledovaniya / T. V. Sergievich // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU; redkol.: S. Yu. Solodovnikov (predsedatel' redkol.) [i dr.]. – Minsk: BNTU, 2017. – № 5. – S. 260–286.
17. Sergievich, T. V. Metodicheskoe obespechenie povysheniya ehkonomicheskoy ehffektivnosti vosproizvodstvennogo cikla predpriyatiya po proizvodstvu tovarov intensivnogo obnovleniya / T. V. Sergievich // EHkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU; redkol.: S. Yu. Solodovnikov (predsedatel' redkol.) [i dr.]. – Minsk: BNTU, 2017. – № 6. – S. 91–107.
18. Sergievich, T. V. Sovershenstvovanie organizacionno-ehkonomicheskogo mehanizma proizvodstva tovarov intensivnogo obnovleniya : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.06 / T. V. Sergievich ; BGU. – Minsk, 2018. – 28 s.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2018 года

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

УДК 338.242

ББК 65.050

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ КЛАСТЕРОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗА РУБЕЖОМ

Е.И.БАХМАТОВА

ebakhmatova@mail.ru

старший преподаватель кафедры «Экономика и право»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

Окончание статьи, начало в выпуске 7, 2018

В статье исследуется методический инструментарий идентификации кластеров в Республике Беларусь в сравнении с тремя зарубежными методиками. В качестве базы для сравнения выступают методики идентификации, авторами которых являются: Политехнический университет Каталонии, Норвежский институт лесного хозяйства совместно с Норвежским университетом социальных наук, Министерство экономики, труда и предпринимательства Республики Хорватия совместно с Немецким обществом технического сотрудничества. Ключевые преимущества зарубежных методик, избранных в качестве базы для сравнения, заключаются в следующем: нацеленность на получение не только классических агломерационных, но и синергетических сетевых инновационных эффектов по результатам кластерной стратификации экономики; учет принципов реализации модели нелинейных интерактивных инновационных процессов; возможность применения в отношении зарождающихся паттернов сетевого сотрудничества, а также с целью формирования базы кластерных идей и инициатив. По результатам проведенного сравнительного исследования определены направления развития методического инструментария идентификации кластеров в Республике Беларусь.

Ключевые слова: идентификация кластеров, кластерный анализ, мониторинг кластерного развития, сетевые взаимодействия, агломерационные эффекты, сетевые синергетические эффекты, нелинейный интерактивный инновационный процесс.

THE COMPARATIVE RESEARCH OF THE METHODOICAL TOOLS OF CLUSTER IDENTIFICATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND ABROAD

E.I. BAKHMATOVA

senior teacher in the Department «Economics and Law»

Belarusian National Technical University

Minsk, the Republic of Belarus

The article explores tools for cluster identification in The Republic of Belarus in comparison with three foreign techniques. The authors of the foreign identification toolbox which act as a base for comparison are: the Polytechnical University of Catalunya, the Norwegian Forest and Landscape Institute together with the Norwegian University of Life Sciences, The Ministry of Economy, Labor and Entrepreneurship of the Republic of Croatia together with the German society for technical cooperation. The key advantages of the foreign techniques chosen

as the base for comparison are the following: aiming at receiving not only classical agglomerative, but also synergetic networking innovative effects as a result of cluster stratification of the economy; taking into account the principles of nonlinear interactive innovation processes model; the possibility to identify patterns of networks and to form the base of the cluster ideas and initiatives. The ways to develop the cluster identification toolbox in the Republic of Belarus are defined as a result of the comparative research.

Key words: cluster identification, cluster analyses, monitoring cluster development, networking, agglomerative effects, networking synergetic effects, nonlinear interactive innovation process.

3. Методика идентификации кластеров, разработанная совместно Норвежским институтом лесного хозяйства и Норвежским университетом социальных наук.

Существенной теоретической и практической значимостью характеризуются результаты разработки и применения методики исследования взаимосвязи, взаимозависимости и взаимовлияния качества сетевых взаимодействий, уровней инновационной, а также деловой активности бизнес-среды. Рассматриваемая методика разработана учеными Норвежского института лесного хозяйства совместно с Норвежским университетом социальных наук в целях поиска путей повышения эффективности использования потенциала расширения масштабов деятельности эко-туризма в Норвегии и апробирована в условиях данной отрасли. Стимулом для исследования указанной взаимосвязи послужили многочисленные дискуссии о путях повышения эффективности использования потенциала развития туристической индустрии Норвегии. Концептуальной основой исследования послужил институциональный подход к стимулированию инновационной активности. Задачи исследования заключались в следующем: 1) определить, оказывает ли влияние развитие сетевых взаимодействий на уровень инновационной активности и, в свою очередь, оказывает ли влияние уровень инновационной активности на деловую активность бизнес-среды; 2) получить всестороннее понимание того, каким образом различные акторы инициируют изменения, развитие и самоусиление отрасли в целом. Для реализации поставленных задач применялись как количественные, так и качественные методы экономических исследований. Результаты исследования позволили подтвердить наличие положительной взаимосвязи между сетевыми взаимодействиями и инновационной активностью, а также между инновационной и деловой активностью в отдельно взятой отрасли и географической области.

Эмпирическому исследованию предшествует теоретическое обоснование выдвигаемых гипотез. Ключевыми понятиями исследования выступают «инновация», «инновационная активность», «институт», «инновационная система», «интерактивный инновационный процесс», «уровень деловой активности». В отношении содержания понятия инновации авторы исследования, основываясь на Шумпетерианском подходе, оперируют, однако, более широкой трактовкой, в соответствии с которой под инновацией понимается практическое воплощение новых идей в виде нового продукта, процесса, рынка или организационной инновации. Под инновационной активностью в исследовании понимается характеристика бизнес-субъекта, реализующего инновационные идеи. В отношении определения содержания понятия института авторы исследования придерживаются схожих точек зрения В. Р. Скотта и Д. Норта. По В. Р. Скотту институты – когнитивные, нормативные и регулирующие структуры и действия, обеспечивающие стабильность и придающие значение функционированию социума. Д. Норт определяет институты, как правила игры в обществе, созданные человеком ограничительные рамки, которые формируют взаимоотношения между людьми, создают структуру побудительных мотивов поведения человека, взаимодействия. В исследовании подвергается критике теория

традиционной линейной модели инновационного процесса, получившей развитие в период Второй мировой войны. В противопоставление линейной модели инновационного процесса приводится нелинейная интерактивная модель, в центре которой в окружении разнообразных акторов находится бизнес-единица, иницирующая и реализующая инновационный процесс. Ключевыми отличиями и одновременно преимуществами интерактивной нелинейной модели инновационного процесса, по мнению авторов исследования, выступают повышение разнообразия источников генерирования инновационных идей, ориентация на потребности рынка и систематический учет их изменений, реализация различных этапов инновационного процесса не изолированно, а во взаимодействии с различными акторами. Под уровнем деловой активности в исследовании понимаются масштабы деятельности компании, в качестве показателей измерения которых, предлагается использовать реализованную продукцию, чистую прибыль и человеко-годы [9].

Отправной точкой исследования выступает идея о непосредственном влиянии институтов на процессы формирования и функционирования инновационной системы. В основе идеи лежит понимание того факта, что в условиях интерактивной модели инновационного процесса акторы бизнес-среды реализуют инновационный процесс не изолированно, а путем непрерывных взаимодействий между собой. Теоретической основой гипотезы выступают труды Я. Фагерберга, М. Грановеттера, Р.С. Берта и многих других ученых, исследующих бизнес-сети и инновационные системы. В частности, Я. Фагерберг и М. Грановеттер отмечают, что большие и разнообразные бизнес-сети содействуют непрерывному иницированию и облегчают реализацию инновационных процессов. По мнению Р.С. Берта, бизнес-сети предоставляют предпринимателям доступ к социальному капиталу в форме доверия, информации, идей. Эффективность использования социального капитала напрямую зависит от интеллектуальных способностей, образования, профессионального опыта акторов бизнес-среды. Другими словами, социальные сети выполняют важную роль, обеспечивая поддержку и усиливая способность акторов быть инновационными. В многочисленных исследованиях в области инновационных систем и бизнес-сетей отмечается, что количество сетевых бизнес-связей и взаимодействий оказывает непосредственное влияние на выходы инновационного процесса. Основываясь на данных утверждениях, авторы исследования выдвинули следующую гипотезу: чем более развиты сетевые взаимодействия, тем выше уровень инновационности туристических компаний Норвегии [9].

Теоретической основой второй смысловой части гипотезы о влиянии уровня инновационности на уровень деловой активности в сфере туризма в Норвегии послужили труды Й. Шумпетера, Я. Фагерберга, Р. Дэшпанде, Э.М. Роджерса, К. Гронхога, Дж. Кауфмана, Дж. К. Хана.

Как уже отмечалось выше, в исследовании применялись как количественный, так и качественный методы. Количественные методы применялись в целях статистического подтверждения влияния сетевых взаимодействий на уровень инновационной активности. Качественные методы применялись с целью конкретизации результатов применения количественных методов и демонстрации того, каким образом бизнес-сеть может иницировать изменения отдельных акторов, способствовать генерированию идей и реализации инновационных процессов. Логическая цепь этапов исследования продемонстрирована на рисунке 2:

Рисунок 2 – Этапы реализации количественных и качественных методов исследования
Источник: [9].

Концепция количественного метода исследования представлена в таблице 4.

Таблица 4 – Характеристика количественного метода исследования

Объект исследования	Предмет исследования	Цель исследования	Шкала оценивания
Взаимосвязь между уровнем сетевых взаимодействий и инновационной активностью представителей отрасли	Взаимосвязь «уровень сетевых взаимодействий с субъектами инновационной инфраструктуры» - инновационная активность	Оценка достоверности суждения «высокий уровень взаимодействия с актором стимулирует инновационную активность»	«1 балл» – полностью не согласен; «2 балла» – частично не согласен; «3 балла» – нейтрален; «4 балла» – частично согласен; «5 баллов» – согласен; «6 баллов» – полностью согласен.
	Взаимосвязь «уровень сетевых взаимодействий с государственными органами управления» - инновационная активность		
	Взаимосвязь «уровень сетевых взаимодействий с отраслевой ассоциацией» - инновационная активность		
	Взаимосвязь «уровень сетевых взаимодействий с конкурентами» - инновационная активность		

	Взаимосвязь «уровень сетевых взаимодействий с потребителями» - инновационная активность		
	Взаимосвязь «уровень сетевых взаимодействий с поставщиками» - инновационная активность		
Уровень инновационной активности	Новые продукты	Оценка процента продаж за предшествующие 3 года	«1 балл» – менее 10%; «2 балла» – более 10%; «3 балла» – более 20%; «4 балла» – более 30%; «5 баллов» – более 40%; «6 баллов» – более 50 %
	Новые процессы	Выявление наличия или отсутствия изменений за предшествующие 3 года	«1 балл» – наличие изменений «0 баллов» – отсутствие изменений
	Новые рынки		
	Новые методы		
Уровень деловой активности	Продажи	Оценка тенденции изменения	«1 балл» – рост «2 балла» – стабильность «3 балла» – снижение
	Чистая прибыль		
	Человеко-годы		

Примечание – Источник: [9].

Оценка уровня сетевых взаимодействий производилась в отношении 7-ти типов акторов: субъекты инновационной инфраструктуры, государственные органы управления, интеграционные структуры (отраслевая ассоциация), конкуренты, потребители, поставщики. В процессе исследования бизнес-субъектам было предложено оценить степень согласия с утверждением «высокий уровень взаимодействия с данным актором как на локальном, так и на национальном уровне инициирует изменения внутри бизнес-субъекта и оказывает положительное влияние на уровень его инновационной активности» по модифицированной шкале Ликерта от 1 до 6 баллов, где 1 балл выступает индикатором крайней степени несогласия с утверждением, а 6 баллов отражают полное согласие.

Измерение оценки уровня инновационности производилось на основе учета видов изменений, которые имели место в компании в течение предшествующих трех лет. Компании с большим количеством изменений признавались более инновационными. При этом все виды изменений рассматривались как равноценные. Следуя теории Й. Шумпетера в исследовании осуществлялась количественная оценка изменений следующих видов: продукт, процесс, рынок и способ (метод). Оценка продуктовых инноваций производилась на основе показателя процента продаж на этапе коммерциализации в течение предшествующих трех лет. В отношении новых рынков, процессов и способов организации

применялась дихотомическая шкала, в которой 1 балл отражал наличие изменений определенного вида в течение предшествующих трех лет, а 0 баллов – их отсутствие.

Оценка уровня деловой активности производилась с использованием показателей роста продаж, чистой прибыли и человеко-лет. В отношении показателей уровня деловой активности применялась следующая шкала оценивания: 1 балл присваивался в случае наличия тенденции увеличения значения показателя, 2 балла – в случае его неизменности, 3 балла свидетельствовали о тенденции уменьшения значения показателя.

Для проведения количественного этапа исследования анкета-вопросник была направлена 324 компаниям. По результатам рассылки вернулось 178 заполненных анкет. Ответы исследовались с использованием показателей корреляционно-регрессионного анализа, итоги которого позволили подтвердить выдвинутую гипотезу о влиянии сетевых взаимодействий на уровень инновационной активности (уровень корреляции – 0,5) и о влиянии инновационности компаний на уровень деловой активности (уровень корреляции – 0,46). При этом сильной прямой корреляции между уровнем развития бизнес-сети и деловой активностью компаний выявлено не было (уровень корреляции – 0,23).

В дополнение к количественным методам, как уже отмечено выше, в исследовании применялся также качественный подход. Применение качественного подхода преследовало своей целью получение более глубокого представления о формах и характере сетевых взаимодействий между акторами, паттернах ситуаций взаимодействия, которые инициировали изменения акторов, стимулировали генерирование инновационных идей и способствовали реализации инновационного процесса на их основе.

Следуя методу критериального отбора, описанному Паттоном в 1990 г., для дальнейшего изучения и тематического интервьюирования был выбран актер – представитель отрасли туризма в Норвегии, проявивший интерес к теме исследования. Критериями отбора выступили деловая репутация и признание в бизнес-кругах, эффективность маркетинговых коммуникаций, удовлетворительная финансовая отчетность за последние три года, экспортный потенциал, социальная ориентация, уровень инновационной активности. Информация об актере аккумулировалась путем изучения статей в газетах и журналах, веб-сайта и финансовой отчетности компании за прошедшие три года. Следуя логике метода снежного кома, автором которой также является Паттон, были отобраны еще пять акторов, формирующих бизнес-сеть центрального объекта исследования, в число которых вошли два поставщика, субъект инновационной инфраструктуры, отраслевая ассоциация и один конкурент. В отношении выбранных объектов применялись следующие качественные методы исследования: глубинные интервью (нарративно-диалоговое и полуструктурированное) и анализ документов (финансовая отчетность).

На первом этапе применения качественных методов в интервью приняли участие менеджеры компании – центрального объекта исследования. Интервьюируемым предлагалось в свободной форме описать инновации в своей компании и охарактеризовать ключевых акторов, которые оказывают влияние на способность компании генерировать новые идеи и реализовывать инновационные процессы. Во второй этап анкетирования были вовлечены акторы бизнес-сети центрального объекта исследования. Интервьюирование акторов бизнес-сети носило в большей степени структурированный характер, т. к. в его основу были положены результаты интервьюирования менеджеров компании – центрального объекта исследования, а также анализа финансовой и других видов отчетности. По результатам проведенного интервьюирования определена роль каждого актора в интерактивной модели инновационного процесса, получено более детальное представление о характере, содержании сетевых взаимодействий, их роли и приоритете в процессах стимулирования инновационной активности акторов.

Ключевое преимущество охарактеризованной методики в сравнении с запланированной для реализации в Республике Беларусь заключается в том, что она сосредоточена на выявлении не классических агломерационных, а сетевых экстерналий повышения инновационной активности и усиления конкурентоспособности акторов кластерно-сетевой среды. Другие преимущества заключаются в следующем: оптимальное сочетание количественных и качественных методик исследования, повышающих уровень информационной насыщенности и достоверности результатов; глубинное доскональное всестороннее исследование интенсивности, направлений и содержания сетевых взаимодействий выбранного актора; диверсифицированный, но четко очерченный круг потенциальных субъектов сетевого взаимодействия.

В силу неразвитости сетевых взаимодействий рассмотренная методика имеет ограничения для применения в Республике Беларусь с целью идентификации паттернов кластерно-сетевого сотрудничества. Методика может представлять интерес на более поздних стадиях кластерно-сетевой стратификации экономики и выступать в качестве эффективного инструмента как мониторинга кластерного развития, так и формирования ценной информационной базы для реализации сетевого подхода к становлению кластеров.

4. Методика идентификации кластеров Министерства экономики, труда и предпринимательства Республики Хорватия.

Наибольший интерес в контексте исследования процедур идентификации, основанных на концепции сетевого подхода к формированию и становлению кластеров в экономике, представляет заключительная из рассматриваемых методик, разработанная Министерством экономики, труда и предпринимательства Республики Хорватия при финансовой поддержке Немецкого общества технического сотрудничества в рамках подготовки комплексного Практического руководства по управлению кластерами (далее Практическое руководство).

Методика носит универсальный характер, может применяться в государствах - сторонниках кластерных преобразований на различных этапах формирования кластерно-сетевой среды, в том числе, в целях исследования разнообразных форм сотрудничества (стратегические альянсы, бизнес-сети, коллаборации и т. д.). Методика предполагает применение качественных методов интервьюирования и структурно включает три анкеты-вопросника: «Тест потенциала формирования кластера», «Анализ потенциала становления и функционирования кластера» и «Тест уровня кооперации и деловой активности партнеров».

Первая анкета, по утверждению авторов, позволяет выявить критические факторы успеха формирования кластера на начальных этапах его жизненного цикла, а также может применяться в качестве эффективного инструмента экспресс-мониторинга тенденций развития на последующих стадиях. В ходе интервьюирования обследованию подлежат три характеристики (измерения) кластера, каждая из которых оценивается с использованием пяти критериев:

- критическая масса и конкурентоспособность участников кластера (критерии оценки: потенциал потребительского рынка; конкурентоспособность ключевых акторов; качество и интенсивность связей с акторами дополняющих и смежных видов деятельности, их конкурентоспособность; инновационная инфраструктура и ее эффективность; региональная консолидация);

- способность участников кластера к самоорганизации (критерии оценки: наличие ясных и четких выгод сотрудничества; эффективность системы управления или потенциал ее формирования; потенциальная готовность и действительная возможность осуществления сотрудничества; социальный капитал; государственная поддержка и содействие);

- функциональность кластера (критерии оценки: качество и интенсивность межорганизационных сетевых взаимодействий внутри кластера; качество и интенсивность сетевых взаимодействий с акторами за пределами кластера; целевая ориентация на обеспечение высокого уровня качества и наличие эффективной интегрированной системы менеджмента качества; уровень инновационной активности; эффективность применения инструментов маркетинга территорий) [10].

Исследование вышеназванных характеристик позволяет выявить сильные и слабые стороны протокластерной среды, способствующие или препятствующие ее трансформации в устойчивый конкурентоспособный кластер. Анкета также может применяться в качестве инструмента бенчмаркинга территорий и бизнес-среды функционирования различных сетей, коллабораций, протокластеров и кластеров на ранних этапах жизненного цикла. По утверждению авторов, анкета позволяет выявить общие направления, релевантные для поддержки и содействия, которые нуждаются в дальнейшем более глубоком исследовании с целью выработки конкретных инструментов управления.

Второй из представленных в Практическом руководстве вопросников предназначен для получения более конкретной количественной и качественной информации о функционировании кластера на любой стадии жизненного цикла. Он может применяться в целях исследования кластерной инициативы или мониторинга развития кластера.

Третий вопросник предназначен для аккумуляции информации с целью оценки акторов с позиции их привлекательности для деловых партнеров. Тест помогает выявить сильные и слабые стороны, способствующие или препятствующие привлечению наиболее конкурентоспособных партнеров и оценить соответствие актора требованиям сетевой экономики.

По утверждению авторов методики, высокопродуктивные акторы дают утвердительный ответ более чем на 20 вопросов анкеты, в то время как неконкурентоспособные отвечают на более чем 15 вопросов из 24 отрицательно [10]. Способность акторов к взаимодействию и устойчивому функционированию исследуется на основе семи групп характеристик:

- ориентация на удовлетворение потребителей (критерии оценки: знание потребностей, способность удерживать потребителей, продолжительность и интенсивность отношений с клиентами, знание ключевых факторов, влияющих на принятие решения о покупке);
- способность к коммуникации (критерии оценки: инициирование и поддержание деловых отношений со стейкхолдерами, реализация концепции интегрированных маркетинговых коммуникаций, наличие системы обучения и управления знаниями);
- будущая жизнеспособность (планирование развития компании, знание конъюнктуры рынка, ориентированные на будущее инвестиции)
- гибкость (высокий уровень инновационной активности, способность создавать индивидуализированные продукты и услуги, способность адаптироваться к изменениям спроса);
- стабильность (высококвалифицированные сотрудники, сбалансированные отношения со стейкхолдерами, доходность и ликвидность);
- надежность (непрерывные улучшения бизнес-процессов, надежные и эффективные бизнес-процессы, надежные и эффективные продукты и услуги);
- ориентация на сотрудничество (активный поиск партнеров в целях повышения конкурентоспособности продукции и услуг, интенсивные качественные сетевые взаимодействия, высокая эффективность сотрудничества с партнерами, длительные и интенсивные связи с поставщиками) [10].

В целях идентификации паттернов кластерно-сетевое сотрудничество или условий их возникновения могут применяться только первая и третья из рассмотренных анкет-вопросников, ключевыми преимуществами которых выступают ориентация на выявление акторов бизнес-среды, осуществляющих деятельность на принципах дизайн-мышления и нелинейной инновационной активности, а также демонстрирующих способность или интерес к установлению взаимовыгодных паритетных деловых коммуникаций.

5. Направления развития методического инструментария идентификации кластеров в Республике Беларусь.

В целях развития вспомогательного инструментария идентификации кластеров в Республике Беларусь, предлагается следующее:

- разграничить содержание понятий:

1) «идентификация перспектив кластерного развития» – действия, направленные на выявление факторов, способствующих и препятствующих кластерно-сетевой стратификации экономики;

2) «идентификация кластеров» – действия, направленные на выявление акторов экономической системы, осознающих и преследующих выгоды сетевого взаимодействия и коллаборации, а также осуществляющих сетевое взаимодействие и сотрудничество в форме коллаборации на регулярной основе;

3) «мониторинг кластерного развития» – систематическое исследование эффективности и устойчивости кластера, качества институциональной среды его функционирования, релевантности инструментов поддержки и содействия;

- законодательно закрепить понятия «идентификация перспектив кластерного развития», «идентификация кластеров», «мониторинг кластерного развития» и их определения в нормативных правовых актах в области кластерного развития экономики в Республике Беларусь;

- разработать и применять методический инструментарий идентификации перспектив кластерного развития, идентификации кластеров и мониторинга кластерного развития, руководствуясь принципами: сетевого подхода к становлению кластеров в экономике, предполагающего достижение акторами бизнес-среды синергетических сетевых инновационных экстерналий, а не только классических агломерационных эффектов экономики; увеличения динамической, а не только статической эффективности участников кластерно-сетевого паттерна взаимодействий; дизайн-мышления, предполагающего создание высококастомизированных продуктов и гибких индивидуализированных бизнес-процессов; приоритета интерактивного инновационного процесса, предполагающего диверсификацию источников инновационных идей, участников инновационных процессов, запуск и реализацию инновационных процессов непрерывным потоком, систематические маркетинговые исследования на всех этапах инновационного процесса, использование специфических моделей продвижения инноваций; тройной спирали Г. Ицковица и четверичной спирали, предполагающего одновременное участие в паттернах кластерно-сетевого сотрудничества на условиях коэволюции бизнес-субъектов, научных кругов, органов государственного управления и общества.

Руководствуясь перечисленными выше принципами и основываясь на результатах исследования передового зарубежного опыта предложены методики идентификации перспектив кластерного развития и идентификации кластеров в Республике Беларусь.

Предлагаемая методика идентификации перспектив кластерного развития предполагает исследование следующих четырех факторов, способствующих или препятствующих кластерно-сетевой стратификации среды, на которые государственные органы

управления имеют возможность и должны оказывать влияние: текущий уровень информационной неопределенности; потенциал снижения уровня информационной неопределенности; потенциал повышения уровня партнерского доверия, информационной и организационной открытости; уровень сопротивления изменениям. Соответствующими каждому фактору объектами исследования должны выступать: осведомленность акторов о конъюнктуре рынка и конкурентных силах по М. Портеру, заинтересованность акторов в снижении уровня информационной неопределенности, готовность акторов осуществлять обмен информацией и идеями, заинтересованность акторов в повышении уровня инновационной активности.

Проявление каждого фактора предлагается оценивать с использованием следующих утверждений: «я хорошо осведомлен, имею актуальную достоверную информацию в данной сфере», «я заинтересован в систематическом получении актуальной, достоверной информации в данной сфере», «я готов систематически обмениваться с другими акторами актуальной, достоверной информацией, идеями в данной сфере», «я заинтересован в поиске идеи и реализации инновации в данной сфере». Форма реализации исследования – анкетирование руководящего состава и специалистов организаций-потенциальных участников кластерно-сетевой среды, предполагающее оценку степени согласия с предлагаемыми утверждениями по шкале Ликерта от 1 до 5 баллов, где 1 балл выступает индикатором крайней степени несогласия с утверждением, а 5 баллов отражают полное согласие.

Предлагаемая методика идентификации кластеров предполагает проведение анкетирования с целью выявления акторов экономической системы, осознающих и преследующих выгоды сетевого взаимодействия и коллаборации, а также осуществляющих сетевое взаимодействие и сотрудничество в форме коллаборации на регулярной основе. Объектами исследования выступают заинтересованность акторов в реализации направлений сетевого взаимодействия и их релевантность для повышения конкурентоспособности, уровня инновационной активности, развития партнерских связей. Форма реализации исследования – анкетирование руководящего состава и специалистов организаций-потенциальных участников кластерно-сетевой среды. Анкетирование охватывает следующие направления сотрудничества, которые подлежат оценке респондентами: расширение и усиление сетевых партнерских взаимодействий в целом; развитие систем управления и повышение качества управленческих бизнес-процессов развитие политико-правовых институтов; расширение и усиление взаимодействий с организациями инфраструктуры содействия кластеризации; совершенствование продуктового профиля; обновление продуктового профиля развитие системы сбыта продукции; развитие системы маркетинга; повышение экспортного потенциала; развитие логистических процессов; информационно-знаниевый обмен и трансфер технологий; развитие форм финансирования. Для оценки каждого из направлений исследования предлагается следующая шкала оценки: «безусловно» – означает признание и преследование выгод взаимодействия с другими акторами в оцениваемом направлении; «затрудняюсь ответить» – выражение неуверенности касательно необходимости установления устойчивых коммуникаций в оцениваемой сфере; «маловероятно» – означает, что направление не представляет интереса с точки зрения потенциала установления партнерских связей; «сотрудничество осуществляется в форме ...» – на текущий момент сетевые коммуникации уже реализуются в рамках оцениваемого направления исследования, при этом, анкетироваемым предлагается указать конкретную форму (формы) взаимодействия. Завершает список закрытых вопросов предложение проранжировать оцениваемые направления сотрудничества в порядке убывания степени их релевантности отдельно в отношении повышения конкурентоспособности деятельности актора, развития партнерских связей и повышения

уровня инновационной активности. В завершении анкетирования респондентам предлагается самостоятельно указать дополнительные релевантные темы или проблемы, которые не охвачены представленным опросом.

Ключевое преимущество предлагаемой методики идентификации перспектив кластерного развития заключается в том, что она сосредоточена на выявлении не только классических агломерационных, но и сетевых экстерналий повышения инновационной активности и усиления конкурентоспособности акторов кластерно-сетевой среды. Преимущества предлагаемой для реализации методики идентификации кластеров заключаются в возможности всестороннего исследования потенциала установления межфирменных и межорганизационных связей, предполагающих сотрудничество, взаимодействие, комплементарный обмен интеллектуальными ресурсами в процессе реализации не только основной, но и инновационной деятельности, выявления паттернов сетевых взаимодействий, коллаборации, небольших или потенциальных кластеров, а также формирования портфеля кластерно-сетевых идей и инициатив.

ВЫВОДЫ

В целях развития методического инструментария идентификации кластеров в Республике Беларусь, с учетом выявленных недостатков запланированной к применению методики и результатов исследования зарубежных подходов, предлагается следующее:

- разграничить содержание понятий:

1) «идентификация перспектив кластерного развития» – действия, направленные на выявление факторов, способствующих и препятствующих кластерно-сетевой стратификации экономики;

2) «идентификация кластеров» – действия, направленные на выявление акторов экономической системы, осознающих и преследующих выгоды сетевого взаимодействия и коллаборации, осуществляющих сетевое взаимодействие и сотрудничество в форме коллаборации на регулярной основе;

3) «мониторинг кластерного развития» – систематическое исследование эффективности и устойчивости кластера, качества институциональной среды его функционирования, релевантности инструментов поддержки и содействия;

- законодательно закрепить понятия «идентификация перспектив кластерного развития», «идентификация кластеров», «мониторинг кластерного развития» и их определения в нормативных правовых актах в области кластерного развития экономики в Республике Беларусь;

- разработать и применять методический инструментарий идентификации перспектив кластерного развития, идентификации кластеров и мониторинга кластерного развития, руководствуясь принципами:

1) сетевого подхода к становлению кластеров в экономике, предполагающего достижение акторами бизнес-среды синергетических сетевых инновационных экстерналий, а не только классических агломерационных эффектов экономики;

2) увеличения динамической, а не только статической эффективности участников кластерно-сетевого паттерна взаимодействий;

3) дизайн-мышления, предполагающего создание высококастомизированных продуктов и гибких индивидуализированных бизнес-процессов;

4) приоритета интерактивного инновационного процесса, предполагающего диверсификацию источников инновационных идей, участников инновационных процес-

сов, запуск и реализацию инновационных процессов непрерывным потоком, систематические маркетинговые исследования на всех этапах инновационного процесса, использование специфических моделей продвижения инноваций;

5) тройной спирали Г. Ицковица и четверичной спирали, предполагающего одновременное участие в паттернах кластерно-сетевое сотрудничества на условиях коэволюции бизнес-субъектов, научных кругов, органов государственного управления и общества.

Руководствуясь перечисленными выше принципами и основываясь на результатах исследования передового зарубежного опыта предложены методики идентификации перспектив кластерного развития и идентификации кластеров в Республике Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении методических рекомендаций по организации и осуществлению мониторинга кластерного развития экономики [Электронный ресурс] : постановление Министерства Экономики Республики Беларусь, 1 дек. 2014 г., № 90 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2006.

2. Ketels, C. Cluster Mapping as a Tool for Development [Electronic resource] / C. Ketels // Harvard Business School. – Boston, 2017. – Mode of access: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/Cluster%20Mapping%20as%20a%20Tool%20for%20Development%20_%20report_ISC%20WP%20version%2010-10-17_c46d2cf1-41ed-43c0-bfd8-932957a4ceda.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

3. Christensen, T. A. / Let's make a perfect cluster policy and cluster programme. smart recommendations for policy makers [Electronic resource] / T. A. Christensen, T. Lämmer-Gamp, Gerd Meier zu Köcker // The Danish Ministry of Science. Innovation and Higher Education. – Mode of access: https://www.cluster-analysis.org/downloads/Clusters_web_singlepage_06092012.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

4. Competitive Regional Clusters. National policy approaches [Electronic resource] // Organisation for economic co-operation and development. – Mode of access: <https://www.oecd.org/cfe/regional-policy/38678677.pdf>. – Date of access: 04.03.2018.

5. Terstriep, J. Cluster Mapping – Analysis Grid [Electronic resource] / J. Terstriep // Institute for Work and Technology of the Westfälische Hochschule Gelsenkirchen Bocholt Recklinghausen. – Mode of access: http://www.iat.eu/files/wp6-cluster_mapping_v1_5.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

6. Крупский, Д. М. Руководство по созданию и организации деятельности кластеров в Республике Беларусь [Электронный ресурс] / Д. М. Крупский, А. Э. Омарова, Т. В. Хвалько // Совет по развитию предпринимательства в Республике Беларусь. – Минск, 2015. – Режим доступа: http://ced.by/media/publication/books/rukovodstvo-klastery/rukovodstvo_po_sozdaniyu_klas_terov_2.pdf. – Дата доступа: 04.03.2018.

7. Roelandt, Theo J. A. Summary report of the focus group on clusters [Electronic resource] / Theo J. A. Roelandt, Pim den Hertog // Organisation for economic co-operation and development. – Paris, 1999. – Mode of access: <https://www.oecd.org/sti/inno/2369025.pdf>. – Date of access: 04.03.2018.

8. Martins, B. The collaboration topic questionnaire [Electronic resource] / Blanca Martins // Universitat Politècnica de Catalunya - Programa Innova (UPC). – 2013. – Mode of access: http://www.cadic-guideline.org/fileadmin/user_upload/Cadic/Material/Support_Material/D16/CADIC_The_Collaboration_Topic_Questionnaire_v1.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

9. Networking, Innovation, and Performance in Norwegian Nature-Based Tourism / Erlend Nybakk [et al.] // Journal of Forest Products Business Research. – 2008. – Volume No. 5. – Article No. 4. – p. 1–26

10. Scheer, G. Cluster Management – A Practical Guide. Part B: Tools [Electronic resource] / Gunter Scheer, Lucas von Zallinger // Ministry of Economy, Labor and Entrepreneurship of the Republic of Croatia and the Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) GmbH. – Eschborn, 2007. – Mode of access: <https://studylib.net/doc/18311890/cluster-management-%E2%80%93-a-practical-guide>. – Date of access: 04.03.2018.

REFERENCES

1. Ob utverzhdennii metodicheskikh rekomendacij po organizacii i osushchestvleniyu monitoringa klasternogo razvitiya ehkonomiki [Elektronnyj resurs] : postanovlenie Ministerstva Ehkonomiki Respubliki Belarus', 1 dek. 2014 g., № 90 // Konsul'tant Plyus: Belarus'. Tekhnologiya 3000 / OOO «YurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. – Minsk, 2006.

2. Ketels, C. Cluster Mapping as a Tool for Development [Electronic resource] / C. Ketels // Harvard Business School. – Boston, 2017. – Mode of access: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/Cluster%20Mapping%20as%20a%20Tool%20for%20Development%20_%20report_ISC%20WP%20version%2010-10-17_c46d2cf1-41ed-43c0-bfd8-932957a4ceda.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

3. Christensen, T. A. / Let's make a perfect cluster policy and cluster programme. smart recommendations for policy makers [Electronic resource] / T. A. Christensen, T. Lämmer-Gamp, Gerd Meier zu Köcker // The Danish Ministry of Science, Innovation and Higher Education. – Mode of access: https://www.cluster-analysis.org/downloads/Clusters_web_singlepage_06092012.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

4. Competitive Regional Clusters. National policy approaches [Electronic resource] // Organisation for economic co-operation and development. – Mode of access: <https://www.oecd.org/cfe/regional-policy/38678677.pdf>. – Date of access: 04.03.2018.

5. Terstriep, J. Cluster Mapping – Analysis Grid [Electronic resource] / J. Terstriep // Institute for Work and Technology of the Westfälische Hochschule Gelsenkirchen Bocholt Recklinghausen. – Mode of access: http://www.iat.eu/files/wp6-cluster_mapping_v1_5.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

6. Krupskij, D. M. Rukovodstvo po sozdaniyu i organizacii deyatelnosti klastero v Respublike Belarus' [Elektronnyj resurs] / D. M. Krupskij, A. Eh. Omarova, T. V. Hval'ko // Sovet po razvitiyu predprinimatel'stva v Respublike Belarus'. – Minsk, 2015. – Rezhim dostupa: http://ced.by/media/publication/books/rukovodstvo-klastery/rukovodstvo_po_sozdaniyu_klastero_v_2.pdf. – Data dostupa: 04.03.2018.

7. Roelandt, Theo J. A. Summary report of the focus group on clusters [Electronic resource] / Theo J. A. Roelandt, Pim den Hertog // Organisation for economic co-operation and development. – Paris, 1999. – Mode of access: <https://www.oecd.org/sti/inno/2369025.pdf>. – Date of access: 04.03.2018.

8. Martins, B. The collaboration topic questionnaire [Electronic resource] / Blanca Martins // Universitat Politècnica de Catalunya - Programa Innova (UPC). – 2013. – Mode of access: http://www.cadic-guideline.org/fileadmin/user_upload/Cadic/Material/Support_Material/D16/CADIC_The_Collaboration_Topic_Questionnaire_v1.pdf. – Date of access: 04.03.2018.

9. Networking, Innovation, and Performance in Norwegian Nature-Based Tourism / Erlend Nybakk [et al.] // Journal of Forest Products Business Research. – 2008. – Volume No. 5. – Article No. 4. – p. 1–26

10. Scheer, G. Cluster Management – A Practical Guide. Part B: Tools [Electronic resource] / Gunter Scheer, Lucas von Zallinger // Ministry of Economy, Labor and Entrepreneurship of the Republic of Croatia and the Deutsche Gesellschaft für Technische Zusammenarbeit (GTZ) GmbH. – Eschborn, 2007. – Mode of access: <https://studylib.net/doc/18311890/cluster-management-%E2%80%93-a-practical-guide>. – Date of access: 04.03.2018.

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2018 года

УДК 332.87

ББК 65.22

КАТАЛОГ МЕРОПРИЯТИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ

Н.А. ГРИГОРЬЕВА

9grigoryeva@gmail.com

ассистент кафедры «Экономика строительства»

Белорусский национальный технический университет

Минск, Республика Беларусь

Значительным резервом повышения энергоэффективности экономики Республики Беларусь является жилищная сфера. В работе исследуются подходы к повышению энергоэффективности жилых зданий, анализируются барьеры, препятствующие развитию технологий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, предлагаются пути их преодоления. Действенным инструментом развития экономического механизма повышения энергоэффективности жилых зданий является использование Каталога мероприятий, который представляет собой систематизированный справочник, включающий базу данных оборудования, материалов, конструкций и технологий, а также показатели их энергоэффективности и экономической эффективности.

Ключевые слова: жилые здания, повышение энергоэффективности, оценка экономической эффективности, каталог мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности.

CATALOGUE OF ENERGY EFFICIENT OPTIONS AS A TOOL TO INCREASE ENERGY EFFICIENCY OF RESIDENTIAL BUILDINGS

N.A. GRIGORYEVA

Assistant of the Department Economics in Civil Engineering

Belarusian National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

A significant reserve of improving the energy efficiency of the economy of the Republic of Belarus is the housing sector. The paper explores approaches to improving the energy efficiency of residential buildings, analyses barriers to the development of technologies that increase the energy efficiency of residential buildings, and suggests ways to overcome them. An effective tool for the development of an economic mechanism for increasing the energy efficiency of residential buildings is the use of the Catalogue of Options, which is a systematized reference book that includes a database of equipment, materials, structures and technologies, as well as indicators of their energy efficiency and economic efficiency.

Keywords: residential buildings, energy efficiency improvement, assessment of economic efficiency, catalog of measures providing energy efficiency increase.

ВВЕДЕНИЕ

Отрасль строительства и жилищно-коммунального хозяйства является значительным резервом повышения энергоэффективности экономики Республики. Большое внимание аспектам энергоэффективности нового строительства и реконструкции имеюще-

гося жилого фонда уделяется в связи с ростом цен на энергоносители, возрастающей заинтересованностью населения и промышленности в экономии своих средств на оплату услуг ЖКХ, направлением государственной политики в область энергосбережения, а также участием международных организаций, интерес которых направлен, в первую очередь, на снижение выбросов углекислого газа.

Кр. фон Кнорре утверждает, что «наивысший энергосберегающий потенциал может обеспечить комплексный подход с технической и экономической точки зрения, учитывающий все слабые места и охватывающий весь жизненный цикл строения» [1]. В отчете Комиссии ООН по окружающей среде и развитию справедливо указано, что «комплексные и эффективные меры по повышению энергоэффективности должны быть основаны на трех столпах устойчивого подхода: экологических, экономических и социальных компонентах» [2].

Проблемы систематизации информации о мероприятиях, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий активно обсуждаются в профессиональной среде. Барьеры на пути повышения энергоэффективности жилых зданий во многом обусловлены незнанием того, «...какие именно технологии необходимо выбрать для осуществления мер по сохранению энергии на первой стадии и как реализовать выбор этих технологий на систематической основе. Другими словами, задача состоит в создании программы управления энергопотреблением» [3]. Научные исследования и технический прогресс развиваются с высокой скоростью и оставляют позади людей, ответственных за решения об оптимизации использования энергии, во многом потому, что основные принципы выбора технологии не стандартизированы и отсутствует система поиска и выбора варианта повышения энергоэффективности.

Как один из путей совершенствования экономического механизма повышения энергоэффективности жилых зданий является процесс создания Каталога мероприятий, который позволит выделить производителей материалов и оборудования, обеспечивающих повышение энергоэффективности зданий и сооружений и «показать инвестору сравнение мероприятий повышения энергоэффективности для экономической оценки» [4, с.11]. Заинтересованность в создании Каталога имеется в первую очередь у производителей и поставщиков энергоэффективных материалов и оборудования, и «...сбор данных уже частично реализован в рамках материалов конкурса «Лидер энергоэффективности», проводимого Департаментом по энергоэффективности Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь на ежегодной основе» [5]. Таким образом инвесторы и иные заинтересованные лица получают доступ к информации о существующих энергоэффективных продуктах и производителях. Однако для комплексного и целостного подхода необходима систематизация информации об оборудовании, материалах, конструкциях и технологиях, обеспечивающих повышение энергоэффективности отдельных систем зданий и сооружений, или комплексные решения для всего объекта в целом, которые следует сгруппировать по различным критериям, таким как область применения, принцип работы, экономическая оценка и другие.

Для решения данной задачи автором предлагается методика создания и ведения «Каталога мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, как комбинированный программно-аппаратный инструмент, который соответствует высокому уровню энергетического менеджмента и функционирует в рамках комплексной программы управления энергопотреблением» [6].

Каталог мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, может быть принят в качестве инструмента для принятия решений, поддерживающего меры повышения энергетической эффективности жилых зданий. Он должен обес-

печивать возможность оценки потенциального энергосбережения от различных мероприятий, сравнения их между собой, а также пути снижения затрат на строительство или реконструкцию путем простых расчетов и их моделирования. При помощи каталога мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, инвестору или проектировщику будет доступна информация о мероприятиях и опыте их применения в конкретных зданиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Инструментом развития экономического механизма повышения энергоэффективности жилых зданий является Каталог мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, систематизированный по определенным принципам и направлениям: ограждающие конструкции здания, экономия электроэнергии, экономия тепловой энергии, водосбережение, энергоэффективная вентиляция, инженерные системы. Такая систематизация позволяет быстро ориентироваться в поиске современных решений и предназначена не только и не столько для лиц, принимающих решения о выборе мероприятий повышения энергоэффективности жилых зданий на государственном уровне, жилищно-эксплуатационных служб, проектных организаций в строительстве, но и для частных инвесторов, застройщиков, и отдельных жильцов.

Как предусмотрено экономическим механизмом оценки эффективности повышения энергоэффективности жилых зданий [7] каждое отдельное мероприятие, обеспечивающее повышение энергоэффективности жилых зданий, в каталоге должно включать несколько характеристик, отображенных на рисунке 1.

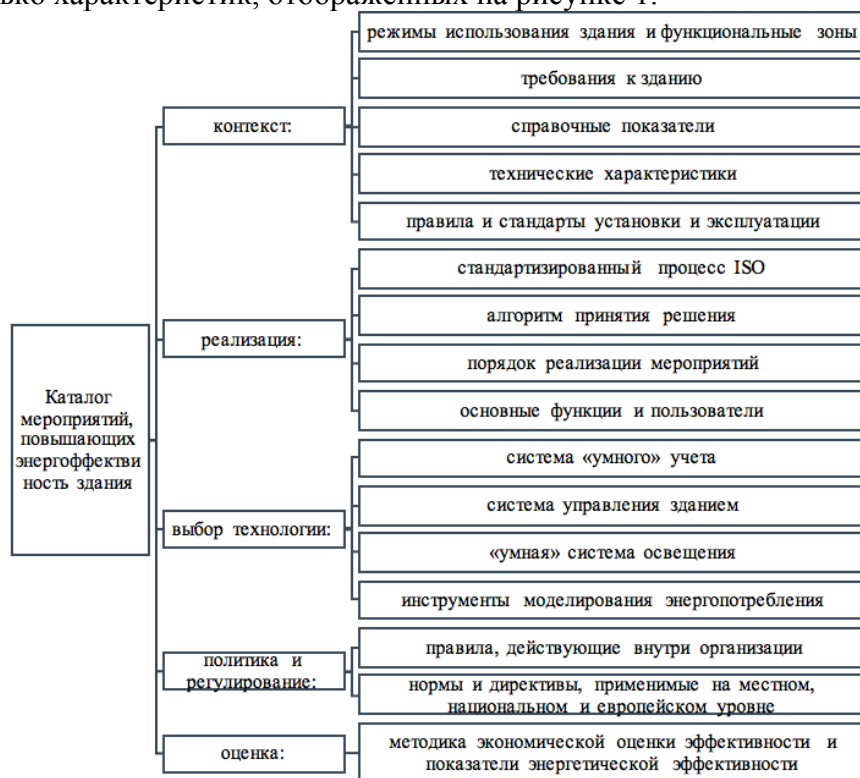

Рисунок 1 – Характеристики, включаемые в каталог мероприятий, повышающих энергоэффективность здания.

Источник: Собственная разработка автора

Информация, включаемая в Каталог мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, должна быть достаточной, но не излишней. Так, необходимо отнести мероприятие к определённой группе, указать поставщика оборудования или материала, страну его происхождения, основные проектные расчетные показатели энергоэффективности данного мероприятия, назвать проекты, в которых оно было реализовано, и выполнить расчет экономического эффекта от внедрения данного мероприятия на основе методики экономической оценки эффективности повышения энергоэффективности жилых зданий. Таким образом, Каталог мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, представляется как информационная система, предназначенная для хранения, поиска и обработки информации.

Каталог сценариев оптимизации позволит заинтересованным сторонам (рисунок 2):

- запустить процесс создания базы данных энергоэффективных мероприятий;
- планировать инвестиции в повышение энергоэффективности жилых зданий;
- ускорить процесс принятия решения по выбору мероприятия/технологии/подхода к повышению энергоэффективности жилых зданий;
- предложить варианты для принятия решений на различных стадиях жизненного цикла: проектирование, строительство, эксплуатация;
- предоставить данные для возможного введения льгот или субсидий на производство/проектирование/строительство/эксплуатацию оборудования, материалов, конструкций и технологий, обеспечивающих повышение энергоэффективности.

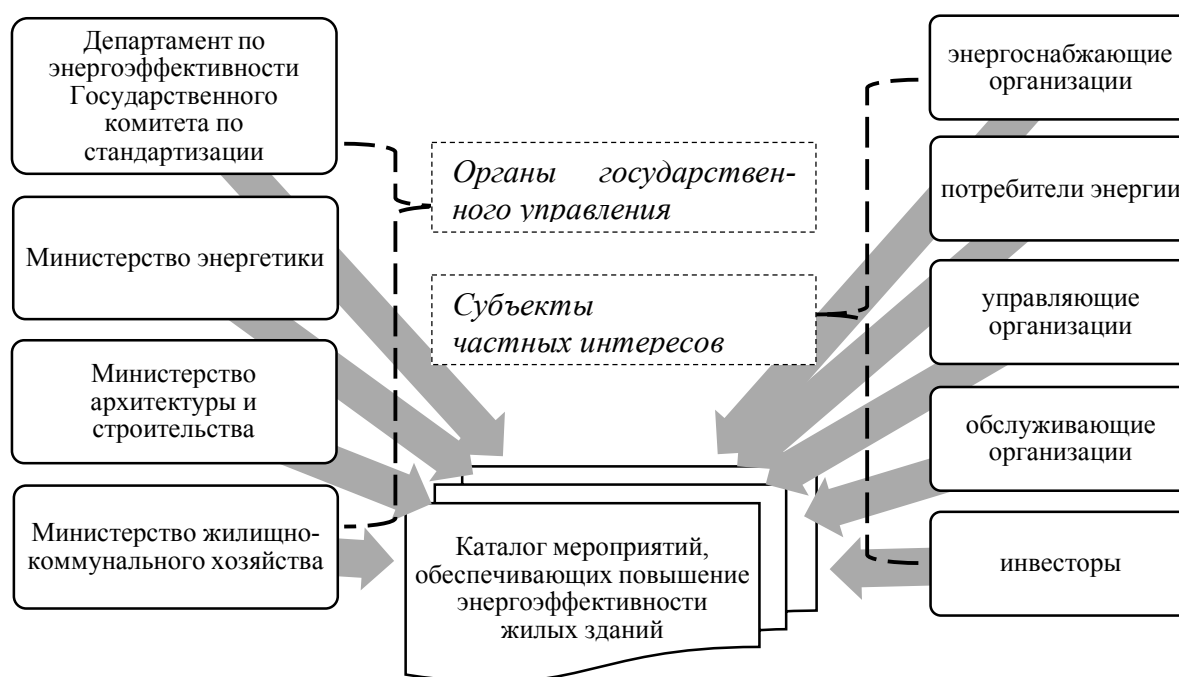

Рисунок 2 – Заинтересованные стороны процесса создания и ведения каталога мероприятий, повышающих энергоэффективность здания.

Источник: Собственная разработка автора

Каталог мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, станет главным инструментом, позволяющим значительно расширить спектр мер, которые смогут принимать ответственные лица (рисунок 2), руководители заинтересованных сторон процесса управления энергопотреблением жилых зданий:

- 1) для органов государственного управления:

- Департамент по энергоэффективности Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь – создание и ведение Каталога энергоэффективных мероприятий, продвижение системы стимулирования или субсидирования производителей/проектировщиков/инвесторов/потребителей энергоэффективных мероприятий;

- Министерство энергетики Республики Беларусь – осведомленность о мероприятиях, повышающих энергоэффективность;

- Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь – доступ к каталогу проектных решений, повышающих энергоэффективность жилых зданий;

- Министерство жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь – доступ к каталогу в части требований к эксплуатации мероприятий повышения энергоэффективности жилых зданий.

2) для субъектов частных интересов:

- энергоснабжающие организации – осведомленность о мероприятиях, повышающих энергоэффективность в рамках энергетического аудита;

- потребители энергии – осведомленность о проектных значениях экономической и энергетической эффективности используемых мероприятий повышения энергоэффективности;

- управляющие организации – представление о технических характеристиках примененного мероприятия повышения энергоэффективности, что позволит отслеживать уровень энергопотребления в зданиях, включая возможность назначать задачи по выполнению мер по энергосбережению до их полного выполнения или завершения;

- обслуживающие организации – доступ к информации в части требований к эксплуатации мероприятий повышения энергоэффективности жилых зданий

- инвесторы – возможность к сравнению, выбору и экономическому обоснованию в инвестиционном проекте необходимости применения мероприятия повышения энергоэффективности.

Таким образом, цель Каталога мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий – предложить заинтересованным сторонам множество возможностей повышения энергоэффективности по широкому спектру характеристик в форме инструмента для принятия решений. Полученные в процессе эксплуатации данные о фактической выработке, экономии и эффективности мероприятий повышения энергоэффективности обязательны к занесению в Каталог с анализом отклонений, что предоставит пользователю дополнительную характеристику для выбора и актуализирует базу данных. Возможно применение Каталога мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий при моделировании объектов в строительстве при применении специализированных программных продуктов.

Внедрение и ведение Каталога мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, отражает комплексный подход к решению проблемы повышения энергоэффективности жилых зданий, находящихся на разных стадиях жизненного цикла. Он представляет собой систему, позволяющую дать единую комплексную оценку экономической мероприятиям повышения энергоэффективности, реализуемым как отдельные мероприятия или как единый проект.

ВЫВОДЫ

Экономия энергии при сохранении комфорта в помещении и оперативные сокращения расходов являются основными задачами, требующими решения путем методики повышения эффективности принятия решений в создании программы управления энер-

гопотреблением, содержащей набор практик, описывающих как технические, так и поведенческие меры. Создание комплексного подхода к оценке различных мероприятий с экономической стороны обеспечит как узконаправленный взгляд на устранение специфичных проблем, так и комплексный подход к введению целостной программы управления энергопотреблением.

В качестве направления развития представляется важным сосредоточить усилия на развитии экономического механизма повышения энергоэффективности в части создания Каталога мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, для жилых зданий, сгруппированных по определенным принципам и направлениям, целям и сценариям оптимизации, что позволит стать главным инструментом, позволяющим значительно расширить спектр мер, которые смогут принимать государственные органы, инвесторы, потребители, повышая эффективность процесса управления энергопотреблением жилых зданий.

Системный подход при обосновании инвестиций в повышение энергоэффективности зданий на основе Каталога мероприятий должен стать стандартным способом реализации экономических мер по снижению энергопотребления, обеспечивающем соблюдение стандартов тендера по выбору технологии к реализации. Таким образом можно сделать вывод, что процесс создания и ведения Каталога мероприятий, обеспечивающих повышение энергоэффективности жилых зданий, являет собой услугу для решения следующих задач: для инвестора – обоснование инвестиций в части выбора мероприятия для повышения энергоэффективности жилого здания; для заказчика – выбор поставщика энергоэффективной технологии; для населения – решение о снижении затрат на эксплуатацию помещений; для обслуживающей организации – каталог руководств по эксплуатации энергоэффективных технологий; для государства – варианты снижения затрат энергоресурсов в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе, тем самым сокращая затраты на импортируемые виды топлива.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кристиане фон Кнорре. Энергоэффективность в жилищном строительстве: Критерии качественной реконструкции и нового строительства / Кристиане фон Кнорре, Роуз Шарновки – Гамбург: 2013. – 32 с.
2. Брундтландский отчет Комиссии ООН по окружающей среде и развитию – Гаага: 1987. – 412 с.
3. Энергоэффективные решения собрали в каталог // Строительный еженедельник – 25.11.2013. – № 45 (586).
4. Brogan, Mike. The VERYSchool Project: Valuable EneRgY for a smart School – Intelligent ISO 50001 Energy Management Decision Making in School Buildings / Mike Brogan, Alfio Galata. – Enerit Limited, Galway, Ireland 2013. – 69 p.
5. Республиканский конкурс на соискание премии в области энергоэффективности «Лидер энергоэффективности Республики Беларусь-2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.energokonkurs.by/>. – Дата доступа: 10.09.2018
6. Голубова, Н. А. Комплексный подход к обеспечению энергоэффективности жилого здания / Н. А. Голубова, А. Д. Гуринович // Ценообразование в строительстве : материалы республиканской научно-практической конференции (Минск, 5-8 декабря 2016 года) / ред. О.С. Голубова и др. – Минск : БНТУ, 2017. – С. 178–182.
7. Григорьева, Н. А. Концепция экономической оценки эффективности повышения энергоэффективности жилых зданий = Estimation of economic efficiency concept

of energy efficiency options for residential buildings / Н. А. Григорьева // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 199–208.

REFERENCES

1. Kristiane fon Knorre. Ehnergoehffektivnost' v zhilishchnom stroitel'stve: Kriterii kachestvennoj rekonstrukcii i novogo stroitel'stva / Kristiane fon Knorre, Rouz SHarnovki – Gamburg: 2013. – 32 s.
2. Brundtlandskij otchet Komissii OON po okruzhayushchej srede i razvitiyu – Gaaga: 1987. – 412 s.
3. Ehnergoehffektivnye resheniya sobrali v katalog // Stroitel'nyj ezhenedel'-nik – 25.11.2013. – № 45 (586).
4. Brogan, Mike. The VERYSchool Project: Valuable EneRgY for a smart School – Intelligent ISO 50001 Energy Management Decision Making in School Buildings / Mike Brogan, Alfio Galata. – Enerit Limited, Galway, Ireland 2013. – 69 p.
5. Respublikanskij konkurs na soiskanie premii v oblasti ehnergoehffektivnosti «Lider ehnergoehffektivnosti Respubliki Belarus'-2018 [EHlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.energokonkurs.by/>. – Data dostupa: 10.09.2018
6. Golubova, N. A. Kompleksnyj podhod k obespecheniyu ehnergoehffektivnosti zhilogo zdaniya / N. A. Golubova, A. D. Gurinovich // Cenoobrazovanie v stroitel'stve : materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Minsk, 5-8 dekabrya 2016 goda) / red. O.S. Golubova i dr. – Minsk : BNTU, 2017. – S. 178–182.
7. Grigor'eva, N. A. Konceptiya ehkonomicheskoy ocenki ehffektivnosti povy-sheniya ehnergoehffektivnosti zhilyh zdaniy = Estimation of economic efficiency concept of energy efficiency options for residential buildings / N. A. Grigor'eva // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU – Minsk, 2017. – Vyp. 6. – S. 199–208.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2018 года.

УДК 331.101.6

ББК 65.24

СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧЕЙ НЕДЕЛИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

А.С. ИГНАТЮК

Aleksandr_i@tut.by

аспирант кафедры «Экономика и организация энергетики»
Белорусский национальный технический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена исследованию взаимосвязей между продолжительностью отработанного времени и производительностью труда. Динамика таких показателей как среднее количество отработанных часов в год на одного работника и ВВП на один отработанный час в наиболее развитых странах позволяет сделать вывод о том, что между данными показателями существует достаточно тесная корреляционная зависимость.

Ключевые слова: производительность труда, мотивация, эффективность, трудовой потенциал, трудовые ресурсы, рабочее время.

REDUCTION OF WORKING WEEK AS A FACTOR OF THE EFFICIENCY OF
USING LABOR RESOURCES

A.S. IHNATSIUK

Postgraduate Student of the Department «Economics and Organization of Energy»
Belarusian National Technical University, Minsk

The article is devoted to the investigation of the interrelations between the duration of worked time and the productivity of labor. The dynamics of such indicators as the average number of hours worked per year per employee and GDP per hour worked in the most developed countries allows us to conclude that there is a rather close correlation between these indicators.

Keywords: labor productivity, motivation, efficiency, labor potential, labor resources, work time.

Работать нужно не 12 часов, а головой.

Стив Джобс

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в условиях глобализации мировой экономики, усиливающейся конкуренции на рынках, стремительного обмена информацией практически не осталось предприятий с уникальной технологией производства, единственным в своем роде технологическим оборудованием, неподвластным копированию продуктом. Опыт компаний из Китая и не только показывает, что практически любая высокотехнологичная новинка, на разработку которой потрачены значительные финансовые и временные ресурсы, может быть «клонирована» и поставлена на рынок с минимальными отличиями от оригинала. Насыщение рынка большим количеством товаров, усиление конкуренции,

требует от производителей поставлять на рынок продукт, максимально полно отвечающий требованиям потребителя. Все это приводит к тому, что многие товары сегодня производятся под различными торговыми марками, но в производстве используются одни и те же комплектующие от ведущих мировых производителей. К примеру, многие производители велосипедов используют комплектующие фирмы Shimano, производители автомобильной техники применяют тормозные механизмы и электронику фирмы Wabco, производители персональных компьютеров используют процессоры фирмы Intel. Все это приводит к тому, что функционально товары, представленные на рынке, становятся все более однотипными. Конкурентные преимущества, позволяющие добиваться успеха на рынке, смещаются из области функциональности, конструкции товара в область дизайна, популярности бренда, рекламы и эмоционального восприятия. Стоимость товара, в свою очередь, также в меньшей степени сохраняет зависимость от затрат на изготовление продукции и в большей степени обретает зависимость от конъюнктуры цен на продукцию конкурентов и, маркетинговой стратегии компании по позиционированию товара на рынке.

Исходя из вышеизложенного, становится ясно, что основным фактором, влияющим в настоящее время на конкурентоспособность компании на международных, трансграничных рынках является ее кадровый потенциал. Эффективность использования потенциала персонала компании в определяющей степени влияет не только на конкурентоспособность продукции, но и на финансово-экономическое состояние предприятия, уровень применяемых технологий, качество производимого продукта.

Как известно на производительность труда влияет совокупность факторов. В современных условиях высококвалифицированному работнику (вне зависимости будет это рабочий, специалист либо топ-менеджер) не достаточно удовлетворения материальных потребностей в виде заработной платы и стандартного социального пакета. Для обеспечения качественного роста производительности труда, привлечения высококвалифицированных работников, развития кадрового потенциала необходимо разностороннее применение экономических, социальных, гуманитарных и других подходов в управлении персоналом.

Проблема выработки механизмов управления эффективностью труда была и остается актуальной для исследований как ученых, занимающихся теорией управления персоналом, так и в области практического управления предприятиями. Данная тема является объектом исследований ряда белорусских ученых: Е. В. Ванкевич, Т. Н. Долининой, Т. В. Кузьмицкой, А. П. Моровой, С. Ю. Солодовникова. Среди зарубежных авторов, в работах которых рассматривается возможность влиять на производительность труда через совокупность факторов, необходимо отметить Б. Баггали, Д. Т. Джонса, Я. Мондена, Х. Такеда.

Вместе с тем, ряд факторов повышения производительности труда требует дальнейшего углубленного исследования. Особенно это касается развития подходов к управлению производительностью труда на современной стадии технического и социально-экономического развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Одной из существующих проблем, препятствующих достижению высоких показателей эффективности использования персонала, является, так называемое, «выгорание персонала», когда в силу различных причин работники трудятся сверхурочно, работают без выходных. Иногда необходимость выполнить в срок поставленную задачу требует мобилизации сил и может даже краткосрочно повысить интенсивность и производитель-

ность труда, однако в долгосрочной перспективе будет наблюдаться снижение эффективности труда работника, который постоянно перерабатывает. По данным исследования Стэнфордского университета эффективность труда снижается, если рабочая неделя превышает 50 часов. Если же рабочая неделя длится более 55 часов, то каждый дополнительный час и вовсе не приносит полезного эффекта. Более того, согласно результатам исследования, проведенного University College London, которое охватило более 600 тыс. человек [1], при длительности рабочей недели 55 часов и более риск получить сердечный приступ возрастает на 33 %.

Проанализируем информацию о среднем отработанном времени в год на одного работающего в различных странах (таблица 1). Информация основана на данных Международной Организацией Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСД) и учитывает фактически отработанное время, включая официальные подработки и переработки.

Таблица 1 – Среднее количество отработанных часов в год на одного работающего

Год	1970	1980	1990	2000	2010	2015	2016	2017
Страна								
Германия	1 959,8	1 745,1	1 572,3	1 452,0	1 389,9	1 368,1	1 358,6	1 356,3
Дания	1 845,4	1 577,6	1 440,5	1 466,0	1 422,2	1 407,5	1 413,7	1 408,2
Норвегия	1 835,5	1 579,8	1 502,7	1 456,5	1 426,5	1 422,6	1 429,1	1 418,5
Нидерланды	1 809,1	1 555,7	1 453,5	1 464,1	1 419,6	1 425,8	1 437,9	1 434,6
Исландия	1 972,7	1 703,9	1 681,1	1 712,1	1 514,7	1 503,6	1 491,7	1 475,5
Люксембург	1 857,9	1 693,3	1 635,4	1 602,2	1 516,5	1 521,0	1 519,5	1 518,4
Франция	1 992,5	1 806,1	1 644,9	1 558,3	1 539,8	1 519,5	1 525,9	1 522,5
Бельгия	1 883,7	1 707,1	1 663,4	1 594,9	1 545,8	1 544,6	1 545,8	..
Еврозона (19 стран)	1 651,4	1 601,2	1 569,8	1 570,3	..
Швейцария	1 958,2	1 789,9	1 686,2	1 682,8	1 624,3	1 589,5	1 589,7	1 608,2
Австрия	1 798,4	1 665,8	1 598,9	1 609,4	1 612,9
Швеция	1 729,9	1 530,9	1 575,4	1 642,1	1 635,0	1 610,1	1 626,5	1 609,3
Финляндия	1 982,1	1 849,2	1 769,1	1 742,1	1 667,8	1 637,2	1 634,5	1 630,8
Европейский союз (28 стран)	1 699,2	1 655,3	1 632,5	1 636,1	..
G7	1 993,3	1 852,8	1 795,2	1 744,1	1 660,6	1 668,7	1 665,8	..
Словения	1 710,1	1 680,1	1 687,9	1 666,9	1 655,1
Великобритания	1 926,5	1 757,4	1 755,4	1 699,1	1 630,1	1 657,5	1 672,7	1 671,3
Испания	2 046,5	1 918,4	1 746,8	1 752,8	1 710,4	1 699,5	1 701,4	1 686,5
Канада	1 924,8	1 827,2	1 797,1	1 778,6	1 703,0	1 710,5	1 706,1	1 695,1
Япония	2 243,0	2 121,0	2 031,0	1 821,0	1 733,0	1 719,0	1 714,0	1 710,0
Италия	2 042,2	1 856,0	1 863,8	1 850,8	1 777,3	1 718,0	1 724,4	1 722,6
Ирландия	2 334,7	2 123,0	2 081,1	1 932,7	1 696,3	1 735,0	1 732,7	1 735,9
Австралия	1 865,1	1 828,2	1 853,2	1 831,0	1 755,1	1 732,6	1 739,8	1 725,4
Словакия	1 815,6	1 805,1	1 754,1	1 740,0	1 713,8
США	1 857,2	1 769,8	1 764,2	1 813,4	1 709,2	1 748,6	1 741,5	..
ОЭСД	1 831,7	1 753,3	1 751,7	1 750,8	..
Новая Зеландия	1 900,7	1 864,5	1 809,0	1 836,0	1 755,0	1 757,0	1 752,0	1 753,0
Венгрия	..	2 417,6	2 143,3	2 032,8	1 777,0	1 748,9	1 759,4	1 740,4

Окончание таблицы 1

Чехия	1 895,6	1 799,5	1 756,2	1 778,5	1 784,4
Турция	2 086,0	1 957,0	1 866,0	1 937,0	1 877,0	1 832,0	1 832,0	..
Эстония	1 977,9	1 874,7	1 851,6	1 855,2	1 856,7
Португалия	2 077,9	2 034,5	1 959,4	1 916,8	1 889,8	1 874,9	1 864,6	1 863,2
Литва	1 846,2	1 884,3	1 859,5	1 885,0	1 844,0
Латвия	1 975,8	1 935,1	1 901,7	1 902,5	1 874,6
Израиль	1 904,3	2 034,7	1 956,3	1 895,5	1 920,6	..
Чили	2 422,4	2 263,0	2 070,0	1 988,0	1 974,0	1 954,0
Российская Федерация	1 982,0	1 976,0	1 978,0	1 974,0	1 980,0
Греция	2 083,7	2 107,6	2 019,6	2 031,1	2 030,1	2 017,9
Польша	2 081,7	2 048,8	2 049,0	2 050,4	2 028,5
Корея	2 543,2	2 843,3	2 657,6	2 493,8	2 140,1	2 078,3	2 065,3	2 018,5
Мексика	2 174,0	2 150,0	2 139,8	2 145,8	..

Источник: составлено автором на основании данных [2]

Как можно видеть из таблицы 1, за последние 47 лет время, проводимое на работе, существенно сократилось во всех представленных в таблице странах. Также необходимо отметить, что страны с наименьшим количеством отработанных часов это, в первую очередь, страны Западной Европы, которые занимают лидирующие позиции по уровню жизни, заработным платам и ВВП на душу населения. Ниже, в таблицах 2, 3 и 4 представлены данные о ВВП на душу населения по паритету покупательской способности, ВВП на один отработанный час, а также средней заработной плате в рассматриваемых странах. Для удобства сравнения порядок стран соответствует таблице 1 (в порядке возрастания количества отработанных часов в год на одного работающего).

Таблица 2 – ВВП на душу населения по паритету покупательской способности, долл. США

Год	1970	1980	1990	2000	2010	2015	2016	2017
Страна								
Германия	4 048	10 408	19 450	27 547	39 955	47 811	48 943	50 649
Дания	4 254	9 884	18 228	28 666	43 047	48 688	49 021	51 496
Норвегия	3 368	9 870	18 444	36 950	58 025	61 713	58 792	61 475
Нидерланды	4 368	10 654	18 916	31 599	44 552	49 554	50 551	52 521
Исландия	3 804	12 256	21 641	29 454	38 540	47 502	50 752	52 825
Люксембург	5 447	12 749	29 676	55 255	85 598	102 554	102 019	104 175
Франция	3 706	9 705	17 644	26 094	35 944	40 565	41 358	42 858
Бельгия	3 902	10 335	18 768	27 985	40 089	45 561	46 567	47 942
Еврозона (19 стран)	25 393	35 972	40 922	42 137	43 698
Швейцария	7 160	15 492	27 281	35 429	52 911	63 648	63 889	64 835
Австрия	3 834	10 527	19 452	29 375	42 059	49 959	50 503	52 468
Швеция	4 840	11 078	20 108	29 276	41 628	47 891	48 853	50 179
Финляндия	3 397	9 240	18 159	26 749	38 775	42 064	43 378	44 891
Европейский союз (28 стран)	22 617	33 308	38 459	39 620	41 119
G7	4 242	10 651	20 722	30 804	41 476	48 056	49 258	50 815
Словения	12 314	18 043	27 763	31 472	32 730	34 886
Великобритания	3 614	8 574	16 937	26 249	35 880	41 592	42 622	43 250

Окончание таблицы 2

Испания	2 765	6 944	13 470	21 538	31 964	34 844	36 332	38 017
Канада	4 555	11 672	20 180	29 265	40 027	44 647	44 819	46 705
Япония	3 262	8 730	19 425	26 841	35 008	40 727	42 293	43 299
Италия	3 625	9 778	18 557	27 023	34 719	36 640	38 380	39 433
Ирландия	2 465	6 613	13 777	30 181	43 302	68 667	71 484	75 827
Австралия	4 650	10 461	17 568	27 888	42 166	46 644	48 022	50 588
Словакия	11 330	24 809	29 530	30 460	31 625
США	5 246	12 570	23 901	36 419	48 303	56 420	57 591	59 535
OECD	25 226	35 250	41 087	42 141	43 617
Новая Зеландия	3 932	8 453	14 684	21 469	31 178	37 641	39 241	40 886
Венгрия	11 876	21 556	26 148	26 701	28 099
Чехия	12 631	16 161	27 582	33 479	34 753	36 333
Турция	1 781	4 106	8 277	9 431	17 281	25 112	25 655	27 078
Эстония	9 391	21 573	28 735	29 741	31 739
Португалия	2 081	5 750	11 755	18 884	27 335	29 532	30 658	31 652
Литва	8 456	20 110	28 784	29 862	32 154
Латвия	8 018	17 578	24 513	25 589	27 632
Израиль	..	8 324	15 128	24 877	28 839	35 902	37 270	38 277
Чили	4 720	9 488	18 159	22 430	23 004	24 013
Российская Федерация	7 344	22 078	24 692	24 789	..
Греция	3 103	8 638	13 208	19 516	28 176	26 697	26 765	27 700
Польша	6 192	10 652	20 809	26 271	27 055	28 686
Корея	605	2 404	8 276	18 083	30 377	35 204	36 630	38 350
Мексика	1 714	4 644	6 757	10 887	15 257	17 935	18 535	19 093

Источник: составлено автором на основании данных [2]

Проанализировав данные таблицы 2, можно убедиться, что за рассматриваемый период наблюдается безусловный рост уровня ВВП на душу населения. Кроме того, страны, расположенные в верхней части таблицы, занимают ведущие позиции как по показателям, рассматриваемым в таблице 1, так и в таблице 2.

Таблица 3 – ВВП на один отработанный час, долл. США

Год	1970	1980	1990	2000	2010	2015	2016	2017
Страна								
Германия	4,87	13,73	26,02	38,71	56,26	66,28	67,98	69,74
Дания	4,72	12,77	24,69	37,89	60,22	69,43	69,10	72,20
Норвегия	4,34	13,10	25,28	49,11	76,75	81,68	77,93	81,88
Нидерланды	5,63	16,02	28,60	41,89	59,38	66,81	67,22	68,92
Исландия	4,39	14,17	23,94	30,93	49,85	57,93	60,47	62,25
Люксембург	7,08	17,31	36,77	57,07	79,67	94,53	93,72	94,69
Франция	4,53	13,09	26,44	39,83	56,53	64,90	65,69	67,75
Бельгия	5,36	15,83	29,29	43,78	63,16	72,06	73,05	..
Еврозона (19 стран)	34,87	50,07	58,41	59,51	..
Швейцария	7,05	16,82	27,73	37,95	57,12	67,76	67,78	68,04
Австрия	34,85	51,51	62,92	63,24	64,85
Швеция	5,69	14,05	23,75	36,78	53,09	60,63	61,02	62,78
Финляндия	3,47	10,14	20,63	34,58	50,20	56,23	57,98	59,57

Европейский союз (28 стран)	30,17	44,92	52,37	53,34	..
G7	4,95	12,85	24,24	36,71	53,39	60,36	61,46	..
Словения	22,95	35,19	40,86	42,24	44,14
Великобритания	4,24	11,00	20,54	33,10	47,26	52,23	52,73	53,32
Испания	3,52	10,88	21,55	29,86	44,31	51,37	52,24	53,87
Канада	6,02	14,03	23,19	33,51	46,20	51,16	51,56	53,70
Япония	2,76	8,17	18,30	28,49	39,49	45,48	46,86	..
Италия	4,78	13,87	24,90	36,11	47,19	52,87	54,36	55,20
Ирландия	2,86	8,85	19,33	35,03	62,10	92,83	94,32	98,17
Австралия	5,78	13,34	21,27	32,60	47,94	54,20	55,34	58,09
Словакия	16,64	34,39	40,27	40,96	42,30
США	6,99	15,82	27,78	40,75	61,93	68,63	69,63	..
ОЕСД	30,61	44,81	51,03	51,91	..
Новая Зеландия	4,50	9,41	18,45	25,68	35,91	42,06	42,93	43,55
Венгрия	14,08	30,56	34,10	33,62	34,97
Чехия	18,02	31,88	38,79	39,22	40,33
Турция	2,58	6,64	14,89	16,43	30,71	39,85	40,26	..
Эстония	11,37	27,99	32,72	33,77	35,06
Португалия	2,68	7,16	13,39	20,11	31,40	35,66	36,51	36,44
Литва	11,46	26,51	33,69	33,38	36,34
Латвия	10,40	22,59	28,67	29,73	32,05
Израиль	21,16	28,48	33,00	40,33	41,18	..
Чили	5,91	12,11	21,03	25,36	26,25	27,50
Российская Федерация	8,35	22,87	25,27	25,44	..
Греция	16,17	23,20	32,97	35,00	34,80	35,29
Польша	13,48	25,45	30,87	31,57	33,37
Корея	0,80	2,36	7,38	16,10	29,27	33,01	34,42	36,58
Мексика	13,44	17,58	20,04	20,47	..

Источник: составлено автором на основании данных [2]

Таблица 4 – Среднегодовая заработная плата, долл. США по ППС

Год	1990	2000	2010	2015	2016	2017
Страна						
Германия	..	41 873	42 970	46 409	47 097	47 585
Дания	37 895	41 713	49 424	51 126	51 826	51 466
Норвегия	30 303	36 378	47 310	51 663	50 825	51 212
Нидерланды	46 464	47 596	53 023	53 171	53 295	52 877
Исландия	34 825	45 708	44 558	51 759	56 094	61 787
Люксембург	44 558	53 337	59 860	61 975	62 091	63 062
Франция	32 666	36 341	41 548	42 731	43 221	43 755
Бельгия	41 141	47 950	48 941	50 259	50 041	49 675
Еврозона (19 стран)
Швейцария	49 394	54 405	60 400	62 495	62 370	62 283

Окончание таблицы 4

Австрия	40 181	45 188	49 316	49 695	50 330	50 349
Швеция	28 150	32 984	38 601	41 467	42 154	42 393
Финляндия	32 373	36 308	42 725	42 885	43 139	42 964
Европейский союз (28 стран)
G7
Словения	..	26 448	34 189	33 699	34 732	34 933
Великобритания	30 750	38 110	44 521	43 152	43 713	43 732
Испания	34 388	36 327	40 018	39 339	39 196	38 507
Канада	34 322	38 467	44 336	47 673	47 370	47 622
Япония	39 222	40 986	40 667	40 004	40 681	40 863
Италия	35 716	36 134	37 987	36 770	37 033	36 658
Ирландия	27 191	37 986	51 860	46 561	46 932	47 653
Австралия	36 683	42 702	48 112	49 563	49 603	49 126
Словакия	..	15 861	22 055	23 026	23 801	24 328
США	44 721	52 801	58 054	60 692	60 686	60 558
ОЕСД
Новая Зеландия	28 798	30 590	37 319	38 473	39 674	40 043
Венгрия	..	15 874	21 323	19 929	20 825	22 576
Чехия	..	15 805	22 388	23 381	24 331	25 372
Турция
Эстония	..	12 248	20 561	22 840	23 935	24 336
Португалия	..	26 383	26 927	25 164	25 362	25 367
Литва	..	9 544	17 530	21 417	22 562	24 287
Латвия	..	10 642	17 601	21 587	22 726	23 683
Израиль	..	33 487	31 017	33 019	34 072	35 067
Чили	..	19 588	24 078	25 748	26 219	25 879
Российская Федерация
Греция	..	27 133	31 194	26 336	26 330	26 064
Польша	..	20 148	23 608	24 680	25 879	27 046
Корея	20 586	27 039	32 501	33 424	34 555	35 191
Мексика	13 498	15 056	15 321	15 481	15 407	15 314

Источник: составлено автором на основании данных [2]

Рассмотрев данные, приведенные в таблицах 1 – 4, можно сделать вывод, что страны, поставленные в начало списка в соответствии с таблицей 1 (наименьшее количество отработанных часов в год на одного работающего), занимают лидирующие позиции и по другим рассматриваемым показателям: наиболее высокий уровень ВВП на душу населения, наибольшее значение ВВП за один отработанный час, а также наиболее высокий уровень среднегодовой заработной платы. Иными словами, можно утверждать, что эффективность использования трудовых ресурсов в данных странах максимальная.

Таким образом, можно сделать вывод, что сокращение времени нахождения на работе не только не препятствует успешному экономическому развитию, но, более того, способствует повышению производительности труда и эффективности экономики в целом. Проанализируем среднее количество отработанных часов в неделю по рассматриваемым странам (таблица 5).

Таблица 5 – Среднее количество часов, отработанных в неделю

Год	1980	1990	2000	2010	2015	2016	2017
Страна							
Германия	..	36,81	35,72	34,62	34,38	34,45	34,35
Дания	..	34,17	35,02	32,66	32,48	32,14	32,38
Норвегия	33,94	33,57	33,89	33,95	..
Нидерланды	..	31,96	30,58	29,31	29,00	29,14	29,21
Исландия	40,69	38,65	39,14	38,85	38,67
Люксембург	..	38,69	37,53	36,78	37,16	37,34	37,23
Франция	..	37,47	36,06	36,45	36,04	36,10	36,10
Бельгия	..	35,78	35,24	35,23	35,13	35,17	35,64
Еврозона (19 стран)
Швейцария	35,22	34,53	34,46	34,40	34,41
Австрия	37,14	36,68	35,72	35,61	35,49
Швеция	35,71	35,84	35,93	35,92
Финляндия	36,53	36,22	36,18	36,31
Европейский союз (28 стран)
G7
Словения	40,50	39,23	39,19	39,15	39,00
Великобритания	..	37,75	37,13	36,07	36,57	36,51	36,50
Испания	..	39,71	38,82	37,39	36,49	36,45	36,44
Канада
Япония
Италия	37,36	36,28	35,50	35,47	35,59
Ирландия	..	38,59	36,27	33,96	34,59	34,71	34,93
Австралия	36,07	35,91	35,71	35,74
Словакия	41,85	39,68	39,35	39,16	38,93
США	37,56	37,98	38,91	38,28	38,63	38,57	38,62
ОЭСД
Новая Зеландия	..	37,07	37,27	36,95	37,34	37,44	37,57
Венгрия	40,68	39,56	39,65	39,63	39,68
Чехия	40,02	39,52	39,37	39,26
Турция	50,84	48,69	47,90	47,68
Эстония	39,95	38,67	38,67	38,28	38,43
Португалия	..	41,16	39,31	39,10	39,60	39,44	39,37
Литва	38,50	38,59	38,51	38,54	38,49
Латвия	41,70	38,94	39,16	38,94	39,03
Израиль	41,29	40,52	40,49	40,58	40,67
Чили	47,09	43,90	43,70	43,45	43,08
Российская Федерация
Греция	..	39,53	40,18	39,29	38,83	38,95	38,77
Польша	39,69	39,91	39,91	39,78
Корея
Мексика	45,36	44,94	45,14	45,15	45,16

Примечание – составлено автором на основании данных [2]

Как можно убедиться в наиболее передовых странах по уровню экономического развития и эффективности использования трудового потенциала продолжительность трудовой недели значительно ниже привычных нам 40 часов. В среднем в первой десятке стран продолжительность трудовой недели составила 34,8 часа. Особо отметить необходимо Нидерланды, где рабочая неделя с 2010 года не превышает 30 часов.

Оценим корреляционную зависимость между производительностью труда, выраженной количественно в размере ВВП на один отработанный час, и количеством отработанных часов в год на одного работника. Для этого построим график для первых десяти стран, рассмотренных выше (рисунки 1 и 2). Необходимо отметить, что для построения графиков использованы ежегодные данные с 1970 по 2017 годы (в таблицах, представленных выше информация с 1970 по 2010 год представлена с шагом 10 лет).

Как можно увидеть на рисунках 1 и 2, между рассматриваемыми факторами явно прослеживается корреляционная взаимосвязь. Функциональная зависимость производительности ВВП в час от количества отработанных одним работником часов в год по некоторым странам практически идеально моделируется обратной степенной функцией. Очевидно, что продолжительность труда в год является не единственным и не ключевым фактором, влияющим на производительность труда, однако их взаимозависимость подтверждается и не вызывает сомнений.

Таким образом, грамотное влияние на продолжительность труда может стать одним из способов управления производительностью и эффективностью трудовых ресурсов.

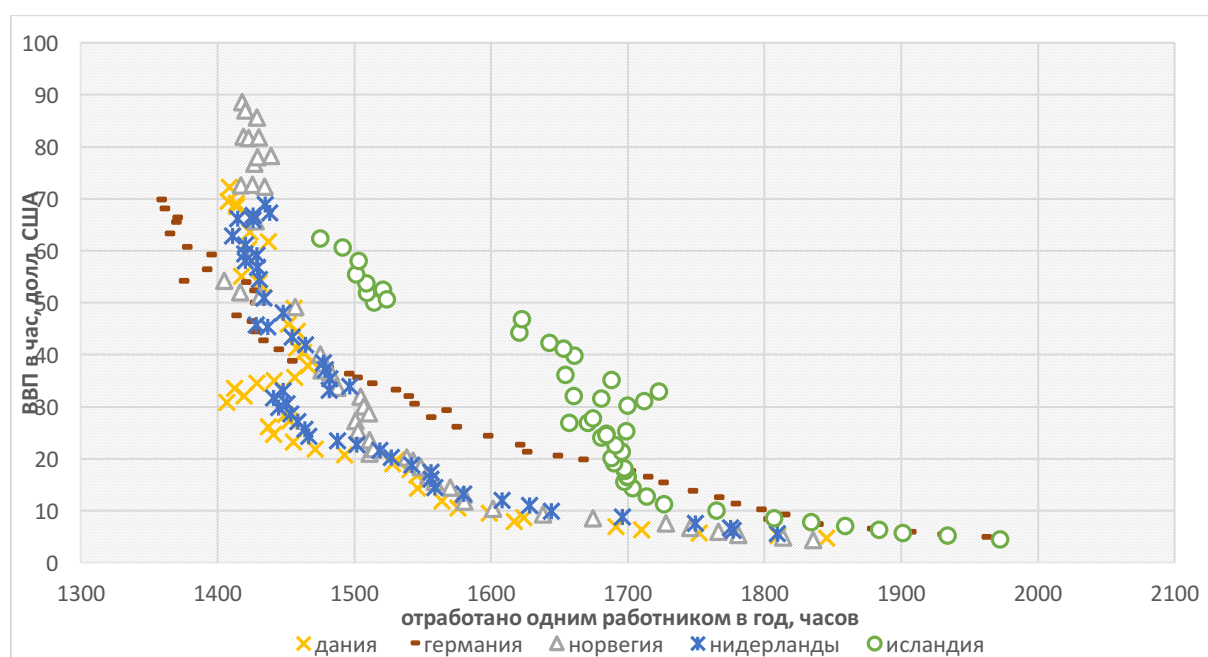

Рисунок 1 – Зависимость производительности от количества отработанных часов в Дании, Германии, Норвегии, Нидерландах и Исландии.

Примечание – составлено автором на основании данных [2]

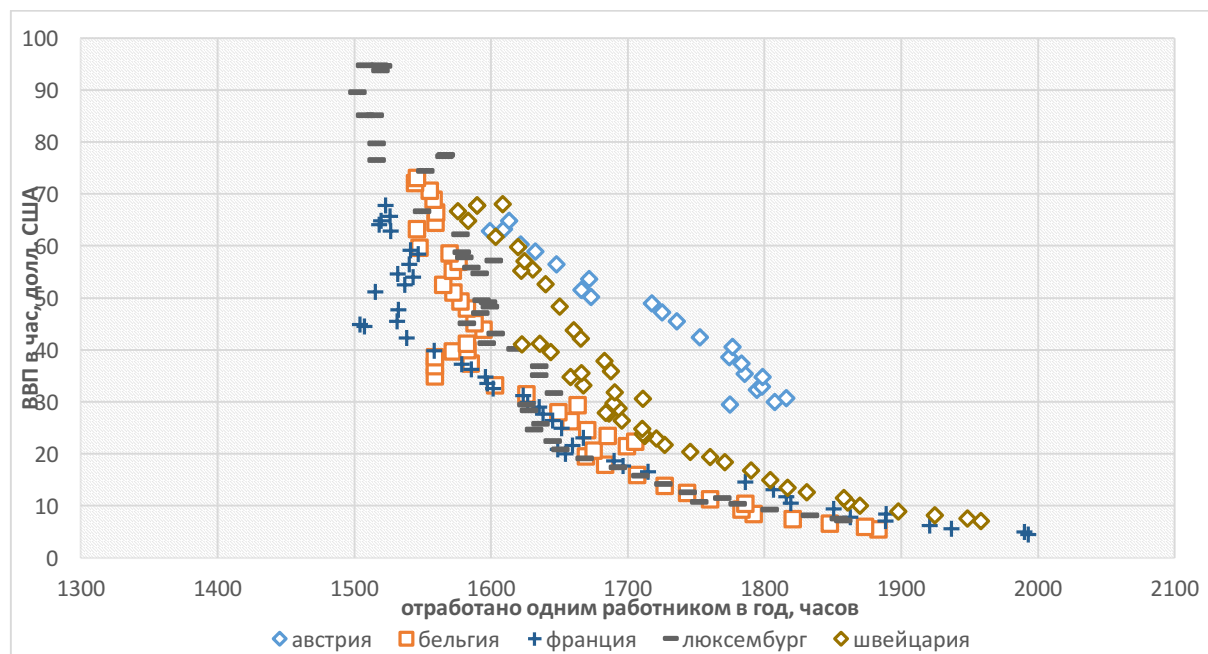

Рисунок 2 – зависимость производительности от количества отработанных часов в Австрии, Бельгии, Франции, Люксембурге и Швейцарии.

Примечание – составлено автором на основании данных [2]

ВЫВОДЫ

Таким образом, отображенные выше тенденции показывают, что для дальнейшего качественного повышения эффективности использования трудовых ресурсов в Республике Беларусь и других развивающихся странах имеются предпосылки для сокращения продолжительности рабочей недели. Данный шаг может быть реализован несколькими способами:

1. Переход на четырехдневную рабочую неделю;
2. Предоставление работникам дополнительного «плавающего» выходного дня;
3. Сокращение продолжительности рабочего дня;
4. Увеличение продолжительности трудового отпуска, предоставление отпуска частями несколько раз в год;
5. Более требовательный подход к работе сверхурочно и в выходные дни, то есть работа сверхурочно не должна приветствоваться;
6. Переход, по профессиям, где это возможно, на гибкий график работы;
7. Переход, по профессиям, где это возможно, к оценке и оплате труда за достигнутый результат (выполненную задачу), а не за фактически отработанное время.

Согласно исследованиям, проведенным порталом Superjob.ru [3], 29 % опрошенных уже сегодня считают, что могли бы справиться с объемом работ, рассчитанным на 8-ми часовой рабочий день, за 6 часов; 13% считают, что справились бы за 5 часов; 7 % опрошенных потребуется 7 часов. Каждый десятый сотрудник готов выполнять свои обязанности за 4 часа в день, и такому же количеству опрошенных необходимо сохранить имеющиеся 8 рабочих часов в день.

Более гибкий подход к планированию рабочего времени с сокращением продолжительности рабочей недели повлечет ряд преимуществ, которые несомненно скажутся на общей эффективности труда и социально-экономической ситуации государства в целом. Можно выделить следующие преимущества:

1. Улучшится здоровье работников. Частая работа сверхурочно является одной из причин депрессий и стрессов, которые негативно отражаются на здоровье работников. Также переработки и чрезмерная напряженность работы часто являются причинами обострения сердечно-сосудистых, желудочно-кишечных заболеваний, нарушений опорно-двигательного аппарата, психических расстройств и так далее.

2. Сокращение рабочего дня или недели позволит эффективнее бороться с безработицей.

3. Повысится мотивация работников, снизится риск ошибок, производственного брака по вине работников. Сократятся потери рабочего времени, работники будут более сконцентрированы на оперативном и качественном выполнении важных задач.

4. Снизится риск несчастных случаев. Сократится текучесть кадров и число прогулов.

5. Сокращение рабочего времени благоприятно скажется на экологической ситуации, сокращение рабочей недели поможет снизить транспортную нагрузку. Сократится потребление топлива и энергии.

6. Дополнительный толчок получит индустрия развлечений и культуры.

7. Улучшится качество жизни населения. Люди смогут больше времени проводить с семьей, заняться своими увлечениями, хобби. Появится дополнительное время на культурное развитие, занятие спортом.

Таким образом, совокупность рассмотренных социально-экономических показателей наиболее развитых стран совместно с описанными выше преимуществами от сокращения продолжительности рабочей недели объективно показывают, что сокращение продолжительности рабочей недели может стать одним из факторов качественного повышения эффективности использования трудовых ресурсов в развивающихся странах и Республике Беларусь, в частности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Working Long Hours Is Linked to a Significantly Higher Risk of Stroke [Электронный ресурс] // Science alert. – Режим доступа: <https://www.sciencealert.com/working-long-hours-is-linked-to-a-significantly-higher-risk-of-stroke>. – Дата доступа: 10.08.2018.

2. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) [Электронный ресурс] // OECD Statistics. – Режим доступа: <https://stats.oecd.org/>. – Дата доступа: 09.09.2018.

3. 61 % россиян, работающих 8 часов в день, уверены, что успеют выполнить свои обязанности быстрее [Электронный ресурс] // SuperJob. – Режим доступа: <https://www.superjob.ru/research/articles/112041/61/>. – Дата доступа: 19.07.2018.

REFERENCES

1. Working Long Hours Is Linked to a Significantly Higher Risk of Stroke [Elektronnyj resurs] // Science alert. – Rezhim dostupa: <https://www.sciencealert.com/working-long-hours-is-linked-to-a-significantly-higher-risk-of-stroke>. – Data dostupa: 10.08.2018.

2. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) [Elektronnyj resurs] // OECD Statistics. – Rezhim dostupa: <https://stats.oecd.org/>. – Data dostupa: 09.09.2018.

3. 61 % rossiyan, rabotayushchih 8 chasov v den', uvereny, chto uspeyut vpolnit' svoi obyazannosti bystree [Elektronnyj resurs] // SuperJob. – Rezhim dostupa: <https://www.superjob.ru/research/articles/112041/61/>. – Data dostupa: 19.07.2018.

Статья поступила в редакцию 20 сентября 2018 года.

УДК 796:338

ББК 75.48 + 65.9 (2) -96

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ СПОРТИВНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

В.В. КАРНЕЙЧИК

Veronika-KV@tut.by

ст. преподаватель кафедры «Экономика строительства»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Объекты спортивной инфраструктуры являются социально значимыми, поэтому необходимо оценивать эффективность их функционирования как с экономической точки зрения, так и социальной. Для этого изучены и систематизированы подходы к понятию социальной эффективности, сформулировано понятие социальной эффективности функционирования объектов спортивной инфраструктуры, обозначены уровни определения социальной эффективности, с целью формирования групп показателей для ее оценки.

Ключевые слова: эффективность, социальная эффективность, объекты спортивной инфраструктуры, показатели эффективности, социальные результаты, результативность, затраты, экономическая эффективность, оценка эффективности, удовлетворение потребностей.

FEATURES OF DEFINITION SOCIAL EFFICIENCY OF FUNCTIONING OF OBJECTS
OF SPORTS INFRASTRUCTURE

V. V. KARNEICHYK

Senior Lecturer of the Department of Construction Economics
Belarus National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The objects of sports infrastructure are socially significant, therefore it is necessary to evaluate the effectiveness of their functioning not only from the economic point of view, but also from the social one. For this purpose, the approaches to the concept of social efficiency were studied and systematized, the notion of social effectiveness of the functioning of sports infrastructure objects was formulated, the levels of determining social efficiency were defined, with the goal of forming groups of indicators for its evaluation.

Keywords: efficiency, social efficiency, sports infrastructure objects, performance indicators, social results, efficiency, costs, economic efficiency, efficiency evaluation, satisfaction of needs.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «эффективность» имеет два основных значения: в одном случае под данным понятием подразумевают соотношение результата и затрат, в другом – наилучший вариант использования ресурсов. В широком смысле слова эффективность можно характеризовать как комплексную оценку потенциальных и реальных результатов с учетом степени соответствия этих результатов главным целям, использованным ресурсам, а также другим видам количественных и качественных показателей.

Ученые выделяют экономическую и социальную составляющую эффективности: экономическую, как эффективность стоимостную, социальную – в чьих интересах используются результаты производства [21, с. 26].

С развитием общества в понятие «эффективность» все больше включается социальная составляющая, это связано с тем, что «чем более развито общество, тем выше в нем интересы человека, а не прибыль за счет его эксплуатации» т. е. при планировании производственно-хозяйственной деятельности необходимо, в первую очередь, рассчитать социальные результаты [1, с. 8]. Это говорит о том, что уже сама по себе экономическая эффективность обязательно содержит в себе социальный компонент, а экономический результат всегда социально значим. В связи с этим, в мировой практике все чаще применяется концепция социально-экономической эффективности, основанная на признании единства и равенства ее составляющих [21, с. 7].

Возросшее значение проблемы повышения социально-экономической эффективности физкультурно-спортивной сферы объясняется следующими обстоятельствами: во-первых, возросшей ролью этой отрасли в белорусском обществе, во-вторых, возникающей необходимостью в удовлетворении расширяющихся и качественно изменяющихся потребностей населения; в третьих, увеличением влияния этой отрасли на экономику в целом.

Сегодня спортивные объекты должны повышать результаты своей деятельности и одновременно уменьшать все виды затрат. Сущность проблемы повышения эффективности сферы физической культуры и спорта, в частности, функционирования объектов спортивной инфраструктуры, состоит в том, чтобы при относительно меньших затратах бюджетных средств и рациональном использовании ресурсов обеспечить наиболее полное удовлетворение социальных и культурных потребностей населения при сохранении высокого качества оказываемых услуг.

Разграничить понятие социально-экономической эффективности в сфере физической культуры и спорта на социальную и экономическую составляющую достаточно сложно, т. к. в реальной жизни тот или иной конкретный результат деятельности в этой сфере одновременно несет как социальный, так и экономический эффект. Разделение этих двух аспектов довольно условно и имеет значение, главным образом, для научного анализа.

Расширение коммерческой деятельности в этой области повышает не только экономическую эффективность функционирования спортивных объектов, но и социальную, так как благодаря этому, возможно увеличение объема и разнообразия услуг, повышение их качества, соответствующего требованиям потребителей, что способствует привлечению к занятиям большего количества людей. В тоже время, политику ценообразования необходимо проводить с осторожностью, с учетом платежеспособности населения, т. к. коммерциализация услуг, может вызвать обратный процесс в виде оттока занимающихся. Исходя из этого, социальная эффективность в этой отрасли предполагает, что экономические решения принимаются на основе, прежде всего, социальных целей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Перед тем как рассмотреть понятие социальной эффективности функционирования объектов спортивной инфраструктуры необходимо разобраться, что скрывается под определением социальная эффективность. В настоящее время в литературе отсутствует общепринятый единый подход к понятию «социальная эффективность». Это обусловлено различием целей и задач частных методик ее определения, в которых социальная

эффективность рассматривается с точки зрения различных видов деятельности. Чаще всего, данное понятие имеет разграничение и трактуется в широком и узком смысле.

В широком смысле, рассматривая понятие социальной эффективности, авторы Г. Н. Черкасов, С. С. Абрамов, М. Марков, Г. С. Вечканов и др. сопоставляют социальные результаты с целями, либо представляют ее как отражение результативности общественного процесса в целом. Исследователи К. П. Шишка, М. Л. Леванова, Ф. Шааф и др. делают акцент на степень удовлетворения социальных ожиданий людей, авторы В. Г. Калыгин, Т. С. Костюкова, Е. Е. Румянцева, М. Н. Бродский, А. Б. Берендеева и др. связывают социальную эффективность с затратами материального и нематериального характера.

Кроме того, в публикациях встречаются и такие трактовки социальной эффективности как: благо общества или отдельных групп населения; социально справедливое распределение доходов; результат трудовой деятельности, выраженный в социальных показателях; гармоничное развитие личности; удовлетворение духовных потребностей человека и др.

Анализ существующих точек зрения позволил выделить следующие подходы к категории «социальная эффективность» (таблица 1).

Таблица 1 – Подходы к определению социальной эффективности (разработка автора)

Результативно – деятельностный	Качественный	Результативно-затратный	Психологический
<i>Краткая характеристика подхода</i>			
Достижение социальных результатов рассматривается в качестве результативности, в основном, не связанной с понятием затрат	Степень удовлетворения общества и его членов в определенных потребностях	Отношение социального эффекта к затратам, обеспечившим его достижение. Результативность связана с понятием затрат, как материального, так и нематериального характера	Степень социального развития личности. Включает: уровень нравственности, интеллекта, гражданской активности человека.
<i>Представители подхода</i>			
С. С. Абрамов [2], Г. Н. Черкасов [17], М. Марков [10], Г. С. Вечканов [5]	К. П. Шишка [19], М. Л. Леванова [10], Ф. Шааф [18]	В. Г. Калыгин [7], Т. С. Костюкова [8], Е. Е. Румянцева [12], А. Б. Берендеева [14], М. Н. Бродский [4]	Дж. Дьюи [6], В. Н. Аргунова [3],

Можно отметить односторонность трактовок, в которых социальная эффективность характеризуются либо материальными показателями, либо социологическими. В этих случаях, данное понятие сводится только к экономической оценке, либо, основываясь лишь на мнении потребителей, становится слишком субъективированным. На наш взгляд, наиболее полными являются те формулировки социальной эффективности, в которых социальная эффективность рассматривается как результативность деятельности, направленная не только на достижение социально-экономических результатов, но и на удовлетворение интересов и потребностей человека, как материальных, так и духовных.

Наиболее полное, на наш взгляд, определение социальной эффективности встречается в экономическом словаре А.И. Архипова [20, с.555], где данное понятие рассматривается как «сложная многофункциональная система связей, опосредующая достижение конечной цели любой формы организации общественного производства – удовлетворение потребностей людей, развитие человека».

Можно выделить общие характеристики в понимании социальной эффективности в широком смысле. Данное понятие чаще всего: 1) связывают с экономической эффективностью; 2) характеризуется качественной и количественной сторонами; 3) в качестве одного из основных критериев выступает удовлетворенность, которая основывается на ощущении конкретного человека, мнении группы людей и общества в целом.

Понятие «социальная эффективность» в узком смысле слова затрагивает отдельные сферы деятельности, и связана с определенными направлениями экономической и социальной политики государства. Исследователями рассматривается социальная эффективность здравоохранения, которая напрямую связана с качеством медицинского обслуживания и удовлетворением потребностей населения в услугах медицинского назначения [15], социальная эффективность управления организации персоналом [13], природоохранных мероприятий [7] и т. д.

Что касается социальной эффективности функционирования объектов спортивной инфраструктуры, то здесь, наряду с общими чертами рассматриваемого понятия, существуют и свои особенности. Спортивные сооружения, во главе своего функционирования ставят общественные ценности, и, основываясь на них, строят свою работу так, чтобы достичь высоких показателей социальной эффективности. Социальная эффективность функционирования объектов спортивной инфраструктуры находит свое отражение в расширении контингента занимающихся, наиболее полном и широком охвате физкультурно-оздоровительными занятиями различных групп населения.

Трактовка понятия социальная эффективность спортивных объектов встречается в работе С.Н. Зубарева [11], где она характеризуется как «эффективность использования спортивного объекта при удовлетворении потребности профессионального, массового спорта в физкультурно-оздоровительных, спортивных и спортивно-зрелищных услугах».

Изучение разных подходов к определению социальной эффективности позволило предложить расширить данное понятие, т. к. социальная эффективность функционирования спортивных объектов, на наш взгляд, проявляется в привлечении к физкультурно-оздоровительным, спортивным занятиям и спортивно-зрелищным мероприятиям максимально возможного количества населения, которое обеспечивается реализацией мер, направленных на удовлетворение соответствующих социально-психологических потребностей и интересов людей, эффект от которых отражается в максимизации социальных и экономических результатов. Такое понимание позволяет по-новому сформулировать рассматриваемое понятие.

Социальная эффективность функционирования спортивных объектов – это создание и поддержание благоприятных условий деятельности спортивных сооружений с целью привлечения к физкультурно-спортивным занятиям наибольшего количества людей; обеспечение всех слоев населения оздоровительными, спортивно-зрелищными услугами; удовлетворение соответствующих социально-психологических потребностей, результат деятельности которых, проявляется в постепенном и долгосрочном эффекте и выражается, главным образом, в снижении негативных явлений, отрицательно влияющих на экономику страны и социума в целом.

Важное значение имеет объективная оценка эффективности в социальных отраслях, в том числе в сфере физической культуры и спорта. Прежде всего, чтобы проанализировать эффективность функционирования объектов спортивной инфраструктуры в социальном плане необходимо использовать систему критериев и показателей, определяющих такую эффективность. Для измерения социальной эффективности чаще всего выделяют следующие показатели: социально-бытовые, социально-демографические, социально-гуманистические, а также обобщающий показатель – уровень социального бла-

гополучия, под которым понимается состояние субъекта общественного процесса, характеризующееся гармонией между ценностями, интересами, потребностями и возможностями для их удовлетворения [13]. К обобщающим показателям также относят: уровень и качество жизни населения, уровень благосостояния и дифференциации доходов и др. [21, с. 555] В социальной экономике уровень и качество жизни человека и общества в целом являются ведущими ориентирами национального развития.

Для группировки показателей, социальную эффективность предлагается рассматривать на четырех уровнях управления: государственном, отраслевом, отдельной организации, индивидуальном. На государственном уровне социальная эффективность представлена социальной политикой, проводимой государством, которая, в свою очередь, во многом определяет как социальную, так и экономическую сферу. Отраслевой уровень управления затрагивает отдельные сферы деятельности, такие как, здравоохранение, образование, жилищно-коммунальную и др. На уровне отдельной организации рассматривается социальная эффективность функционирования объектов, мероприятий, управления отдельными процессами и др. На индивидуальном уровне изучается степень удовлетворения личных потребностей индивида.

Благодаря этому подходу можно выделить показатели, характеризующие социальную эффективность на разных уровнях управления (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели социальной эффективности в зависимости от уровня управления

Уровень определения социальной эффективности			
Государственный	Отраслевой	Отдельной организации	Индивидуальный
Показатели социальной эффективности в зависимости от уровня управления			
1. Образ жизни и качество жизни, отражающиеся в показателях здоровья людей и продолжительности жизни (показатели рождаемости, смертности, продолжительности жизни, временной нетрудоспособности, трудовой активности и т. д.). 2. Уровень жизни (заработная плата, обеспеченность жильем). 3. Социально-демографические (миграция, рождаемость и др.). 4. Социально-психологические (социальное настроение, уровень правонарушений, криминализация общества).	Общие показатели: уровень отраслевой безработицы, количество вновь созданных рабочих мест, уровень заработной платы и социальной стабильности в отрасли, улучшение условий труда, текучесть кадров, уровень развития отрасли и т. д. Специфические показатели: Например, в области физической культуры: количество занимающихся, спортивные достижения на международном уровне и т. д.	Специфические показатели, связанные с детальными особенностями конкретного предприятия, организации. Например: объем предоставленных услуг организацией, нормативная и фактическая пропускная способность объекта и т. д.	Связаны со степенью удовлетворения потребностей конкретного человека. Уровень определяется при помощи социологических опросов.

Показатели социальной эффективности на индивидуальном и уровне отдельной организации рассмотрим на примере физкультурно-спортивных объектов. Функционирование спортивных объектов имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при анализе и оценке эффективности их функционирования.

Социальная эффективность характеризуется количественными и качественными сторонами. Качественная сторона обозначается понятием «критерий», количественная –

понятием «показатель эффективности». Критерием эффективности является соотношение затрат и результата, а критерием качества – соотношение эффекта и целей, целей и средств их достижения [16].

Применительно к социальным услугам эффективность рассматривается как результативность и является элементом оценки качества услуг. Исходя из этого, систему показателей, характеризующих социальную эффективность функционирования объектов спортивной инфраструктуры, предложено разделить на 2 группы: количественные, измеряемые в натуральных единицах, оценив которые, можно говорить о конкретных результатах, и качественные, отражающие достижения конкретного результата.

Безусловно, универсальных показателей оценки социальной эффективности функционирования спортивных сооружений не существует, т. к. перед каждым объектом стоят свои задачи и ожидаемый от него эффект, но можно выделить и отдельные, как основу для анализа их деятельности.

К количественным показателям предлагается относить: оценку эффективности использования мощностей объекта, через расчет максимальной, плановой и фактической пропускной способности; оценку загрузки объекта по видам услуг и финансированию (платные и бесплатные). К качественным показателям предложено отнести: доступность услуг объекта (пространственная, организационная и стоимостная); спортивные достижения, связанные с подготовкой спортсменов высокого класса; удовлетворенность потребителей разными аспектами предоставляемых услуг: выбором услуг, организацией, стоимостью, качеством проведения занятий, материально-техническим оснащением и санитарно-гигиеническими условиями.

С помощью количественных показателей можно оценить деятельность объекта на основании математических расчетов. В случае, когда измерить эффективность количественно невозможно, следует прибегнуть к качественным показателям, основанным на восприятии потребителя. Качественные показатели можно оценить при помощи балльной шкалы, используя данные, полученные в процессе социологических опросов. В отличие от количественных показателей, оценить качественные показатели социальной эффективности гораздо сложнее, но именно их изучение позволит помочь в решении проблем, выявленных на этапе оценки количественных показателей. Оценка социальной эффективности может быть рассчитана как среднеарифметическое статистической (количественные показатели) и социологической (качественные показатели) оценок.

Проанализировав работу спортивных сооружений по предложенным показателям, можно оценить социальную эффективность их функционирования и, в случае необходимости, определить направления и пути ее повышения.

ВЫВОДЫ

Исследование различных точек зрения ученых в области социальной эффективности позволило глубоко рассмотреть изучаемое понятие и на основании проведенного сравнительного анализа сформировать четыре подхода к определению социальной эффективности: результативно-деятельностный, качественный, результативно-затратный и психологический. На базе выделенных подходов сформулировано понятие социальной эффективности, относящееся непосредственно к объектам спортивной инфраструктуры, которое позволяет полностью раскрыть ее сущность, заключающуюся в охвате физкультурно-оздоровительными и спортивными занятиями различных групп населения, путем создания для этого соответствующих условий, при удовлетворении социально-психологических потребностей людей.

В работе также выделено четыре уровня управления, для каждого из которых предложены показатели оценки социальной эффективности. На уровне отдельной организации предложена специфическая группа показателей, позволяющая, на наш взгляд, достаточно объективно оценивать эффективность функционирования объектов спортивной инфраструктуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абакаров, М. И. Социально-экономическая эффективность функционирования сферы платных услуг трубоизбыточного региона : автореф. дис. ... док. экон. наук : 08.00.05 / М. И. Абакаров ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2013. – 29 с.
2. Абрамов, С. С. Социально-экономическая эффективность сферы услуг и методы управления ею (на материалах Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 08.00.05 / С. С. Абрамов ; ГОУ ВПО «Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса». – Шахты, 2011. – 25 с.
3. Аргунова, В. Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ: монография / В. Н. Аргунова. – Иваново: Иван. Гос. Ун-т., 2004. – 312 с.
4. Бродский, М. Н. Право и экономика: Инвестиционное консультирование / М. Н. Бродский, Г. М. Бродский. – СПб.: 1999. – 496 с.
5. Вечканов, Г. С. Современная экономическая энциклопедия / Г. С. Вечканов. – СПб., Издательство «Лань», 2002. – 880 с.
6. Дьюи, Дж. Демократия и образование: Пер. с англ. / Дж. Дьюи. – М.: Педагогика-Пресс, 2000. – 384 с.
7. Калыгин, В. Г. Промышленная экология: учебник для студ. учреждения высшего образования. – 5-е изд., испр. доп. / В. Г. Калыгин. – М.: Издат. центр: «Академия», 2017. – 365 с.
8. Костюкова, Т. С. Социальная эффективность услуг государства населению : автореф. дис. ... канд. соц. наук : 22.00.03. / Т. С. Костюкова ; ВПО «Тюменский гос. университет». – Тюмень, 2013. – 23 с.
9. Леванова, М. Л. Социально-экономическая эффективность сферы услуг (политико-экономический аспект) : автореферат дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / М. Л. Леванова ; Гос. фин. акад. – Москва, 1992. – 24 с.
10. Марков, М. Технология и эффективность социального управления: перев. с болгарского / Марко Марков ; под ред и с предис. Т. В. Керимовой. – М.: Прогресс, 1982. – 267 с.
11. Оценка эффективности использования спортивных объектов: метод. Пособие / гл. ред. С. Н. Зубарев. – Москва, 2008. – 113 с.
12. Румянцева, Е. Е. Новая экономическая энциклопедия: 4-е изд. / Е. Е. Румянцева. – М.: ИНФРА-М., 2016. – 882 с.
13. Самков, К. Н. Методология и методика оценки социальной эффективности деятельности местной администрации в социальной сфере / К. Н. Самков // Научный вестник Уральской академии государственной службы. – 2009. – № 1 (6).
14. Социальные аспекты инновационного развития региона. Социальные аспекты инновационного развития региона / Иван. гос. ун-т ; науч. ред. О. А. Хасбулатова, А. Б. Берендеева. – Науч. изд. – Иваново : ИвГУ, 2013. – 331 с.
15. Сурмач, М. Ю. Социальная эффективность как основной показатель деятельности здравоохранения по формированию здоровья молодежи / М. Ю. Сурмач // Охрана

здоровья: проблемы организации, управления и уровни ответственности: интернет-конференция, 16 апреля – 15 июня 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/307359.html>. – Дата доступа: .10.09.2018.

16. Терзиев, В. К. Социальная эффективность как мера деятельности в социуме / В. К. Терзиев, Е. Н. Стоянов // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2016. – № 3 – С. 225–234.

17. Черкасов, Г. Н. Бригадная организация труда: состояние и перспективы / Г. Н. Черкасов. – М.: Профиздат, 1986. – С. 123–126.

18. Шааф, Ф. Спортивный маркетинг / перев. с англ. Ф. Шааф. – М.: Инф.изд. дом «Филиль», 1998. – 464 с.

19. Шишка, К. П. Социально-экономическая эффективность деятельности учреждений социального обслуживания : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05 / К. П. Шишка ; Всерос. центр уровня жизни. – Москва, 2003. – 30 с.

20. Экономический словарь / А. И. Архипов [и др.]; отв. Ред. А. И. Архипов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 672 с.

21. Эффективность в международной экономике / В. В. Почекина, В. В. Ковальчук; под науч. Ред. П. Г. Никитенко; Институт экономики НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2007. – 390 с.

REFERENCES

1. Abakarov, M. I. Social'no-ehkonomicheskaya ehffektivnost' funkcionirova-niya sfery platnyh uslug truboizbytochnogo regiona : avtoref. dis. ... dok. ehkon. nauk : 08.00.05 / M. I. Abakarov ; MGU im. M. V. Lomonosova. – M., 2013. – 29 s.

2. Abramov, S. S. Social'no-ehkonomicheskaya ehffektivnost' sfery uslug i me-tody upravleniya eyu (na materialah Rostovskoj oblasti) : avtoref. dis. ...kand. soc. nauk : 08.00.05 / S. S. Abramov : GOO VPO «Yuzhno-Rossijskij gosudarstvennyj uni-versitet ehkonomiki i servisa». – SHahty, 2011. – 25 s.

3. Argunova, V. N. Social'naya spravedlivost': cennostno-institucional'nyj analiz: monografiya / V. N. Argunova. – Ivanovo: Ivan. Gos. Un-t., 2004. – 312 s.

4. Brodskij, M. N. Pravo i ehkonomika: Investicionnoe konsul'tirovanie / M. N. Brodskij, G. M. Brodskij. – SPb: 1999. – 496 s.

5. Vechkanov, G. S. Sovremennaya ehkonomicheskaya ehnciklopediya / G. S. Vechkanov. – SPb., Izdatel'stvo «Lan'», 2002. – 880 s.

6. D'yui, Dzh. Demokratiya i obrazovanie: Per. s angl. / Dzh. D'yui. – M.: Pedago-gika-Press, 2000. – 384 s.

7. Kalygin, V. G. Promyshlennaya ehkologiya: uchebnik dlya stud. uchrezhdeniya vyshee obrazovaniya. – 5-e izd., ispr. dop. / V. G. Kalygin. – M.: Izdat. centr: «Akademiya», 2017. – 365 s.

8. Kostyukova, T. S. Social'naya ehffektivnost' uslug gosudarstva naseleniyu : avtoref. dis. ...kand. soc. nauk : 22.00.03. / T. S. Kostyukova ; VPO «Tyumenskij gos. universitet». – Tyumen', 2013. – 23 s.

9. Levanova, M. L. Social'no-ehkonomicheskaya ehffektivnost' sfery uslug (po-litiko-ehkonomicheskij aspekt) : avtoreferat dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.01 / M. L. Levanova ; Gos. fin. akad. – Moskva, 1992. – 24 s.

10. Markov, M. Tekhnologiya i ehffektivnost' social'nogo upravleniya: perev. S bolgarskogo / Marko Markov ; pod red i s predis. T. V. Kerimovoj. – M.: Progress, 1982. – 267 s.

11. Ocenka ehffektivnosti ispol'zovaniya sportivnyh ob"ektov: metod. Posobie / gl. red. S. N. Zubarev. – Moskva, 2008. – 113 s.

12. Romyanceva, E. E. Novaya ehkonomicheskaya ehnciklopediya: 4-e izd. / E. E. Romyan-ceva. – M.: INFRA-M., 2016. – 882 s.
13. Samkov, K. N. Metodologiya i metodika ocenki social'noj ehffektivnosti deyatel'nosti mestnoj administracii v social'noj sfere / K. N. Samkov // Nauchnyj vestnik Ural'skoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. – 2009. – № 1 (6).
14. Social'nye aspekty innovacionnogo razvitiya regiona. Social'nye aspekty innovacionnogo razvitiya regiona / Ivan. gos. un-t ; nauch. red. O. A. Hasbulato-va, A. B. Berendeeva. – Nauch. izd. . – Ivanovo : IvGU, 2013 . – 331 s.
15. Surmach, M. Yu. Social'naya ehffektivnost' kak osnovnoj pokazatel' deyatel'nosti zdavoohraneniya po formirovaniyu zdorov'ya molodezhi / M. Yu. Surmach // Ohrana zdorov'ya: problemy organizacii, upravleniya i urovni otvetstvennosti: in-ternet-konferenciya, 16 aprelya – 15 iyunya 2007. [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostu-pa: <https://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/307359.html>. – Data dostupa: .10.09.2018.
16. Terziev, V. K. Social'naya ehffektivnost' kak mera deyatel'nosti v sociume / V. K. Terziev, E. N. Stoyanov // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Innovacionnaya nauka». – 2016. – № 3 – S. 225–234.
17. Cherkasov, G. N. Brigadnaya organizaciya truda: sostoyanie i perspektivy / G. N. CHerkasov. – M.: Profizdat, 1986. – S. 123–126.
18. Shaaf, F. Sportivnyj marketing / perev. s angl. F. SHaaf. – M.: Inf.izd. dom «Filil'», 1998. – 464 s.
19. Shishka, K. P. Social'no-ehkonomicheskaya ehffektivnost' deyatel'nosti uchrezhdenij social'nogo obsluzhivaniya : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.05 / K. P. SHishka ; Vseros. centr urovnya zhizni. – Moskva, 2003. – 30 s.
20. Ehkonomicheskij slovar' / A. I. Arhipov [i dr.]; otv. Red. A. I. Arhipov. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Prospekt, 2016. – 672 s.
21. Ehffektivnost' v mezhdunarodnoj ehkonomike / V. V. Pochekina, V. V. Koval'-chuk; pod nauch. Red. P. G. Nikitenko; Institut ehkonomiki NAN Belarusi. – Minsk: Pravo I ehkonomika, 2007. – 390 s.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2018 года

УДК 339.976.4

ББК 65.5

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОНОПОЛЬНОЙ РЕНТЫ В КАЧЕСТВЕ ОСНОВЫ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТА ЕАЭС

И. Н. ПОВОД

povod-2009@mail.ru

младший научный сотрудник

Институт экономики НАН Беларуси

г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассматривается проблема формирования бюджета Евразийского экономического союза. Предлагается использование рентной методики расчёта размеров долевых взносов государств-членов ЕАЭС, суть которой заключается в распределении нагрузки по формированию бюджета между государствами-членами Союза в соответствии с соотношением величины полученной в рассматриваемых государствах монопольной ренты. Применение предложенной методики приведёт к установлению более обоснованных с экономической точки зрения размеров долевых взносов, что позволит Республике Беларусь сэкономить несколько миллионов долларов бюджетных средств в год.

Также в статье выявлены несоответствия критериев отнесения субъектов хозяйствования к числу доминирующих на рынке в государствах-членах ЕАЭС. Исправление выявленных несоответствий будет способствовать совершенствованию (синхронизации) общей антимонопольной политики и дальнейшей успешной интеграции государств-членов Союза.

Ключевые слова: рента, рентные отношения, теория ренты, монопольная рента, бюджет, ЕАЭС, долевые взносы.

USE OF MONOPOLY RENT AS A BASIS FOR THE FORMATION OF THE EAEU
BUDGET

I. N. POVOD

junior researcher

The Institute of Economics NAS of Belarus

Minsk, Republic of Belarus

The article considers the problem of financing of the Eurasian Economic Union budget. The author propose the use of rent method for calculation of the size of the contributions of the EAEU member states. The burden of formation a budget between the member states of the Union is distributed in accordance with the ratio of the amount of monopoly rent received in the reviewed states. The application of the proposed method will be an establishing of more economically justified contributions. The author believes it will allow the Republic of Belarus to save several million dollars of budgetary funds per year.

The article also reveals the discrepancy between the criteria for including business entities among companies that occupies a dominant position in the market of the EAEU member states. The correction of such discrepancy will contribute to improvement of overall Antimonopoly Policy and further successful integration of Union's member states.

Keywords: rent, monopoly rent, rent relationship, theory of rent, budget, EAEU, contributions.

ВВЕДЕНИЕ

Евразийский экономический союз начал своё функционирование 1 января 2015 года в составе Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан. 2 января в объединение интегрировалась Республика Армения, через полгода к ЕАЭС присоединилась Кыргызская Республика. Финансирование деятельности Союза осуществляется за счёт средств бюджета Союза, поэтому с самого начала существования ЕАЭС одной из важнейших задач являлась задача формирования его бюджета. Как и любое другое интеграционное объединение, ЕАЭС формирует бюджет за счёт взносов государств, входящих в его состав [1]. При этом до сих пор актуален вопрос разработки такой методики расчёта величины долевых взносов государств-членов ЕАЭС в бюджет ЕАЭС, которая устроила бы все государства, не вызывала бы споров и не ставила бы под сомнение целесообразность участия государств в объединении.

Учитывая монополизированность многих рынков стран-участниц ЕАЭС, а также тот факт, что противодействие монополистической деятельности и защита конкуренции являются одной из важнейших задач Евразийской экономической комиссии, видится целесообразной разработка вопросов определения величины долевых взносов государств-членов ЕАЭС в бюджет Союза на основе полученной государствами-членами ЕАЭС монопольной ренты.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В современной рентной теории под монопольной рентой понимается дополнительный доход, получаемый организацией, занимающей доминирующее положение на рынке, исключительно за счёт доминирования [2]. При этом монопольную ренту выделяют как вид ренты наряду с лесной, водной, горной, инновационной, финансовой и другими. То есть считается, что организация, занимающая доминирующее положение на рынке (доминант), может получать одновременно монопольную ренту и другой вид ренты, скажем, водную. Возникает необходимость разграничения частей дополнительного дохода организации, полученных за счёт образования соответствующих видов ренты. Следовательно, необходима разработка методик расчёта и изъятия как монопольной ренты, так и иных видов ренты, что существенно усложняет рентную теорию, загромождает её излишними расчётами и фактически создаёт препятствие для практического применения рентных подходов в государственном регулировании экономики.

В связи с этим нам видится перспективным понимание понятия «монопольная рента», несколько отличающееся от существующего. Под монопольной рентой мы предлагаем понимать дополнительный доход, полученный организацией, занимающей доминирующее положение на рынке, вне зависимости от источника его возникновения. Иначе говоря, если организация-доминант получает ренту, то она признаётся монопольной. Не имеет значения, какой именно вид ренты по источнику возникновения получает организация, вся рента, то есть весь дополнительный доход, признаётся монопольной рентой. То есть любой вид ренты может являться монопольной рентой в случае, если он получен организацией-доминантом. Точно так же любой вид ренты, полученный организацией, не являющейся доминантом, получен в условиях конкуренции и, соответственно, не является монопольной рентой. Следовательно, все виды ренты можно разделить на 2 типа: монопольная рента и немонопольная (конкурентная). Для этого необходимо ввести новый признак классификации ренты – по условиям возникновения.

Следует учитывать, что монопольной рентой может быть признан только доход организации-доминанта, полученный от того вида деятельности, по которому она внесена в реестр субъектов, занимающих доминирующее положение на рынке, то есть от основного вида деятельности. В случае если организация занимается несколькими видами деятельности, доходы от неосновных видов деятельности при расчёте величины полученной монопольной ренты не должны учитываться.

Результатом такого изменения понимания понятия монопольной ренты является существенное повышение его практической применимости. Именно монопольная рента в таком случае начинает занимать главенствующее место в теории ренты и именно монопольная рента может использоваться в государственном управлении экономикой при реализации антимонопольной и бюджетно-налоговой политики. Таким образом, статус монопольной ренты при таком подходе повышается, усиливается её роль в рентной теории, что, в свою очередь, усиливает роль рентной теории в системе государственного регулирования.

Для того чтобы обосновать идею формирования бюджета Евразийского экономического союза на основе монопольной ренты, обратимся к сущности ренты в целом. Под рентой понимается доход, не требующий от получателя предпринимательской деятельности. То есть рента – это доход, получение которого обусловлено не успешной экономической деятельностью предприятия, а благоприятным стечением обстоятельств, в частности, отсутствием конкуренции или наличием незначительной её степени. Фактически рентный доход представляет собой незаработанную, незаслуженную часть дохода предприятия. Следовательно, изъятие части монопольной ренты в бюджет представляется даже более обоснованным с экономической точки зрения, чем изъятие многих видов налогов. Обоснованное изъятие ренты не будет вызывать у предприятий такого негодования, как, например, повышение ставки того или иного налога либо введение нового налога, а значит, будет иметь существенно более низкий уровень противодействия со стороны предприятий.

Таким образом, для государства изъятие рентного дохода предприятий является менее сложной задачей, а сам рентный доход – своеобразными «лёгкими деньгами». Соответственно, и уплата взносов из такого дохода менее болезненна для бюджета страны, чем уплата аналогичных сумм взносов из доходов, полученных в государственный бюджет от иных источников. Именно поэтому формирование бюджета ЕАЭС на основе созданной в государствах-членах монопольной ренты выглядит наиболее экономически обоснованным и целесообразным.

Рассмотрим возможность использования монопольной ренты в процессе формирования бюджета ЕАЭС на примере данных за 2016 г. В соответствии с решением Высшего Евразийского экономического совета от 10.10.2014 г. № 79 (в редакции решения ВЕЭС от 08.05.2015 г. № 9), на 2016 г. были определены следующие размеры долевых взносов в бюджет ЕАЭС: Республика Армения – 1,11 %; Республика Беларусь – 4,56 %; Республика Казахстан – 7,11 %; Кыргызская Республика – 1,90 %; Российская Федерация – 85,32 % [3].

В связи с тем, что данные о величине, созданной в государствах-членах ЕАЭС, монопольной ренты на сегодняшний день отсутствуют, для иллюстрации предлагаемого подхода к формированию бюджета ЕАЭС используем данные об объёмах природной ренты, созданной в странах-участницах Союза.

Для определения размеров долевых взносов государств в бюджет ЕАЭС на основе соотношения полученной государствами природной ренты, необходимо воспользоваться следующим алгоритмом (таблица 1):

1. Определить объём созданной в государствах-членах ЕАЭС природной ренты на основе данных о ВВП и о рентной составляющей ВВП государств-членов Союза [4];
2. Рассчитать удельный вес природной ренты, созданной в каждом из государств-членов ЕАЭС, в совокупном объёме природной ренты, созданной в ЕАЭС;
3. Установить размеры долевых взносов государств-членов ЕАЭС в бюджет ЕАЭС, соответствующие удельному весу созданной в каждом из государств-членов Союза природной ренты в совокупном объёме природной ренты, созданной в ЕАЭС.

Таблица 1 – Расчет размеров долевых взносов в бюджет ЕАЭС на основе данных о созданной в государствах-членах ЕАЭС природной ренте

Страна	ВВП 2015 г., млрд долл. США	Рентная составляющая ВВП, %	Объём природной ренты, млрд долл. США	Удельный вес в совокупном объёме природной ренты стран ЕАЭС, %
Россия	1366,00	10,31	140,79	88,45
Казахстан	184,39	9,19	16,94	10,64
Беларусь	56,46	1,01	0,57	0,36
Кыргызстан	6,68	7,71	0,51	0,32
Армения	10,55	3,49	0,37	0,23
Всего:	1624,07	—	159,18	100,00

При использовании указанного способа размеры долевых взносов государств в бюджет ЕАЭС изменятся (таблица 2).

Таблица 2 – Расчёт изменения величины взносов в бюджет ЕАЭС при использовании рентной методики в 2016 г.

Страна	Уд.вес в совокупном объёме природной ренты стран ЕАЭС, %	Действующие размеры долевых взносов в бюджет ЕАЭС, %	Долевые взносы в соответствии с рентной методикой, млн росс. руб.	Фактические долевые взносы, млн росс. руб.	Изменение величины взносов при использовании рентной методики, млн росс. руб.
Россия	88,45	85,32	6614,50	6380,66	233,85
Казахстан	10,64	7,11	795,74	531,72	264,02
Беларусь	0,36	4,56	26,79	341,02	-314,23
Кыргызстан	0,32	1,90	24,18	142,09	-117,91
Армения	0,23	1,11	17,28	83,01	-65,73
Всего:	100,00	100,00	7478,50	7478,50	0,00

Самые незначительные изменения коснутся Российской Федерации, доля которой в бюджете ЕАЭС возрастёт с 85,32 % до 88,45 %. Долевые взносы остальных государств-членов ЕАЭС претерпят существенные изменения. Так, доля взносов в бюджет Союза Республики Армения уменьшится в 4,8 раза, Кыргызской Республики — почти в 5,9 раза. В свою очередь, размер долевых взносов имеющей рентную экономику Республики Казах-

стан составит 10,64 %, что в 1,5 раза превышает нынешние 7,11 %. Наибольший положительный эффект от применения такого способа определения размеров долевых взносов в бюджет ЕАЭС получит Республика Беларусь, чья доля в бюджете Союза уменьшится в 12,7 раза и составит 0,36 %.

Бюджет ЕАЭС на 2016 г. был утвержден в размере 7478,5 млн. росс. руб. В абсолютном выражении сумма взноса Республики Беларусь в бюджет ЕАЭС составила 341,02 млн. росс. руб. При использовании предложенной методики расчета размеров долевых взносов сумма взноса в бюджет ЕАЭС Республики Беларусь в 2016 г. составила бы 26,79 млн. росс. руб. Таким образом, сумма взноса нашей страны в 2016 г. была бы меньше на 314,23 млн. росс. руб., или более, чем на 4 млн. долл. США.

Для успешной реализации подхода к формированию бюджета Евразийского экономического союза на основе полученной в государствах-членах ЕАЭС монопольной ренты необходимо синхронизировать законодательства государств в части определения состояния доминирования организации на рынке. В определении понятия «доминирующее положение» разногласия в законодательствах государств-членов ЕАЭС отсутствуют. Согласно законодательству Республики Беларусь, доминирующее положение – это «исключительное положение хозяйствующего субъекта или нескольких хозяйствующих субъектов на товарном рынке, дающее такому хозяйствующему субъекту или таким хозяйствующим субъектам возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять им доступ на этот товарный рынок и (или) уход с товарного рынка» [5]. Определения, данные в законодательстве Российской Федерации и Кыргызской республики, практически идентичны приведённому выше, однако особенностью формулировки, приведённой в Законе Республики Беларусь, является отнесение к признакам доминирующего положения возможности предприятия затруднять другим хозяйствующим субъектам уход с товарного рынка. Формулировка определения, данного в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан, незначительно отличается от вышеприведённой по форме и аналогична по сути. В то же время Закон Республики Армения «О защите экономической конкуренции» не содержит определения понятия доминирующего положения, а включает только критерии отнесения положения хозяйствующего субъекта к числу доминирующих на рынке.

Сравнение законодательных актов государств-членов ЕАЭС в части критериев определения доминирующего положения хозяйствующего субъекта на рынке (Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», Федеральный Закон «О защите конкуренции» [6], Предпринимательский кодекс Республики Казахстан [7], Закон Республики Армения «О защите экономической конкуренции» [8]) позволяет сделать вывод о несогласованности в этой сфере законодательств стран-участниц Союза (таблица 3).

В таблице не представлены данные Кыргызской Республики в связи с нечётким определением в Законе Кыргызской Республики «О конкуренции» критериев отнесения организаций к числу субъектов хозяйствования, занимающих доминирующее положение на рынке. Так, в статье 4 Закона указано, что одним из условий признания положения субъекта хозяйствования доминирующим является «совокупное доминирование более, чем трех хозяйствующих субъектов, доля каждого из которых больше доли других субъектов на этом рынке и в совокупности превышает 50 %, или совокупная доля не более, чем пяти хозяйствующих субъектов, доля каждого из которых больше долей других хозяйствующих субъектов на соответствующем рынке» [9]. Таким образом, нет возможности на основе данного Закона определить доминирующее положение двух и трёх субъектов хозяйствования, а также получить чёткое понимание действий антимонопольного

органа при наличии более, чем пяти субъектов хозяйствования, занимающих в совокупности большую часть рынка.

Таблица 3 – Критерии признания положения хозяйствующих субъектов доминирующим на товарном рынке в государствах-членах ЕАЭС

Количество субъектов хозяйствования, лидирующих по удельному весу продукции на рынке	Совокупная доля субъектов хозяйствования на рынке			
	Республика Беларусь*	Российская Федерация*	Республика Казахстан*	Республика Армения
Один	>35%	>50%	≥35%	≥1/3
Два	>50%	>50%	≥50%	≥1/2
Три				≥2/3
Четыре	>75%	>70%**	≥70%	—
Пять			—	
* Положение хозяйствующего субъекта не может быть признано доминирующим, если его доля на рынке не превышает 15% в Беларуси и Казахстане и 35% в России				
** Не применяется в случае, если доля хотя бы одного из субъектов составляет менее 8%				

Положение субъекта хозяйствования признаётся в Кыргызской Республике доминирующим в случае, если его доля на рынке составляет 35 % и более.

В случае, если совокупная доля двух и более субъектов хозяйствования превышает указанный уровень, доминирующим признаётся положение на рынке каждого из таких субъектов.

Как видно из таблицы, критерии определения доминирующего положения на рынке в государствах-членах ЕАЭС значительно отличаются. Наиболее подробные и чёткие критерии предусмотрены законодательством Республики Беларусь и Российской Федерации, где прописан порядок признания положения субъекта хозяйствования на рынке доминирующим при количестве таких субъектов не более пяти. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан не предусматривает наличие более четырёх субъектов, доминирующих на определённом товарном рынке, Закон Республики Армения «О защите экономической конкуренции» – более трёх. Кроме того, отличаются размеры долей, субъектов хозяйствования на рынках, при которых положение данных субъектов признаётся доминирующим.

Для наиболее точного расчёта монопольной ренты, созданной субъектами хозяйствования государств-членов ЕАЭС, необходимо согласовать и унифицировать методику признания положения хозяйствующего субъекта на рынке доминирующим: установить одинаковые совокупные доли организаций на рынке, необходимые для признания их положения доминирующим, а также условия непризнания положения хозяйствующего субъекта на рынке доминирующим.

ВЫВОДЫ

Евразийский экономический союз функционирует уже несколько лет, но до сих пор актуальной является проблема формирования бюджета ЕАЭС, а точнее – определения наиболее справедливых и экономически обоснованных размеров долевых взносов государств-членов объединения в общий бюджет. Указанным критериям удовлетворяет

формирование бюджета Союза на основе созданной в государствах-членах монопольной ренты, так как для государства рентный доход является наиболее простым с точки зрения преодоления сопротивления субъектов хозяйствования. Рентный подход к формированию бюджета ЕАЭС позволит исключить возникновение в дальнейшем спорных ситуаций и финансовых конфликтов между государствами-членами Союза.

Проведенные расчёты показывают, что предложенная методика расчёта размеров долевых взносов в бюджет ЕАЭС даёт Республике Беларусь существенную финансовую выгоду: величина взноса для нашей страны при использовании такой методики может уменьшиться в разы. Так, в 2016 г. вместо уплаченных 341,02 млн. рос. руб. взнос Республики Беларусь составил бы 26,79 млн. рос. руб., то есть экономия на 314,23 млн. рос. руб., или более 4 млн. долл. США. Несмотря на то, что ввиду отсутствия данных по монопольной ренте в расчётах использовались данные о природной ренте, есть основания полагать, что расчёты на основе монопольной ренты хоть и будут отличаться, но не настолько, чтобы существенно изменить общую картину перераспределения нагрузки по уплате взносов в бюджет между государствами-членами Евразийского экономического союза.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/today/InternationalCooperation/EEU/Agreements/EEUAgreement.pdf>. – Дата доступа: 10.12.2017.
2. Разовский, Ю. В. Горная и другие виды ренты (классификация) / Ю. В. Разовский // Горный информационно-аналитический бюллетень. – 1995. – № 2. – С. 115–119.
3. О функционировании Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Министерство финансов Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/upload/ministerstvo/cooperation/eaes.pdf>. – Дата доступа: 10.12.2017.
4. Total natural resources rents (% of GDP) [Electronic resource] // The world bank. – Mode of access: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS?year_high_desc=true. – Date of access: 04.08.2017.
5. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»: Закон Респ. Беларусь, 08 янв. 2018 г., № 98-З [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N11800098&p1=1>. – Дата доступа: 06.02.2018.
6. О защите конкуренции: Федеральный Закон, 26 июня 2006 г., № 153-ФЗ: в ред. Федерального Закона от 03.07.2016 г. № 264-ФЗ // Законодательство России. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102011007&backlink=1&&nd=102108256>. – Дата доступа: 15.12.2017.
7. Предпринимательский кодекс Республики Казахстан, 29 окт. 2015 г., № 375-V [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854#pos=0;0. – Дата доступа: 19.08.2017.
8. О защите экономической конкуренции: закон Республики Армения, 06 ноя. 2000 г., № ЗР-112 (ред. от 12.12.2013) [Электронный ресурс] // Национальное собрание Республики Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1272&lang=rus>. – Дата доступа: 15.12.2017.
9. О конкуренции: закон Кыргызской Республики, 22 июл. 2011 г., № 116 (ред. от 15.08.2016) [Электронный ресурс] / Государственная служба интеллектуальной собственности и инноваций при Правительстве кыргызской Республики. – Режим доступа:

<http://patent.kg/index.php/ru/legislation/67-laws/kodeksy-i-zakony-kyrgyzskoj-respubliki/909-zakon-kyrgyzskoj-respubliki-o-konkurentsii.html>. – Дата доступа: 15.12.2017.

REFERENCES

1. Dogovor o Evrazijskom ehkonomicheskom soyuze [Ehlektronnyj resurs] // Nacional'nyj bank Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <https://www.nbrb.by/today/InternationalCooperation/EEU/Agreements/EEUAgreement.pdf>. – Data dostupa: 10.12.2017.
2. Razovskij, Yu. V. Gornaya i drugie vidy renty (klassifikaciya) / Yu. V. Razovskij // Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten'. – 1995. – № 2. – S. 115–119.
3. O funkcionirovanii Evrazijskogo ehkonomicheskogo soyuza [Ehlektronnyj resurs] // Ministerstvo finansov Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://www.minfin.gov.by/upload/ministerstvo/cooperation/eaes.pdf>. – Data dostupa: 10.12.2017.
4. Total natural resources rents (% of GDP) [Electronic resource] // The world bank. – Mode of access: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS?year_high_desc=true. – Date of access: 04.08.2017.
5. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Zakon Respubliki Belarus' «O protivodejstvii monopolisticheskoy deyatelnosti i razvitiu konkurencii»: Za-kon Resp. Belarus', 08 yanv. 2018 g., № 98-Z [Ehlektronnyj resurs] // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: <http://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11800098&p1=1>. – Data dostupa: 06.02.2018.
6. O zashchite konkurencii: Federal'nyj Zakon, 26 iyunya 2006 g., № 153-FZ: v red. Federal'nogo Zakona ot 03.07.2016 g. № 264-FZ // Zakonodatel'stvo Rossii. – Rezhim dostupa: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102011007&backlink=1&&nd=102108256>. – Data dostupa: 15.12.2017.
7. Predprinimatel'skij kodeks Respubliki Kazahstan, 29 okt. 2015 g., № 375-V [Ehlektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854#pos=0;0. – Data dostupa: 19.08.2017.
8. O zashchite ehkonomicheskoy konkurencii: zakon Respubliki Armeniya, 06 noya. 2000 g., № ZR-112 (red. ot 12.12.2013) [Ehlektronnyj resurs] // Nacional'noe sobranie Respubliki Armeniya. – Rezhim dostupa: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1272&lang=rus>. – Data dostupa: 15.12.2017.
9. O konkurencii: zakon Kyrgyzskoj Respubliki, 22 iyul. 2011 g., № 116 (red. ot 15.08.2016) [Ehlektronnyj resurs] / Gosudarstvennaya sluzhba intellektual'noj sobstvennosti i innovacij pri Pravitel'stve kyrgyzskoj Respubliki. – Rezhim dostupa: <http://patent.kg/index.php/ru/legislation/67-laws/kodeksy-i-zakony-kyrgyzskoj-respubliki/909-zakon-kyrgyzskoj-respubliki-o-konkurentsii.html>. – Data dostupa: 15.12.2017.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2018 года.

УДК 338.512

ББК 65.31

МЕТОДИКА РАСЧЕТА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СМЕТНОЙ СТОИМОСТИ
СТРОИТЕЛЬСТВА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП ПОМЕЩЕНИЙ

Н. К. САМАЛЬ

natasamall@gmail.com

аспирант кафедры «Экономика строительства»

Белорусский национальный технический университет

Государственное предприятие «РНТЦ по ценообразованию в строительстве»

г. Минск, Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме определения сметной стоимости строительства объектов многофункционального назначения на стадии обоснования инвестиций, и как решение для определения величины капитальных вложений в основные фонды предлагается методика определения сметной стоимости строительства на базе стоимостных показателей функциональных групп помещений. На основе проведенного исследования автором разработана методика расчета стоимостных показателей функциональных групп помещений, которые являются совокупностью пространственно связанных помещений и коммуникационных путей, и рассмотрен принцип применения данных стоимостных показателей для определения объема инвестиций в строительство объекта на этапе низкой детализации эскизных решений.

Ключевые слова: строительство, сметная стоимость строительства, функциональная группа помещений, локальная смета, проектно-технологический модуль.

THE FORMATION PROCEDURE OF THE ESTIMATED CONSTRUCTION COSTS
OF ROOM FUNCTION GROUPS

N. K. SAMAL'

PhD student, the Department of "Economics in Civil Engineering"

Belarus National Technical University

RUE "Republican Scientific and Technical Center for Pricing in Construction"

Minsk, Republic of Belarus

The article is concerned with the problem of cost estimation for multifunctional construction projects on the stage of pre-investment feasibility study. For addressing issues such as the definition of capital investment unto the property assets the author considers the procedure of construction cost estimation on the base of the cost indicators of room function groups. On a research basis the author has developed the calculation methodology of the cost indicators of room function groups. Room function groups present the assembly of spatially connected facilities and communication passages which are focused on define operations functions accomplishment. There is the procedure of the application of room function groups costs for the definition of the investment volume in building construction in the phase of poorly detailed preliminary design.

Keywords: construction, estimated construction cost, rooms function group, local cost estimate, planning and engineering module.

ВВЕДЕНИЕ

Проектирование строительных объектов – сложный, комплексный процесс, который подразумевает разработку многих разделов проектной документации. Помимо выработки технических решений происходит оценка предлагаемых к реализации вариантов проектов, то есть формируются сметные расчеты и в результате их анализа принимаются управленческие решения.

На стадии обоснования инвестиций определение величины капитальных вложений в основные фонды, базирующееся на расчете стоимости строительно-монтажных работ с применением нормативов расхода ресурсов по видам работ, затруднено из-за низкой детализации эскизного проекта. В свою очередь, применение типовых проектов в настоящее время не является правильным и универсальным решением, так как строительные технологии постоянно совершенствуются, появляется новое оборудование [1, с. 42].

По мнению О. С. Голубовой «точность оценки стоимости проекта повышается по мере продвижения проекта по жизненному циклу. Например, в фазе инициации проекта может быть получена оценка приблизительного порядка величины (rough order magnitude, ROM) в диапазоне от -25 до +7%. В дальнейшем, по мере поступления информации, окончательные оценки могут сузить диапазон точности от -5 до +10%» [2, с. 35].

Повышению точности расчетов по определению величины инвестиций на стадии обоснования инвестиций поспособствует разработка нового метода укрупненной оценки стоимости строительства, такого как определение сметной стоимости строительства на базе стоимостных показателей функциональных групп помещений (далее – ФГП), которые представляют собой совокупность пространственно связанных помещений и коммуникационных путей, предназначенных для выполнения определенных производственных функций.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Как отмечают в своей статье И. В. Ямщикова и Р. В. Сайфутдинова «Методы формирования укрупненных сметных норм», «метод расчета стоимости строительства по укрупненным сметным нормам имеет как сильные, так и слабые стороны». К преимуществам метода следует отнести, прежде всего, высокую скорость расчета, применимость данного метода при частичном или полном отсутствии проектной документации, а также возможность использования данного метода специалистами без строительного образования.

К недостаткам данного метода авторы относят ретроспективный характер данных, используемых для формирования укрупненных нормативов. Помимо этого недостатком метода, основанного на использовании укрупненных нормативов, является его затруднительное применение для уникальных нетиповых зданий [3, с. 2]. Тем не менее, достоверный расчет стоимости строительства объектов на стадии обоснования инвестиций может быть осуществлен на базе укрупненных нормативов, в том числе с использованием новой методики определения стоимости строительства на базе стоимостных показателей ФГП.

На рисунке 1 приведена организационно-экономическая модель формирования сметной стоимости строительства ФГП и их использования для расчета стоимости строительства объекта на стадии обоснований инвестиций.

Рисунок 1 – Организационно-экономическая модель формирования сметной стоимости строительства функциональных групп помещений и их использования для расчета стоимости строительства объекта на стадии обоснований инвестиций

Термин «функциональная группа помещений» широко используется как в разработанных на территории Беларуси технических кодексах установившейся практики, так и в нормативных документах стран постсоветского пространства. И если при разработке архитектурных решений выделение функциональных групп помещений, их расчет и распределение в объеме здания является неотъемлемой частью работы проектировщика, то при определении сметной стоимости строительства вопрос зонирования с учетом назначения помещений практически не исследуется.

Зонирование объектов-представителей с учетом назначения помещений, соответствующий расчет сметной стоимости по каждой функциональной группе помещений позволят в дальнейшем использовать информацию о стоимости по этим группам помещений в качестве структурных элементов для разработки предпроектной документации, определения стоимости строительства при оценке последующих инвестиционных проектов, а также позволят формировать сметную документацию с определением отдельных видов работ и расходов не только на строительство всего объекта, но и на выделяемые в его составе функциональные группы помещений, которые представляют собой совокупность пространственно связанных помещений и коммуникационных путей, предназначенных для выполнения определенных производственных функций [4, с. 55].

Применение при формировании сметной стоимости объекта строительства стоимостных показателей по функциональным группам помещений позволит осуществлять оценку инвестиционного проекта с учетом многовариантности проектирования, а также производить расчет сметной стоимости по каждому из предложенных вариантов проекта со значительно меньшими трудозатратами и большей степенью достоверности. Использование данной методики требует дальнейшего исследования и является актуальным, так как расчет рыночной стоимости объектов недвижимости выполняется как в многочисленных случаях обязательной оценки стоимости имущества, предусмотренных законодательством, так и при разрешении имущественных споров и для других целей [4, с. 59].

Разработка вопросов создания и применения методики определения сметной стоимости строительства на базе функциональных групп помещений необходима, так как остались незатронутыми и не проанализированными вопросы отражения архитектурно-

планировочных решений в сметной стоимости, а также пути совершенствования расчетов цены строительства, базирующиеся на детальном изучении групп помещений в качестве комбинируемых модулей проектируемого здания. Как и прежде нет инструмента, который бы решил обширный круг задач, начиная с оперативной и точной оценки возводимого здания в целом, а также его частей (функциональных групп), заканчивая определением стоимости помещений и их групп (функциональных групп) для целей оценки недвижимости [4, с. 55].

В процессе разработки методики формирования сметной стоимости строительства на основании показателей сметной стоимости строительства функциональных групп помещений и соответствующей методики расчета показателей сметной стоимости строительства функциональных групп помещений был сделан вывод о необходимости пополнения перечня методов разработки укрупненных сметных нормативов, представленного И. В. Ямщиковой и Р. В. Сайфутдиновой.

Авторы выделяют следующие методы разработки укрупненных сметных нормативов:

- на основе статистических данных по строительному комплексу (эти данные являются базой для обнаружения наиболее свойственных тенденций);

- на основе ресурсно-технических моделей, которые представляют собой неизменяемый в течение длительного периода времени агрегированный набор материальных и трудовых затрат, сформированный на основе данных по объектам-представителям [5]. В зарубежной практике аналогами ресурсно-технических моделей являются укрупненные показатели стоимости конструктивных элементов и видов работ на единицу физического объема зданий. По мнению авторов статьи, такие укрупненные сметные нормативы являются наиболее удобным инструментом для определения сметной стоимости строительства на стадии эскизного проектирования;

- на базе стоимостных показателей типовых проектных решений;

- посредством последовательного укрупнения сметных нормативов, то есть из сформированных сметных нормативов на комплексы работ складываются укрупненные сметные нормативы на конструктивные элементы здания.

Стоимостные показатели функциональных групп помещений наиболее близки ко второй группе укрупненных сметных нормативов, разрабатываемых на базе ресурсно-технических моделей, но основное отличие заключается в том, что укрупненные показатели стоимости приводятся не на единицу физического объема зданий, а на функциональную группу помещений.

Автор предлагает следующую методику определения стоимостных показателей функциональных групп помещений (далее – ФГП).

База ФГП наполняется показателями сметной стоимости строительства ФГП, полученных по результатам обработки проектно-сметной документации. Проектно-сметную документацию заказчик передает в Государственное предприятие «РНТЦ по ценообразованию в строительстве» - разработчикам базы ФГП.

Государственным предприятием «РНТЦ по ценообразованию в строительстве» разрабатываются показатели сметной стоимости строительства ФГП в следующем порядке:

1. Согласно данным чертежей, экспликации помещений и положениям действующих технических нормативных правовых актах выделяются ФГП с указанием площади.

2. Рассчитываются объемы, площади конструктивных элементов, физические объемы внутренних инженерных систем (длины трубопроводов, воздухопроводов, сетей, количество единиц оборудования) и удельные стоимостные показатели строительно-монтажных работ на единицу конструктивного элемента, на единицу длины внутренних

инженерных коммуникаций, на единицы монтируемого оборудования с использованием ведомостей объемов и стоимости работ.

Ведомости объемов и стоимости работ формируются на основании данных локальных смет и содержат наименования видов работ в разрезе проектно-технологических модулей (далее – ПТМ), объем в физических единицах измерения, величины заработной платы, эксплуатации машин и механизмов, в том числе зарплаты машинистов, стоимость материалов, изделий, конструкций и затраты на транспорт, стоимость оборудования, мебели, инвентаря, а также транспорт, ОХР и ОПР, величину плановой прибыли и прочих средств. Так как ПТМ является комплексом однородных строительно-монтажных работ, технологически связанных между собой и привязывается к конкретному конструктивному элементу или инженерной системе, ведомость объемов и стоимости работ в разрезе ПТМ с объемами работ и их стоимостью используется для расчета удельных стоимостных показателей на создание единицы конструктивного элемента, на прокладку единицы инженерных коммуникаций, на монтаж единицы оборудования внутренних инженерных систем или технологического оборудования.

ПТМ с конкретным кодом может несколько раз повторяться как в пределах одной сметы, так и в нескольких локальных сметах, таким образом, идентичные ПТМ нужно просуммировать.

3. Затраты по созданию конструктивного элемента или по монтажу системы инженерного обеспечения относятся на ФГП или общую площадь проектируемого объекта.

4. Рассчитываются объемы конструктивных элементов, образующих ФГП; количество единиц оборудования, размещаемого в пределах ФГП; длины инженерных коммуникаций, прокладываемых на площади ФГП.

5. Определяются стоимости строительства ФГП путем суммирования произведения объема или площади конструктивного элемента, образующего ФГП, на удельный стоимостной показатель строительно-монтажных работ по созданию конструктивного элемента; произведения количества единиц оборудования, размещаемого в пределах ФГ на удельный стоимостной показатель строительно-монтажных работ на единицу монтируемого оборудования; произведения длины инженерных коммуникаций, прокладываемых на площади ФГ, на удельный стоимостной показатель строительно-монтажных работ на единицу длины внутренних инженерных коммуникаций.

6. Рассчитываются поправки на зону строительства и инфляционные процессы, определяются другие затраты подрядчика и заказчика. Рассчитывается сметная стоимость строительства ФГП на 1 м² площади ФГП и на 1 м³ объема ФГП для корректировки габаритов ФГП согласно намерениям заказчика.

База показателей сметной стоимости строительства ФГП должна пополняться новыми сведениями и может использоваться при обосновании инвестиций.

В процессе эскизного архитектурного проектирования вариантов происходит сборка проектируемого объекта из ФГП в зависимости от его назначения, пожеланий заказчика и требований технических нормативных правовых актов. Уточняются габариты объекта, размещение ФГП, виды конструкций и основных строительных материалов. В силу реализации принципа многовариантного проектирования осуществляется предварительная оценка стоимости работ с использованием сметной стоимости строительства ФГП.

ВЫВОДЫ

Среди результатов, ожидаемых от развития строительного комплекса Республики Беларусь согласно Концепции развития строительного комплекса Республики Беларусь

на 2011–2020 годы, следует выделить повышение уровня научного обеспечения строительного комплекса и повышение эффективности реализации инвестиционных проектов [6]. Достижение таких качественных результатов невозможно без комплексной обработки всей взаимоувязанной архитектурно-конструкторской, технологической, экономической и иной информации об объекте строительства. Определение сметной стоимости строительства на базе стоимостных показателей функциональных групп помещений на стадии обоснования инвестиций отвечает наиболее перспективным направлениям развития ценообразования в строительстве, позволяет оценивать многофункциональные объекты недвижимости, которые в современных условиях включают помещения различного назначения (например, торговые комплексы с площадями не только под хранение, распределение и сбыт продукции, но и для целей культуры и офисной работы). Также данная методика может найти выражение в разработке автоматизированной системы, которая позволит как определять величину капитальных вложений в создание основных фондов, так и оценивать объекты недвижимости.

Экономический эффект от применения стоимостных показателей функциональных групп помещений для определения стоимости строительства на прединвестиционной стадии достигается за счет снижения продолжительности формирования сметной документации, повышения достоверности расчетов сметной стоимости в текущих ценах при обосновании инвестиций, а также за счет создания информационной основы для внедрения вариантного проектирования. Вариантный метод проектирования в настоящее время применяется все чаще, так как позволяет заказчику увидеть все возможные способы строительства здания или сооружения, определить наиболее выгодные варианты экономии и способы уменьшения трудозатрат [7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сайфутдинова Р. В. Развитие метода укрупненных сметных нормативов в оценке стоимости строительства для объектов производственного назначения / Р. В. Сайфутдинова // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. – 2012. – № 2 (3). – С. 41–48.
2. Ямщикова, И. В. Методы формирования укрупненных сметных норм / И. В. Ямщикова, Р. В. Сайфутдинова // Baikal Research Journal. – 2015. – № 3. – С. 1–10.
3. Техничко-экономические показатели объекта строительства. Правила определения площадей и объемов зданий и сооружений: ТКП 45-1.02-302–2015 (33020). Введ. 20.03.15. – Минск: РУП «Республиканский научно-технический центр по ценообразованию в строительстве», ГРУП «Главгостройэкспертиза», 2015. – С. 1–31.
4. Самаль Н. К. Методика формирования базы данных сметной стоимости строительства помещений различного функционального назначения / Н. К. Самаль // Труды БГТУ. Серия 5. – 2018. – № 1. – С. 53–60.
5. Методические рекомендации по формированию и использованию укрупненных показателей базисной стоимости (УПБС) с учетом потребительских свойств строительной продукции для объектов жилищно-гражданского назначения. Разослано письмом Госстроя РФ от 29.12.93 N 12-346 [Электронный ресурс] // PPT.ru. – Режим доступа: <http://ppt.ru/docs/pismo/minstroy/n--84412>. – Дата доступа: 12.09.2018.
6. Концепция развития строительного комплекса Республики Беларусь на 2011–2020 годы. Утверждена Постановлением Совета Министров Республики Беларусь, 28 октября 2010 г., № 1589 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21001589>. – Дата доступа: 12.09.2018.

7. Вариантное проектирование [Электронный ресурс] // Общество с ограниченной ответственностью «Фармконтракт – Комплексные Решения». – Режим доступа: <http://phct.ru/variantnoe-proektirovanie/>. – Дата доступа: 12.09.2018.

REFERENCES

1. Sajfutdinova R. V. Razvitie metoda ukрупnennyh smetnyh normativov v ocenke stoimosti stroitel'stva dlya ob"ektov proizvodstvennogo naznacheniya / R. V. Sajfutdinova // Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'. – 2012. – № 2 (3). – S. 41–48.

2. Yamshchikova, I. V. Metody formirovaniya ukрупnennyh smetnyh norm / I. V. Yamshchikova, R. V. Sajfutdinova // Baikal Research Journal. – 2015. – № 3. – S. 1–10.

3. Tekhniko-ehkonomicheskie pokazateli ob"ekta stroitel'stva. Pravila opredeleniya ploshchadej i ob'emov zdaniy i sooruzhenij: ТКР 45-1.02-302–2015 (33020). Vved. 20.03.15. – Minsk: RUP «Respublikanskij nauchno-tekhnicheskij centr po cenoobrazovaniyu v stroitel'stve», GRUP «Glavgostrojsekhspertiza», 2015. – S. 1-31.

4. Samal' N. K. Metodika formirovaniya bazy dannyh smetnoj stoimosti stroitel'stva pomeshchenij razlichnogo funkcional'nogo naznacheniya / N. K. Samal' // Trudy BGTU. Seriya 5. – 2018. – № 1. – S. 53–60.

5. Metodicheskie rekomendacii po formirovaniyu i ispol'zovaniyu ukрупnennyh pokazatelej bazisnoj stoimosti (UPBS) s uchetom potrebitel'skih svojstv stroitel'noj produkcii dlya ob"ektov zhilishchno-grazhdanskogo naznacheniya. Razoslano pis'mom Gosstroya RF ot 29.12.93 N 12-346 [Электронный ресурс] // PPT.ru. – Режим доступа: <http://ppt.ru/docs/pismo/minstroy/n--84412>. – Дата доступа: 12.09.2018.

6. Koncepciya razvitiya stroitel'nogo kompleksa Respubliki Belarus' na 2011–2020 gody. Utverzhdena Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus', 28 oktyabrya 2010 g., № 1589 [Электронный ресурс] // Nacional'nyj pravovoj Internet-portal Respubliki Belarus'. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21001589>. – Дата доступа: 12.09.2018.

7. Variantnoe projektirovanie [Электронный ресурс] // Обществo с ограниченно-й ответственност'ю «Фармконтракт – Комплексные Решения». – Режим доступа: <http://phct.ru/variantnoe-proektirovanie/>. – Дата доступа: 12.09.2018.

Статья поступила в редакцию 13 сентября 2018 года.

УДК 658.5:662.2

ББК 65.290

СПЕЦИФИКА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ДЛЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Е. И. ТЫМУЛЬ

kezy@mail.ru

старший преподаватель кафедры «Экономика и организация энергетики»

Белорусский национальный технический университет

г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассмотрены различные интерпретации понятия бизнес-процессов. Приведены несколько видов классификации бизнес-процессов и обоснована необходимость корректировки классификации с учетом особенностей технологического процесса различных видов экономической деятельности. В частности автором предложено для предприятий энергетики использовать управление рисками в качестве одного из управляющих бизнес-процессов. Рассмотрены особенности проявления рисков для энергетических предприятий и стадий технологического цикла производства энергии.

Ключевые слова: бизнес-процесс, классификация, технология, энергетика, риск.

SPECIFICITY OF BUSINESS PROCESSES FOR ENTERPRISES OF ENERGY

E.I. TYMUL

Senior Lecturer of the Department "Economy and Organization of Energy"

Belarus National Technical University

Minsk, Republic of Belarus

The article considers various interpretations of the concept of business processes. These are several types of classification of business processes and the justification for adjusting the classification, taking into account the features of the technological process of various types of economic activity. One of the leading business processes uses one of the business process managers. The features of the manifestation of risks for energy enterprises and the stages of the technological cycle of energy production are considered.

Keywords: business process, classification, technology, energy, risk.

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап развития экономики характеризуется преимущественно высокотехнологичным производством, требующим оптимального оперативного управления. В процессе создания и реализации готового продукта предприятий выделяется большое количество отдельных повторяющихся этапов, которые можно объединить в отдельные бизнес-процессы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В современной экономике уделяется особое внимание планированию бизнес-процессов. Анализируя труды отечественных и зарубежных ученых можно сделать вывод о том, что в настоящий момент существует множество интерпретаций определения биз-

нес-процессов. На пример, И. В. Рыжкова считает, что бизнес-процесс – это «совокупность выполняемых операций, включенная в организационно-технологическую систему, по преобразованию ресурсов в результаты (товары и услуги) для данной системы, а также других систем» [1].

Для А. А. Антонюк, бизнес-процесс – это «совокупность выполняемых предприятием в течение определенного времени специфических процессов производства и реализации продукции, результатом чего становится продукция, предоставляемая потребителю» [2].

В работе М. Хаммер и Дж. Чампи [3] бизнес-процесс определяется как «совокупность видов деятельности, в рамках которой на «входе» используется один или несколько видов ресурс, а на «выходе» получается продукт, представляющий ценность для потребителя.

Стоит отметить, что практически в каждое определение бизнес-процессов закладываются следующие составляющие: цель бизнес-процесса (с ориентацией на потребителя), наличие «входа» в виде различных ресурсов, наличие «выхода» в виде товара или услуги. Также бизнес-процесс имеет определенную длительность и системный характер.

Таким образом, бизнес-процессы – это стандартная последовательность (цепочка) многократно повторяющихся действий на предприятии, целью которой является преобразование ресурсов в конечный клиентоориентированный товар или услугу.

В настоящее время в экономической науке существует несколько основных классификаций бизнес-процессов. Одна из них, наиболее подробная, включает в себя следующие виды процессов: основные процессы, сопутствующие процессы, вспомогательные процессы, обеспечивающие процессы, управляющие процессы и процессы развития (таблица 1).

Таблица 1. – Характеристика бизнес-процессов

Виды процессов	Характеристика процессов
Основные процессы	процессы, ориентированные на производство товара или оказание услуги, являющиеся целевыми объектами создания предприятия и обеспечивающие получение дохода
Сопутствующие процессы	процессы, ориентированные на производство товара или оказание услуги, являющиеся результатами сопутствующей основному производству производственной деятельности и также обеспечивающие получение дохода
Вспомогательные процессы	процессы, предназначенные для обеспечения выполнения основных бизнес-процессов и поддержания их специфических черт
Обеспечивающие процессы	процессы, предназначенные для жизнеобеспечения всех остальных бизнес-процессов и ориентированные на поддержку их универсальных черт
Управляющие процессы	процессы, охватывающие весь комплекс функций управления на уровне каждого бизнес-процесса и бизнес-системы в целом (процессы стратегического, оперативного и текущего планирования, формирования и осуществления управленческих воздействий)
Процессы развития	процессы совершенствования производимого товара или услуги, технологий, модификации оборудования

*составлено на основе [4]

Приведенная выше классификация является расширенной, однако авторами чаще используется более узкая классификация, в которую включаются обеспечивающие, базовые и управляющие процессы. На рисунке 1 представлена уровневая классификация бизнес-процессов.

Рисунок 1 – Уровневая классификация бизнес-процессов

Перечисленные классификации являются наиболее общими. Однако любая классификация нуждается в корректировке с учетом особенностей технологической и организационной составляющей деятельности предприятия.

Энергетика имеет ряд своих специфических характеристик, которые коренным образом отличают ее от других видов экономической деятельности:

- Технологическое единство и совпадение во времени процессов генерации, передачи, распределения и потребления энергии;
 - Параллельная работа всех станций на совмещенный суточный график нагрузки;
 - Быстрое развитие аварий, требующее автоматического управления режимами.
- Энергия является специфическим товаром, что отличает ее от других видов товаров, а именно:
- Невозможность в больших объемах эффективно складировать энергию;
 - Обезличенность энергии как товара, так как вся энергия поступает в общую сеть;
 - Невозможность выбраковки энергии;
 - Потребность в энергии постоянна и повсеместна [5].

Поэтому, бизнес-процессы энергетических предприятий тоже будут иметь свои особенности. Над вопросами специфики бизнес-процессов предприятий топливно-энергетического комплекса на протяжении ряда лет занимаются некоторые российские авторы. В частности, А. М. Кириллов в [6] указывает следующие особенности бизнес-процессов: непрерывное производство; постоянный (неэластичный) спрос; высокая степень интеграции с добывающими предприятиями; большая фондоемкость; высокая энергоемкость. А Н. Г. Остроухова в [7] уточняет данный перечень, добавляя такие особенности, как: высокая степень интеграции бизнес-процессов переработки, транспортировки и распределения готового продукта конечному потребителю; зависимость от уровня развития транспортной инфраструктуры.

Производство энергии включает в себя следующие основные технологические стадии: генерация, передача, распределение и сбыт. Каждая из стадий имеет свои суще-

ственные особенности производственного процесса, которые находят отражение в организации производства на данных предприятиях. К примеру, «входом» для генерирующих предприятий будут являться энергоносители, а «выходом» энергия различных видов, которая и является «входом» для транспортных и распределительных предприятий.

Учитывая особенности энергетики как вида экономической деятельности и специфику бизнес-процессов энергетических предприятий на всех технологических стадиях процесса производства энергии, автором данной статьи была разработана классификация бизнес-процессов для генерирующих предприятий (рисунок 2).

Управляющие бизнес-процессы для генерирующих предприятий включают ряд последовательных мероприятий по обеспечению организационной и административной подготовки для осуществления основной деятельности. На этапах управляющих бизнес-процессов закладывается общая стратегия развития предприятия, формируются финансовые планы и план по работе с персоналом, осуществляется контроль за качеством отпускаемой энергии. Практически все из перечисленных процессов осуществляются на энергетических предприятиях и в настоящее время. Однако, с переходом энергетики к рыночным отношениям, предприятия столкнутся и с появлением новых для себя бизнес-процессов. В частности, в настоящее время тарифы на электрическую и тепловую энергию регулируются антимонопольным законодательством. При работе генерирующих предприятий в условиях конкурентной борьбы тарифы будут определяться уже рынком. Поэтому на генерирующих предприятиях возникнет необходимость во внедрении других подходов в формировании своей себестоимости и тарифов в целом.

Энергетические предприятия столкнутся с необходимостью использования риск-менеджмента, так как переход от государственной поддержки к работе в условиях рынка предполагает значительное влияние различных видов рисков на деятельность хозяйствующего субъекта. При этом требуется отметить, что перечень и влияние тех или иных видов рисков для предприятий различных технологических стадий производства энергии будут в значительной степени отличаться [8].

Так для предприятий стадии генерации энергии самыми значимыми рисками будут являться производственно-технические, экологические, технологические, природно-естественные и финансовые. Также влияние на эти предприятия будут оказывать рыночные, организационные инвестиционные и поведенческие риски.

На предприятия стадии передачи энергии наибольшее влияние будут иметь транспортный, производственно-технический, финансовый и технологический виды рисков. Так как передача и распределение энергии имеют стратегическое значение для обеспечения надежного и бесперебойного энергоснабжения, то сетевые и распределительные предприятия в Республике Беларусь в основном будут находиться в системе государственного управления. В связи с этим на эти предприятия будет иметь воздействие регуляторный риск.

Основной деятельностью энергосбытовых предприятий является заключение договоров на отпуск энергии потребителям, поэтому их деятельность не связана непосредственно с производством.

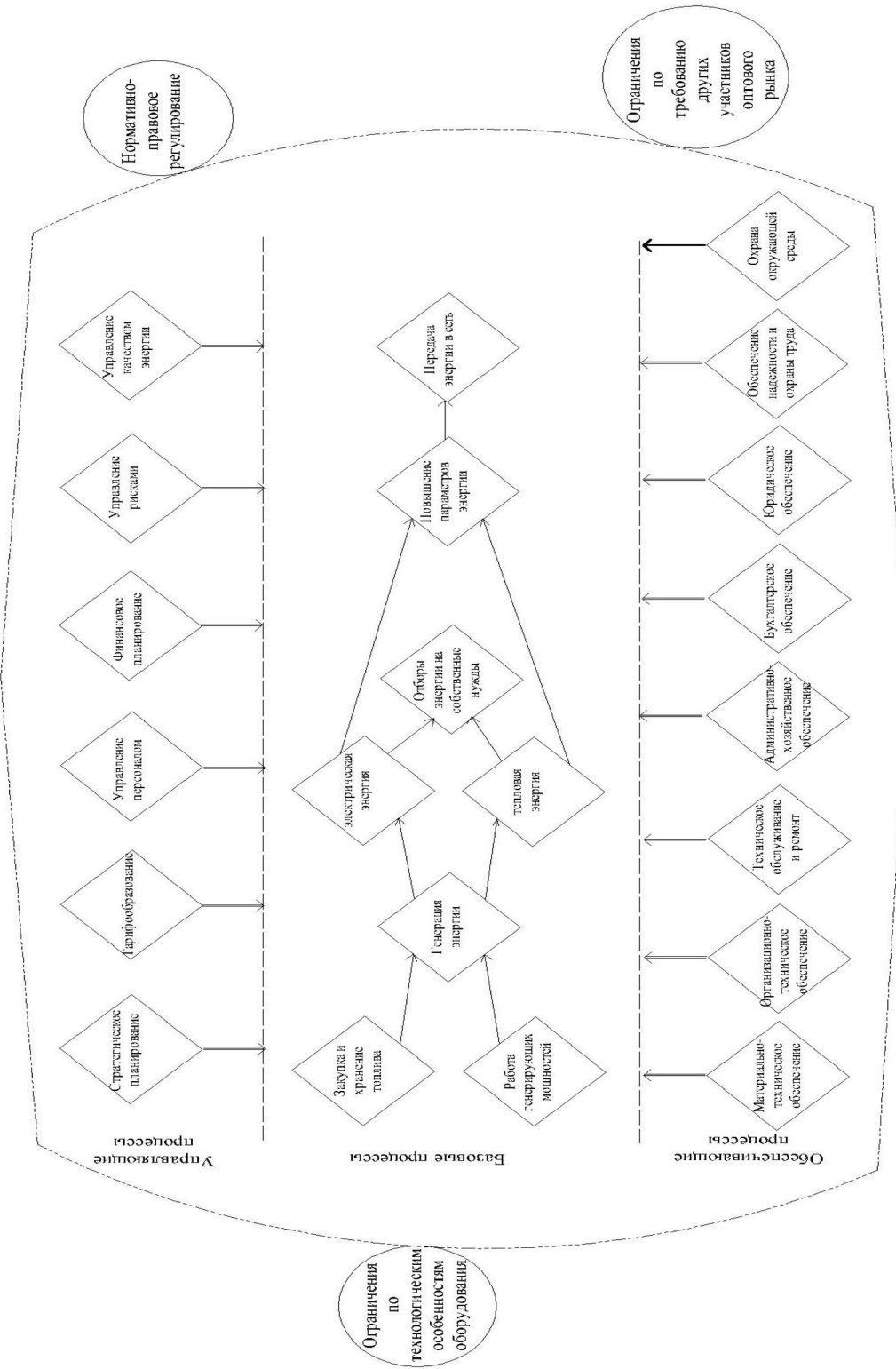

Рисунок 2. – Классификация бизнес-процессов генерирующих предприятий

В связи с этим, такие виды рисков, как производственно-технические, технологические и прочие риски, присущи предприятиям стадии генерации, передачи и распределения, не являются типичными и значимыми для энергосбытовых предприятий.

ВЫВОДЫ

Таким образом, работа предприятий энергетики в условиях рынка потребует использования механизмов риск-менеджмента как одного из элементов управляющих бизнес-процессов. Это позволит обеспечить не только стабильную и конкурентную работу предприятий энергетики, но и выполнение договорных обязательств перед потребителями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рыжкова, И. В. Инновационные формы бизнес-процессов кредитно-финансовых учреждений: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 08.00.10 / И. В. Рыжкова ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2003. – 25 с.
2. Антонюк, А. А. Совершенствование управления бизнес-процессами предприятий промышленности (на примере Республики Северная Осетия – Алания): автореф. дис. ...канд. экон. наук: 08.00.05 / А. А. Антонюк ; Астрахан. гос. техн. ун-т., – Астрахань, 2006. – 24 с.
3. Хаммер, М. Реинжиниринг корпорации: Манифест революции в бизнесе / пер. с англ.; под ред. с предисл. В. С. Кат'кало. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. – 332 с.
4. Что такое бизнес-процессы: основные понятия и определения [Электронный ресурс] // Элитариум. Центр дополнительного образования. – Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/biznes-process-organizacija-menedzher-upravlenie-resursy-predpriyatije/>. – Дата доступа: 02.09.2018.
5. Любимова, Н. Г. Экономика и управление в энергетике : учебник для магистров / под общ. ред. Н. Г. Любимовой, Е. С. Петровского. – М. : Издательство Юрайт, 2014. – 485 с.
6. Кириллов, А. М. Методологические аспекты развития бизнес-процессов в нефтеперерабатывающей промышленности и оценка их эффективности: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 08.00.05 / А. М. Кириллов ; Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2007. – 23 с.
7. Остроухова, Н. Г. Бизнес-процессы предприятий ТЭК: понятие, содержание, классификация / Н. Г. Остроухова // Менеджмент. – 2012. – № 1 – С. 118–122.
8. Тымуль, Е. И. Основные этапы процесса управления рисками с учетом технологических особенностей производства / Е. И. Тымуль // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 269–275.

REFERENCES

1. Ryzhkova, I. V. Innovacionnyye formy biznes-processov kreditno-finansovykh uchrezhdenij: avtoref. dis. ...kand. ehkon. nauk: 08.00.10 / I. V. Ryzhkova ; Volgogr. gos. un-t. – Volgograd, 2003. – 25 s.
2. Antonyuk, A. A. Sovershenstvovanie upravleniya biznes-processami pred-priyatij promyshlennosti (na primere Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya): avto-ref. dis. ...kand. ehkon. nauk: 08.00.05 / A. A. Antonyuk ; Astrahan. gos. tekhn. un-t., – Astrahan', 2006. – 24 s.
3. Hammer, M. Reinzhiniring korporacii: Manifest revolyucii v biznese / per. s angl.; pod red. s predisl. V. S. Kat'kalo. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2000. – 332 s.

4. Chto takoe biznes-processy: osnovnye ponyatiya i opredeleniya [Ehlektronnyj resurs] // Ehliarium. Centr dopolnitel'nogo obrazovaniya. – Rezhim dostupa: <http://www.elitarium.ru/biznes-process-organizacija-menedzher-upravlenie-resursy-predpriyatie/>. – Data dostupa: 02.09.2018.

5. Lyubimova, N. G. Ehkonomika i upravlenie v ehnergetike : uchebnik dlya magistrrov / pod obshch. red. N. G. Lyubimovoj, E. S. Petrovskogo. – M. : Izdatel'stvo Yurajt, 2014. – 485 s.

6. Kirillov, A. M. Metodologicheskie aspekty razvitiya biznes-processov v neftepererabatyvayushchej promyshlennosti i oценка ih ehffektivnosti: avtoref. dis. ...kand. ehkon. nauk: 08.00.05 / A. M. Kirillov ; Nizhegor. gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo. – N. Novgorod, 2007. – 23 s.

7. Ostrouhova, N. G. Biznes-processy predpriyatij TEHK: ponyatie, sodержanie, klasifikaciya / N. G. Ostrouhova // Menedzhment. – 2012. – № 1 – S. 118–122.

8. Tymul', E. I. Osnovnye ehtapy processa upravleniya riskami s uchetom tekhnologicheskikh osobennostej proizvodstva / E. I. Tymul' // Ehkonomicheskaya nauka sego-dnya : sb. nauch. st. / BNTU. – Minsk, 2017. – Vyp. 6. – S. 269–275.

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2018 года.

УДК 338.5: 628.12.034.3

ББК 65.32

ОСОБЕННОСТИ РАСЧЕТА СЕБЕСТОИМОСТИ ВОДЫ ДЛЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Е. В. ХМЕЛЬ

kati2730565@mail.ru

старший преподаватель кафедры «Экономика строительства»
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Республика Беларусь

В статье рассмотрены проблемы и особенности расчета себестоимости воды для сельскохозяйственных организаций, проанализированы отношения между собственниками систем водоснабжения и специализированными предприятиями при эксплуатации систем водоснабжения. Это позволило: 1) создать организационные модели эксплуатации систем водоснабжения сельскохозяйственных организаций; 2) уточнить группировку затрат для расчета себестоимости воды сельскохозяйственных организаций; 3) разработать методику расчета себестоимости воды для сельскохозяйственных организаций с целью создания единого подхода к расчету затрат на водоснабжение и поиска резервов экономии.

Ключевые слова: организационные модели, себестоимость воды, затраты на водоснабжение, методика расчета себестоимости воды, резерв экономии.

FEATURES OF CALCULATION OF THE COST OF WATER FOR AGRICULTURAL ORGANIZATIONS

K. V. KHMEL

teacher of Department «Economics in Civil Engineering»
Belarus National Technical University
Minsk, Republic of Belarus

The article deals with the problems and features of calculating the cost of water for agricultural organizations, analyzed the relationship between the owners of water supply systems and specialized enterprises in the operation of water supply systems. This allowed: 1) to create organizational models for the operation of water supply systems of agricultural organizations; 2) to clarify the grouping of costs for the calculation of the cost of water of agricultural organizations; 3) to develop a methodology for calculating the cost of water for agricultural organizations in order to create a unified approach to the calculation of water supply costs and search for savings reserves.

Keywords: organizational models, water cost, water supply costs, method of calculation of water cost, saving reserve.

ВВЕДЕНИЕ

Сельскохозяйственные организации являются производителями сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров, которые необходимы для удовлетворения потребностей внутреннего рынка, а также идут на экспорт, обеспечивая приток валютных поступлений. По данным национального статистического комитета в 2017 году в Республике Беларусь доля экспорта продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья

составила 16,6 %, а импорта – 13,2 % [1]. Тенденция превышения экспорта над импортом продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья сохранилась и в 2018 году, так по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь экспорт за январь-июль 2018 года составил 15,1 % от общего объема, а импорт – 11,5 % [2].

Внешнеторговая стратегия Республики Беларусь в области производства продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья направлена на увеличение экспорта и уменьшение импорта за счет повышения эффективности работы сельскохозяйственных организаций для обеспечения продовольственной и экономической безопасности страны. Поэтому мероприятия, связанные с улучшением качества сельскохозяйственного сырья, продовольственных товаров и снижением их себестоимости, являются актуальным направлением исследования, в частности рассмотрение вопросов об особенностях расчета себестоимости воды для сельскохозяйственных организаций, которая необходима при производстве и переработке сельскохозяйственного сырья, продовольственных товаров, удовлетворении питьевых и хозяйственных нужд сотрудников, а также тушении пожаров.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в стране на 1 января 2018 года функционирует 1357 сельскохозяйственных организаций [3, с. 19], для эффективного функционирования которых необходимо бесперебойное снабжение водой установленного нормами качества в требуемом количестве с оптимальными затратами.

По данным Государственного водного кадастра Республики Беларусь ежегодно на нужды сельскохозяйственного водоснабжения используется порядка 116,4 млн. м³ воды, что составляет около 8 % от общего количества воды добытой из природных источников [4, с. 130]. Для сельскохозяйственных организаций вода является важным компонентом, позволяющим повысить урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства, производство продовольственной продукции и переработку сельскохозяйственного сырья.

Водоснабжение сельскохозяйственных организаций имеет ряд отличительных особенностей, которые оказывают влияние на осуществление их эксплуатации, учет затрат и расчет себестоимости воды. Самая главная особенность заключается в том, что для обеспечения водой сельскохозяйственных организаций используются локальные системы водоснабжения, обеспечивающие водой отдельные производственные подразделения сельскохозяйственных организаций (ферма, птицефабрика, растениеводческий комплекс, животноводческий комплекс, ремонтные мастерские, склады и другие здания аналогичного характера). Значительная территориальная удаленность между производственными подразделениями сельскохозяйственной организации и малые объемы водопотребления в пределах одной локальной системы водоснабжения приводят к тому, что на балансе может числиться 5 и более локальных систем водоснабжения [5]. Основным источником водоснабжения для сельскохозяйственных организаций являются подземные воды, вследствие их повсеместного расположения и достаточного количества: «объем только подземных вод, используемых сегодня, составляет менее 50 % разведанных и менее 7 % прогнозных их запасов, что свидетельствует об огромном резерве...» [6].

Отсутствие законодательно утвержденной системы организации эксплуатации систем водоснабжения для сельскохозяйственных организаций приводит к тому, что они самостоятельно принимают решения в области планирования, контроля, реализации эксплуатации своих локальных систем водоснабжения и учета затрат на водоснабжение,

а проведение единой государственной политики в сфере охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, проектирования, строительства, эксплуатации объектов водоснабжения закреплено за рядом министерств и исполнительных комитетов.

Следует отметить, что единой методики расчета себестоимости воды для сельскохозяйственных организаций нет, так как, несмотря на свою значимость, водоснабжение для сельскохозяйственных организаций является вспомогательным производством. Согласно методическим рекомендациям по учету затрат и калькулированию себестоимости сельскохозяйственной продукции (работ, услуг) «вспомогательные производства оказывают услуги или выполняют работы для основного производства, тем самым обеспечивают ему нормальную работу ...» [7]. К вспомогательным производствам в сельскохозяйственных организациях также относятся: ремонтные мастерские, автомобильный транспорт, гужевой транспорт, электроснабжение, теплоснабжение, газоснабжение, холодильные установки.

В соответствии с типовым планом счетов бухгалтерского учета затраты всех вспомогательных производств отражаются на синтетическом счете 23 «Вспомогательные производства» с выделением или без соответствующих субсчетов, на усмотрение бухгалтера [8]. В итоге получается, что каждая сельскохозяйственная организация может использовать свою методику расчета затрат на водоснабжение и не обязана по каждому вспомогательному производству выделять отдельные субсчета, что препятствует выявлению резервов экономии.

В соответствии с типовым планом счетов бухгалтерского учета Республики Беларусь «счет 23 «Вспомогательные производства» предназначен для обобщения информации о затратах производств, которые являются вспомогательными для основного производства организации. К счету 23 «Вспомогательные производства» могут быть открыты субсчета по видам вспомогательных производств» [8]. В итоге получается, что каждая сельскохозяйственная организация может использовать свою методику расчета затрат на водоснабжение и не обязана по каждому вспомогательному производству выделять отдельные субсчета, что препятствует выявлению резервов экономии.

Для определения себестоимости воды из централизованных систем водоснабжения используется «Инструкция о порядке планирования и калькулирования затрат на оказание отдельных жилищно-коммунальных услуг» [9], которая определяет порядок планирования, учета затрат на производство и расчет себестоимости услуг, оказываемых предприятиями жилищно-коммунального хозяйства и водопроводно-канализационного хозяйства, для которых водоснабжение является одним из основных видов деятельности.

Согласно данной инструкции затраты на холодное водоснабжение из подземных источников водоснабжения включают затраты на: подъем воды; очистку воды (включая затраты на эксплуатацию станций обезжелезивания); транспортировку и подачу воды; проведение аварийно-восстановительных работ; налоги, сборы и другие обязательные отчисления; прочие прямые затраты; накладные расходы. «После определения затрат по каждой статье определяются общие затраты на оказание услуг по холодному водоснабжению и затраты на 1 куб. метр реализованной воды» [9] в соответствии с калькуляцией затрат на оказание услуг по холодному водоснабжению, составляемой по установленной форме.

Используемая в рассмотренной инструкции группировка затрат не может применяться к системам водоснабжения сельскохозяйственных организаций, так как предназначена для централизованных систем водоснабжения и не учитывает особенности формирования затрат при эксплуатации локальных систем водоснабжения.

Данная ситуация приводит к тому, что сельскохозяйственным организациям для бесперебойного получения качественной воды по оптимальной себестоимости необходима методика расчета себестоимости воды, которая будет учитывать все особенности эксплуатации сельскохозяйственных систем водоснабжения и позволит выявить резервы экономии.

Поэтому следует изучить процесс эксплуатации систем водоснабжения сельскохозяйственных организаций, который можно представить в виде органически взаимосвязанных модулей: информационного, организационного и технического (рисунок 1).

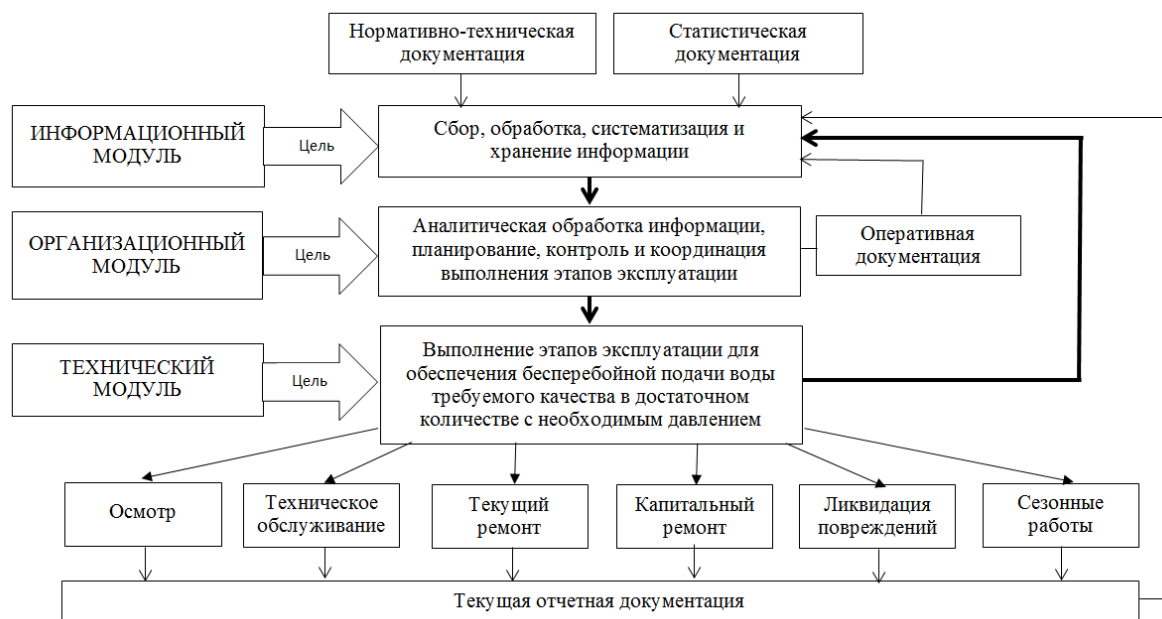

Рисунок 1 – Структура процесса эксплуатации систем водоснабжения сельскохозяйственных организаций [разработка автора]

Информационный модуль отражает формирование банка данных, с целью сбора и хранения документов, необходимых для планирования и реализации процесса эксплуатации.

Организационный модуль включает процедуры планирования, контроля и координации работ по эксплуатации систем водоснабжения сельскохозяйственных организаций, которые связаны с формированием и реализацией годового организационно-технического плана, содержащего состав и сроки выполнения ремонтно-профилактических работ, сгруппированных в этапы по составу и периодичности выполнения работ.

Технический модуль характеризует непосредственное выполнение этапов эксплуатации для обеспечения бесперебойной подачи воды требуемого качества в достаточном количестве с заполнением соответствующей документации. К этапам эксплуатации относятся осмотр, техническое обслуживание, текущий ремонт, капитальный ремонт, ликвидация повреждений, сезонные работы.

Осмотр позволяет своевременно выявлять неисправности в элементах водоснабжения и определять для них сроки выполнения последующих этапов эксплуатации и перечень работ. Техническое обслуживание необходимо для уменьшения интенсивности износа основных конструкций, деталей и узлов элементов водоснабжения, снижения расхода электроэнергии и смазочных материалов, приведение элементов водоснабжения в надлежащее санитарное состояние, предупреждения возникновения отказов

и неисправностей. Текущий ремонт направлен на устранение неисправностей, которые не приводят к остановке работы элементов водоснабжения, но снижают эффективность водоснабжения в целом. Капитальный ремонт предназначен для приведения элементов водоснабжения в надлежащее техническое состояние. Ликвидация повреждений необходима для оперативного восстановления бесперебойности водоснабжения в результате разрушения отдельных частей элементов водоснабжения. Сезонные работы – подготовка элементов водоснабжения к осенне-зимнему периоду для исключения негативного влияния на них природно-климатических условий.

Выполнение этапов эксплуатации может осуществляться как силами специалистов сельскохозяйственной организации, так и за счет привлечения специализированных предприятий. В Республике Беларусь к специализированным предприятиям в сфере эксплуатации систем водоснабжения относятся:

– ОАО «Барановичпромбурвод», ОАО «Заславльпромбурвод», ОАО «Слуцкпромбурвод», ОАО «Гроднопромбурвод», ОАО «Витебскпромбурвод», ОАО «Гомельпромбурвод», ОАО «Могилевпромбурвод», входящие в состав РО «Белсельхозтехника» и специализирующиеся на строительстве, ремонте и тампонаже (ликвидации) водозаборных скважин;

– районные и областные предприятия жилищно-коммунального хозяйства и водопроводно-канализационного хозяйства, осуществляющие водоснабжение и водоотведение всех групп потребителей и способные выполнять все виды ремонтно-профилактических работ для элементов водоснабжения;

– частные специализированные предприятия, выполняющие отдельные виды ремонтных работ по эксплуатации элементов водоснабжения (замена насоса, техническое обслуживание, регенерация фильтра, восстановление дебета скважины, очистка внутренних стенок башен и др.).

С целью описания отношений между собственниками систем водоснабжения и специализированными предприятиями при эксплуатации систем водоснабжения были разработаны четыре альтернативные организационные модели эксплуатации [11]:

– модель 1 – автономная эксплуатация предусматривает, что эксплуатация систем водоснабжения осуществляется только силами специалистов сельскохозяйственной организации;

– модель 2 – частично делегированная эксплуатация предполагает, что сельскохозяйственные организации привлекают к выполнению отдельных видов ремонтно-профилактических работ для элементов систем водоснабжения специализированные предприятия;

– модель 3 – полностью делегированная эксплуатация основана на том, что сельскохозяйственная организация делегирует выполнение всех ремонтно-профилактических работ, специализированным предприятиям;

– модель 4 – эксплуатация специализированным предприятием заключается в том, что сельскохозяйственная организация на определенный срок передает право на эксплуатацию своих систем водоснабжения специализированному предприятию и одновременно с этим заключает договор на покупку у него воды, становясь временно только водопотребителем.

Для обеспечения единства учета затрат на водоснабжение сельскохозяйственных организаций и выявления резервов экономии предлагаем при расчете себестоимости воды использовать группировку затрат по следующим статьям [12]:

- реагенты;
- электроэнергия;
- амортизационные отчисления;

- затраты на выполнение этапов эксплуатации силами собственников систем водоснабжения;
- затраты на выполнение этапов эксплуатации силами специализированных предприятий;
- покупка воды;
- прочие расходы.

Предложенная группировка затрат позволяет установить основные источники их возникновения и оценить структуру их изменения в зависимости от степени привлечения к эксплуатации систем водоснабжения специализированных предприятий.

Для расчета годовой величины себестоимости воды сельскохозяйственной организации необходимо использовать формулу 1:

$$C_r = \sum_{k=1}^K C_k, \quad (1)$$

где C_r – годовая величина себестоимости воды сельскохозяйственной организации, руб.;

C_k – себестоимости воды для k -й системы водоснабжения, руб.;

k – количество систем водоснабжения, числящееся на балансе сельскохозяйственной организации.

Себестоимость воды для каждой рассматриваемой системы водоснабжения рассчитывается индивидуально исходя из используемой для нее организационной модели эксплуатации по формуле 2:

$$C_k = R + W + A + H + E + V + Z, \quad (2)$$

где R – затраты на реагенты для целей водоподготовки в системе водоснабжения, руб.;

W – затраты на электроэнергию для работы элементов системы водоснабжения, руб.;

A – величина амортизационных отчислений на элементы системы водоснабжения, руб.;

H – затраты на выполнение этапов эксплуатации для системы силами собственников систем водоснабжения, руб.;

E – затраты на выполнение этапов эксплуатации для системы водоснабжения силами специализированных предприятий, руб.;

V – затраты на покупку воды при передаче собственником систем водоснабжения прав на их эксплуатацию специализированному предприятию, руб.;

Z – прочие расходы, связанные с эксплуатацией системы водоснабжения, руб.

Затраты на реагенты отражают суммарную стоимость веществ, использованных для подготовки природной воды к потреблению в сооружениях водоподготовки. Расчет затрат на реагенты осуществляется посредством умножения соответствующего количества требуемых реагентов на стоимость их единицы.

Величина амортизационных отчислений на элементы системы водоснабжения отражает совокупность амортизационных отчислений по каждому элементу в соответствии с формулой 3:

$$A = \sum_{\gamma=1}^{\Gamma} A_{\gamma} + \sum_{\delta=1}^{\Delta} A_{\delta} + \sum_{\varepsilon=1}^{\varepsilon} A_{\varepsilon} + \sum_{\lambda=1}^{\Lambda} A_{\lambda} + \sum_{\zeta=1}^{\zeta} A_{\zeta} + \sum_{\theta=1}^{\theta} A_{\theta} + \sum_{\nu=1}^{\nu} A_{\nu}, \quad (3)$$

где A_{γ} – годовая величина амортизационных отчислений по γ -му скважинному водозабору, руб.;

A_{δ} – годовая величина амортизационных отчислений по δ -му участку водовода, руб.;

A_ε – годовая величина амортизационных отчислений по ε -му сооружению водо-подготовки, руб.;

A_λ – годовая величина амортизационных отчислений по λ -й водонапорной башне, руб.;

A_ζ – годовая величина амортизационных отчислений по ζ -й насосной станции, руб.;

A_θ – годовая величина амортизационных отчислений по θ -му резервуару чистой воды, руб.;

A_ν – годовая величина амортизационных отчислений по ν -у участку водопроводной сети, руб.;

Γ – количество скважинных водозаборов, шт.;

Δ – количество участков водовода, шт.;

\mathcal{E} – количество сооружений водоподготовки, шт.;

Λ – количество водозаборных башен, шт.;

Z – количество насосных станций, шт.;

Θ – количество сооружений водоподготовки, шт.;

Y – количество участков водопроводных сетей, шт.

Затраты на электроэнергию отражают стоимость потребления энергоресурсов, потраченных для подачи воды потребителям и определяются путем умножения величины расхода электроэнергии по показаниям приборов учета или по расчетным данным, при их отсутствии, на установленный тариф для сельскохозяйственных организаций.

Затраты на выполнение этапов эксплуатации силами собственников систем водоснабжения подразделяются на прямые и косвенные (формула 4).

$$\begin{aligned} H &= \sum_{\gamma=1}^{\Gamma} P_{\gamma} + \sum_{\delta=1}^{\Delta} P_{\delta} + \sum_{\varepsilon=1}^{\mathcal{E}} P_{\varepsilon} + \sum_{\lambda=1}^{\Lambda} P_{\lambda} + \sum_{\zeta=1}^Z P_{\zeta} + \sum_{\theta=1}^{\Theta} P_{\theta} + \sum_{\nu=1}^Y P_{\nu} + L = \\ &= \sum_{\beta=1}^B \sum_{\alpha=1}^A P_{\alpha\beta} + L \end{aligned} \quad (4)$$

где P_{γ} – прямые затраты на эксплуатацию γ -го скважинного водозабора, руб.;

P_{δ} – прямые затраты на эксплуатацию δ -го участка водовода, руб.;

P_{ε} – прямые затраты на эксплуатацию ε -й станции обезжелезивания, руб.;

P_{λ} – прямые затраты на эксплуатацию λ -й водонапорной башни, руб.;

P_{ζ} – прямые затраты на эксплуатацию ζ -й насосной станции, руб.;

P_{θ} – прямые затраты на эксплуатацию θ -го резервуара чистой воды, руб.;

P_{ν} – прямые затраты на эксплуатацию ν -го участка водопроводной сети, руб.;

L – косвенные затраты, связанных с эксплуатацией системы водоснабжения, руб.;

$P_{\alpha\beta}$ – прямые затраты на эксплуатацию α -го элемента водоснабжения β -го типа для системы водоснабжения, руб.;

α – количество элементов водоснабжения β -го типа, $\alpha = [1, 2 \dots A]$, шт.;

β – количество типов элементов водоснабжения $\beta = [1 - \text{скважинный водозабор}, 2 - \text{водонапорная башня}, 3 - \text{участок водовода}, 4 - \text{насосная станция}, 5 - \text{станция обезжелезивания}, 6 - \text{резервуар чистой воды}, 7 - \text{участок водопроводной сети}]$.

К прямым затратам сельскохозяйственных организаций при выполнении этапов эксплуатации систем водоснабжения следует относить материалы, использованные при выполнении ремонтно-профилактических работ; эксплуатацию технических средств действовавших при выполнении этапов эксплуатации; доставку работников, материалов и технических средств к элементам водоснабжения и обратно; оплату труда для работников, осуществлявших выполнение работ входящих в этапы эксплуатации и отчисления от заработной платы. Величина косвенных затрат сельскохозяйственных организаций

рассчитывается пропорционально заработной плате рабочих занятых в основном и вспомогательных производствах. Для определения косвенных затрат, связанных с эксплуатацией системы водоснабжения используется формула 5.

$$L = L_0 \times \frac{Q_{\alpha\beta d}}{Q_0} \times 100 \% , \quad (5)$$

где L_0 – косвенные затраты основного производства сельскохозяйственной организации, руб.;

$Q_{\alpha\beta d}$ – затраты на оплату труда работников занятых на α -том элементе водоснабжения β -го типа при выполнении d -го этапа эксплуатации с учетом отчислений на социальное страхование, руб.

Q_0 – величина заработной платы работников сельскохозяйственной, организации занятых в основном производстве, руб.

Затраты на выполнение ремонтно-профилактических работ силами специализированных предприятий отражают расходы на их привлечение согласно договорам подряда и отчетным документам (акт сдачи-приемки выполненных работ, справка о стоимости выполненных работ и затрат, калькуляция).

Затраты на покупку воды учитывают расходы сельскохозяйственных организаций на приобретение бутилированной воды для сотрудников, а также покупку воды у специализированного предприятия при использовании для системы водоснабжения организационной модели 4 – эксплуатация специализированным предприятием. Для определения затраты на покупку воды предназначена формула 6:

$$V = R_{\text{бут}} \times E_{\text{бут}} + R_{\text{пок}} \times E_{\text{пок}}, \quad (6)$$

где $R_{\text{бут}}$ – количество купленной бутилированной воды, л.;

$E_{\text{бут}}$ – стоимость 1 л бутилированной воды, руб./л.;

$R_{\text{пок}}$ – количество воды, купленное у специализированного предприятия, м³;

$E_{\text{пок}}$ – стоимость покупки 1 м³ воды у специализированного предприятия, руб./м³.

Прочие расходы включают в себя: налоги сборы, платежи и другие обязательные отчисления в государственные целевые бюджетные и внебюджетные фонды, включаемые в соответствии с законодательством в себестоимость продукции, работ и услуг; затраты, связанные с организацией торгов (закупок); проценты, уплаченные по полученным займам и кредитам, за исключением процентов по просроченным займам и кредитам, а также займам и кредитам, связанным с приобретением основных средств, нематериальных активов и иных внеоборотных (долгосрочных) активов; оплата услуг связи, включая расходы на почтовые, телефонные, телеграфные услуги, услуги факсимильной и спутниковой связи, Интернета, электронной почты и другие подобные услуги.

Разработанная методика расчета себестоимости воды может использоваться как для определения фактической величины затрат на водоснабжение в сельскохозяйственных организациях, так и для их планирования с целью поиска резервов экономии.

ВЫВОДЫ

Водоснабжение сельскохозяйственных организаций имеет ряд отличительных особенностей, наличие которых оказывает влияние на планирование и осуществление их эксплуатации, учет затрат и расчет себестоимости воды. В частности, к ним относятся

значительная территориальная удаленность между производственными подразделениями одной организации, малые объемы водопотребления, использование подземных вод в качестве основного источника водоснабжения, а также то, что собственники систем водоснабжения являются потребителями воды. Изучение структуры процесса эксплуатации систем водоснабжения сельскохозяйственных организаций позволило выделить три основополагающих модуля: информационный, организационный, технический, что дает возможность понять необходимость привлечения к эксплуатации систем водоснабжения специализированных предприятий. Взаимодействие между сельскохозяйственной организацией и специализированными предприятиями при эксплуатации систем водоснабжения описывают организационные модели эксплуатации. В целях обеспечения единства учета затрат на водоснабжение и выявления резервов экономии для сельскохозяйственных организаций была разработана методика расчета себестоимости воды, учитывающая все особенности планирования, контроля и осуществления эксплуатации их систем водоснабжения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Товарная структура экспорта и импорта Республики Беларусь в 2017 году [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/dannye-o-vneshnei-torgovle-respubliki-belarus-p_2/tovarnaya-struktura-eksporta-i-importa-respubliki-belarus. – Дата доступа: 06.03.2018.
2. Товарная структура экспорта и импорта [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/operativnye-dannye_5/tovarnaya-struktura-eksporta-i-importa/. – Дата доступа: 25.08.2018.
3. Сельское хозяйство Республики Беларусь / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск : Государственный комитет по имуществу Республики Беларусь, 2017. – 233 с.
4. Государственный водный кадастр. Водные ресурсы, их использование и качество вод (за 2016 год) [Электронный ресурс] // Центральный научно-исследовательский институт рационального использования водных ресурсов. – Режим доступа: http://old.sricuwr.by/data/cadastr_2016.pdf. – Дата доступа: 15.01.2018.
5. Особенности эксплуатации сельскохозяйственных систем водоснабжения и формирования затрат на воду / Е. В. Хмель // Проблемы организационно-экономического управления производством; под ред.: П. Г. Никитенко [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2015. – С. 55–62.
6. Золотов, С. Современные стратегии повышения эффективности систем водоснабжения и водоотведения населенных мест, сельскохозяйственного и промышленного производства [Электронный ресурс] / С. Золотов // Строительство и недвижимость. – Режим доступа : <http://www.nestor.minsk.by/sn/2005/34/sn53408.html>. – Дата доступа: 20.03.2018
7. О применении методических рекомендаций по учету затрат и калькулированию себестоимости сельскохозяйственной продукции (работ, услуг): постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Респ. Беларусь, 14 янв. 2016 г., № 04-2-1-32/178 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

8. . Об установлении типового плана счетов бухгалтерского учета, утверждении инструкции о порядке применения типового плана счетов бухгалтерского учета и признании утратившими силу некоторых постановлений министерства финансов Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов: постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 29 июня 2011 г., № 50 // Консультант Плюс. Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

9. Об утверждении инструкции о порядке планирования и калькулирования затрат на оказание отдельных жилищно-коммунальных услуг [Электронный ресурс] : постановление Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь, 15 апр. 2016 г., № 13 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.

10. Хмель, Е. В. Организационные модели эксплуатации систем водоснабжения АПК / Е. В. Хмель // Вестник ценообразования и сметного нормирования. – 2011. – № 7. – С. 29–38.

11. Хмель, Е. В. Пути снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции за счет эффективной эксплуатации систем водоснабжения / Е. В. Хмель // Вестн. Брест. гос. технич. ун-та Сер. Водохозяйственное строительство, теплоэнергетика и геоэкология. – 2010. – № 2. – С. 42–46.

REFERENCES

1. Tovarnaya struktura ehksporta i importa Respubliki Belarus' v 2017 godu [Ehlektronnyj resurs] // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/dannye-o-vneshnei-torgovle-respubliki-belarus-p_2/tovarnaya-struktura-eksporta-i-importa-respubliki-belarus. – Data dostupa: 06.03.2018.

2. Tovarnaya struktura ehksporta i importa [Ehlektronnyj resurs] // Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. – Rezhim dostupa: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/vneshnyaya-torgovlya_2/operativnye-dannye_5/tovarnaya-struktura-eksporta-i-importa/. – Data dostupa: 25.08.2018.

3. Sel'skoe hozyajstvo Respubliki Belarus' / Nac. stat. komitet Resp. Belarus' ; redkol.: I. V. Medvedeva [i dr.]. – Minsk : Gosudarstvennyj komitet po imushchestvu Respubliki Belarus', 2017. – 233 s.

4. Gosudarstvennyj vodnyj kadastr. Vodnye resursy, ih ispol'zovanie i kachestvo vod (za 2016 god) [Ehlektronnyj resurs] // Central'nyj nauchno-issledovatel'skij institut racional'nogo ispol'zovaniya vodnyh resursov. – Rezhim dostupa: http://old.cricuwr.by/data/cadastr_2016.pdf. – Data dostupa: 15.01.2018.

5. Osobennosti ehkspluatacii sel'skohozyajstvennyh sistem vodosnabzheniya i formirovaniya zatrat na vodu / E. V. Hmel' // Problemy organizacionno ehkonomie-skogo upravleniya proizvodstvom; pod red.: P. G. Nikitenko [i dr.]. – Minsk: Pravo i ehkonomika, 2015. – S. 55–62.

6. Zolotov, S. Sovremennye strategii povysheniya ehffektivnosti sistem vodo-snabzheniya i vodootvedeniya naselennyh mest, sel'skohozyajstvennogo i promyshlennogo proizvodstva [Ehlektronnyj resurs] / S. Zolotov // Stroitel'stvo i nedvizhi-most'. – Rezhim dostupa : <http://www.nestor.minsk.by/sn/2005/34/sn53408.html>. – Data do-stupa: 20.03.2018

7. O primenenii metodicheskikh rekomendacij po uchetu zatrat i kal'kulirovaniyu sebestoimosti sel'skohozyajstvennoj produkcii (rabot, uslug): postanovlenie Ministerstva sel'skogo hozyajstva i prodovol'stviya Resp. Belarus', 14 yanv. 2016 g., № 04-2-1-32/178 //

Konsul'tantPlyus. Belarus'. Tekhnologiya 3000 [Ehlektronnyj resurs] / ООО «YurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. – Minsk, 2018.

8. Ob ustanovlenii tipovogo plana schetov buhgalterskogo ucheta, utverzhenii instrukcii o poryadke primeneniya tipovogo plana schetov buhgalterskogo ucheta i priznanii utrativshimi silu nekotoryh postanovlenij ministerstva finansov Respubliki Belarus' i ih otdel'nyh strukturnyh ehlementov: postanovlenie Ministerstva finansov Resp. Belarus', 29 iyunya 2011 g., № 50 // Konsul'tant Plyus. Belarus'. Tekhnologiya 3000 [Ehlektronnyj resurs] / ООО «YurSpektr», Nac. centr pravovoj inform. Resp. Belarus'. – Minsk, 2018.

9. Ob utverzhenii instrukcii o poryadke planirovaniya i kal'kulirovaniya za-trat na okazanie otdel'nyh zhilishchno-kommunal'nyh uslug [Ehlektronnyj resurs] : postanovlenie Ministerstva zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva Respubliki Bela-rus', 15 apr. 2016 g., № 13 // EHTALON. Zakonodatel'stvo Respubliki Belarus' / Nac. Centr pravovoj infor. Resp. Belarus'. – Minsk, 2018.

10. Hmel', E. V. Organizacionnye modeli ehkspluatscii sistem vodosnabzheniya APK / E. V. Hmel' // Vestnik cenoobrazovaniya i smetnogo normirovaniya. – 2011. – № 7. – S. 29–38.

11. Hmel', E. V. Puti snizheniya sebestoimosti sel'skohozyajstvennoj produk-cii za schet ehffektivnoj ehkspluatscii sistem vodosnabzheniya / E. V. Hmel' // Vestn. Brest. gos. tekhnich. un-ta Ser. Vodohozyajstvennoe stroitel'stvo, teploehnergetika i geoehkologiya. – 2010. – № 2. – S. 42–46.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2018 года.

Памятка авторам статей для подачи в редакцию сборника научных статей «Экономическая наука сегодня»

Регистрационные формы и статьи принимаются в формате в виде файла **MSWord (.doc)** по email: ek.nauka.today@mail.ru.

При оформлении статьи необходимо **строго следовать нижеуказанным правилам и рекомендациям по подготовке статей**, в противном случае редакционный совет оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы. Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикации. Обращаем внимание авторов, что они несут ответственность за направление в редакцию уже ранее опубликованных статей или статей, принятых к печати другими изданиями, а также ответственность за несоблюдение авторских прав.

РЕГИСТРАЦИОННАЯ ФОРМА АВТОРА СТАТЬИ

1	Фамилия, имя, отчество (полностью)	
2	Место работы	
3	Должность	
4	Ученая степень	
5	Ученое звание	
6	Почтовый адрес для переписки (с почтовым индексом)	
7	Контактный телефон	
8	E-mail	
9	Название статьи	
10	Дата предоставления статьи в редакцию	

Технические требования к оформлению статей

Автор, желающий опубликовать статью в журнале, должен представить в редакцию статью: объемом до 40 000 знаков (с пробелами) для доктора наук и объемом от 15 500 до 20 000 знаков (с пробелами) для кандидата наук и соискателя (с учетом списка литературы).

Доля заимствований должна составлять не более 20 % от текстовой части работы. Проверка проводится лицензионной версией программы «Антиплагиат».

Разметка страницы: Поля. Верхнее – 2 см. Нижнее, левое и правое – 2,5 см.

Ориентация Книжная.

Размер бумаги А4 (210x297 мм).

Шрифт Times New Roman размером 12 пт. для всех элементов статьи (в таблицах допускается уменьшение шрифта до 10 пт.)

Абзац – 1,25 см:

Отступ: перед – 0 см

после – 0 см

первая строка – 1,25 см.

Междустрочный интервал – одинарный.
Запрет висячих строк.

Заголовки, наименование должности, названия таблиц и рисунков не переносятся.

Страницы не нумеруются.

УДК указывается слева в верхнем углу обычным шрифтом.

ББК указывается здесь же на следующей строке.

Заголовок, аннотация, ключевые слова и информация об авторах указывается на двух языках – английском и русском. По центру через интервал обычным шрифтом прописными буквами печатается название статьи. Ниже по центру через интервал обычным шрифтом прописными буквами – инициалы и фамилия автора, далее обычным шрифтом – его e-mail, статус, занимаемая должность для каждого автора. Ниже по центру обычным шрифтом – полное наименование организации учебы или работы автора, город, страна. Через интервал ниже наклонным шрифтом обычными буквами (выравнивание по ширине) печатается аннотация – до 10 строк. На следующей строке обычным шрифтом (выравнивание по ширине) печатаются ключевые слова – до 10. Далее через интервал данные указываются на английском языке.

Название структурных элементов **ВВЕДЕНИЕ, РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ, ВЫВОДЫ, СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ** печатаются заглавными буквами через

интервал после и перед текстом. В разделе «Введение» должен быть дан краткий обзор литературы по данной проблеме, указаны не решенные ранее вопросы, сформулирована и обоснована цель работы и, если необходимо, указана ее связь с важными научными и практическими направлениями. Во введении следует избегать специфических понятий и терминов. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором (авторами) статьи научных достижений в соответствующей области. В этой связи обязательными являются ссылки на работы других авторов. При этом должны присутствовать ссылки на публикации последних лет, включая зарубежные публикации в данной области.

Основная часть статьи (РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ) должна содержать описание методики, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть обсуждены с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Основная часть статьи может делиться на подразделы (с разъяснительными заголовками) и содержать анализ последних публикаций, посвященных решению вопросов, относящихся к данным подразделам.

Иллюстрации, таблицы, формулы, уравнения и сноски, встречающиеся в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. **Иллюстрации и таблицы** отражаются только после их упоминания в тексте.

Таблица 1 – Название таблицы (Times New Roman, размер шрифта 12, строчные буквы, выравнивание по ширине, одинарный интервал, обычный шрифт)

Текст (кегель 12, допускается уменьшение до 10)
--

Источник: <...>.

Рисунок 1 – Название рисунка (Times New Roman, размер шрифта 12, строчные буквы, выравнивание по центру, одинарный интервал, обычное начертание, рисунок выполняется в черно-белом формате, рисунки, выполненные в MS Excel, должны быть продублированы исходным файлом с соблюдением требований по цвету, ссылка на источник информации)

Источник: <...>.

В разделе «ВЫВОДЫ» должны быть в сжатом виде сформулированы основные полученные результаты с указанием их новизны, преимуществ и возможностей применения. При необходимости должны быть также указаны границы применимости полученных результатов.

Правила научного цитирования должны быть строго соблюдены. При написании научной статьи автор должен руководствоваться п. 16 Постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 28.02.2014 г. № 3 «Об утверждении инструкции о порядке оформления квалификационной научной работы (диссертации) на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, автореферата и публикаций по теме диссертации», в частности, делать «ссылки на источники <...>, из которых он заимствует материалы или отдельные результаты. **Не допускается пересказ текста других авторов без ссылок на них, а также его цитирование без использования кавычек**» (п. 16 указанного Постановления). В случае нарушений автором правил научного цитирования редакция оставляет за собой право не включать в сборник присылаемые материалы.

Список источников (СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ) оформляется на русском языке (а также в романском алфавите (латинице)) в соответствие с документом «Образцы оформления библиографического описания в списке источников, приводимых в диссертации и автореферате», утвержденным Приказом Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 08.09.2016 г. № 206. Список располагается в конце текста, ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок должны быть написаны внутри квадратных скобок (например: [1], [2, с. 36], [3; 4; 5]).

Исключения возможны по решению редакционного совета. Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей. Рецензии по присылаемым статьям авторам не предоставляются.

Научное издание

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА СЕГОДНЯ

Сборник научных статей

Выпуск 8

Ответственный за выпуск *Т. В. Сергеевич*
Компьютерная верстка *Т. В. Сергеевич, В. С. Сокова*

Подписано в печать 22.12.2018. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 39,76. Уч.-из. л. 15,55. Тираж 100. Заказ 1026.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/173 от 12.02.2014. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.